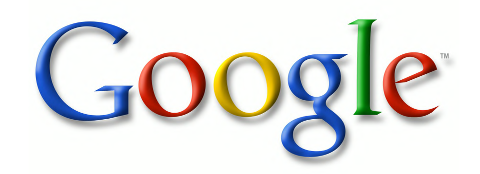
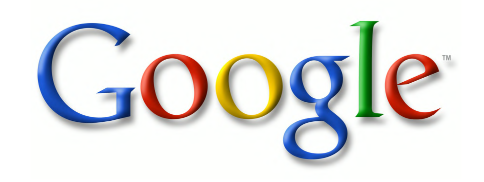
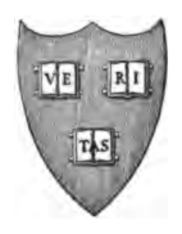
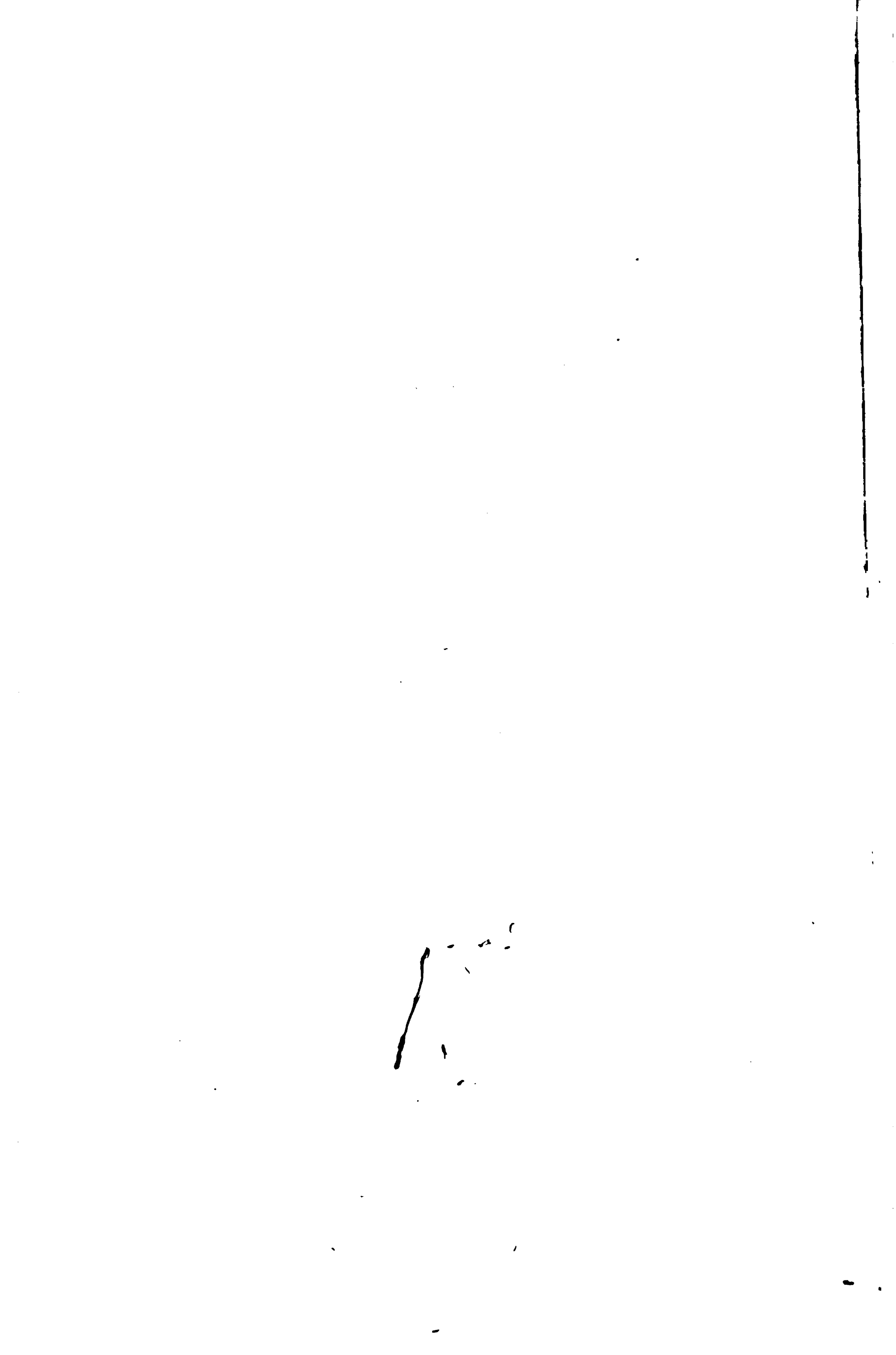

HDI
HL 40GF U

VE
RI
TAS

Д-ръ Освальдъ Бальцеръ
ПРОФЕССОРЪ ЛЬВОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

КЪ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННО-ГОСУДАРСТВЕННАГО СТРОЯ ПОЛЬШИ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ

ПРИВ.-ДОЦЕНТА ИМП. ПЕТЕРБ. УНИВЕРСИТЕТА

Н. В. ЯСТРЕБОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1908

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

Настоящій трудъ проф. О. Бальцера стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ недавно вышедшей въ русскомъ переводѣ—подъ редакціей автора этихъ строкъ—работой пр.-доц. С. Кутшебы: „Очеркъ исторіи общественно-государственнаго строя Польши". Книга проф. Бальцера—критическій разборъ книги г. Кутшебы и вмѣстѣ съ тѣмъ пересмотръ цѣлаго ряда крупныхъ вопросовъ по исторіи строя Польши; она возникла изъ переработки нѣсколькихъ статей, появившихся въ журналѣ „Kwartalnik historyczny" и потребовавшихъ потомъ извѣстнаго измѣненія въ виду послѣдовавшаго отвѣта г. Кутшебы на нѣкоторыя изъ указанныхъ статей. Нѣтъ нужды излагать здѣсь содержаніе отвѣта г. Кутшебы („Kwart. hist.", 1906, 4), ибо проф. Бальцеръ передаетъ это содержаніе, во всемъ существенномъ и даже съ сохраненіемъ формы, въ предлагаемомъ трудѣ. Слѣдуетъ, однако, указать на то, что недавно („Kwart. hist.", 1907, 3—4, стр. 587—590) г. Кутшеба выступилъ со вторымъ отвѣтомъ др. Бальцеру на послѣднія статьи его (вошедшія и въ предлагаемую книгу), гдѣ была продолжена критика „Очерка" г. Кутшебы и данъ разборъ перваго его отвѣта.

Новый отвѣтъ др. Кутшебы проф. Бальцеру, въ отличіе отъ прежняго, лишь бѣгло касается второстепенныхъ вопросовъ, частностей. По существу же дѣла, др. Кутшеба и теперь настаиваетъ на всѣхъ своихъ основныхъ точкахъ зрѣнія и взглядахъ, развитыхъ въ первомъ, польскомъ, и во второмъ, русскомъ, изданіяхъ „Очерка". Онъ, по прежнему, расходится съ проф. Бальцеромъ въ вопросахъ о развитіи общества, о сущности польскаго парламентаризма, въ особенности же—о значеніи и содержаніи конституціи „Nihil novi"; онъ настаиваетъ и на своей періодизаціи исторіи строя

Польши, продолжая видѣть здѣсь вопросъ только метода и дидактики. Но др. Кутшеба отказывается отъ обоснованія въ настоящее время своего расхожденія съ проф. Бальцеромъ по основнымъ вопросамъ исторіи строя Польши, обѣщая въ ближайшіе годы опубликовать свои спеціальныя изслѣдованія по названнымъ вопросамъ, результаты которыхъ, въ общихъ чертахъ, даны имъ уже въ обоихъ изданіяхъ „Очерка".

Несмотря на такое полное и рѣзкое разногласіе двухъ изслѣдователей исторіи польскаго общественно-государственнаго строя, мы предлагаемъ русскому читателю вслѣдъ за книгой др. Кутшебы и работу д-ра Бальцера.

Книга др. Кутшебы довольно сжата и обща по содержанію, догматична по способу и манерѣ изложенія. Разсчитанная на средняго образованнаго читателя, она можетъ у нѣкоторыхъ вызвать потребность въ болѣе детальномъ, углубленномъ знаніи предмета и въ критической провѣркѣ предлагаемаго др. Кутшебой матеріала. Работа проф. Бальцера превосходно удовлетворяетъ ту и другую потребность. Проф. Бальцеръ, безспорно, лучшій знатокъ исторіи польскаго права и вообще самая крупная сила, работающая нынѣ въ области польской исторіи; едва ли могъ бы найти др. Кутшеба болѣе авторитетнаго критика своей работы, чѣмъ проф. Бальцеръ: недаромъ онъ выражаетъ глубокое моральное удовлетвореніе отъ того, что лучшій польскій историкъ нашихъ дней съ такимъ вниманіемъ отнесся къ его работѣ. Въ виду выдающагося положенія проф. Бальцера въ современной польской исторіографіи мы считаемъ нелишнимъ сообщить о немъ нѣсколько біографическихъ и научно-литературныхъ свѣдѣній.

Воспитанникъ Львовскаго и Краковскаго университетовъ, докторъ права и философіи, нынѣ орд. профессоръ Львовскаго университета по каѳедрѣ польскаго права, О. Бальцеръ еще со временъ студенчества работалъ одинаково по политической исторіи и по исторіи права польскаго народа. Пройдя (1879—81) методическую школу проф. Лиске (Львовъ), проводника западныхъ научныхъ методовъ въ польскую исторіографію, О. Бальцеръ занимался въ семинаріи проф. Бобжиньскаго по исторіи польскаго права (Краковъ) и затѣмъ довершилъ свою научную подготовку въ Берлинѣ

подъ руководствомъ Бреслау, Бруннера, Дройзена, Гиншія и Шмоллера. Проф. Бальцеру принадлежитъ очень видная роль въ организаціи научной и просвѣтительной работы въ Галиціи. Онъ—одинъ изъ основателей и выдающихся дѣятелей Львовскаго „Towarzystwo historyczne", потомъ, одно время (1901—1904), и редакторъ органа Общества—„Kwartalnik historyczny". Въ 1900 г. проф. Бальцеръ основалъ во Львовѣ „Towarzystwo dla popierania nauki polskiej" и понынѣ фактически направляетъ его дѣятельность, обогатившую польскую науку, между прочимъ, цѣлымъ рядомъ изданій (источники и изслѣдованія) по исторіи Польши вообще и исторіи польскаго права въ частности (въ томъ числѣ „Studya nad historyą prawa polskiego", какъ спеціальный органъ науки исторіи польскаго права).

Отличная, всесторонняя научная подготовка и превосходныя дарованія проф. Бальцера отразились вполнѣ въ его учено-литературной дѣятельности. Его перу принадлежитъ до полусотни серьезныхъ научныхъ работъ по исторіи польскаго права и по исторіи Польши вообще—по изданію историческихъ источниковъ и по изслѣдованію самаго разнообразнаго рода научныхъ вопросовъ. Интересующіеся этими работами найдутъ подробный указатель ихъ въ изданномъ г. Окрентомъ „Rocznik naukowo-literacko-artystyczny na rok 1905" (Warszawa, 1905, стр. 4—8). Среди изданій источниковъ особенно должно упомянуть великолѣпный „Corpus iuris Polonici", надъ которымъ проф. Бальцеръ планомѣрно (ср. его работы: „W sprawie wydania zbioru ustaw polskich średniowiecznych" особенно — „Corpus iuris Polonici medii aevi", 1891, равно какъ и „Przyczynki do historyi źródeł prawa polskiego", 1903), работаетъ болѣе 10 лѣтъ, опубликовавъ уже, въ 1906 г., одинъ (III, болѣе 800 стр.) томъ его, гдѣ даны тексты привилегій, статутовъ, конституцій, эдиктовъ, декретовъ и мандатовъ за періодъ 1506 — 1522 гг. Матеріалъ этого тома, который долженъ быть поставленъ на ряду съ лучшими изданіями такого рода на Западѣ, уже послужилъ проф. Бальцеру при построеніи четвертаго отдѣла предлагаемой нынѣ книги.

Изъ работъ проф. Бальцера по исторіи Польши вообще и польскаго права въ частности особенно выдаются: „Geneza trubunału koronnego" (1886), „Reformy społeczne i polityczne

konstytucyi 3 maja (1891), „O następstwie tronu w Polsce“ (1897) и грандiозная „Genealogia Piastów“ (1895). Обнаруживая во всѣхъ этихъ работахъ счастливо соединяющiяся способности и къ глубокому анализу и къ широкому синтезу, проф. Бальцеръ является въ то же время и горячимъ и удачливымъ пiонеромъ примѣненiя въ польской исторической и юридической наукѣ сравнительнаго метода изученiя. Въ особенности онъ настаиваетъ на необходимости изученiя старой польской исторiи и права сравнительно съ исторiей остальныхъ славянскихъ народовъ и правъ; настаивая на этомъ, онъ самъ же въ своихъ изслѣдованiяхъ даетъ и образцы такого сравнительнаго историческаго изученiя. Въ этомъ отношенiи заслуживаютъ вниманiя работы проф. Бальцера: „Rewizya teoryi o pierwotnem osadnictwie w Polsce“ („Kwart. histor.“, 1898, и отд.), „O zadrudze słowiańskiej“ (ibid., 1899, и отд.), „Historya porównawcza praw słowiańskich; główne kierunki nauki i jej istotne zadanie“ (1900, программнаго характера). Авторъ, обнаруживая отличное знанiе литературы по исторiи права русскаго, чешскаго, южно-славянскаго, удачно доказываетъ наличность такъ называемой „задруги“ еще въ древнѣйшую эпоху польской исторiи и выясняетъ на этой основѣ важнѣйшiя явленiя общественнаго строя Польши въ перiодъ „княжескаго права“, какъ явленiя естественнаго, „органическаго“, развитiя (противъ теорiй „наѣзда“).

Извѣстно, что сравнительное изученiе исторiи славянскихъ правъ доселѣ ведется не особенно энергично и успѣшно; въ Россiи, напримѣръ, въ настоящее время положенiе названной историко-юридической дисциплины еще хуже, чѣмъ нѣсколько десятилѣтiй тому назадъ. Университетскiй уставъ 1863 г. намѣтилъ учрежденiе каѳедръ для изученiя сравнительной исторiи славянскихъ правъ (законодательствъ) во всѣхъ русскихъ университетахъ; но исполненiе плана свелось къ тому, что такiя каѳедры были замѣщены только въ Одессѣ—въ теченiе нѣсколькихъ лѣтъ—проф. Богишичемъ и въ Варшавѣ—до послѣдняго времени—проф. Зигелемъ. Проф. Бальцеръ, настаивая, между прочимъ, на необходимости учредить соотвѣтствующiя каѳедры во всѣхъ славянскихъ университетахъ, выдвигаетъ насущное научное дѣло, которое пока осуществлено только въ чешской Прагѣ (проф. Кадлецъ) и, можетъ быть, осуществится у насъ, въ Россiи, съ утвержденiемъ проекта новаго университетскаго устава.

Выступленіе проф. Бальцера въ защиту сравнительнаго изученія польскаго права, особенно изученія польскаго права сравнительно съ другими славянскими правами, является обновленіемъ традиціи, давно угасшей въ Польшѣ. Любопытно, что именно поляки, которыхъ обычно — иногда и не безъ основаній — упрекаютъ въ уклоненіи отъ общеславянскихъ точекъ зрѣнія и интересовъ,были первыми піонерами общеславянской точки зрѣнія въ изученіи исторіи и исторіи права, въ частности — польскихъ исторіи и права. Мы имѣемъ въ виду эпоху конституціоннаго Царства Польскаго при Александрѣ I, когда общеславянскія (и русскія) симпатіи въ Польшѣ обнаруживались не только въ политикѣ, но и въ поэзіи (Вороничъ, Сташицъ, Бродзиньскій) и въ наукѣ (Я. Потоцкій, Я. Сапѣга, Доленга-Ходаковскій — въ археологіи и этнографіи, Линде — въ филологіи, Раковецкій, Мацѣевскій, Кухарскій — въ правовѣдѣніи; см. обо всемъ этомъ движеніи въ книгѣ Вл. Францева: „Польское славяновѣдѣніе", 1906). Польское возстаніе 1831 года, его исходъ и послѣдствія, убили всю эту струю культурной польской жизни и создали враждебную ей атмосферу, все болѣеи болѣе сгущавшуюся. Защита проф. Бальцеромъ забытыхъ въ польскомъ обществѣ точекъ зрѣнія была въ 1900 году не только ученымъ, но и гражданскимъ подвигомъ. Проф. Бальцеръ сталъ едва ли не первымъ — послѣ долгаго перерыва и до „польско-русскаго сближенія" послѣднихъ лѣтъ — пропагандистомъ и дѣятелемъ польско-русскаго (и вообще польско-славянскаго) научно-литературнаго общенія.

Въ связь съ названными работами, обосновывающими и проводящими въ жизнь идею славизма въ польской исторической наукѣ, слѣдуетъ поставить и книгу Бальцера: „Historya ustroju Austryi" (1899), возникшую изъ лекцій автора во Львовскомъ университетѣ. Въ противовѣсъ книгамъ нѣмецкихъ ученыхъ — Губера (и Добша), Люшина, Бахмана и др.—по такъ называемой „Oesterreichische Reichs (и Rechts)—geschichte", гдѣ исторія ненѣмецкихъ составныхъ частей монархіи Габсбурговъ, т. е. земель чешской и венгерской „коронъ", излагается въ видѣ небольшихъ привѣсковъ къ исторіи наслѣдственныхъ (алпійскихъ) нѣмецкихъ земель Габсбурговъ и совершенно оставляется безъ вниманія съ момента объединенія (1526 г.) всѣхъ этихъ трехъ территоріальныхъ

группъ, — въ противовѣсъ этимъ книгамъ проф. Бальцеръ въ своемъ курсѣ обстоятельно излагаетъ и исторію названныхъ ненѣмецкихъ земель — какъ до 1526 года, такъ и послѣ этого года. Здѣсь проф. Бальцеръ примыкаетъ къ представителямъ чешской школы историковъ Австріи („синхронисты")—проф. Томку, Рѣзку и Б. Ригеру. Научная физіономія проф. Бальцера, бѣгло очерченная нами выше, выступаетъ передъ читателемъ и въ предлагаемой книгѣ.

Тонкій аналитикъ, острый критикъ и блестящій полемистъ виденъ на каждомъ шагу (особенно выдается текстуальный и юридическій анализъ конституціи „Nihil novi"). Если не по всѣмъ, то во всякомъ случаѣ по главнѣйшимъ спорнымъ у гг. Кутшебы и Бальцера вопросамъ приходится принять точку зрѣнія г. Бальцера. Только по нѣкоторымъ пунктамъ споръ, можетъ быть, не рѣшенъ еще ни въ чью пользу.

Намъ кажется, что, напримѣръ, по вопросу о характерѣ Польскаго государства въ 1295—1370 гг. проф. Бальцеръ, удачно опровергнувъ отрицаніе д-ромъ Кутшебой существованія тогда единаго Польскаго государства и признаніе, вмѣсто того, нѣсколькихъ государствъ польской національности, объединяемыхъ лишь особой общаго государя (личная унія), самъ далеко зашелъ въ полемикѣ, слишкомъ настаивая на признакѣ единства (объединенія) и забывая о федеративной точкѣ зрѣнія. Думается, что и послѣ книги проф. Бальцера все же остается открытымъ и спорный у него съ д-ромъ Кутшебой вопросъ о характерѣ законодательства Казиміра Великаго.

Зато проф. Бальцеръ превосходно обнаружилъ въ III отдѣлѣ своей книги призрачность особаго, у г. Кутшебы четвертаго, періода за 1572—1764 гг. и выяснилъ въ IV отдѣлѣ, въ связи съ отдѣломъ III, что указанные годы входятъ въ составъ третьяго періода, начинающагося на переломѣ XV и XVI вѣковъ и тянущагося почти до самаго прекращенія бытія Польскаго государства. Вмѣстѣ съ тѣмъ проф. Бальцеръ косвенно доказалъ и то, что вопросъ періодизаціи—вопросъ не только методики и дидактки, но и „характера воззрѣнія на всю историческую эволюцію". Вѣдь, въ IV отдѣлѣ, гдѣ данъ превосходный анализъ — а вмѣстѣ съ тѣмъ и синтезъ — польской общественности и государственности въ первыя десятилѣтія XVI вѣка, обнаруживается, что онѣ, эта общественность и государственность, уже тогда заклю-

чали въ себѣ элементы позднѣйшаго неизбѣжнаго, хотя бы и постепеннаго, разложенія, которое должно было кончиться паденіемъ Польши. Такая оцѣнка XVI вѣка, этого — по мнѣнію польскихъ историковъ — „золотого періода“ исторіи Польши, сколько намъ извѣстно, новость для польской историографіи. Въ этомъ пунктѣ проф. Бальцеръ рѣзко расходится не только, напримѣръ, съ М. Бобжиньскимъ (см. стр. 9 предлагаемой книги), усматривающимъ въ Польшѣ XVI в. „государство новаго времени“, но и съ г. Кутшебой, который даже XVII вѣкъ и 3/4 XVIII в. въ польской исторіи характеризуетъ всего лишь „застоемъ“.

Такое пониманіе Бальцеромъ хода польской исторіи, нашедшее себѣ выраженіе и въ его періодизаціи, правда, не подчеркнуто имъ во всемъ отличіи отъ господствующаго пониманія. Одинъ изъ критиковъ проф. Бальцера, г. Тарановскій („Ж. М. Н. П.“, 1907, май, 205—206), не досмотрѣлъ всего своеобразія позиціи Бальцера и упрекалъ его — какъ и г. Кутшебу — въ возвращеніи къ старой (XVIII в.) „патріотической“ точкѣ зрѣнія на причины паденія Польши (внѣшнія, механическія, а не внутреннія, органическія). Упрекъ этотъ вызванъ нѣкоторыми оптимистическими воззрѣніями г. Бальцера на періодъ „реформъ“,—воззрѣніями, въ которыхъ отразилось, можетъ быть, польское „communis opinio“, но и проявилось нѣкоторое противорѣчіе съ собственнымъ, г. Бальцера, воззрѣніемъ на ходъ польской исторіи съ XVI вѣка. Вотъ это-то воззрѣніе и побуждаетъ насъ ограничить, если уже не совсѣмъ отвергнуть, справедливость упрека, дѣлаемаго г. Тарановскимъ проф. Бальцеру. Кстати укажемъ и на то, что значеніе „періода реформъ“ умаляется самимъ же проф. Бальцеромъ (сравнительно съ г. Кутшебой): онъ стѣсняетъ и безъ того уже узкія хронологическія его грани, начиная его не съ 1764 г., какъ г. Кутшеба, а съ 1788 года... Если по общему воззрѣнію на ходъ польской исторіи, особенно за три послѣдніе ея вѣка, г. Кутшеба, дѣйствительно, въ значительной степени примыкаетъ къ такъ называемой „краковской школѣ“ польскихъ историковъ (въ томъ числѣ и къ г. Бобжиньскому), то проф. Бальцеръ имѣетъ мало общаго съ ней. Создастъ ли онъ особую „львовскую школу“, скажетъ будущее.

Своеобразное, самостоятельное положеніе проф. Бальцера въ польской исторіографіи нашихъ дней обнаруживается въ

предлагаемой книгѣ и съ другой еще стороны, которой мы уже коснулись при обозрѣніи всѣхъ вообще трудовъ его: мы разумѣемъ сравнительный методъ и славянскіе интересы. Читатель книги во многихъ мѣстахъ ея найдетъ сближенія чисто—польскихъ явленій съ явленіями исторіи чешской, русской, полабско-славянской, разъясненія первыхъ послѣдними. Но проф. Бальцеръ не ограничивается этимъ: онъ привлекаетъ для объясненія польской исторіи и явленія исторіи Венгріи, Германіи, даже скандинавскихъ государствъ.

Какъ самый выдающійся современный польскій историкъ, проф. Бальцеръ нашелъ себѣ признаніе и за предѣлами родной Польши: онъ состоитъ членомъ не только чешскихъ ученыхъ учрежденій, начиная съ Академіи Наукъ, но и нѣкоторыхъ русскихъ, какъ-то: Историческаго общества при С.-Петербургскомъ университетѣ, Археологическаго общества и Московскаго общества исторіи и древностей. Нужно надѣяться, что мы скоро увидимъ проф. Бальцера въ числѣ членовъ-корреспондентовъ и нашей Академіи Наукъ.

Въ настоящее время проф. Бальцеръ работаетъ надъ общимъ трудомъ по исторіи польскаго права для издаваемой Краковской Академіей Польской Энциклопедіи. Трудъ этотъ, гдѣ, конечно, вполнѣ развернутся и глубокія знанія и талантъ автора, послѣ его появленія въ польскомъ оригиналѣ (въ ближайшіе годы), навѣрно, доступенъ будетъ читателямъ и въ русскомъ переводѣ. Редактируя переводъ предлагаемой книжки, я чувствую глубокое удовлетвореніе, получивъ возможность уже теперь, при томъ впервые, познакомить русскаго читателя съ однимъ изъ выдающихся представителей польской научной мысли по его книгѣ, которой, строго говоря, не имѣется въ настоящемъ видѣ и на польскомъ языкѣ.

Н. Ястребовъ.

С.-Петербургъ,
17 сентября, 1907 годъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Появленіе книжки др. Ст. Кутшебы: „Historya ustroju Polski“ (1 изд., Львовъ, 1905 г.) побудило меня напечатать въ Львовскомъ журналѣ „Kwartalnik historyczny“ за 1906 г. обширную, раздѣленную на двѣ части, статью: „Z powodu nowego zarysu historyi ustroju Polski“, гдѣ я, указывая, съ одной стороны, на совпаденіе взглядовъ др. Кутшебы съ тѣми воззрѣніями, которыя я высказывалъ въ своихъ университетскихъ лекціяхъ (нѣсколько разъ литографированныхъ съ 1896 г.), съ другой стороны, подвергъ критикѣ нѣкоторые иные, отличающіеся отъ моихъ взгляды этого автора, равно какъ и опровергъ еще цѣлый рядъ оказавшихся въ книгѣ автора утвержденій и частностей, по моему мнѣнію, ошибочныхъ. Мои замѣчанія вызвали отвѣтъ др. Кутшебы, помѣщенный въ томъ же самомъ „Kwartalnik“-ѣ за 1906 г., подъ заглавіемъ: „Kilka kwestyi spornych z historyi ustroju Polski“. Въ виду этого я былъ вынужденъ еще разъ возвратиться къ тому же самому предмету и напечаталъ въ „Kwartalnik historyczny“ за 1907 г. двѣ слѣдующихъ обширныхъ статьи, посвященныхъ этому вопросу. Въ одной изъ нихъ, подъ заглавіемъ: „O kilku kwestyach spornych z historyi ustroju Polski“, я разсмотрѣлъ въ общихъ чертахъ полемическій методъ др. Кутшебы, равно какъ и нѣкоторые частные вопросы, затронутые въ его отвѣтѣ; въ другой статьѣ, подъ заглавіемъ: „Państwo polskie w pierwszem siedmdziesięcioleciu XIV i XVI wieku“, я еще разъ обстоятельно разобралъ два важнѣйшихъ спорныхъ между нами вопроса, т. е. 1) какова была природа Польскаго государства при послѣднихъ Пястахъ, со времени новаго объединенія удѣловъ въ единое государство (1295—1370), и 2) каковъ былъ характеръ польскаго сейма при двухъ послѣднихъ Ягеллонахъ (1506—1572) сравнительно съ современными

ему сословными учрежденіями на Западѣ, и — особенно — какое значеніе имѣетъ въ развитіи польскаго сеймованья Радомская конституція 1505 г., извѣстная подъ названіемъ конституціи „Nihil novi“.

Во время печатанія двухъ послѣднихъ статей ко мнѣ обратился редакторъ второго (русскаго) изданія „Historyi ustroju Polski“ др. Кутшебы, г. пр.-доц. СПБургскаго университета Н. В. Ястребовъ, съ предложеніемъ издать, подъ его редакціей, въ русскомъ переводѣ и мои критическія статьи о книжкѣ др. Кутшебы. Конечно, я съ удовольствіемъ согласился на это столь лестное для меня предложеніе и теперь пользуюсь случаемъ выразить г. Ястребову мою живѣйшую благодарность за его трудъ по редакціи русскаго перевода переработки моихъ статей. Русское изданіе представляетъ извѣстныя отличія отъ появившихся первоначально по-польски статей. Именно, я выпустилъ нѣкоторыя мѣста изъ второго моего отвѣта, бывшія только подтвержденіемъ замѣчаній, высказанныхъ мною въ первой критической статьѣ, поскольку др. Кутшеба въ своей полемикѣ выступилъ противъ нихъ лишь по недоразумѣнію; точно также я пропустилъ и тѣ замѣчанія, которыя были приняты во вниманіе др. Кутшебой во второмъ (русскомъ) изданіи его „Historyi“ и легли въ основу сдѣланныхъ имъ исправленій соотвѣтствующихъ мѣстъ книги: въ виду этого указанныя замѣчанія стали уже излишними. Но и оставшаяся еще часть моей критики все-таки составила книжку довольно значительныхъ размѣровъ, главнымъ образомъ потому, что пришлось довольно подробно обсудить нѣкоторые основные вопросы по исторіи строя Польши. Соотвѣтствующія мѣста, разбросанныя въ нѣсколькихъ первоначально отдѣльно написанныхъ польскихъ статьяхъ, были теперь соединены мною по связи ихъ содержанія: такимъ образомъ для читателя стало возможно болѣе основательно и цѣликомъ охватить каждый вопросъ. Чтобы облегчить обозрѣніе всего содержанія, я помѣстилъ на поляхъ книжки заголовки, обращающіе вниманіе на каждый отдѣльный вопросъ.

Первоначально г. Ястребовъ намѣревался издать настоящія критическія статьи вмѣстѣ съ переводомъ самой „Historyi“ др. Кутшебы; но по причинамъ, не зависящимъ ни отъ меня, ни отъ редактора перевода, ни отъ издателя, статьи эти, въ переработанномъ видѣ, выходятъ теперь отдѣльнымъ изданіемъ.

О. Бальцеръ.

Львовъ, апрѣль 1907.

ВВЕДЕНІЕ.

Существующіе научные труды по исторіи строя Польши.

Уже давно ощущалась потребность въ печатномъ очеркѣ исторіи общественно-государственнаго строя Польши. Дѣйствительно, до сихъ поръ во всей польской научной литературѣ XIX и начала XX вѣка мы имѣли только одно такое руководство въ точномъ значеніи слова: „Historya prawa polskiego“ Бандтке, въ основу котораго легли его лекціи въ Варшавскомъ университетѣ, читанныя передъ 1830 годомъ и напечатанныя послѣ смерти автора, въ 1850 г. Всѣ другіе сочиненія и труды, которые можно было бы еще назвать здѣсь, либо имѣли характеръ фрагментарныхъ обработокъ предмета, какъ, напримѣръ, статьи Гоффмана въ „Przegląd poznański“ или „Verfassung der Republik Polen“ Гюппе, разсматривающія главнымъ образомъ конституцію Польши за три послѣднія столѣтія существованія государства, при томъ скорѣе съ точки зрѣнія политической доктрины, чѣмъ исторической эволюціи, либо соединялись съ другими предметами, какъ, напримѣръ, соотвѣтствующіе отдѣлы въ „Historya prawodawstw Słowiańskich“ Мацѣевскаго, разсмотрѣнные въ связи съ исторіей права другихъ національныхъ вѣтвей славянства, или разсужденія Лелевеля въ „Uwagi nad dziejami Polski i ludu jej“ и особенно цѣнныя, со многихъ точекъ зрѣнія являющіяся переворотомъ въ нашей наукѣ разсужденія Бобжиньскаго въ его

„Dzieje Polski"—и тѣ и другія, органически включенныя въ обозрѣніе общей исторіи Польши. При томъ, за исключеніемъ сочиненія Бобжиньскаго, всѣ эти работы уже совсѣмъ устарѣли, ибо написаны до расцвѣта (за послѣднія десятилѣтія) издательскаго движенія и монографическихъ изслѣдованій въ области исторіи польскаго права; такимъ образомъ онѣ не отвѣчаютъ и не могутъ отвѣчать современнымъ потребностямъ науки; и послѣ появленія сочиненія Бобжиньскаго богато развивающаяся монографическая литература послѣдняго времени частью приносила новыя, нерѣдко важныя открытія, которыя еще не могли быть приняты во вниманіе Бобжиньскимъ. Это живое, непрерывно растущее развитіе нашей науки само по себѣ давало мысль о томъ, чтобы свести въ одно органическое цѣлое всѣ важнѣйшіе результаты этого движенія и сдѣлать ихъ доступными для широкихъ слоевъ общества въ формѣ соотвѣтствующаго руководства. Но пришлось долго ждать автора, который взялъ бы на себя такую задачу. И, можетъ быть, не безъ причины: при всемъ уже упомянутомъ развитіи, цѣлые отдѣлы науки и цѣлые хронологическіе періоды (напримѣръ, періодъ XVI—XVIII вв.) совсѣмъ еще не тронуты монографическими изслѣдованіями, а нѣкоторые вопросы, какъ, напримѣръ, вопросъ о первобытныхъ общественныхъ и государственныхъ учрежденіяхъ Польши, и послѣ многократной обработки, представляютъ еще столько сомнительныхъ пунктовъ относительно добытыхъ результатовъ, что поневолѣ должна была являться мысль о предварительномъ, основанномъ на источникахъ, пересмотрѣ и о провѣркѣ цѣлаго вопроса, прежде чѣмъ приступать къ использованію этой работы въ руководствѣ.

Такимъ образомъ мы долго ждали такого руководства. Въ теченіе извѣстнаго времени эта настоятельная потребность удовлетворялась университетскими лекціями, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ нѣсколько разъ появлялись и въ литографированномъ изданіи. Только въ самое послѣднее время дѣло сразу подвинулось впередъ: почти одновременно появилось нѣсколько популярныхъ обработокъ исторіи строя Польши, разсчитанныхъ либо на широкіе народные, либо на такъ называемые интеллигентные круги. Не о каждой изъ нихъ можно говорить безъ напоминанія,

почти на каждомъ шагу, объ элементарныхъ принципахъ правъ литературной собственности, въ виду пользованія, въ самой широкой мѣрѣ и объемѣ, чужой работой, правда, доступной для всякаго знающаго, но до сихъ поръ еще не появлявшейся въ печати; было бы неблагодарной задачей опровергать здѣсь многочисленныя, иногда удивительныя ошибки, допущенныя въ сокращеніяхъ чужого труда или въ самостоятельныхъ прибавленіяхъ къ нему.

Я ограничиваюсь обсужденіемъ самаго серьезнаго труда среди всѣхъ публикацій послѣдняго времени, труда др. Кутшебы, уже много сдѣлавшаго для нашей науки въ цѣломъ рядѣ цѣнныхъ монографическихъ работъ, изданныхъ имъ за послѣдніе годы. Этотъ трудъ—„Historya ustroju Polski“ (Kraków, 1905), только что вышедшая по-русски во второмъ, исправленномъ и дополненномъ изданіи, подъ заглавіемъ: „Очеркъ исторіи общественно-государственнаго строя Польши“ (С.-Петербургъ, 1907 г.)—обсуждается здѣсь мною въ связи со статьей того же автора; „Kilka kwestyi z historyi ustroju Polski“ („Kwart. hist“. t. 20, 1906), гдѣ подробнѣе изложены и обоснованы многіе изъ затронутыхъ имъ въ „Исторіи“ вопросовъ; статья эта представляетъ и отвѣтъ въ нѣкоторыя мои критическія замѣчанія (поэтому я цитирую ее, какъ „Отвѣтъ—„О.“).

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

Вопросъ о раздѣленіи исторіи строя Польши на періоды.

Значеніе раздѣленія на періоды. Въ руководствѣ, представляющемъ цѣлостное развитіе извѣстной стороны народной жизни, вопросъ о раздѣленіи на періоды, которые можно различить въ этомъ развитіи, представляется очень важнымъ. Отъ хронологическихъ рамокъ, въ которыхъ авторъ охватываетъ частныя фазы развитія, отъ характеристики, даваемой каждой изъ этихъ фазъ, зависитъ удачный характеръ воззрѣнія на всю историческую эволюцію. Авторъ отдалъ себѣ полный отчетъ въ важности вопроса, ибо онъ, уже въ началѣ книжки посвятивъ особый отдѣлъ вопросу о раздѣленіи исторіи строя Польши на періоды, и въ дальнѣйшемъ изложеніи еще много разъ возвращается къ этому вопросу, развивая въ подходящихъ случаяхъ характеристику каждаго періода въ отдѣльности [1]).

Мое воззрѣніе. Такъ какъ я отчасти несогласенъ съ принятымъ авторомъ раздѣленіемъ, то для упрощенія выводовъ я выясню сначала свой взглядъ на это дѣло, какъ я излагалъ его въ своихъ университетскихъ лекціяхъ за цѣлый рядъ лѣтъ, и какъ онъ переданъ въ литографированныхъ ихъ изданіяхъ 1896 г. и—позднѣйшихъ—1898 и 1902 гг. [2]).

---

[1]) Популярная книжка г. Витвицкой, напечатанная въ Варшавѣ, называетъ тотъ трудъ, на основаніи котораго она построена.

[2]) Въ дальнѣйшемъ я цитирую эти лекціи W/96. Короткій обзоръ (сокращеніе) тѣхъ же лекцій я напечаталъ въ «Sprawozdania Akademii

Такъ какъ всякій политическій строй состоитъ изъ двухъ основныхъ элементовъ: общественнаго (организація общества) и государственнаго (организація государства), органически связанныхъ другъ съ другомъ, непосредственно вліяющихъ другъ на друга, совпадающихъ по задачамъ и конечнымъ цѣлямъ, но тѣмъ не менѣе часто сталкивающихся другъ съ другомъ въ стремленіи осуществить эти задачи и цѣли, то я поэтому выбираю для отличія періодовъ извѣстныя основныя отношенія, какъ они складываются у этихъ элементовъ въ теченіе даннаго времени. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ одинъ элементъ можетъ получить преимущество и господствующее значеніе въ политической организаціи; въ другихъ случаяхъ отношенія могутъ принять иной характеръ; наконецъ, здѣсь возможны еще и иныя модификаціи взаимоотношенія указанныхъ элементовъ. Примѣняя этотъ принципъ къ вопросу о раздѣленіи исторіи строя Польши на періоды, я различаю, кромѣ вводнаго періода, простирающагося въ доисторическую эпоху, когда на почвѣ первобытной славянской культуры создались первые зачатки польскихъ общественныхъ и политическихъ учрежденій, еще слѣдующіе три періода, а потомъ еще начало четвертаго періода. I) Періодъ первый, княжескаго права, отъ начала пястовской монархіи до начала XIII вѣка, т. е. до появленія великихъ иммунитетныхъ привиллегій для польской церкви (1211, 1214—1215 гг.). Отличительная черта этого періода—сильная централизованная княжеская власть, съ совокупностью прерогативъ, охватываемыхъ понятіемъ „княжескаго права“, при непосредственномъ подчиненіи всего общества, не обладающаго еще никакими правами самоуправленія, власти князя или зависимыхъ отъ него чиновниковъ: государственный элементъ здѣсь рѣшительно преобладаетъ надъ общественнымъ. II) Періодъ второй, самоуправленія сословныхъ обществъ (communitates), отъ нач. XIII в. до нач. XVI в. (1505 г., радомская конституція). Общество распадается на

Umiejt.» 1905, за октябрь, подъ заглавіемъ: «Historya ustroju Polski, przegląd wykładów uniwersyteckych» (и особо); есть и нѣм. переводъ: «Verfassungsgeschichte Polens» (Extr. du Bull. de l' acad. des sciences, Cracovie, 1905, стр. 97—157).

нѣсколько обособленныхъ группъ, принципіально замкнутыхъ внутри себя, снабженныхъ опредѣленными спеціальными, отчасти даже различными привиллегіями или правами (духовенство, шляхта, мѣщанство, крестьянское сословіе), при чемъ каждое сословіе, отчасти даже и низшее, крестьянское сословіе, пріобрѣтаетъ право самостоятельнаго рѣшенія своихъ внутреннихъ дѣлъ съ помощью органовъ самоуправленія, при томъ такъ, что ни одно сословіе не можетъ вмѣшиваться въ внутреннія дѣла другого сословія. Такимъ образомъ осуществляется принципъ общественнаго равновѣсія; на ряду съ этимъ вырабатывается и равновѣсіе элементовъ общественнаго и государственнаго. Ибо государство также не имѣетъ права стѣснять сословное самоуправленіе, вмѣшиваясь во внутреннія дѣла сословій; съ другой стороны, существуетъ извѣстный кругъ общихъ дѣлъ, входящихъ въ сферу дѣятельности государства, выполняемыхъ имъ самостоятельно, съ помощью государственныхъ органовъ, при чемъ всѣ общественныя группы обязаны соотвѣтствующимъ образомъ содѣйствовать осуществленію названныхъ общегосударственныхъ цѣлей. III) Періодъ третій, шляхетской Речи Посполитой, отъ нач. XVI в. до четырехлѣтняго сейма (1788). Здѣсь прежде всего происходитъ нарушеніе равновѣсія въ самой общественной организаціи, въ томъ смыслѣ, что одно изъ сословій, шляхта, ограничиваетъ права низшихъ сословій (мѣщанства и кметей) и упрочиваетъ за собой господствующее вліяніе на ихъ внутреннія дѣла, что же касается духовнаго сословія, то оставляетъ за собой исключительный доступъ ко всѣмъ высшимъ церковнымъ должностямъ и такимъ путемъ тѣсно связываетъ и это сословіе со своими сословными интересами. Добившись, такимъ образомъ, перевѣса въ сферѣ общественной организаціи, шляхта черезъ шляхетскіе сеймы и сеймики тотчасъ же посягаетъ на исключительное вліяніе въ сферѣ государственныхъ дѣлъ, и доводитъ дѣло до перехода въ ея руки почти всей государственной власти: общественный элементъ получаетъ перевѣсъ надъ элементомъ государственнымъ. Раздѣленные такимъ образомъ три періода ярко отражаютъ отдѣльныя стадіи развитія отношеній обоихъ основныхъ элементовъ строя: развитіе началось перевѣсомъ государственнаго

элемента надъ общественнымъ; потомъ наступилъ періодъ ихъ равновѣсія; кончилось же дѣло перевѣсомъ элемента общественнаго надъ государственнымъ. Законодательство четырехлѣтняго сейма (1788—1792 гг.) и, прежде всего, конституція 3 мая, правда, не успѣли устранить цѣликомъ эту непропорціональность, но все же во многомъ смягчили рѣзкость сложившихся отношеній: они дали низшимъ слоямъ правовую защиту, отчасти возвратили имъ самоуправленіе, признали за ними нѣкоторыя прежде отнятыя у нихъ политическія права (напримѣръ, за мѣщанами—доступъ къ должностямъ, а въ извѣстной мѣрѣ и участіе въ сеймѣ). Одновременно съ тѣмъ они реорганизовали сеймъ въ духѣ новаго времени, ввели наслѣдственность престола, создали сильную высшую правительственную власть. Такимъ образомъ строй Польши сталъ опираться на новыхъ основахъ; дальнѣйшее его развитіе и усовершенствованіе принадлежали будущему. Съ этого момента можно начинать **новый, четвертый по порядку періодъ, періодъ реформъ**, направленныхъ къ созданію **государства новаго времени**, періодъ, къ несчастію, прерванный въ самомъ своемъ началѣ двумя послѣдними раздѣлами Польши.

Отношеніе моего раздѣленія къ воззрѣніямъ Бобжиньскаго.

Очерченное здѣсь раздѣленіе на періоды во многихъ отношеніяхъ близко къ извѣстному дѣленію Бобжиньскаго, проведенному относительно общей исторіи Польши. Все же между ними имѣются и опредѣленныя различія, при томъ въ отдѣльныхъ, нерѣдко принципіальнаго характера, частностяхъ. Прежде всего, здѣсь дифференцированъ особый новый,—въ концѣ существованія Речи Посполитой,—періодъ реформъ, точнѣе — его начало, съ 1788 г., въ то время какъ Бобжиньскій трактуетъ эту фазу развитія вмѣстѣ съ болѣе старой фазой, въ общихъ рамкахъ III періода, начинающагося въ 1505 г.

Дальнѣйшее отличіе касается хронологическаго разграниченія двухъ первыхъ періодовъ; для Бобжиньскаго эпохальнымъ фактомъ, раздѣляющимъ ихъ, являются нашествія монголовъ въ половинѣ XIII в.; въ моемъ дѣленіи конецъ перваго и начало второго періода оказались отодвинутыми приблизительно на полвѣка назадъ, къ началу XIII в., примѣнительно къ изданію великихъ иммунитетныхъ привиллегій для польской церкви, разрушившихъ принципъ ста-

раго княжескаго права (относительно крупнаго комплекса церковныхъ имуществъ), съ отчетливымъ указаніемъ на то, что татарскія нашествія ни сами по себѣ, ни въ своихъ непосредственныхъ послѣдствіяхъ не могутъ считаться граничной чертой обоихъ періодовъ. Далѣе, различіе касается номенклатуры періодовъ; Бобжиньскій называетъ соотвѣтствующія фазы строя: I) патріархальнымъ государствомъ, или первобытной Польшей, II) патримоніальнымъ государствомъ, или средневѣковой Польшей и III) государствомъ новаго времени, или Польшей новаго времени. Я со своей стороны старался найти названія, обычныя для современнаго (стараго) языка;отсюда—и приведенная выше номенклатура: I) періодъ княжескаго права, II) періодъ самоуправленія сословныхъ обществъ, III) періодъ шляхетской Речи Посполитой. Хотя новая наука, какъ это вытекаетъ изъ существа дѣла, не разъ уже пользовалась этими выраженіями, все же, сколько мнѣ извѣстно, еще никто до сихъ поръ не воспользовался ими, въ приведенномъ соединеніи и сопоставленіи, для опредѣленія отдѣльныхъ стадій развитія въ исторіи строя Польши.

Наконецъ — и это особенно важно — имѣются значительныя различія въ самихъ характеристикахъ отдѣльныхъ стадій развитія строя. Бобжиньскій понимаетъ положеніе князя относительно общества въ I періодѣ, какъ „положеніе отца великой семьи народовъ (племенъ), распоряжающагося и управляющаго на основѣ этой отеческой власти"; я усматриваю источники и генезисъ этой власти не столько въ патріархальномъ отношеніи князя къ народу, сколько скорѣе въ сильной ея централизаціи вслѣдствіе процесса созданія великой Пястовской монархіи, осуществленнаго, вѣротно, войной и покореніемъ бо́льшей части польскихъ племенъ однимъ побѣдоноснымъ (польскимъ) племенемъ. Что касается II-го періода, то я принимаю удачную, по моему мнѣнію, теорію Бобжиньскаго о создавшемся тогда равновѣсіи сословій и дополняю ее наблюденіемъ о равновѣсіи между элементомъ общественнымъ и государственнымъ; наконецъ, въ отличіе отъ Бобжиньскаго, представляющаго себѣ отношенія между княземъ и сословіями, какъ отношенія договорныя, я высказываю такой взглядъ, что содержаніе власти государя основывалось на выработанномъ еще въ I-мъ періодѣ правовомъ принципѣ и лишь было соотвѣтственно умень-

шено уступками, заключенными въ иммунитетныхъ привиллегіяхъ и другихъ позднѣйшихъ земскихъ привиллегіяхъ. Наконецъ, самыя важныя различія касаются характеристики III-го періода. Бобжиньскій понимаетъ строй Польши того времени, какъ строй государства новаго времени, говоритъ о прекращеніи распрей между сословіями, въ силу отмѣны привиллегій, прежде всего, высшихъ классовъ, духовенства и шляхты, произведенной будто бы королями на переломѣ среднихъ и новыхъ вѣковъ.

По моей характеристикѣ, привиллегіи шляхты и связаннаго съ нею духовенства сохранялись, отчасти даже увеличивались; отмѣнены были привиллегіи только низшихъ классовъ, при томъ не королемъ, а шляхтой. Отсюда вытекаетъ и моя теорія о нарушеніи общественнаго равновѣсія; поэтому же я не говорю ни объ исчезновеніи въ это время сословныхъ распрей, ни о строѣ государства новаго времени, или правового въ настоящемъ значеніи слова. Я не приписываю совершившагося тогда же нарушенія равновѣсія между элементами общественнымъ и государственнымъ анархіи и своеволію, проявляющимся уже съ XVI в.; я вижу въ этомъ нарушеніи простой результатъ перемѣны, совершившейся внутри самой общественной организаціи.

Не мнѣ судить о томъ, насколько удаченъ и вѣренъ мой взглядъ на раздѣленіе исторіи строя Польши на періоды. До сихъ поръ мнѣ не пришлось опубликовать его въ печати [1]); поэтому не могло появиться и какой-либо критики его.

Отношеніе раздѣленія др. Кутшебы къ моему раздѣленію.

Посмотримъ же теперь на раздѣленіе, принятое др. Кутшебой. Онъ различаетъ слѣдующіе періоды: 1) **Періодъ вводный**, родовой организаціи, до половины X вѣка; 2) **Періодъ первый, княжескаго права**, до конца XII вѣка; 3) **Періодъ второй, организаціи общества**, до 1370 или 1374 г.; 4) **Періодъ третій, сословный**, до 1569 или 1572 г., 5) **Періодъ четвертый, шляхетскаго господства** (въ первомъ изданіи: „**шляхетской Речи Посполитой**“), до 1764 г. и, наконецъ, 6) **Періодъ пятый, реформъ**, до паденія государства въ 1795 г. (стр. 1—2).

---

[1]) Сокращенное изложеніе этого взгляда можно найти въ обозрѣніи моихъ лекцій, напечатанномъ въ «Sprawozd. Akademii» за октябрь 1905.

а) Согласія. Такимъ образомъ, изъ принятыхъ авторомъ шести періодовъ пять — тѣ самые, какіе и я принялъ въ своемъ дѣленіи; изъ нихъ четыре (I, III, IV, V) обозначены почти той же, что̀ у меня, номенклатурой. Но сходство не ограничивается только однѣми номенклатурами: отчасти оно касается и характеристики періодовъ или хронологическихъ границъ, въ которыя слѣдуетъ заключить ихъ. Авторъ, въ полномъ согласіи со мной, принимая во вниманіе взаимоотношеніе элементовъ общественнаго и государственнаго, между прочимъ, подтверждаетъ, что уже съ конца XV в. начинаетъ колебаться равновѣсіе общественной организаціи (стр. 55, 67), и что, въ концѣ концовъ, въ шляхетской Речи Посполитой это равновѣсіе было окончательно нарушено (стр. 131), въ силу чего общественный элементъ (шляхта) пріобрѣлъ полный перевѣсъ надъ элементомъ государственнымъ (королемъ). Такимъ образомъ автору чужда мысль понимать строй Польши за три послѣдніе вѣка, какъ государство новаго времени, въ которомъ были отмѣнены сословныя и шляхетскія привиллегіи, и вырабатывалось чувство общаго гражданства. Точно также въ періодѣ сословномъ (у автора—III) авторъ не выводитъ княжеской власти изъ договора между государемъ и обществомъ, а считаетъ ее лишь остаткомъ болѣе старой, первичной власти князя, частью уменьшенной привиллегіями (стр. 38). Даже относительно татарскихъ нашествій онъ утверждаетъ, что „неправильно полагали ранѣе“ (стр. 29), будто бы они были главной причиной того эпохальнаго переворота, какимъ, несомнѣнно, была для общественно-экономическихъ отношеній Польши колонизація на нѣмецкомъ правѣ. Мнѣ не нужно особенно указывать на то, что я вполнѣ согласенъ со всѣми этими воззрѣніями автора.

б) Различія. Но въ его дѣленіи имѣются также и нѣкоторыя отличія — одни менѣе важныя, другія — болѣе принципіальнаго характера; они касаются отчасти хронологическихъ границъ отдѣльныхъ періодовъ, отчасти — ихъ характеристикъ. Чтобы теперь же покончить съ второстепенными вещами, я прежде всего укажу на то, что вопросъ о томъ, съ какого времени слѣдуетъ начинать послѣдній періодъ, періодъ реформъ, съ 1788 г., т. е. съ четырехлѣтняго ли сейма, какъ принимаю я, или съ 1764 г., т. е. съ реформы Чарторыйскихъ на конвокаціонномъ сеймѣ этого года, какъ принимаетъ авторъ,

можетъ подлежать спору. Несомнѣнно, что уже съ 1764 года въ Польшѣ замѣчается стремленіе къ реформѣ Речи Посполитой, хотя, съ другой стороны, столь же несомнѣнно и то, что это стремленіе долгое время, до самаго четырехлѣтняго сейма, было одностороннимъ, т. е. ограничивалось, главнымъ образомъ, реформой правительственныхъ властей: коренное преобразованіе общественныхъ отношеній, важнѣйшаго органа государства, сейма, и даже новая организація высшихъ правительственныхъ властей въ духѣ новаго времени все же были выполнены только на четырехлѣтнемъ сеймѣ. Поэтому съ трудомъ умѣстится въ періодѣ реформъ, въ принятыхъ авторомъ хронологическихъ границахъ, рядъ „кардинальныхъ правъ“ (основныхъ законовъ) 1768 г., утвердившихъ многія начала давняго безначалія (nerząd) шляхетской Речи Посполитой. Однако, какъ бы различно—признаю это — ни рѣшался этотъ вопросъ, уже ни въ какомъ случаѣ не могу я признать обоснованнымъ признаніе 1180 года (конецъ XII в.) границей періода княжескаго права и новаго, какъ говоритъ авторъ, періода организаціи общества. Авторъ имѣетъ здѣсь въ виду постановленія лэнчицкаго съѣзда 1180 (или 1181) г., какъ первую привиллегію, данную въ пользу общества, а правильнѣе — въ пользу одного его слоя, духовенства (стр. 24). Но эта привиллегія отмѣнила только одну изъ повинностей давняго княжескаго права („станъ“, въ имѣніяхъ духовенства); старая система оставалась еще нетронутой, лэнчицкія постановленія были— самое большое — первымъ предвѣстникомъ будущихъ перемѣнъ. Иначе обстоитъ дѣло съ великими иммунитетными привиллегіями 1211 и 1214—1215 гг., которыя, за немногими исключеніями, отмѣнили всѣ повинности княжескаго права относительно большого, скопившагося уже тогда въ рукахъ духовенства комплекса земельныхъ имуществъ и такимъ образомъ подорвали одну изъ важнѣйшихъ основъ, на которыхъ опиралось зданіе первоначальнаго княжескаго права; слѣдуетъ прибавить еще, что одновременно (1207 г.) съ этимъ появилось и распоряженіе св. Престола, передающее капитуламъ княжеское право назначать епископовъ и такимъ образомъ освобождающее церковь отъ прежняго подчиненія князьямъ. Поэтому, не смотря на доводы автора, я считаю, что не 1180 г., а только начальные годы XIII в. (1207—1215) слѣдуетъ при-

знать границей двухъ періодовъ исторіи строя Польши. Относительно I періода я считалъ бы нужнымъ отмѣтить, что если начальной границей его мы считаемъ приблизительно половину X в. (963 г.), то только потому, что съ этой поры начинаются первыя историческія извѣстія о Польшѣ, и, конечно, не въ томъ смыслѣ, чтобы только теперь и возникла большая, сильно организованная Пястовская монархія. Я допускаю, что авторъ не стоитъ на точкѣ зрѣнія Мерварта, который относитъ этотъ фактъ только ко времени Мѣшка I; ибо съ такимъ же основаніемъ можно принять, что эта организація была проведена еще до Мѣшка, хотя, навѣрно, незадолго до него.

Вопросъ о періодахъ 1180—1370 и 1572—1764 годовъ.

Но вотъ самое серьезно отличіе: авторъ непосредственно за періодомъ княжескаго права (до 1180 г.) помѣщаетъ особый второй періодъ, называемый имъ періодомъ организаціи общества, продолжающійся, по его мнѣнію, до смерти Казиміра Великаго и кошицкой привиллегіи (1370—1374 г.); вслѣдъ затѣмъ онъ перемѣщаетъ конечную границу слѣдующаго потомъ сословнаго періода (по его дѣленію III) вплоть до люблинской уніи или до перваго безкоролевья по прекращеніи династіи Ягеллоновъ (1569—1572 гг.). Періодъ шляхетской Речи Посполитой охватываетъ такимъ образомъ неполные два вѣка (1572—1764 гг.). Сразу же, на первый взглядъ, является мысль, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ опытомъ комбинаціи стараго, уже оставленнаго теперь наукой дѣленія на періоды по перемѣнамъ династій съ новымъ дѣленіемъ, главныя основы котораго я только что изложилъ.

Но считаясь съ тѣмъ, что̀ установлено и разъяснено новой наукой, авторъ не обосновываетъ своего дѣленія перемѣнами правящихъ династій; онъ ищетъ другихъ критеріевъ, которые, повидимому, говорятъ за его дѣленіе, создавая такія границы періодовъ, которыя болѣе или менѣе согласуются со старымъ династическимъ дѣленіемъ.

Аргументы автора.

Вся сила въ томъ, удачны ли эти критеріи и достаточны ли для обоснованія теоріи автора. Соберемъ аргументы, приведенные самимъ авторомъ. Ихъ можно раздѣлить на двѣ группы: 1) во второмъ періодѣ (организаціи общества) развитіе совершается на основаніи частныхъ (личныхъ) привиллегій, издаваемыхъ въ пользу отдѣльныхъ лицъ или учрежденій,

а не какихъ-либо группъ населенія (стр. 22, 23); ихъ содержаніе—иммунитетъ, поэтому-то этотъ періодъ можно назвать и иммунитетнымъ періодомъ (стр. 22); въ періодѣ III (сословномъ) привиллегіи издаются въ пользу уже не лицъ, а цѣлыхъ сословій; первая изъ нихъ—кошицкая привиллегія 1374 г. (стр. 23); 2) во II періодѣ сословія только формируются; лишь тогда, когда, вмѣсто прежнихъ частныхъ привиллегій, стали издаваться для этихъ сословій—именно для шляхты—общія привиллегіи, можно говорить о совершившейся уже формаціи сословій, особенно шляхты, и потому-то съ этой поры слѣдуетъ начинать III періодъ (стр. 28). Одновременно съ этимъ наступаетъ ограниченіе власти государей въ пользу факторовъ, выходящихъ изъ общества, однимъ словомъ, общественное развитіе идетъ здѣсь параллельно съ развитіемъ государственныхъ формъ (стр. 38). Точно также лишь со смерти Казиміра Великаго создается государство, какъ единое цѣлое, возникаютъ общія власти и вырабатываются общія должности, чего до тѣхъ поръ (во II періодѣ) не было (стр. 84).

Въ виду всѣхъ этихъ мнѣній я утверждаю слѣдующее.

Характеръ привиллегій въ періодъ 1180—1370 годовъ.

Первый критерій представляется мнѣ неподходящимъ для обоснованія различій періодовъ даже въ томъ случаѣ, если бы ничего нельзя было возразить противъ него съ фактической стороны. Авторъ, согласно съ изложенными выше воззрѣніями, принимая для другихъ періодовъ основой дѣленія чисто матеріальный моментъ, т. е. взаимоотношеніе элементовъ общественнаго и государственнаго, здѣсь выдвигаетъ на первое мѣсто чисто формальную точку зрѣнія, то есть вопросъ о частныхъ и общихъ (земскихъ) привиллегіяхъ, не обращая вниманія на то, что въ дѣлѣ установленія взаимоотношеній элемента общественнаго и государственнаго частныя привиллегіи, по своему содержанію, могутъ заключать то же самое, чтò и общія; тѣмъ болѣе, что, по мнѣнію самого автора, часто повторяемыя частныя привиллегіи могли, наконецъ, создать и общій принципъ (стр. 23), т. е. то, чтò вытекало изъ общихъ привиллегій. Но самое главное здѣсь—ошибочность воззрѣнія, будто бы въ періодъ 1180—1374 гг. въ Польшѣ издавались только частныя привиллегіи.

Можно указать въ этомъ періодѣ уже довольно многочисленныя общія привиллегіи, данныя князьями въ пользу цѣлыхъ сословій, иногда даже нѣсколькихъ сословій сразу,—такія, которыя, по мнѣнію автора, начали появляться только съ 1374 г. Укажу на двѣ привиллегіи 1211 г. и 1214—1215 г. данныя тремя или даже четырьмя польскими князьями, предоставляющія иммунитетъ почти всей польской церкви (Henrico archiepiscopo, omnibus suffraganeis et... successoribus), по крайней мѣрѣ, постольку, поскольку церковныя владѣнія простирались на территоріи князей, давшихъ эти привиллегіи, т. е. на часть Великой Польши, всю Мазовію, Кувію, Малую Польшу и часть Силезіи [1]); на подобную иммунитетную привиллегію Владислава Ласконогаго 1228 г. для церкви въ принадлежащей ему части Великой Польши и въ имѣющей перейти подъ его власть Малой Польшѣ [2]); на богатую разнаго рода концессіями привиллегію Генриха Глоговскаго въ 1298 г. для трехъ польскихъ епископій [3]). И паны и рыцарство уже получаютъ въ этомъ періодѣ общія привиллегіи, частью дающія имъ важныя права, при томъ политическаго характера: привожу, какъ примѣръ, привиллегію Ласконогаго для краковской земли въ 1228 г., гдѣ онъ принимаетъ обязательство уважать права, не налагать незаконныхъ повинностей, устранить несправедливые суды и—что̀ особенно важно—издавать распоряженія только съ совѣта епископа и пановъ—постановленіе, какъ будто цѣликомъ заимствованное изъ земской привиллегіи XV вѣка; рядомъ съ этимъ, указанная привиллегія подтверждаетъ и церковные иммунитеты [4]). Неважно, что не осуществились фактическія условія для выполненія этой привиллегіи; яркій свѣтъ на характаристику дѣла бросаетъ самый фактъ дарованія привиллегіи; тѣ же самыя концессіи были включены, наконецъ, въ общую привиллегію, данную Вацлавомъ II церкви и рыцарству малопольскихъ земель въ 1291 г. [5]) Казиміръ Великій, отдавая въ 1351 г. Мазовію въ ленъ Земовиту III, подтверждаетъ мазовецкому рыцарству неприкосновенность его земельныхъ владѣній и раз-

---

[1]) Kod. dypl. Wielk. I. nr. 68, 70. [2]) ibid. I. nr. 123. [3]) ibid. II. nr. 787. [4]) ibid. I, nr. 122. [5]) Kod. dypl. kat. krak. I. nr. 94.

дачу старостинскихъ должностей только туземцамъ [1])—то же самое, что позднѣе обезпечивали кошицкая и другія земскія привиллегіи. Еще во время первыхъ переговоровъ съ Карломъ Робертомъ о наслѣдованіи престола послѣ Казиміра Великаго, которые велись въ 1333—1341 гг., на предполагаемаго венгерскаго наслѣдника наложены были тѣ же самыя ограниченія, которыя позднѣе заключались въ кошицкой привиллегіи [2]); напомню и указанную самимъ авторомъ по другому поводу будинскую привиллегію 1359 г. [3]).

Слѣдовательно, общія привиллегіи—не исключительная особенность періода съ 1374 г., онѣ появляются уже въ періодъ 1180—1374 гг., характеризованный авторомъ, какъ періодъ спеціальныхъ привиллегій; подобно этому, и очень многочисленныя спеціальныя (частныя) привиллегіи, часто съ тѣмъ же существомъ и содержаніемъ, что и прежде, появлялись и послѣ 1374 г. Между обѣими группами общихъ привиллегій не существуетъ принципіальной разницы и по содержанію: въ болѣе ранней группѣ заключаются и иммунитеты и признаніе за отдѣльными сословіями извѣстныхъ политическихъ правъ; то же самое заключается и въ общихъ привиллегіяхъ позднѣйшей группы. Дѣло не измѣняется оттого, что количество и размѣры политическихъ правъ въ этой послѣдней группѣ, говоря вообще, болѣе значительны; различіе это количественное, а не качественное и не уполномочиваетъ различать на этомъ основаніи два особыхъ періода развитія. Обращу еще вниманіе на другое обстоятельство. Авторъ, называя періодъ 1180—1374 гг. періодомъ спеціальныхъ привиллегій, въ то же время называетъ его и періодомъ иммунитета (стр. 23), въ противоположность періоду общихъ привиллегій (съ 1374 г.). Здѣсь имѣется нѣсколько ошибокъ: во-первыхъ, иммунитетъ могъ быть пожалованъ не только частной, но и общей привиллегіей, и уже въ этотъ болѣе ранній періодъ, дѣйствительно, не разъ жаловался общими привиллегіями; во-вторыхъ, и въ болѣе поздній періодъ иммунитетъ жаловался цѣлымъ рядомъ не только частныхъ, но и общихъ привиллегій. Вѣдь, даже въ кошицкой привиллегіи, которую авторъ считаетъ эпо-

---

[1]) Kod. dypl. Mazow. nr. 72. [2]) Janko z Czarnkova, Mon. Pol. II, 639. [3]) Ius Pol. 156.

хальнымъ фактомъ и началомъ новаго періода, капитальнымъ постановленіемъ является признаніе за шляхтой иммунитета.

Вопросъ о формаціи сословій.

Перехожу къ обсужденію выставленныхъ авторомъ матеріальныхъ критеріевъ, которые должны говорить за отдѣленіе обоихъ періодовъ: 1180—1374 и 1374—1572 гг. Прежде всего, онъ утверждаетъ, что въ первомъ изъ этихъ періодовъ сословія только формируются, и что этотъ процессъ формаціи можно считать законченнымъ только съ изданіемъ кошицкой привиллегіи; поэтому-то отсюда и слѣдуетъ начинать новый періодъ. Если бы даже это утвержденіе и было удачнымъ во всемъ своемъ объемѣ, то я все же не могъ бы считать обоснованнымъ самый выводъ: во всякомъ случаѣ, разъ начавшійся въ широкихъ размѣрахъ процессъ новой, отличной отъ прежней, формаціи общества или государства даже въ незаконченной формѣ все-таки оказывается проявленіемъ новыхъ организаціонныхъ началъ, тѣхъ самыхъ началъ, которыя характеризуютъ стадію уже сполна проведеннаго преобразованія; идея взаимоотношеній обоихъ элементовъ, общественнаго и государственнаго, въ обоихъ случаяхъ одна и та же. Невниманіе автора къ этому моменту тѣмъ болѣе странно, что самъ же онъ по другому поводу особенно настаиваетъ на этомъ моментѣ и въ широкой мѣрѣ считается съ нимъ. Напомню, что послѣдній періодъ исторіи строя Польши онъ помѣстилъ въ хронологическихъ рамкахъ 1764—1795 гг., несмотря на то, что настоящая, коренная реформа Речи Постолитой была осуществлена только четырехлѣтнимъ сеймомъ, а все, сдѣланное въ 1764—1788 гг., было первымъ, вообще говоря, незначительнымъ шагомъ къ позднѣйшимъ реформамъ четырехлѣтняго сейма; а между тѣмъ авторъ объединилъ въ одно цѣлостное развитіе и это время только что начинающейся перемѣны и эпоху коренныхъ реформъ четырехлѣтняго сейма. Но, кромѣ этого методическаго замѣчанія, я сдѣлаю еще нѣсколько замѣчаній по существу дѣла. Если и я стою на той точкѣ зрѣнія, что въ началѣ обсуждаемаго періода совершалась формація сословій, то все же у меня являются самыя серьезныя сомнѣнія на счетъ того, чтобы можно было растягивать эту формацію на столь длинное, почти два вѣка продолжающееся время (1180—1374). Эта формація совершилась быстрѣе, относительно же нѣкоторыхъ сословій—почти сразу.

Формація духовнаго сословія.

Это послѣднее замѣчаніе касается именно духовенства. Первоначально два момента включили духовенство въ рамки стараго княжескаго права, именно: подчиненіе духовныхъ земельныхъ имуществъ повинностямъ княжескаго права и принадлежащее князьямъ право назначенія епископовъ, въ силу котораго клиръ находился въ очень большой зависимости отъ свѣтскихъ владѣтелей. Въ началѣ XIII вѣка оба эти момента теряютъ свое значеніе. Въ 1207 г. выходитъ папское распоряженіе, признающее за капитулами право выбора епископовъ, право, признанное и принятое во всей Польшѣ, послѣ неудачнаго опыта сопротивленія ему со стороны Ласконогаго (1211 г.); въ 1211 и 1214—1215 гг. польская церковь получаетъ упомянутыя выше привиллегіи, обезпечивающія ей почти полный иммунитетъ, только въ нѣкоторыхъ пунктахъ расширяемый и дополняемый позднѣйшими спеціальными привиллегіями. Съ начала XIII вѣка польское духовенство пріобрѣтаетъ, такимъ образомъ, полную самостоятельность: съ тѣхъ поръ оно пользуется самоуправленіемъ въ устройствѣ своихъ внутреннихъ отношеній, издаетъ цѣлый рядъ синодальныхъ статутовъ, даже издаетъ—до 1374 г.—большое собраніе этихъ статутовъ, ведетъ управленіе своими внутренними дѣлами, осуществляетъ духовный судъ съ помощью своихъ собственныхъ, автономныхъ, органовъ. Я ни въ какомъ случаѣ не могъ бы утверждать, будто духовное сословіе „организовывалось" еще и потомъ, въ теченіе почти двухъ вѣковъ, и будто эта организація была закончена только въ 1374 г. или въ ближайшее къ этой хронологической датѣ время.

Общій характеръ привиллегій церкви въ XIII вѣкѣ.

Правда, др. Кутшеба думаетъ (О., 621), что привиллегіи 1210 и 1215 гг. были дарованы только части духовнаго сословія, т. е. однимъ только епископамъ, event. ихъ имѣньямъ, а не монастырямъ и приходскимъ церквамъ (костеламъ). Онъ здѣсь снова рѣшаетъ путемъ простого аподиктическаго, необоснованнаго доводами утвержденія научную проблемму первѣйшей важности, даже не справившись, какъ смотритъ на этотъ вопросъ наука, и какъ вопросъ представляется въ свѣтѣ самихъ источниковъ. Изъ научныхъ трудовъ я сошлюсь на единственное доселѣ посвященное этому вопросу основательное сочиненіе нашего выдающагося знатока вопроса, проф. Абрагама, результатовъ котораго авторъ, очевидно, не

доглядѣлъ. Въ этой работѣ доказано, что обѣ привиллегіи были изданы для польской церкви вообще, что онѣ „были общими привиллегіями для цѣлой польской церкви“ [1]). Въ подтвержденіи папой привиллегіи 1210 г. рѣчь идетъ вообще объ „ecclesiastica libertas“ [2]), а въ привиллегіи 1215 г. всѣ четыре польскихъ князя обязуются „custodire immunitatem ecclesiae Dei; villae ecclesiarum et incolae ipsarum (не только въ епископскихъ имѣніяхъ) gaudent privilegio“; далѣе дважды говорится вообще о „homines ecclesiarum“ [3]). А папское подтвержденіе этой привиллегіи тоже говоритъ объ „immunitates ecclesiae Polonicae concessae“ [4]). Обѣ привиллегіи — свободы, дарованныя не однимъ только епископамъ, а въ ихъ лицѣ и всей польской церкви. Факты позднѣйшаго полученія монастырями особыхъ иммунитетныхъ привиллегій не опровергаютъ предыдущихъ выводовъ, ибо въ послѣдующее время такія же особыя привиллегіи получаютъ и епископы, которые получили иммунитетъ, даже по мнѣнію самого автора, уже въ началѣ XIII вѣка.

Споръ изъ-за привиллегій церкви при Людовикѣ Венгерскомъ.

Далѣе, мое утвержденіе, что духовное сословіе организовалось уже въ XIII вѣкѣ, должно основываться, по мнѣнію др. Кутшебы, „на невниманіи къ многочисленнымъ привиллегіямъ, которыя духовенство получаетъ при Локеткѣ и Казимірѣ Великомъ, особенно же на невниманіи къ принципіальному спору о свободѣ духовенства отъ податей при Людовикѣ,—спору, который, наконецъ, повелъ къ опредѣленію правового положенія относительно тѣхъ повинностей, которыя должно было нести духовенство въ пользу государства“ (O. 622). Автору не слѣдовало бы, можетъ быть, серьезно упрекать меня въ невниманіи къ привиллегіямъ для духовенства за время двухъ послѣднихъ Пястовъ: онъ, по собственному опыту, знаетъ, съ какимъ матеріаломъ источниковъ долженъ, прежде всего, познакомиться и о какомъ матеріалѣ долженъ помнить даже начинающій изслѣдователь исторіи польскаго права; поэтому я не буду, на осно-

---

[1]) Abraham, «Pierwszy spór kościelno-polityczny w Polsce», Rozpr. Akad., t. 32, str. 310—313, 320—321.

[2]) Kod. dypl. Wielk. I nr. 70.

[3]) Ibid. I nr. 68.

[4]) Ibid. I nr. 85.

ванiи приведенныхъ словъ автора, предполагать, что самъ авторъ проглядѣлъ тѣ многочисленныя привиллегiи для духовенства, которыя издавались польскими князьями еще до Локетка, въ теченiе почти всего XIII вѣка. Основной, постоянно повторяющiйся въ нихъ тонъ — свобода отъ податей для имѣнiй духовенства и освобожденiе отъ юрисдикцiи княжескихъ чиновниковъ, или иммунитетъ; и оба эти иммунитетныхъ права были дарованы польской церкви уже привиллегiями 1210 и 1215 гг. Позднѣйшiя привиллегiи, не исключая Локетковыхъ и Казимiровскихъ, являются только—примѣнительно къ отдѣльнымъ епископiямъ, аббатствамъ и т. п.—повторенiемъ, болѣе точнымъ опредѣленiемъ, въ лучшемъ же случаѣ дополненiемъ въ частностяхъ принципа, признаннаго уже въ началѣ XIII вѣка. Такъ же обстоитъ дѣло и съ „принципiальнымъ споромъ“ о податной свободѣ духовенства въ эпоху Людовика. Людовикъ, обезпечивъ за собой со времени кошицкой привиллегiи „поральную“ (лановую) подать съ шляхетскихъ имѣнiй, пытался собирать ее въ тройномъ размѣрѣ и съ имѣнiй духовенства, подъ угрозой старостинской экзекуцiи; однако, вслѣдствiе сопротивленiя клира, онъ уступилъ, выражая желанiе или требованiе (affectans), чтобы духовенство ежегодно платило ему соотвѣтствующую количеству лановъ валовую сумму [1]). Мы знаемъ, чѣмъ кончилось дѣло: относительно „поральной“ подати мiрское духовенство было, въ концѣ концовъ, уравнено со шляхтой, т. е. крѣпостные духовенства должны были платить по 2 гроша съ лана [2]). Въ чемъ здѣсь дѣло? Удержался все тотъ же самый принципъ податной свободы духовенства, который былъ признанъ уже въ началѣ XIII в., только съ соотвѣтствующимъ приспособленiемъ къ постановленiямъ кошицкой привиллегiи—точно такъ же, какъ и относительно имѣнiй рыцарства, издавна пользовавшихся податной свободой. Сама кошицкая привиллегiя опредѣленно признала эту податную свободу, наложивъ на крѣпостныхъ уплату 2 грошей „поральной“ подати „in signum summi dominii et recognitionem Coronae Poloniae“. Временный споръ

---

[1]) Janko z Czarnkowa, Mon. Pol. II, 681—683; ср. замѣчанiя Семковича въ «Rozbiór Długosza», 390.

[2]) Ср. привиллегiю для познанской епископiи въ 1381 г. Kod. dypl. Wielk. III, nr. 1795.

между королемъ и духовенствомъ по этому вопросу, предрѣшенному принципіально уже ранѣе, интересный и характерный, но вовсе не рѣшающій эпизодъ, авторъ выдвигаетъ на высоту эпохальнаго факта, считаетъ его проявленіемъ только что замкнувшейся тогда формаціи духовнаго сословія! То, что это сословіе получило въ началѣ XIII вѣка податную свободу; что оно тогда было изъято изъ юрисдикціи княжескихъ чиновниковъ и, благодаря этому, получило условія для самостоятельнаго, автономическаго, развитія; что проведенное въ 1207—1211 гг. правило объ избраніи епископовъ капитулами и вытекающая отсюда независимость князей церкви отъ свѣтскихъ властителей дали духовенству сильное ручательство въ автономическомъ развитіи; что польская церковь въ широкихъ размѣрахъ пользуется этими правами самоуправленія въ многочисленныхъ синодальныхъ статутахъ, начинающихся уже съ первой половины XIII вѣка,—все это не имѣетъ для автора никакого значенія, не является свидѣтельствомъ уже совершившейся тогда организаціи духовнаго сословія въ обособленную, снабженную спеціальными привиллегіями, самоуправляющуюся часть тогдашняго общества.

Возникновеніе шляхетскаго сословія.

Шляхта организовалась въ замкнутый, снабженный особыми привиллегіями общественный слой не такъ скоро, какъ духовенство. Но и здѣсь я не могъ бы принять 1374 г., какъ дату, когда эта организація должна была окончательно завершиться. Пожалованіе шляхтѣ въ кошицкой привиллегіи податного иммунитета, собственно, не было введеніемъ новаго принципа, какъ не было оно таковымъ и примѣнительно къ духовенству: прежнія многочисленныя спеціальныя привиллегіи—хотя данныя князьями частнымъ господамъ въ цѣляхъ колонизаціи ихъ владѣній на нѣмецкомъ правѣ—признавали тотъ же самый податной иммунитетъ. Въ концѣ концовъ, иммунитетъ—составная часть понятія ius militare, о существованіи котораго вспоминаютъ уже многочисленныя привиллегіи XIII вѣка. Учрежденіе земскихъ должностей, стоящихъ на стражѣ интересовъ шляхты, въ качествѣ органовъ самоуправленія этого сословія, установилось уже (за немногими исключеніями сравнительно съ позднѣйшимъ развитіемъ) со времени объединенія государства при Локеткѣ, т. е. съ начала XIV вѣка; авторъ, наконецъ, удачно замѣтилъ (стр. 41), что даже еще ранѣе, во

время распаденія государства на удѣлы, съ начала XIII вѣка, можно наблюдать стремленіе (отчасти увѣнчавшееся успѣхомъ) къ преобразованію княжескихъ должностей въ земскія [1]). То обстоятельство, что общія привиллегіи, начиная съ 1374 г., главнымъ же образомъ—съ 1386 г., признаютъ за шляхтой извѣстныя политическія прерогативы, нисколько не вліяетъ на измѣненіе высказаннаго здѣсь взгляда; ибо уже до 1374 г., напримѣръ, въ двухъ приведенныхъ выше привиллегіяхъ 1228 и 1291 гг., мы встрѣчаемся съ пожалованіемъ такого рода политическихъ прерогативъ въ пользу пановъ и рыцарства (право давать совѣты при изданіи распоряженій монарха). Различіе здѣсь, самое большое, количественное, а не качественное; оно не уполномочиваетъ насъ утверждать, будто съ 1374 г. развитіе дѣла пошло здѣсь по новымъ, дотолѣ неизвѣстнымъ путямъ. Разсматривая дѣло съ количественной стороны, мы видимъ—и это вполнѣ естественно,—что съ теченіемъ времени политическія привиллегіи шляхты все болѣе расширяются, такъ что трудно найти критерій для установленія той даты, которой слѣдуетъ закончить предшествующій періодъ и начинать новый. Какъ авторъ выбралъ здѣсь 1374 г., такъ, съ одинаковымъ правомъ, можно было бы считать эпохальнымъ фактомъ, напримѣръ, 1454 г., когда за всей шляхтой, представляемой сеймиками, былъ впервые опредѣнно признанъ рѣшающій голосъ въ вопросахъ законодательства.

Наконецъ, возвращаюсь къ тому, что̀ самъ авторъ избралъ исходнымъ пунктомъ: дѣло идетъ о рѣшеніи вопроса, съ какой же поры можно считать законченной организацію шляхетскаго сословія въ Польшѣ. Сословіе (въ средневѣковомъ пониманіи этого выраженія) можетъ быть уже организованнымъ и замкнутымъ и только потомъ получать, по очереди, рядъ все далѣе простирающихся правомочій; это явленіе даже можетъ быть логически обосновано, ибо только сплоченная, замкнутая организація извѣстнаго общественнаго класса рождаетъ въ послѣднемъ ту силу, которая ведетъ къ дальнѣйшимъ пріобрѣтеніямъ. Такимъ образомъ

[1]) На эту частность и я обратилъ вниманіе на съѣздѣ польскихъ историковъ въ 1900 г., ср. Pamiętnik III zjazdu histor. polsk. w Krakowie, 1900, II, стр. 38, 39.

выработку организацiи шляхетскаго сословiя, несомнѣнно, слѣдуетъ отодвинуть значительно назадъ за 1374 г. Доказательствомъ этого можетъ служить хотя бы даже самый процессъ усвоенiя шляхетскихъ гербовъ, являющiйся уже послѣдней фазой въ исторiи формацiи этого сословiя, какъ внѣшняя, формальная санкцiя совершившихся ранѣе внутреннихъ перемѣнъ, какъ выраженiе послѣдней побѣды личнаго элемента (строго сословнаго) надъ элементомъ реальнымъ (землевладѣнiе), въ первое время игравшимъ важную роль въ формацiи этого общественнаго класса; съ того момента, когда личный элементъ выдвинулся на первое мѣсто, шляхетское сословiе, наслѣдственное, уже можно считать замкнутымъ, организованнымъ въ особую общественную категорiю, т. е. сословiемъ. Вотъ даты, которыя почти на цѣлый вѣкъ предшествуютъ году, принятому авторомъ, въ качествѣ границы перiода „организацiи общества". И если всѣ эти мои доводы еще недостаточны для убѣжденiя сомнѣвающихся, то пусть меня поддержитъ здѣсь самъ король Казимiръ Великiй, который въ своихъ статутахъ, въ пол. XIV в., ясно говоритъ: „nobilitatis stirpes ex progenitoribus originem semper ducunt". Такое положенiе нельзя было бы высказать во время совершающейся еще формацiи шляхетскаго сословiя; оно могло появиться только тогда, когда организацiя была уже законченнымъ дѣломъ, когда сословiе было уже замкнутымъ общественнымъ классомъ, обладающимъ правомъ наслѣдственной принадлежности—при томъ не со вчерашняго лишь дня. Но шляхетское сословiе было такимъ строго замкнутымъ классомъ не только фактически, но и съ точки зрѣнiя права: ибо уже въ XIII в. существуетъ установившееся понятiе „iuris militaris", которымъ этотъ слой отличается отъ другихъ одновременно съ нимъ формирующихся частей тогдашняго общества.

Вопросъ о „выводахъ шляхетства".

Др. Кутшеба, не касаясь остальныхъ моихъ аргументовъ, подтверждающихъ, что шляхта организовалась, какъ сословiе, уже въ теченiе XIII вѣка, остановился лишь на томъ, который я почерпнулъ изъ статутовъ Казимiра Великаго („nobilitatis stirpes ex progenitoribus originem semper ducunt"). Но, не прочитавъ основательно всѣхъ моихъ разсужденiй, онъ не отвергаетъ того, что̀ я привелъ въ видѣ довода, а только—въ виду нахожденiя приведеннаго мною

мѣста въ статьѣ о „выводѣ шляхетства"—подчеркиваетъ, „что именно происходящіе еще позднѣе въ такомъ большомъ количествѣ „выводы шляхетства" непреложно доказываютъ, что шляхта еще не замкнулась" (Отвѣтъ, 622). Но самихъ фактовъ „вывода шляхетства" я не приводилъ ни въ пользу, ни противъ своего утвержденія; однако, если-бы кто-нибудь захотѣлъ искать въ нихъ аргументовъ по этому вопросу, то они докажутъ собственно лишь то, что воззрѣніе доктора Кутшебы необосновано. Оставляя въ сторонѣ небольшой процентъ „выводовъ шляхетства", падающихъ на конецъ XIV вѣка, мы убѣдимся, что подавляющее количество извѣстныхъ намъ случаевъ падаетъ на все протяженіе XV вѣка [1]). Да будетъ мнѣ позволено утверждать, что если большое число этихъ „выводовъ"—свидѣтельство незакончившагося еще замыканія шляхетскаго сословія, то оно является такимъ свидѣтельствомъ для того времени, къ которому эти „выводы" относятся, т. е. для XV вѣка. Между тѣмъ авторъ и въ „Исторіи" и въ „Отвѣтѣ" утверждаетъ, что шляхетское сословіе замкнулось еще до 1370—1374 гг.

Дата формаціи мѣщанскаго (городского) и крестьянскаго (кмети) сословій.

Точно также слишкомъ позднюю дату (1374 г.) намѣчаетъ авторъ и для факта завершенія организаціи мѣщанскаго (городского) и крестьянскаго сословій. Уже оставляя въ сторонѣ Силезію, гдѣ этотъ процессъ совершился сравнительно всего скорѣе, напомню, что и въ другихъ польскихъ земляхъ почти всѣ главные города получаютъ нѣмецкое право уже въ пол. XIII в.; вслѣдъ затѣмъ въ теченіе второй половины того же вѣка значительно распространяется процессъ локаціи на томъ же правѣ, захватывая многочисленныя мѣстности, приводя иногда даже къ поднятію деревенскихъ поселеній до значенія мѣстечекъ. Въ этихъ городахъ власть сразу же оказывается въ рукахъ войта, чиновника, какъ ни какъ, независимаго отъ владѣльца; въ важнѣйшихъ же центрахъ уже съ конца XIII в. появляются строго автономныя власти—городскіе Совѣты. Историческія событія тѣхъ временъ обнаруживаютъ степень значенія мѣщанскаго сословія, косвенно указывая на установившуюся уже его организацію: въ 1289 г. кра-

[1]) Ср. хотя бы богатѣйшее собраніе соотвѣтствующихъ источниковъ: Ulanowski, «Inscriptiones clenodiales» въ «Starod. pr. pol. pomn., VII.

ковское мѣщанство распоряжается княжескимъ престоломъ, въ 1311 г. поднимаетъ грозный бунтъ противъ своего государя. Чтò касается крестьянскаго населенія, то уже первая половина XIII в. (съ 20-хъ и 30-хъ лѣтъ этого столѣтія) обнаруживаетъ довольно большое количество локацій деревень на нѣмецкомъ правѣ, съ новой правовой организаціей кметей-чиншевиковъ, съ единственнымъ полуавтономнымъ деревенскимъ органомъ—солтысами (и лавниками), болѣе чего пріобрѣсти уже потомъ не удалось этому сословію. Во второй половинѣ XIII в. число этихъ локацій, судя только по сохранившимся документамъ, доходитъ до многихъ сотенъ, захватывая пространство цѣлой Польши, не исключая самыхъ отдаленныхъ захолустій. А если потомъ еще и Локетокъ и Казиміръ Великій въ широкихъ размѣрахъ проводятъ дальнѣйшую колонизацію городовъ и деревень на нѣмецкомъ правѣ, то все же нельзя видѣть окончательную организацію мѣщанскаго и крестьянскаго сословій въ Польшѣ только въ этой ихъ дѣятельности, только съ этихъ поръ считаться съ названными сословіями, какъ съ готовымъ фактомъ общественнаго уклада,—точно такъ же, какъ нельзя принять этого и относительно позднѣйшихъ государей, еще въ XV в. въ широкихъ размѣрахъ проводившихъ далѣе ту же самую мѣру. То, чтò сдѣлали на этомъ поприщѣ Локетокъ, а главнымъ образомъ Казиміръ Великій, было лишь продолженіемъ, развитіемъ дѣла, въ широкихъ размѣрахъ исполнявшагося и до тѣхъ поръ; результаты, полученные здѣсь къ нач. XIV в., слѣдуетъ считать не подготовкой позднѣйшей эволюціи въ этой области, а прямо самой эволюціей. Богатый, уже опубликованный документальный матеріалъ позволяетъ намъ отчасти опровергнуть, безъ ущерба для великихъ заслугъ Казиміра Великаго, сообщеніе хрониста объ этомъ королѣ, будто онъ нашелъ Польшу деревянной, а оставилъ ее каменной; „каменщиками“ Польши были уже удѣльные князья, непосредственные предшественники Казиміра и Локетка, хотя, можетъ быть, дѣйствовавшіе и не столь сознательно и цѣлесообразно, какъ Казиміръ. И здѣсь, такимъ образомъ, слѣдуетъ передвинуть дату организаціи обоихъ низшихъ сословій далеко назадъ за 1374 г., тѣмъ болѣе, что и эта дата, или какая-нибудь другая, близкая къ ней, и особенно общія

привиллегіи, на которыя авторъ съ этого времени ссылается, ничего не измѣнили въ принципіальной сторонѣ устройства мѣщанскаго и крестьянскаго сословій; эти привиллегіи совсѣмъ или почти совсѣмъ не касаются положенія обоихъ этихъ сословій, относясь почти исключительно къ высшимъ сословіямъ, духовенству и шляхтѣ.

Локаціи деревень „на нѣмецкомъ правѣ“.

Авторъ и здѣсь снова несогласенъ со мной. Онъ направляетъ самый серьезный, цифровой, аргументъ противъ моего утвержденія, что и организація крестьянскаго сословія на новыхъ началахъ, принесенныхъ съ собой колонизаціей на нѣмецкомъ правѣ, установилась тоже уже въ теченіе XIII вѣка. Я высказался въ томъ смыслѣ, что число локацій на этомъ правѣ, судя по сохранившимся доселѣ документамъ, доходитъ до значительныхъ сотенъ. И вотъ авторъ подсчитываетъ, что до 1306 г. въ Великой Польшѣ можно указать только 30 локаціонныхъ документовъ, а въ 1306—1370 гг.—до 70; что въ Малой Польшѣ оба періода представлены отношеніемъ 22 : 125.

„Такимъ образомъ въ XIII в. далеко до значительныхъ сотенъ“ (О.,623). Не знаю, на какой основѣ, по какимъ принципамъ и съ какой точностью сдѣлалъ авторъ свои вычисленія, ибо онъ не привелъ никакихъ источниковъ для ихъ подтвержденія; поэтому, мнѣ пришлось заново продѣлать ту же самую работу—и я пришелъ къ результатамъ, поразительно противоположнымъ. Причина различія, конечно, заключается, прежде всего, въ томъ обстоятельствѣ, что авторъ принялъ во вниманіе только локаціонные документы въ собственномъ значеніи этого слова, т. е. привиллегіи, издаваемыя при основаніи деревень, со спеціальнымъ опредѣленіемъ правового положенія кметей и солтыса. Между тѣмъ дѣло идетъ вовсе не о томъ, сколько мы имѣемъ локаціонныхъ привиллегій, а лишь о томъ, сколько деревень было основано на нѣмецкомъ правѣ. Поэтому-то здѣсь должны быть приняты во вниманіе и другія документальныя упоминанія, касающіяся этого дѣла, напримѣръ, постороннія извѣстія о существованіи прежде основанныхъ деревень, либо княжескія привиллегіи, жалующія право основанія такихъ же деревень на нѣмецкомъ правѣ. Эти привиллегіи, жалуемыя всѣмъ по порядку болѣе крупнымъ церковнымъ учрежденіямъ, для всѣхъ принадлежащихъ имъ

владѣній, конечно, не всегда немедленно же вели къ дѣйствительной локаціи—особенно въ виду крупнаго комплекса самихъ владѣній, — но все же эта локація отчасти начиналась уже и тогда; зато такія привиллегіи, становясь достояніемъ приватныхъ лицъ, владѣльцевъ одной или нѣсколькихъ деревень, въ большей части случаевъ немедленно же или въ недалекомъ будущемъ, приводили несомнѣнно, къ дѣйствительной локаціи; вѣдь, не pro forma же извѣстныя лица хлопотали о пожалованіи имъ такой привиллегіи! Сопоставивъ соотвѣтствующіе документы и извѣстія изъ періода времени до 1306 г., даже исключивъ упомянутыя общія привиллегіи для церковныхъ учрежденій, я въ одномъ только „Kodeks dypl. Wielkop.“—главнымъ образомъ, въ дипломахъ познанско-калишскихъ, съ незначительнымъ прибавленіемъ дипломовъ изъ другихъ великопольскихъ земель,—нашелъ 50 документовъ, относящихся къ 50 же отдѣльнымъ деревнямъ [1]), и 14 документовъ, изъ которыхъ каждый относится къ болѣе значительному количеству деревень, въ общемъ къ 51 поселенію [2]), т. е. нашелъ всего 64 документа, относящихся къ 101 поселенію. Подсчетъ, произведенный такимъ же способомъ относительно Малой Польши, только на основаніи болѣе богатыхъ матеріаломъ дипломатаріевъ, обнаружилъ для того же самаго періода: 37 документовъ, относящихся къ отдѣльнымъ деревнямъ [3]), и 5 документовъ, относящихся къ болѣе значительному количеству деревень, въ общемъ къ 21 поселенію [4]), всего же 42 документа, относящихся къ 58 деревнямъ [5]). Подсчеты относительно Силе-

---

[1]) Kod. dуpl. Wielkop. I, nr. 142, 149, 198, 240, 260, 289, 330, 331, 351, 353, 412, 433, 435, 448, 453, 461, 506, 521, 532, 535, 547, 563, 568, 582, 600, II nr. 621, 623, 627, 642, 643, 661, 672, 677, 680, 683, 695, 699, 714, 727, 728, 755, 757, 762, 795, 799, 813, 824, 844, 845, 892.

[2]) Kod. dypl. Wielkop. I nr. 281(4), 347(2), 394(3), 416(2), 419(3), 467(2), 474(2), 497(3), 498(3), 549(7), II nr. 641(3), 690(2), 718(13), 848(2).

[3]) Kod. dypl. Małop. I nr. 15, 75, 77, 81, 86, 124, 131, 132, II nr. 425, 445, 472, 475, 482, 505, 511, 518, 524, 525, 531, 532, 539, 543, 556, кромѣ того, тамъ же на стр. XXXVI регесты погибшихъ сондецкихъ документовъ nr. 1, 4 и мѣховскихъ nr. 13, 16; Kod. dypl. kat. krak. I nr. 67, 76, 87, 102; Kod. dypl. Tyniec. nr. 24, 26, 28, 30; Kod. dypl. Mogil. nr. 34, 35,

[4]) Kod. dypl. Małop. II nr, 453(2), 477(4); Kod. dypl. Mogil. nr. 38(2), 42(10), 43(3).

[5]) Очевидно, эти подсчеты не совсѣмъ точны. Можетъ быть, тамъ и сямъ принятъ во вниманіе поддѣльный документъ, можетъ быть,

зіи уже произведены (отчасти); за одну только первую половину XIII в. (до 1258 г.) здѣсь насчитано всего (города и деревни) 131 случай [1]); если мы вычтемъ изъ этого количества и локаціи городовъ, вмѣстѣ съ поддѣльными позднѣйшими извѣстіями о локаціяхъ деревень, на которыя обращено вниманіе въ новѣйшее время [2]), т. е. въ общемъ около 50 №№, то все же на разсматриваемый періодъ останется, по крайней мѣрѣ, около 80 локацій деревень; присоединивъ сюда локаціи второй половины XIII в., когда Силезія еще оставалась удѣломъ Польши (приблизительно въ два раза больше, т. е. до 120 локацій, а это, вѣроятно, и нашъ авторъ не признаетъ преувеличеніемъ), мы получимъ общую сумму около 200 силезскихъ локацій XIII вѣка. Подсчеты относительно Мазовіи, если бы приняться за нихъ, не дали бы надежнаго результата, такъ какъ даже изъ числа сохранившихся до нашего времени документовъ много еще не издано; но сумма хотя-бы 30 локацій, навѣрно, никому не покажется слишкомъ большой [3]).

одинъ и тотъ же документъ, повторенный въ двухъ изданіяхъ, или упоминаніе о томъ же самомъ поселеніи, повторяющееся въ нѣсколькихъ документахъ, сосчитаны два или болѣе разъ. Въ такой мѣрѣ слѣдовало бы уменьшить общую цифру; возникающее отсюда различіе въ худшемъ случаѣ можетъ составлять нѣсколько либо нѣсколько десятковъ документовъ. Зато, несомнѣнно, не были приняты во вниманіе всѣ упоминанія о локаціяхъ деревень, встрѣчающіяся даже въ просмотрѣнныхъ изданіяхъ, ибо свой списокъ я составлялъ только на основаніи регестъ документовъ, присоединенныхъ издателями и не всегда упоминающихъ о деталяхъ локаціи. Кромѣ того, были оставлены безъ вниманія нѣкоторыя болѣе значительныя прежнія изданія, напримѣръ, Cod. dipl. Pol., такъ какъ много изданныхъ въ нихъ документовъ повторено въ позднѣйшихъ дипломатаріяхъ, хотя и здѣсь, конечно, нашлись бы дополненія; наконецъ, опущены всѣ менѣе значительныя публикаціи документовъ. Дополненія, которыя слѣдовало бы для точности произвести на основаніи цѣлаго матеріала, несомнѣнно, не только заполнили бы вышеупомянутое различіе in minus, но и значительно увеличили бы общую цифру, данную въ текстѣ.

[1]) Neuling, Aussetzungen zu deutschem Rechte bis zum J. 1258, Zeitschr. f. Gesch. Schles. XII, 155 n.

[2]) Schulte, Die Anfänge d. deutschen Kolonisation in Schlesien, Silesiaca, Festschr. f. Grünhagen 35 nr.

[3]) Въ двухъ самыхъ значительныхъ собраніяхъ мазовецкихъ документовъ (имѣющихъ въ виду отчасти и Куявы) я нашелъ для разсматриваемаго періода 8 документовъ, касающихся локаціи на нѣмец-

Подсчитавъ всѣ даннныя, мы получимъ для XIII в. (до 1306 г.) круглую сумму въ четыреста деревенскихъ локацій на пространствѣ цѣлой Польши, что̀, собственно, вопреки утвержденію автора, обнаруживаетъ справедливость моего предшествующаго наблюденія.

Подсчетъ автора является ошибочнымъ еще и съ другой точки зрѣнія.

Въ виду воззрѣнія, съ которымъ авторъ выступилъ въ своей „Исторіи", будто окончательную организацію крестьянскаго сословія на новыхъ началахъ слѣдуетъ приписать колонизаціонной дѣятельности Казиміра Великаго, вопросъ представляется не въ такомъ видѣ: каково цифровое отношеніе локацій передъ 1306 г. къ локаціямъ 1306—1370 гг., а въ такомъ: каково цифровое отношеніе локацій первой группы къ тѣмъ, которыя относятся къ 1333—1370 гг. Такъ какъ авторъ для цифръ второй группы принялъ во вниманіе весь періодъ времени 1306—1370 гг., то здѣсь, собственно, слѣдуетъ исключить все, что̀ относится къ времени Локетка. Принимая во вниманіе только Великую и Малую Польшу (Силезія и Мазовія тогда не входятъ въ составъ уже объединеннаго государства), я нахожу въ эпоху Локетка для перваго изъ этихъ удѣловъ извѣстія о 18 локаціяхъ, засвидѣтельствованныхъ 16 документами[1]), а для второго—извѣстія о 87 локаціяхъ, засвидѣтельствованныхъ 47 документами [2]). Вычитая здѣсь изъ общей полученной суммы для 1306—1370 гг. уже не количество обнаруженныхъ локацій, а только число однихъ документовъ, которые авторъ, повидимому, принялъ во вниманіе при своемъ подсчетѣ, мы получимъ: для Великой Польши 70—16=54, для Малой Польши 125—47=78. Правда полученныя цифры не однородны съ цифрами первой группы (до 1306), такъ какъ въ одномъ случаѣ мы считали число

комъ правѣ. Kod. dypl. Mazow. nr. 24; Dokum. kujaw. i mazow, str. 128 nr. 15, str. 355 nr. 7, str. 358 nr. 9, str. 360 nr. 11 (2 деревни), str. 362 nr. 12, str. 366 nr. 15, str. 369 nr. 17.

¹) Kod. dypl. Wielkop.II nr. 904(3), 913, 923, 924, 927, 934, 935, 970, 974, 1029, 1070, 1089, 1104, 1108, 1119.

²) Kod. dypl. Małop I nr. 137(2), 141(2), 150, 155, 158, 159, 167, 168, 171, 172, 175, 176, 177, 181, 182, 183(3), 189(2), II nr. 559, 560, 568, 575, 576, 579, 584, 590, 594, 598, 599, 600, 601, 602(26); Kod. dypl. kat. krak. I nr. 123, 134, 135, 136, 140, 144, II nr. 243, 244, 246, 247; Kod. dypl. Tyniec, nr. 41(8), 46(2); Kod. dypl. Mogil. nr. 50(4); Arch. Sang. II nr. 6, 7, 11.

локацій, а въ другомъ—число относящихся къ нимъ документовъ; но такъ какъ при Казимірѣ Великомъ (да и позднѣе) документы, относящіеся къ единовременной локаціи значительнаго количества деревень, становятся все рѣже, то мы, съ оговоркой извѣстной неточности, все-таки можемъ сопоставить и сравнить другъ съ другомъ указанныя цифры. Такимъ образомъ мы получимъ для Великой Польши 101 локацію до 1306 г. на ряду съ 54 документами эпохи Казиміра, для Малой Польши—58 болѣе старыхъ локацій на ряду съ 78 документами изъ эпохи Казиміра, всего 159 локацій до 1306 г. на ряду съ 132 локаціями изъ эпохи Казиміра. Несомнѣнно, это сопоставленіе указываетъ на большую интенсивность хозяйственной работы Казиміра; но все-таки количественно оно говоритъ о перевѣсѣ XIII вѣка, особенно если мы присоединимъ сюда еще не принятыя во вниманіе въ послѣднемъ сопоставленіи силезскія и мазовецкія земли. Сверхъ того, слѣдуетъ принять въ соображеніе и то, что множество документовъ о локаціяхъ деревень погибло: старые реестры привиллегій аббатствъ, епископій и т. п., т. е. такихъ учрежденій, которыя сохраняли ихъ сравнительно старательно, обнаруживаютъ значительные пробѣлы въ сохранившемся до сихъ поръ матеріалѣ; что же и говорить о документахъ, изданныхъ въ пользу мірскихъ лицъ, которые уцѣлѣли только въ видѣ исключеній! Въ виду этого слѣдовало бы прежде всего увеличить—несомнѣнно, очень значительно—безотносительное количество локацій, дѣйствительно совершившихся въ XIII вѣкѣ; а если бы, благодаря такой прибавкѣ, возросло и количество локацій Казиміровскихъ, то все-таки отношеніе его къ количеству локацій XIII вѣка должно было бы подвергнуться болѣе значительному измѣненію въ пользу этого болѣе ранняго періода, въ виду уже того извѣстнаго и достаточно засвидѣтельствованнаго наукой дипломатики факта, что количество погибшихъ документовъ растетъ въ прямомъ отношеніи къ отдаленности времени.

Эти нѣсколько сотъ локацій, совершившихся уже въ теченіе XIII столѣтія—а процессъ колонизаціи развивался и потомъ, при Казимірѣ и его преемникахъ—можно, думается, считать достаточнымъ выраженіемъ коренныхъ перемѣнъ въ организаціи крестьянскаго сословія—и нѣтъ настоящаго повода отодвигать ихъ вплоть до времени Ка-

зиміра. Кромѣ этого количественнаго момента, авторъ настаиваетъ еще и на качественной сторонѣ дѣла, „хотя проф. Бальцеръ не хочетъ видѣть ея“, настаиваетъ именно на томъ, что „при Казимірѣ Великомъ, прежде всего, устраиваются, по образцу локаціонныхъ деревень, и деревни нелокаціонныя“ (О. 623). На основаніи такого неяснаго опредѣленія я затрудняюсь угадать, что̀ авторъ, собственно, разумѣетъ здѣсь: переводъ ли старыхъ деревнь съ польскаго права на нѣмецкое, устраиваемый съ помощью многочисленныхъ привиллегій, начиная со времени Казиміра Великаго, или преобразованіе организаціи польскихъ деревень, происходившее независимо отъ такихъ привиллегій. Поэтому я напомню, что мы уже и въ XIII в. встрѣчаемъ много документовъ, въ которыхъ польскіе князья, по поводу пожалованія извѣстныхъ земельныхъ имуществъ, заселенныхъ издавна, слѣдовательно, на польскомъ правѣ, или по поводу утвержденія договоровъ частныхъ лицъ относительно такихъ же имуществъ, разрѣшаютъ введеніе въ такихъ имѣніяхъ и нѣмецкаго права. Нельзя утверждать, чтобы при этомъ введеніе нѣмецкаго права — если не во всѣхъ, то въ бо̀льшей части случаевъ — откладывали вплоть до времени Казиміра Великаго, когда распространяется обычай изданія особыхъ документовъ по этому предмету. Если не считать этихъ многочисленныхъ упоминаній въ болѣе раннихъ документахъ только пустыми формулами безъ значенія, то придется принять, что процессъ ассимиляціи прежнихъ польскихъ поселеній по образцу поселеній нѣмецкаго права начался уже тогда и что въ извѣстной мѣрѣ онъ даже двинулся впередъ. Есть основанія допускать, что даже въ тѣхъ польскихъ поселеніяхъ, которымъ князья тогда еще не пожаловали такого права, все-таки, несмотря на отсутствіе организаціонныхъ рамокъ нѣмецкаго права (автономное гминное устройство, съ солтысомъ и лавниками), само правовое положеніе деревенскаго населенія значительно уподобилось положенію кметей въ поселеніяхъ, заново локированныхъ [1]. Въ пользу этого предположенія косвенно говорятъ упоминанія въ источникахъ ближайшаго времени, прежде всего въ статутахъ Казиміра Великаго. Сто̀итъ обратить вниманіе на то, что, сверхъ нѣсколькихъ постано-

[1]) Въ распланировкѣ Губе I арт. 32, 33, 35.

вленій, которыя, касаясь компетенціи суда, должны были ясно различать власти права нѣмецкаго и польскаго [1]), всѣ остальныя статьи этихъ статутовъ, касаясь правового положенія кметей (за исключеніемъ еще условій „выхода“ изъ деревень [1]), не дѣлаютъ никакого различія между кметями польскихъ деревень и деревень на правѣ нѣмецкомъ, одинаково опредѣляютъ ихъ права и обязанности въ такихъ важныхъ вопросахъ, какъ отвѣтственность за долги господина, взаимное убійство кметей, право взиманія гривенъ за совершенную кражу, высота „головничества“ и „повязки“ кметей, равно какъ и участіе господина въ этомъ взиманіи, отчасти—даже право „выхода“ кметей [2]).

Изъ самой стилизаціи этихъ постановленій несомнѣнно вытекаетъ, что это уравненіе кметей, независимо отъ того, на какомъ правѣ они сидятъ, не было проведено лишь статутами, что эти постановленія считаются только съ тѣми отношеніями, которыя возникли уже раньше, и только стараются соотвѣтствующимъ образомъ устроить и оформить эти отношенія. Слѣдовательно, и здѣсь излишнее подчеркиванье перемѣнъ, возникшихъ въ эпоху Казиміра Великаго, недостаточно обосновано.

Такимъ образомъ, тѣмъ временемъ, въ теченіе котораго въ Польшѣ не только совершалась, но и завершилась новая формація сословій, является XIII вѣкъ. И если въ этихъ хронологическихъ рамкахъ одни сословія организовались скорѣе, другіе — нѣсколько позднѣе, то все же слѣдуетъ помнить, что эта перемѣна совершилась — по крайней мѣрѣ, отчасти — уже въ началѣ XIII в. (напримѣръ, что касается духовенства); что одновременно или—самое позднее—около половины этого столѣтія уже начался въ широкихъ размѣрахъ процессъ организаціи и другихъ сословій.

Все это — проявленія новаго взаимоотношенія общественныхъ элементовъ строя Польши, совершенно отличнаго отъ прежнихъ отношеній,— поэтому-то съ указаннаго времени, т. е. съ первой половины XIII в., и слѣдуетъ начинать новый періодъ исторіи этого строя. Но даже если бы мы за-

---

[1]) Ibid. II арт. 34.

[2]) Ibid. I арт. 4, 9, 19, 36, II арт. 20, 23, 39.

хотѣли считаться съ фактомъ уже законченной организаціи всѣхъ безъ исключенія сословій, то и въ такомъ случаѣ мы не могли бы перенести границы періодовъ изъ XIII в.; 1370 или 1374 гг. оказываются здѣсь рѣшительно слишкомъ поздней датой.

Дата возникновенія самоуправленія въ Польшѣ.

Всѣ приведенныя выше соображенія позволяютъ мнѣ коротко выяснить свою точку зрѣнія и на другой, проведенный авторомъ критерій дѣленія на періоды. Разсматривая отношенія между общественной и государственной организаціей, онъ дѣлаетъ такой выводъ, будто съ 1370 г. наступаетъ ограниченіе власти государей въ пользу факторовъ, выходящихъ изъ общества, и видитъ въ этомъ проявленіе параллелизма общественнаго развитія съ развитіемъ государственныхъ формъ. Наблюденіе о параллелизмѣ того и другого развитія, правда, удачно, но, въ виду предыдущихъ поправокъ относительно общественнаго развитія, оно ведетъ къ необходимому исправленію даты государственнаго развитія: ограниченіе власти государя и его чиновниковъ въ пользу вновь возникшихъ самоуправляющихся органовъ общества точно также слѣдуетъ отодвинуть ко времени, значительно предшествующему 1374 году. Это наблюденіе подтверждается очевидными историческими фактами. Земскіе органы, самые поздніе во всей группѣ органовъ самоуправленія, организовались уже съ начала XIV в., не говоря объ извѣстныхъ зачаткахъ ихъ формаціи, относящихся къ XIII в.; всѣ остальные органы самоуправленія или полусамоуправленія другихъ сословій—духовенства, мѣщанства, крестьянскаго сословія — возникаютъ въ XIII в.,— нѣкоторые даже одновременно съ самой формаціей соотвѣтствующихъ общественныхъ группъ, какъ, напримѣръ, войтовства или солтысства, создавшіяся при самомъ основаніи городовъ и деревень „на нѣмецкомъ правѣ". Но этотъ послѣдній критерій автора требуетъ разсмотрѣнія вопроса въ особомъ отдѣлѣ.

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

Характеръ польскаго государства въ 1295—1370 гг.

Воззрѣніе др. Кутшебы.

По мнѣнію автора, даже при Локеткѣ и Казимірѣ Великомъ Польша еще не превратилась въ единое королевство. Только при Казимірѣ Великомъ „удѣлы постепенно начинаютъ срастаться, окончательно же они срослись только послѣ его смерти". Авторъ рѣшается даже утверждать, что это срастаніе наступило только „вслѣдствіе его смерти", которая „была фундаментомъ Польскаго государства" (Ист., 41); онъ однимъ взмахомъ пера зачеркиваетъ почти все то, чѣмъ была для идеи объединенія Польши жизнь Локетка и Казиміра. Я теперь же прибавлю—разъясню это нѣсколько позднѣе,—что эта жизнь была посвящена не только соединенію подъ скипетромъ общаго государя обособленныхъ до сихъ поръ удѣловъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и работѣ надъ ихъ внутреннимъ объединеніемъ въ единое цѣлое. Свое мнѣніе о генезисѣ государственнаго единства Польши лишь послѣ 1370 г., въ періодъ анжуйско-ягеллонскій, авторъ обосновываетъ прежде всего утвержденіемъ, будто коронаціи королей конца XIII в. и первой половины XIV в. были только коронаціями королей Великой Польши, и потомъ—наблюденіемъ, будто въ Польшѣ лишь послѣ прекращенія династіи Пястовъ начинаютъ появляться общіе съѣзды всѣхъ земель, какъ органы законодательства, и общія для цѣлаго государства должности, какъ правительственные и исполнительные органы. Въ этомъ утвержденіи,

въ заявленіи, что до смерти Казиміра польскія земли были связаны только „личной уніей“ (стр. 41), авторъ совпадаетъ—можетъ быть, случайно—съ воззрѣніемъ проф. Зигеля [1]), который считаетъ Польшу собственно соединеніемъ (федерація) отдѣльныхъ маленькихъ государствъ—правда, не только передъ 1370 г., но и позднѣе. И слѣдуетъ признать, что Зигель, дѣлая такое опредѣленіе, поступаетъ совершенно последовательно съ точки зрѣнія того основанія, изъ котораго онъ исходитъ. Ибо если мы не считаемъ пустой фразой утвержденія, будто до смерти Казиміра Великаго еще нѣтъ понятія о Польскомъ государствѣ, будто лишь по смерти его по настоящему сраслось Польское государство; если мы внимательно относимся къ правовой основѣ этого утвержденія (а иначе и быть не можетъ въ книгѣ, посвященной государственному строю); если мы спросимъ, чѣмъ же собственно была Польша при двухъ послѣднихъ Пястахъ, когда они объединили ее подъ своимъ скипетромъ,—то, конечно, мы не будемъ колебаться въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ: придется утверждать, что Польша была тогда соединеніемъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ маленькихъ государствъ подъ властью общаго государя („личная унія“). „Tertium non datur“.

Вопросъ о государственной особности и партикулярной автономіи.

Я не спорю о томъ, что чувства сепаратизма и партикуляризма, укрѣпленныя длиннымъ періодомъ распаденія Польши на удѣлы, въ теченіе долгихъ вѣковъ сохранялись въ нашей публичной жизни и отчасти повліяли даже на политическія учрежденія; однако я тотчасъ же прибавлю, что съ этими явленіями мы встрѣчаемся и въ значительно болѣе позднихъ періодахъ, далеко простирающихся за предѣлы 1370 года. Результатомъ этихъ явленій оказывается не только то, что каждая земля имѣетъ свои особые сеймики, вѣча, земскія іерархіи, однимъ словомъ, цѣлый аппаратъ автономіи и самоуправленія, но и то, что, даже послѣ появленія цѣлаго ряда дѣлъ и органовъ, общихъ для всей Короны, сепаратизмъ сказывался еще не разъ: онъ сказывался тогда, когда отъ посполитаго рушенія уклонялись менѣе угрожаемыя земли, когда на сеймахъ не допускали до вотированія податей и направляли дѣло для рѣшенія

[1]) Зигель: «Историческій очеркъ мѣстнаго земскаго самоуправленія въ Чехіи и Польшѣ», 10.

или на областной сеймъ или даже на земскіе сеймики (при этомъ отдѣльные сеймики назначали подать на различныхъ основаніяхъ и въ различномъ размѣрѣ), когда какая-нибудь конституція общаго значенія принималась только нѣкоторыми землями, при одновременномъ отклоненіи ея другими и т. д. Не касаясь здѣсь двухъ послѣднихъ вѣковъ существованія Речи Посполитой, я утверждаю, что все это часто случалось еще и позднѣе, въ XIV и XV вв., при Ягеллонахъ; и все же никто изъ насъ, не исключая и автора, не сомнѣвается, что въ это время уже существовало единое Польское государство.

Титулятура королей и государства.

Присмотримся ближе къ тѣмъ доводамъ, которые авторъ привелъ въ подкрѣпленіе своего положенія. Прежде всего онъ говоритъ: „Но само названіе „королевства"—вслѣдствіе коронаціи Пшемысла II, бывшаго лишь княземъ Великой Польши—первоначально имѣетъ болѣе ограниченный смыслъ, относясь только къ Великой Польшѣ. Несмотря на то, что уже при Локеткѣ и Казимірѣ Великомъ понемногу начинаетъ вырабатываться болѣе широкое понятіе о королевствѣ, какъ цѣлой Польшѣ, все же съ той поры въ титулятурѣ навсегда удержался слѣдъ прежняго порядка вещей: „rex Poloniae, dux Cracoviae, Sandomiriae" и т. д.—такъ называетъ себя король польскій; нѣтъ, слѣдовательно, титула князя Великой Польши: ее-то и обозначалъ, собственно, первый титулъ—королевскій... Король—Локетокъ ли или Казиміръ—является княземъ Краковско-Сандомірскимъ—въ Малой Польшѣ, Лэнчицкимъ—въ Лэнчицкой землѣ и т. д. (стр. 40—41).

„Rex Cracoviae".

Идея опредѣленія первыхъ послѣ реставраціи королевской власти польскихъ государей, какъ королей одного только удѣла, очень стара: имѣя въ виду только всѣмъ уже извѣстные теперь факты, слѣдуетъ относить ее еще къ первой половинѣ XIV в. Тогда эта идея имѣла политическую основу. Когда Локетокъ короновался въ польскіе короли, чешскіе Люксембурги (Янъ), считая себя наслѣдниками династіи Пшемысловичей и въ Польшѣ, высказывая поэтому притязанія на титулъ польскихъ королей, вмѣстѣ съ тѣмъ не могли, конечно, признать за Локеткомъ или Казиміромъ Великимъ (въ первые годы его правленія) титула польскаго короля; отсюда идетъ названіе ихъ обоихъ:

„Rex Cracoviae“. Когда Люксембурги въ тренчинско-вышеградскомъ трактатѣ отказались отъ своихъ претензій на Польшу и признали за Казиміромъ полный титулъ польскаго короля, то первоначальная идея все-таки еще долгое время не исчезала со свѣта. Иностранные, особенно нѣмецкіе хронисты второй половины XIV в. и начала XV в., недоброжелательные къ Польшѣ или незнакомые съ положеніемъ дѣлъ (напр. Іоаннъ изъ Винтертура), не разъ давали польскимъ королямъ названіе „rex Cracoviae“. Позднѣе съ особымъ удовольствіемъ пользовались этимъ титуломъ тевтонскіе рыцари (Krzyżacy); даже въ офиціальной корреспонденціи конца XIV и начала XV в. они, часто съ язвительностью, титуловали такъ своего великаго противника, Ягеллу. Въ концѣ концовъ, эта титулятура, казалось, совершенно исчезла. И вотъ теперь она появилась снова, уже по научнымъ соображеніямъ, съ той только разницей, что, вмѣсто краковскаго удѣла, теперь поставленъ великопольскій удѣлъ, какъ территорія, ограничивающая сущность и понятіе польской королевской власти въ теченіе почти цѣлаго XIV вѣка.

Выводы изъ воззрѣній др. Кутшебы.

Мы не разбираемъ въ частностяхъ тѣхъ косвенныхъ выводовъ, которые должны были бы вытекать изъ такого пониманія дѣла, и которые все же трудно было бы объяснить на почвѣ выставленной авторомъ теоріи. Однако самъ авторъ былъ пораженъ тѣмъ, что „великопольскій“ король Локетокъ короновался въ Краковѣ. Еще болѣе удивительно другое обстоятельство, именно, что Локетокъ и Казиміръ избираютъ своей постоянной резиденціей Краковъ, внѣ границъ своего предполагаемаго „великопольскаго королевства“. Это были своеобразные „короли-изгнанники“, при томъ—добровольные. Только коротко укажу на то, что ихъ коронаціи, строго „великопольскія“, стояли бы въ поразительномъ противорѣчіи съ современными и отчасти даже болѣе старыми воззрѣніями общества, соединенными съ идеей королевской власти въ Польшѣ. Паденіе королевской власти и распаденіе государства на удѣлы разсматривали, какъ Божію кару за убійство св. Станислава, и всячески утѣшались тѣмъ, что Богъ современемъ такъ же соединитъ польскіе удѣлы въ одно общее королевство, какъ онъ чудесно соединилъ раз-

рубленные члены тѣла епископа [1]). Королевское достоинство было для современниковъ символомъ единства Польши, если не сразу фактически полнаго, то, по крайней мѣрѣ, теоретически мыслимаго. И вотъ, вопреки этому воззрѣнію современниковъ, вопреки надеждамъ, какія связывались съ коронаціей, подъ конецъ XIII в. должно было возникнуть только „великопольское“ королевство, съ начертаннымъ на челѣ девизомъ партикуляризма, королевство, измѣняющее указаннымъ идеямъ, по существу неизмѣненное даже Локеткомъ и Казиміромъ, который въ своихъ рукахъ соединилъ, кромѣ Великой Польши, главную часть остальныхъ польскихъ земель!

Тѣ доводы, которые авторъ привелъ въ своей книжкѣ, и нѣкоторыя опущенныя имъ здѣсь документальныя упоминанія, которыя авторъ, конечно, имѣлъ въ виду, выставляя свое утвержденіе, недостаточны для обоснованія послѣдняго.

Ошибочное воззрѣніе на значеніе титулятуры.

Не доказываетъ этого утвержденія, прежде всего, офиціальная титулятура польскихъ королей, съ тѣхъ поръ выработавшаяся и потомъ окончательно (съ соотвѣтствующими времени дополненіями) удержавшаяся: „rex Poloniae, dux Cracoviae, Sandomiriae, Siradiae, Lanciciae et Cuiaviae“. Хотя выраженіе „Polonia“ присоединено только къ „rex“ и пропущено во второй части титулятуры, въ спеціальномъ перечисленіи земель, относительно которыхъ монархъ опредѣляется, какъ „dux“, однако отсюда нельзя дѣлать вывода, будто бы его власть въ Великой Польшѣ (Polonia) была отличной (королевской) сравнительно съ властью въ другихъ земляхъ, гдѣ онъ, будто бы, долженъ былъ осуществлять только княжескую власть.

Реестръ земель, приведенный во второй части титула,— вовсе не противопоставленіе первой части (rex Poloniae), а обычай, повсюду наблюдаемый въ титулахъ монарховъ, и въ то время и по настоящій день, выясненіе, развитіе мысли, заключенной въ первой части титула:

---

[1]) Ср. у Кадлубка: «Sicut Boleslaus corpus s. Stanislai in multas partes secuit ...sic Deus regnum suum scidit et plures principes in eo dominari permisit. Et sicut idem corpus Deus redintegravit, sic futurum est, ut idem regnum Deus in statum pristinum restauret». Mon. Pol. II, 300; то же самое въ «Vita s. Stanislai» (1261 г.), ibid. IV, 391, 392.

король польскій (въ общемъ значеніи), и въ частности— князь (или позднѣе: государь и наслѣдникъ, pan и dziedzic, dominus et haeres) земли краковской, сандомірской и т. д. Правда, въ рядѣ земель Великая Польша не упоминается отдѣльно; но это произошло по чисто случайнымъ соображеніямъ. Хотя выраженіе „Polonia major" во второй половинѣ, особенно же въ концѣ XIII в., и нáчало появляться въ офиціальныхъ актахъ для обозначенія этой земли, но оно было еще необычнымъ новшествомъ [1]); принятымъ же, всего болѣе употребительнымъ названіемъ Великой Польши все еще была старая номенклатура: „Polonia". Помѣщеніе этого названія во второй части королевскаго титула было бы дословнымъ повтореніемъ названія, уже даннаго въ первой части (rex Poloniae), хотя тамъ оно имѣло другое значеніе (Польша вообще); въ виду тожества номенклатуръ, оно и пропущено во второй части. То же самое дѣлалось повсюду, гдѣ территоріальное названіе имѣло два значенія, болѣе обширное и болѣе тѣсное. Чешское королевство состояло изъ собственной Чехіи, Моравіи, позднѣе—и Лужицъ, не считая менѣе значительныхъ территорій; соотвѣтственно этому, титулъ чешскихъ государей гласилъ: „rex Bohemiae, marchio Moraviae et Lusatiae", безъ особаго повторенія—„Bohemiae", какъ одной изъ провинцій Чешскаго королевства; а все же никто не станетъ утверждать, что современные государи этихъ земель осуществляли королевскую власть только въ собственной Чехіи, но не въ Моравіи и въ Лужицахъ, хотя въ этихъ земляхъ и примѣнялся еще особый титулъ маркграфовъ.

Территоріальная основа королевскаго достоинства.

Что касается территоріальной основы польскаго королевскаго достоинства въ моментъ его реставраціи, то прежде всего я упомяну, что Пшемыслъ II во время коронаціи (26 іюня 1295 г.) владѣлъ не только цѣлой Великой Польшей, но и Поморьемъ, отошедшимъ къ нему по смерти Мщуя II въ концѣ 1294 г. Кромѣ того, за пять лѣтъ до коронаціи (1290 г.) онъ получилъ, по распоряженію Генриха Вроцлавскаго (Вратиславскаго — Breslau), и Малую Польшу (землю Краковскую). Правда, въ 1291 г. онъ уступилъ Краковъ Вацлаву II,

[1]) Ср., напр., Kod. dypl. Wielk. II nr. 618, 631, 660, 678, 692, 695, 724, 726, 736 и т. д.

по причинамъ и при обстоятельствахъ, которыя не вполнѣ разъяснены источниками; но, несмотря на все это, несмотря на уступку въ 1292 г. въ пользу Вацлава со стороны и другого претендента на Малую Польшу, Локетка, Пшемыслъ все-таки не отказался вполнѣ, какъ мы имѣли-бы право думать, отъ своихъ претензій на краковскую землю: еще въ документѣ 1293 г. онъ титулуетъ себя: „dux Maioris Poloniae et haeres Cracoviae“ [1]). Слѣдовательно, соединивши въ своихъ рукахъ двѣ большія польскія земли, съ претензіями на третью, при томъ такія, которыя во всемъ историческомъ развитіи до сихъ поръ играли руководящую роль (Великая и Малая Польша), Пшемыслъ легко могъ усвоить себѣ мысль о созданіи государственнаго организма общаго характера, а не только партикулярнаго, великопольскаго. Собственно, то обстоятельство, что онъ ждалъ съ коронаціей до пріобрѣтенія Поморья, на которое онъ уже получилъ „запись“, что онъ совершилъ эту коронацію вскорѣ послѣ присоединенія Поморья,—свидѣтельствуетъ о пониманіи имъ своего королевства, какъ королевства польскаго, а не великопольскаго. Правда, это королевство не обнимало всей этнографической Польши, даже если принять во вниманіе и претензіи Пшемысла на Краковъ; но весь дальнѣйшій ходъ польской исторіи свидѣтельствуетъ, что политическая идея Польскаго королевства не совпадала съ этнографическимъ понятіемъ Польши. Ягеллоны, уже несомнѣнные польскіе короли даже по взгляду самого автора, получаютъ Мазовію отчасти только во второй половинѣ и въ концѣ XV в., а окончательно даже только въ 1526 г.; и никто изъ позднѣйшихъ королей не успѣлъ пріобрѣсти (за малыми исключеніями) утраченной прежде Силезіи.

Значеніе выраженій: «rex» и «regnum Poloniae».

Наконецъ, заглянемъ въ источники, непосредственно касающіеся этого вопроса. Характерно, прежде всего, то, что въ рядѣ дипломовъ Пшемысла, изданныхъ имъ послѣ коронаціи, употребляющихъ обычную титулятуру: „rex Poloniae“, мы встрѣчаемъ одинъ (августъ 1295), въ которомъ этотъ король называется „rex Polonorum“ [2]). Навѣрно, самъ авторъ не захочетъ объяснить этотъ титулъ въ смыслѣ

[1]) Kod. dypl. Wielk. II, nr. 692.
[2]) Ibid. II, nr. 740.

„короля Великополянъ“, тѣмъ болѣе, что его никогда не употребляли старые великопольскіе князья, хотя и управляли въ одной только этой землѣ [1]). Оливская хроника называетъ Пшемысла, передъ коронаціей, „dux Poloniae“, о самой же коронаціи выражается такъ: „(Premizl) coronam regni Poloniae assecutus“ [2]): „Polonia“ (Великая Польша) и „regnum Poloniae“ (Польша), здѣсь, очевидно, противопоставляются. Еще точнѣе опредѣляетъ дѣло Рочникъ (анналы) Траски, давая въ одномъ и томъ же сообщеніи такое противопоставленіе: „Premisl, dux Maioris Poloniae... iniungitur in regem Poloniae“ [3]), т. е. не „in regem Maioris Poloniae“, какъ слѣдовало бы ожидать по предыдущему опредѣленію (въ духѣ теоріи автора). Напомню, что оба эти историческіе памятника были написаны (независимо другъ отъ друга) въ половинѣ XIV в., т. е. тогда, когда въ Польшѣ, будто бы, еще должно было удержаться понятіе „Великопольскаго“ королевства: такимъ образомъ, это противопоставленіе не можетъ быть объяснено утратой первоначальной традиціи или незнаніемъ дѣла [4]). Всѣ возможныя еще сомнѣнія разсѣиваетъ самое важное свидѣтельство—не только современное, но и детально освѣдомленное о дѣлѣ—одно мѣсто въ Chron. Aulae reg., въ той ея части, которая была написана аббатомъ Оттономъ (ум. 1314 г.), какъ жизнеописаніе короля Вацлава II (непосредственно заинте-

[1]) То обстоятельство, что Пшемыслъ въ полной титулятурѣ пользуется примѣнительно къ Поморью попеременно словами: «dux Pomeraniae» или «dux Pomeranorum» (напр. Kod. dypl. Wielk. II nr. 737), не препятствуетъ приведенному выше выводу, въ виду точнаго — съ точки зрѣнія какъ идейной, такъ и территоріальной—значенія этого послѣдняго выраженія.

[2]) Mon. Pol. VI, 315.

[3]) Mon. Pol. II, 853.

[4]) Рочникъ Малопольскій сообщаетъ, что Пшемыслъ былъ коронованъ «in regem Maioris Poloniae» (Mon. Pol. III, 186, 187); однако я допускаю, что даже самъ авторъ не захочетъ искать поддержки своему положенію въ этой самой запутанной изъ всѣхъ и поздней (XV в.) польской рочникарской компиляціи. Соотвѣтствующее мѣсто Малоп. Рочника не имѣетъ, наконецъ, значенія самостоятельной освѣдомленности источника: оно—только сокращеніе приведеннаго въ текстѣ мѣста Рочника Траски, съ неосторожнымъ соединеніемъ двухъ понятій: «dux Maioris Poloniae» и «rex Poloniae» въ одно понятіе: «rex Maioris Poloniae».

ресованнаго въ дѣлѣ коронаціи Пшемысла). Хроника подтверждаетъ, что Пшемыслъ, съ разрѣшенія ап. Престола, короновался въ короли всей Польши („in regem tocius Poloniae coronari“), съ укоризной (in contemptum) для Вацлава II (тогда князя краковскаго и сандомірскаго). Поэтому—говоритъ хроника далѣе—оскорбленный Вацлавъ отправилъ къ нему пословъ, спрашивая, по какому праву онъ возложилъ на свою голову польскую корону, которая издавна была связана съ Краковомъ [1]). Дѣло не въ правовомъ воззрѣній Вацлава, который тогда соединялъ корону съ Краковомъ, а черезъ 5 лѣтъ самъ короновался въ Гнѣзнѣ: несомнѣнно одно, что эта корона, которую онъ считалъ связанной съ Краковомъ, была не великопольской, а польской.

Авторъ Chron. Aulae reg. своимъ замѣчаніемъ разъясняетъ дѣло, которое и безъ того бросается въ глаза: коронація Пшемысла въ короли польскіе была угрозой и вызовомъ государямъ, правившимъ въ другихъ польскихъ земляхъ, была предвѣстникомъ стремленій къ объединенію этихъ земель подъ общимъ жезломъ новаго короля или его наслѣдниковъ. Между прочимъ, она была такой угрозой и по отношенію къ Вацлаву II, который уже тогда, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, правилъ въ Малой Польшѣ. Слѣдовательно, когда оказалось, что нельзя пройти мимо совершившагося факта коронаціи, то не оставалось (чешской сторонѣ) ничего другого, какъ, по крайней мѣрѣ, уменьшить значеніе этого факта, т. е. считать—какъ теперь дѣлаетъ это авторъ—королевство Пшемысла ограниченнымъ исключительно главной землей, находящейся въ его владѣніи, т. е. великопольскимъ королевствомъ; случайное тожество номенклатуры обоихъ понятій давало хорошій поводъ для этого. За эту мысль (передъ собственной коронаціей въ польскіе короли) и ухватился Вацлавъ; она—предшественница и, по содержанію, сестра позднѣйшей политической идеи Люксембурговъ, называющихъ—вплоть до Вышеградскаго трактата—польскихъ королей королями Краковскими. Послѣ скорой смерти Пшемысла Владиславъ Локетокъ выступилъ, какъ извѣстно, съ претензіями на королевское наслѣдіе Пшемысла и началъ, поэтому, употреблять въ своей

[1]) Font. rer. Bohem. IV, 60.

титулятурѣ выраженія: „dominus, dux, haeres regni Poloniae“ [1]). Вацлавъ имѣлъ основаніе столь же рѣшительно выступить противъ этой претензіи, какъ и противъ самой коронаціи Пшемысла, ибо и она косвенно заключала въ себѣ угрозу его малопольскимъ владѣніямъ. Поэтому, когда въ 1299 г. ему удалось рѣшительно одолѣть Локетка, то въ вынужденномъ у послѣдняго Вацлавомъ документѣ отъ 23 августа 1299 г. (обязательство уступить всѣ свои владѣнія) появляется титулятура: „dux Maioris Poloniae“, которой никогда предъ тѣмъ не употреблялъ Локетокъ [2]), а въ другомъ документѣ, спустя четыре мѣсяца (30 декабря 1299 г.)—титулятура: „haeres regni Maioris Poloniae“ [3]). Позднѣе, когда Вацлавъ уже носилъ на своемъ челѣ польскую корону, другой претендентъ, при томъ на одну только Великую Польшу, Генрихъ Глоговскій, еще разъ пользуется (въ 1302 г.) въ титулѣ опредѣленіемъ: „dux Slesiae, dominus Glogoviae necnon Maioris regni Poloniae“ [4]). Это—два единственныхъ указанія, ясно упоминающія о претензіяхъ на „великопольское королевство“; оба они появились подъ чешскимъ вліяніемъ, какъ временное сокращеніе первоначальнаго понятія общепольской монархіи Пшемысла II, вызванное либо тяжкой политической необходимостью (Локетокъ), либо воздѣйствіемъ установившихся незадолго предъ тѣмъ въ Чехіи воззрѣній, равно какъ и предусмотрительной политикой Силезскаго князя (Генрихъ Глоговскій) относительно могущественнаго короля двухъ славянскихъ государствъ. Для оцѣнки первоначальнаго характера королевскаго достоинства Пшемысла, какъ и позднѣйшихъ правителей Польши, эти указанія не могутъ имѣть никакого значенія.

Когда въ 1300 г. Вацлавъ II пріобрѣлъ польскую корону, то его прежнее воззрѣніе на сущность королевскаго достоинства, высказанное передъ коронаціей, подверглось существенному измѣненію. И самъ онъ теперь считаетъ себя королемъ Польши (всей). Эта перемѣна воззрѣнія объясняется сама собой: прибавляю, что она имѣла и фактическое обоснованіе, ибо въ рукахъ Вацлава тогда были объе-

---

[1]) Ср., напр., Kod. dypl. Wielk. II, nr. 771. [2]) ibid. II, nr. 818. [3]) ibid. II, nr. 828.

[4]) Kod. dypl. Wielk. II, nr. 860.

динены Поморье, Великая Польша и Малая Польша. Выраженіемъ и несомнѣннымъ отраженіемъ воззрѣній короля на это дѣло, конечно, является описаніе его коронаціи, находящееся въ современной чешской хроникѣ (Chron. Aulae reg.). Здѣсь сказано, что, послѣ побѣдоноснаго вступленія Вацлава въ Великую Польшу, „venerunt ad ipsum de Opulia, de Tetschin, de Cuiavia ac plures alii de Polonia duces... qui se regalibus serviciis applicuerunt"; въ дальнѣйшемъ же сказано: „cum rex singula rite in illis Poloniae partibus ordinasset, reversus est" [1]); эти „partes", т. е. только части его королевства, названы нѣсколькими строками выше: „terra Calissiensis, Gnyznensis, Pomerania, Posnania", т. е. вся Великая Польша вмѣстѣ съ Поморьемъ! Еще короче и ярче выражаетъ ту же самую мысль поморскій (оливскій) хронистъ: „rex Venceslaus coronam tocius regni Poloniae obtinuit" [2]).

Даже сильный противникъ Вацлава, папа Бонифацій VIII, считавшій его коронацію неправовымъ актомъ, все же признавалъ, что это была коронація въ короли всей Польши. Въ извѣстномъ посланіи 1302 г., адресованномъ Вацлаву, папа ясно говоритъ: „ad quam (sedem apostolicam) provinciae Poloniae (слѣдовательно, не только Великая Польша!) pertinere noscuntur, regium in ipsa Polonia nomen usurpas, te regem Poloniae nominando" [3]).

По смерти обоихъ Вацлавовъ наступилъ, какъ извѣстно, четырнадцатилѣтній періодъ (1306—1320), въ теченіе котораго въ Польшѣ снова не было коронованнаго короля. Но претендентъ на вакантную корону, Локетокъ, титулятурой своихъ документовъ того времени, несомнѣнно, подтверждаетъ, что онъ присвоиваетъ себѣ право на корону (всего) Польскаго королевства; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ярко освѣщаетъ вопросъ о томъ, какой именно характеръ имѣло королевское достоинство трехъ непосредственныхъ его предшественниковъ. На ряду съ выраженіемъ: „haeres, dux regni Poloniae", Локетокъ не разъ употребляетъ здѣсь титулъ: „haeres tocius regni Poloniae, dux tocius regni Poloniae" [4]). Предупреждаю, что это выраженіе нельзя понимать

---

[1]) Font. rer. Boh. IV, 82.

[2]) Mon. Pol., VI, 316.

[3]) Kod. dypl. Wielk. II, nr. 853.

[4]) Документы 1307—1318 гг., Kod. dypl. kat. krak. I, nr. 116, 119. Kod. dypl. Wielk., II, nr. 976, 979, 982 и др.

въ смыслѣ: наслѣдникъ (dziedzic) королевства всей Великой Польши (т. е. соединенныхъ удѣловъ познанскаго и калишскаго). Ибо если оба удѣла и обозначались общимъ названіемъ „Polonia“ (Великая Польша), то не было никакого повода создавать еще болѣе точную техническую (официальную) номенклатуру, присоединяя еще слово „tocius“. Точно также въ эпоху передъ коронаціей Пшемысла великопольскіе князья, даже правя всей Великой Польшей, никогда въ своей титулятурѣ не употребляли такого опредѣленія (dux tocius Poloniae); они не употребляли его даже тогда, когда оно повременамъ могло бы представлять извѣстное практическое значеніе, какъ противопоставленіе инымъ, непосредственно предъ тѣмъ существовавшимъ отношеніямъ; такъ Пшемыслъ II, присоединивъ, по смерти Болеслава Набожнаго (1279 г.), къ своему познанскому удѣлу и калишскій удѣлъ, соединивши, такимъ образомъ, въ своихъ рукахъ цѣлую Великую Польшу, все же постоянно титулуется только „dux Poloniae“. Наконецъ, всѣ приведенныя выше свидѣтельства современныхъ источниковъ, упоминая рядомъ о двухъ этихъ понятіяхъ, ясно противопоставляютъ оборотъ: „totum regni Poloniae“ понятію цѣлой Великой Польши. Отсюда вытекаетъ, что и болѣе короткая, обычно (въ періодъ 1306—1320 гг.) употребляемая Локеткомъ титулятура: „haeres regni Poloniae“ обозначаетъ его притязанія на польское, а не великопольское королевство.

Отъ конца упомянутаго переходнаго періода сохранилось нѣсколько документовъ старостъ, отъ имени Локетка управлявшихъ въ Великой Польшѣ (и въ Куявіи), употребляющихъ въ своей титулятурѣ выраженія: „capitaneus regni Poloniae“, или даже: „capitaneus tocius regni Poloniae“. Это—три документа Стефана Пенкавки и одинъ документъ Пшибыслава Хохольца, Локетковыхъ старостъ,—всѣ отъ 1318 и 1319 гг. [1]). Въ другихъ документахъ тѣ же самые старосты называютъ себя: „capitaneus Poloniae“ или „terrae Poloniae“; а такъ какъ ихъ власть, очевидно, дѣйствуетъ лишь въ границахъ Великой Польши (и Куявъ), то отсюда можно было бы заключать, что все-таки — согласно съ теоріей автора—понятіе „regnum Poloniae“ въ то время относилось

[1]) Kod. dypl. Wielk. II, nr. 1001, 1003, 1005, 1008.

только къ Великой Польшѣ. Однако этой гипотезѣ противорѣчитъ то обстоятельство, что, во-первыхъ, титулъ старосты опредѣленъ словами: „capitaneus tocius regni Poloniae“ [1]), что̀, согласно съ предыдущими выводами, нельзя относить только къ Великой Польшѣ, и что, во-вторыхъ, одновременно выступаютъ двое старостъ съ титуломъ: „capitaneus regni Poloniae“, между тѣмъ какъ старостинскую власть въ Великой Польшѣ (regnum Poloniae, въ пониманіи автора) въ данное время могъ исполнять только одинъ староста [2]).

Отсюда вытекаетъ, что значеніе указанной титулятуры заключается въ опредѣленіи не территоріальнаго объема, а скорѣе — характера и происхожденія власти упомянутыхъ старостъ. Дѣло шло объ указаніи на то, что это — старосты наслѣдника (dziedzica) Польскаго королевства, какъ теперь, напримѣръ, мы говоримъ о королевскихъ чиновникахъ, или какъ въ Польшѣ не разъ, еще въ документахъ первой половины XIII в., говорилось о чиновникахъ князя (palatinus ducis и т. д.). Особое удареніе, которое въ титулятурѣ этой должности дѣлается на ея монаршемъ характерѣ, я объясняю именно совершавшимся тогда преобразованіемъ прежнихъ княжескихъ должностей въ должности земскія, относительно которыхъ старосты (на ряду съ придворной іерархіей) являлись единственными чиновниками государя въ точномъ значеніи этого слова. Назвать ихъ чиновниками княжескими (ducis) было неудобно для наслѣдника Польскаго королевства; а назвать ихъ королевскими

---

[1]) Ibid. II, nr. 1001.

[2]) Стефанъ Пенкавка—староста великопольскій съ 1316 г., по крайней мѣрѣ, до 24 мая 1319 г. — употребляетъ, какъ мы упомянули, въ нѣсколькихъ послѣднихъ своихъ документахъ титулъ: «capitaneus regni Poloniae». Между тѣмъ уже въ документахъ 15 февраля 1319 г. (т. е. одновременно съ Пенкавкой) выступаетъ, въ качествѣ «capitaneus regni Poloniae», Пшибыславъ Хохолецъ, который и позднѣе занимаетъ эту должность. Авторъ въ своей работѣ о старостахъ (Rozpr. Akad. t. 20, str. 241, uw. I) принимаетъ, для устраненія противорѣчій, что дата послѣдняго документа ошибочна: это — не выясненіе дѣла, а только устраненіе препятствій съ пути, обоснованное тѣмъ менѣе, что документъ Хохольца сохранился въ оригиналѣ. Передвиженіе даты къ какому-либо позднѣйшему году, наконецъ, невозможно и потому, что коронація Локетка въ короли совершилась уже 20 января 1320 г., а Хохолецъ въ своемъ документѣ говоритъ о Локеткѣ, еще какъ о князѣ,

(regis) чиновниками было невозможно, такъ какъ въ это время Локетокъ еще не былъ коронованъ; поэтому они и получаютъ титулъ чиновниковъ Польскаго королевства, того самаго, на которое Локетокъ высказывалъ претензіи; и какъ самъ онъ могъ называться „haeres regni Poloniae", такъ и своимъ старостамъ могъ дать титулъ „capitaneus regni Poloniae". Косвеннымъ подтвержденіемъ предыдущихъ выводовъ является и то, что въ нѣсколько болѣе ранніе годы (1316, 1317) тѣ же самыя лица еще не употребляютъ этого титула, что онъ появляется у нихъ только наканунѣ коронаціи Локетка (начало 1320 г.), въ то время, когда у него уже вполнѣ созрѣла мысль возложить на себя королевскую корону, когда уже подготовлялись или уже были въ ходу переговоры объ осуществленіи этой мысли [1]). Принимая такую титулятуру для своихъ старостъ, Локетокъ не ввелъ, наконецъ, ничего новаго; ибо еще при Вацлавѣ II, впервые установившемъ въ Польшѣ эту должность, можно съ полнымъ основаніемъ и несомнѣнностью найти, что опредѣленіе: „capitaneus regni Poloniae" указываетъ не на территоріальный объемъ, а на характеръ старостинской власти [2]).

Въ виду всего этого, разобранная здѣсь титулятура не можетъ считаться доказательствомъ того, будто бы понятія „regnum Poloniae" и Великая Польша взаимно покрывались.

---

[1]) Послѣ коронаціи Локетка титулъ: «capitaneus regni Poloniae», созданный ранѣе, сохраняется еще короткое время у нѣкоторыхъ послѣдующихъ старостъ въ 1320—1325 гг. Kod. dypl. Poloniae II, nr. 236; Kod. dypl. Wielk. II, nr. 1045, и Arch. Sang. II, nr. 8. Послѣ этого указанный титулъ совершенно исчезаетъ, уступая мѣсто прежнему: «capitaneus Poloniae». Ср. Kutrzeba: «Starostowie», Rozpr. t. 20, str. 240, 241.

[2]) Ульрихъ изъ Босковицъ—краковско-сандомірскій староста съ 1301 г., по крайней мѣрѣ, до 14 іюля 1303 г., а великопольское староство въ теченіе цѣлаго 1301 г. (съ 27 января до 27 декабря) находится въ рукахъ Николая, князя опавскаго. Кромѣ того, Ульрихъ уже въ документѣ 27 января 1301 г. названъ «capitaneus regni Poloniae». Такъ какъ въ это время онъ не имѣлъ власти ни во всей Польшѣ, ни въ Великой Польшѣ, то, очевидно, что эта титулятура не имѣетъ въ виду территоріальнаго момента. Кутшеба (Starostowie), сопоставившій означенныя даты, не замѣтивъ настоящаго значенія титула, принимаетъ, что въ документѣ 27 января 1301 г. произошла ошибка либо въ датѣ, либо въ титулѣ (Rozpr., t. 20, str. 235).

Современныя доказательства единства королевства.

Локетокъ, уже передъ пріобрѣтеніемъ короны считая себя наслѣдникомъ цѣлаго Польскаго королевства, послѣ коронаціи послѣдовательно и самъ выступалъ и другими признавался (очевидно, исключая Люксембурговъ) королемъ всей Польши. Рочникъ Траски (пол. XIV в.) такъ выражается о коронаціи: „volens illum Deus gloria et honore illustrare aut gentem Polonicam (весь польской народъ!) magnificare... coronam est assecutus“ [1]). Въ 1333 г. Локетокъ подтверждаетъ щижицкимъ цистерціанамъ свою собственную, данную прежде (tempore ducatus eidem collatum) привиллегію, въ виду просьбы аббата, ut nostro regio insignio innovare... dignaremur [2]); какую же цѣль и правовое значеніе имѣло бы это подтвержденіе, если бы Локетокъ, въ духѣ утвержденія автора, осуществлялъ въ Краковской землѣ и далѣе ту же самую княжескую власть, какъ и передъ коронаціей. Въ 1331 г. тотъ же король даетъ городу Кракову привиллегію на таможенныя свободы, „cupientes... cives Cracovienses libertate in teloneis pristina in omnibus terris regni nostri gaudere“ [3]) Авторъ не пожелаетъ утверждать, будто бы эта свобода простиралась только на Великую Польшу. Въ 1328 г. Локетокъ подтверждаетъ любускому епископству „possessionem... omnium bonorum... in nostro regno ubicunque constitutarum“; извѣстно, что эти „bona“ были расположены главнымъ образомъ въ Малой Польшѣ, и это ясно утверждается о нихъ въ дальнѣйшей части документа: „in terris nostris Sandomiriae et Cracoviae situatarum“, при чемъ имъ противопоставляются другія, лежащія „in Maiori Polonia“ [4]). Слѣдовательно, не только Великая Польша, но и земли Краковская и Сандомірская входятъ въ составъ „regnum“. Наконецъ, какъ бы для

---

[1]) Mon Pol. II, 859. То же самое и въ нѣсколько позднѣйшихъ памятникахъ исторіографіи: «in regem Poloniae (Вел. Польши) et Cracoviae coronatus est». Roczn. Kujaw. (кон. XIV в.). ibid III, 209. «Et ex tunc (со смерти Болеслава Щедраго) vacavit corona regni Poloniae (несомнѣнно, разумѣется польское, а не великопольское королевство) usque ad Vladislaum Lokethkonem subsequentem. Tandem a. D. 1320 obtenta et restitua corona per papam». Zbier. skróc.(14/15 wiek), ibid. III, 286 v. и др.

[2]) Kod. dypl. Matop. I, nr 190.

[3]) Kod. dypl. m. Krak. I, nr. 17.

[4]) Kod. dypl. Wie elk. II, nr. 1889.

очевиднѣйшаго подтвержденія всѣхъ предыдущихъ выводовъ мы встрѣчаемъ еще въ документѣ Локетка 1333 г. титулятуру: „rex universalis Poloniae“ [1]), которую, вѣроятно, самъ авторъ не захочетъ объяснять въ значеніи „Великой Польши“.

Съ какихъ поръ образовалось единое Польское королевство?

Я заканчиваю это и безъ того уже разросшееся разсужденіе, не разсматривая аналогичныхъ вопросовъ относительно Казиміра Великаго, ибо уже самъ обсужденный здѣсь фактъ всеобщаго значенія королевской власти первыхъ четырехъ (послѣ реставраціи 1295 г.) монарховъ освѣщаетъ и характеръ королевской власти послѣдняго Пяста,—характеръ, который, въ указанномъ смыслѣ, можно бы подтвердить цѣлымъ рядомъ еще болѣе многочисленныхъ свидѣтельствъ источниковъ; я тѣмъ смѣлѣе могъ бы взяться за это дѣло, что авторъ, все еще называя и Казиміра королемъ Великой Польши, самъ же ослабляетъ и отвергаетъ силу этого своего утвержденія одной изъ обычныхъ въ его книгѣ оговорокъ, постоянно портящихъ ясность воззрѣнія и точную правовую конструкцію, именно допуская, что „уже при Локеткѣ и Казимірѣ понемногу начинаетъ вырабатываться болѣе широкое понятіе о королевствѣ, какъ цѣлой Польшѣ“ (стр. 41). Такимъ образомъ я только отвергну его воззрѣніе: понятіе это начинаетъ вырабатываться не только при Казимірѣ, когда оно уже существовало, давно выработавшись, именно со времени первой коронаціи 1295 г., которая сразу же выставила идею универсальности Польскаго королевства и въ дѣйствительности осуществила ее.

Еще о титулятурѣ.

Мой выводъ, что титулы: „rex Poloniae, regnum Poloniae“ нельзя толковать въ значеніи „король великопольскій, королевство Великопольское“, что въ нихъ заключается полное понятіе о Польскомъ королевствѣ, авторъ сопровождаетъ нѣсколькими короткими критическими замѣчаніями (О., 591—595), основывающимися, будто бы, на наблюденіяхъ, высказанныхъ мною же самимъ; всѣ эти возраженія либо недостаточно продуманы, либо возникли изъ-за недосмотра того, что̀ я написалъ, либо, наконецъ, приписываютъ мнѣ утвержденія, которыхъ я, по крайней мѣрѣ, не высказалъ. Прежде всего: я совершенно не утверждалъ того, чтобы „во многихъ слу-

[1]) Kod. dypl. Matop. I, nr. 191.

чаяхъ“ выраженіе „regnum Poloniae“ относилось ко всѣмъ польскимъ землямъ, слѣдовательно, и къ ненаходящимся подъ властью польскаго короля; напротивъ, во всемъ моемъ разсужденіи нѣтъ ни одной цитаты изъ источниковъ, которую можно было бы отнести сюда; поэтому предположеніе автора, что выраженіе „regnum Poloniae“ имѣетъ характеръ не юридическій, а скорѣе географическо-историческій, т. е. значитъ то же, что̀ и „Польша“, совершенно ошибочно. Приведенныя мною цитаты обозначаютъ это послѣднее понятіе только съ помощью выраженія „Polonia“, которое, дѣйствительно, иногда имѣетъ географическо-историческое значеніе. Несомнѣнно, авторъ не захочетъ принимать здѣсь въ разсчетъ титулятуру Локетка изъ временъ передъ коронаціей: „haeres regni Poloniae“; ибо если Локетокъ не объединилъ тогда всѣхъ польскихъ земель подъ своей властью, то, наоборотъ, онъ выражалъ этимъ титуломъ не что-нибудь конкретное, существующее въ дѣйствительности, а единственно только свои притязанія на королевскую власть въ польскихъ земляхъ. Я доказалъ уже, что употребленіе титула „rex Poloniae“ выражало политическое стремленіе къ объединенію польскихъ земель въ одно цѣлое со стороны тѣхъ государей, которые правили только въ извѣстной части этихъ земель; но зато выводъ, который дѣлаетъ отсюда авторъ, будто бы этотъ титулъ „не вліялъ на опредѣленіе публично-правового отношенія удѣловъ другъ къ другу“, тоже ошибоченъ: одинъ вопросъ независимъ отъ другого, а о второмъ изъ нихъ я подтверждаю другими доводами, что удѣлы, фактически объединенные подъ властью этихъ государей, составляли единое королевство. Наконецъ, авторъ не замѣтилъ, что по обоимъ этимъ пунктамъ я привелъ только отрицательное доказательство противъ его утвержденія, будто бы „regnum Poloniae“ обозначало „великопольское“ королевство; для меня, по крайней мѣрѣ, дѣло было не въ томъ, чтобы съ помощью этой титулятуры доказывать единство Польскаго королевства, такъ какъ у меня есть на то другія доказательства. Но сколь же удивительной является, въ свѣтѣ настоящихъ (въ „Отвѣтѣ“) выраженій автора, его теорія, выставленная въ „Исторіи“, будто бы выраженіе „regnum Poloniae“ обозначало только Великопольское королевство: теперь, вѣдь, самъ онъ старается доказать, что это

выраженіе не обозначаетъ ни Великопольскаго, ни даже исключительно Польскаго королевства, а имѣетъ еще болѣе широкое значеніе—этнографической Польши! Имѣются и дальнѣйшія возраженія: „самъ проф. Бальцеръ признаетъ, что титулъ короля и выраженіе „regnum Poloniae“ неоднократно употребляются опредѣленно въ значеніи короля и королевства Великой Польши“. Это такъ; но авторъ осторожно умалчиваетъ о томъ—какъ я уже указалъ,—что это было исключительнымъ и временнымъ, вызваннымъ политической необходимостью, сознательнымъ стѣсненіемъ дѣйствительнаго понятія, и что, съ исчезновеніемъ дѣйствующей причины, это понятіе усвоило свойственное ему значеніе: „Польскаго королевства“. Наконецъ, авторъ говоритъ: „проф. Бальцеръ не объяснилъ отсутствія спеціальнаго титула князя Великой Польши въ полномъ титулѣ польскаго короля и сослался на случай“. Напротивъ, я выяснилъ, хотя бы уже этимъ „случаемъ“: въ рядѣ земель, въ которыхъ правитъ польскій король, Великая Польша особо не упомянута потому, что, въ виду „случайнаго“ тожества номенклатуръ (Polonia=Польша, и=Великая Польша), пришлось бы послѣ словъ „rex Poloniae“ снова повторить „dux Poloniae“. Замѣчаніе, которое авторъ дѣлаетъ въ связи съ этимъ вопросомъ, очень удивило меня съ научной точки зрѣнія. „Возможно было, говоритъ онъ, воспользоваться титуломъ: „dux Posnaniensis et Calissiensis“ (вмѣсто dux Poloniae), какъ это было въ Малой Польшѣ (dux Cracoviae et Sandomiriae)“. Какъ же можно было въ этомъ титулѣ разбивать общее опредѣленіе Великой Польши (Polonia) на отдѣльныя составныя части (земли Познанская и Калишская), если вся Великая Польша находилась во владѣніи королей, если и прежніе князья этой земли, поскольку владѣли ею въ цѣлости, постоянно употребляли общій титулъ „dux Poloniae“, а не „dux Posnaniensis et Calissiensis“, среди нихъ—и самъ Пшемыслъ II, который осуществилъ первую коронацію? И для чего же, наоборотъ, нужно было отвергнуть отдѣльную титулятуру „dux Cracoviae et Sandomiae“, если, вплоть до момента включенія въ Польское государство, всѣ прежніе малопольскіе князья, въ случаѣ обладанія этой землей въ цѣлости, пользовались именно такой титулятурой? и какимъ же общимъ названіемъ можно было замѣнить эту титуля-

туру, если опредѣленіе „Polonia minor“ тогда еще не выработалось?

Повидимому, самъ авторъ не особенно вѣрилъ въ эти свои аргументы, если онъ, наконецъ, сдѣлалъ такое заключеніе, что титулъ—второстепенное дѣло въ оцѣнкѣ всего вопроса, что только „проф. Бальцеръ дѣлаетъ на немъ (этомъ вопросѣ) специальное (излишнее) удареніе“. Авторъ непослѣдователенъ: полагая, что титулятура „rex Poloniae“ обозначаетъ великопольскаго короля, онъ въ своей „Исторіи“ сдѣлалъ на ней специальное удареніе и выставилъ ее въ качествѣ одного (изъ общаго числа двухъ) аргумента, при томъ главнаго, говорящаго, будто бы, въ пользу его теоріи; въ силу этого, и я долженъ былъ специально заняться этимъ вопросомъ, чтобы обнаружить ошибочность этого воззрѣнія. Однако совершенно невѣрно то, что̀ авторъ еще прибавляетъ къ этому наблюденію, именно, будто бы я утверждалъ, что самый разборъ вопроса о титулѣ достаточенъ для опредѣленія характера публично-правовой связи отдѣльныхъ польскихъ удѣловъ. Ибо я разбиралъ не только самый вопросъ о титулѣ, но, въ связи съ заключеніемъ объ этомъ предметѣ, ясными цитатами изъ источниковъ обнаружилъ, что тогдашніе (1295—1370 гг.) властители Польши считались королями цѣлаго государства, что отдѣльные удѣлы назывались землями одного общаго Польскаго королевства, что, слѣдовательно, въ свѣтѣ самыхъ источниковъ, это королевство составляетъ единый организмъ, а не соединеніе значительнаго количества обособленныхъ маленькихъ государствъ. Я вынужденъ здѣсь, хотя бы въ общихъ чертахъ, напомнить объ этомъ затаенномъ авторомъ моемъ важнѣйшемъ доказательствѣ. Именно это доказательство—а не только вопросъ о титулятурѣ—я считаю достаточнымъ для разрѣшенія всего спорнаго вопроса, независимо отъ другихъ вопросовъ, которые соединены съ нимъ.

Вопросъ объ общихъ государственныхъ органахъ.

Отвергая принципъ періодизаціи автора, я могъ бы ограничиться этими выводами, ибо если единое королевство (въ смыслѣ территорій, которыя оно въ данную минуту охватывало) существуютъ уже въ концѣ XIII в., то нельзя относить образованія этой организаціи на цѣлый вѣкъ позднѣе, ко времени по смерти Казиміра Великаго. Но для того, чтобы исчерпать всѣ доводы, приводимые авторомъ въ доказатель-

ство своего воззрѣнія, я возвращусь еще къ другому положенію автора: будто Польша при двухъ послѣднихъ Пястахъ не имѣетъ, кромѣ государя, никакихъ общихъ государственныхъ органовъ, въ которыхъ единство монархіи выражалось бы и съ внѣшней стороны.

Характеръ королевской власти, какъ общегосударственнаго органа.

Это требованіе, какъ критерій объединенія польскихъ земель въ одно государственное цѣлое, является анахронизмомъ относительно того времени, о которомъ идетъ рѣчь. Въ государствахъ новаго времени и даже ранѣе—въ государствахъ конца средневѣковья — отсутствіе такихъ общегосударственныхъ органовъ, дѣйствительно, могло бы служить косвеннымъ доказательствомъ того, что извѣстныя земли—еще не единый государственный организмъ; кромѣ самого монарха, который принципіально можетъ править въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ государствахъ, здѣсь не оказывалось бы никакого другого связывающаго элемента, объединяющаго ихъ въ одно политико-правовое цѣлое. Иначе обстоитъ дѣло въ болѣе старое время, несомнѣнно, и въ первые семьдесятъ лѣтъ XIV в. въ Польшѣ. Государь здѣсь не только представитель государственной власти, какъ это было позднѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ—и исключительный верховный ея исполнитель. Онъ является, прежде всего, государственной законодательной властью, притомъ, въ принципѣ, исключительной. Кажется, мнѣ не нужно спорить съ авторомъ объ этомъ пунктѣ, ибо въ другомъ мѣстѣ онъ самъ же признаетъ, что даже послѣдніе Пясты принципіально удержали свою первоначальную власть, которая уменьшилась лишь постольку, поскольку они сами сдѣлали уступки въ привиллегіяхъ (стр. 42). Ихъ прежняя законодательная власть не испытала сильнаго уменьшенія въ силу этого рода уступокъ. Вѣча были въ принципѣ (юридически) только совѣщательными органами даже относительно слабыхъ удѣльныхъ князей; тѣмъ менѣе могли они ограничивать могущественныхъ монарховъ объединенной Польши. Далѣе, государь въ этомъ періодѣ является и верховной правительственной властью, т. е. какъ бы министромъ, а правильнѣе—такимъ органомъ, который въ своихъ рукахъ соединяетъ функціи позднѣйшихъ разнородныхъ министерствъ. Авторъ недостаточно оцѣнилъ принципъ „личнаго управленія государей“, свойственный всѣмъ болѣе

старымъ средневѣковымъ государствамъ: въ духѣ этого принципа король занималъ положеніе верховнаго управителя государства; этотъ принципъ велъ къ тому, что даже тогда, когда, съ теченіемъ времени, рядомъ съ королемъ уже создались извѣстныя должности, своего рода министерства, то эти должности либо совершенно, либо въ значительной степени оказались безъ строго опредѣленнаго—относительно государя—круга дѣятельности, безъ права самостоятельнаго рѣшенія; онѣ существовали только для помощи монарху и замѣщенія его въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ самъ найдетъ это нужнымъ. Если мы еще прибавимъ, что король является не только источникомъ права и справедливости въ государствѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и высшимъ для всего государства судьей, то окажется, что всѣ существенныя функціи государственной власти: законодательство, правительственная и судебная власть объединялись въ личности государя, при томъ не только какъ представителя этихъ властей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ исполнителя. Иными словами: король былъ законодательнымъ, верховнымъ административнымъ и высшимъ судебнымъ органомъ; осуществляя эту власть во всемъ государствѣ, онъ являлся, поэтому, связью всѣхъ принадлежащихъ ему земель не только какъ суверенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ (примѣнительно къ современнымъ намъ понятіямъ), и какъ законодательное учрежденіе, какъ министерство, какъ высшій трибуналъ. Слѣдовательно, какіе еще другіе органы должны были и могли появиться, чтобы можно было говорить, въ духѣ выводовъ автора, о государственномъ единствѣ Польши при двухъ послѣднихъ Пястахъ? То же самое было и въ другихъ странахъ тогдашней Европы. Въ областяхъ короны св. Стефана (Венгрія) тоже не было никакихъ другихъ, кромѣ короля, общихъ органовъ для собственной Венгріи, Седмиградья и Хорватіи; каждая изъ этихъ странъ имѣла ихъ только для себя; то же самое можно отмѣтить и въ земляхъ короны св. Вацлава, сравнивая отношенія собственно Чехіи къ Моравіи, Лужицамъ и т. п. И однако никто не захочетъ утверждать, будто бы въ то время не существовало понятія Венгерскаго или Чешскаго государства, какъ единаго политическаго цѣлаго.

Другіе общегосударственные органы.

Постепенное образованіе, рядомъ съ королемъ, и другихъ, постоянныхъ и общихъ, органовъ власти только послѣ прекращенія династіи Пястовъ объясняется другими причинами. Съѣзды во время долгаго безкоролевья послѣ смерти Людовика Венгерскаго были вызваны временной потребностью соглашенія всѣхъ земель о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ, которыхъ тогда не могъ рѣшить обычный общій органъ, король. То обстоятельство, что такіе съѣзды осуществились сразу, что земли не выступали съ мыслью о рѣшеніи вопроса по удѣламъ, путемъ обращенія къ каждой изъ нихъ въ отдѣльности, собственно и доказываетъ, что понятіе о Польскомъ государствѣ тогда уже установилось,—установилось, конечно, не съ этого только момента. Наконецъ, со времени Ягеллы формируется и общій съѣздъ сановниковъ и чиновниковъ цѣлаго государства, въ качествѣ совѣщательнаго органа при королѣ, органа общаго, потомъ названнаго сенатомъ; а подъ конецъ XV в. появляется общій для всей Короны законодательный органъ, „вальный" (общій) сеймъ. Однако оба эти учрежденія обязаны своимъ появленіемъ не только тому, что обособленныя до сихъ поръ земли почувствовали потребность объединиться въ одно государственное цѣлое: они родились подъ воздѣйствіемъ другого фактора, именно стремленія ограничить власть государей въ пользу высшихъ слоевъ общества. При Ягеллонахъ въ теченіе среднихъ вѣковъ установилась, въ концѣ концовъ, и организація нѣсколькихъ верховныхъ придворныхъ должностей, какъ должностей сословныхъ, простирающихъ свою дѣятельность на цѣлую Корону; но и она установилась не потому, чтобы прежде всего хотѣли создать связи для объединенія польскихъ земель въ одно государство, а только потому, что, въ виду роста задачъ и круга администраціи, сказалась нужда въ созданіи такого прочнаго чиновничьяго аппарата, который или помогалъ бы королю въ управленіи государствомъ или отчасти замѣщалъ бы его. Но и тогда эти должности еще не вполнѣ устраняютъ средневѣковый принципъ личнаго правленія государя, ибо онѣ еще не обладаютъ точно опредѣленной—относительно самого короля—компетенціей, правомъ самостоятельныхъ рѣшеній; даже конституція 1504 года не вполнѣ устранила этотъ принципъ. Такимъ образомъ ге-

незисъ всѣхъ общихъ органовъ, появившихся послѣ 1370 года, имѣетъ свой источникъ не тамъ, гдѣ ищетъ его авторъ. Нельзя противопоставлять ихъ болѣе старымъ учрежденіямъ, утверждая, будто они—внѣшнее выраженіе формирующагося единства Польскаго государства, ранѣе, будто бы, не существовавшаго. Общій законодательный и административный органъ существовалъ и ранѣе, только онъ представлялся исключительно личностью короля; роль отличныхъ отъ него общихъ органовъ, появившихся съ теченіемъ времени, въ настоящемъ случаѣ ограничивается только тѣмъ, что они усвоили себѣ часть тѣхъ прерогативъ, которыя ранѣе были у одного только короля.

Общегосударственныя должности и съѣзды.

Наконецъ, обращаю вниманіе еще на то, что уже при обоихъ послѣднихъ Пястахъ въ Польшѣ появляются и извѣстные общегосударственные органы. Объ одной ихъ группѣ говоритъ самъ авторъ: сюда относятся краковскіе канцлеръ и подканцлеръ, равно какъ и краковскій подскарбій (стр. 47). „Но это лишь зачатки новыхъ должностей, которыя должны потомъ стать центральными властями“ (стр. 47), осторожно прибавляетъ авторъ, перенося такимъ образомъ пунктъ тяжести вопроса на періодъ послѣ 1370 года. Какъ бы то ни было, слѣдуетъ признать, что уже тогда существуютъ извѣстные общіе правительственные органы. Я не допускаю, чтобы можно было признать ихъ только зачатками, предвѣстникомъ болѣе поздняго объединенія польскихъ земель въ одно государственное цѣлое: ибо одновременно съ ними, даже ранѣе, можетъ быть обнаружено существованіе и другихъ общихъ органовъ, правда, еще не устроенныхъ прочно, выступающихъ случайно, но, какъ бы то ни было, свидѣтельствующихъ о существованіи государственнаго единства Польши. Это—съѣзды сановниковъ и чиновниковъ со всей Короны, о которыхъ авторъ не только не упоминаетъ, но даже прямо отрицаетъ ихъ существованіе (стр. 48). А все-таки въ то время такіе съѣзды происходили такъ же, какъ и позднѣе, при первыхъ Ягеллонахъ; это были, конечно, не законодательные съѣзды, ибо власть издавать конституціи (законы) принадлежала собственно королю, а лишь совѣщательный органъ, созываемый королемъ для выслушиванія мнѣній или для совѣщаній о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ. Такимъ общегосударственнымъ съѣздомъ,

конечно, было и то вѣче, на которомъ былъ принятъ общій статутъ Казиміра Великаго, тотъ самый статутъ, о которомъ слѣдуетъ напомнить, что онъ принципіально провозгласилъ единство права и однообразіе монеты во всемъ государствѣ, что онъ организовалъ „defensionem totius regni“ и обосновалъ эти мѣропріятія такимъ соображеніемъ: „cum sub uno principe et capite eadem gens iura diversa habere non debeat“. Какъ бы мы ни смотрѣли на генезисъ и составъ Казиміровскихъ статутовъ, будемъ ли мы считать общій статутъ особымъ законодательнымъ актомъ, какъ это думаетъ большинство ученыхъ съ Гельцелемъ во главѣ, или примемъ вмѣстѣ съ Губе, что общій статутъ былъ опубликованъ вмѣстѣ съ строго малопольскими статутами—все же несомнѣнно одно: разъ этотъ статутъ заключалъ въ себѣ распоряженія, имѣвшія обязательную силу для цѣлой Польши, и въ то же время былъ принятъ на вѣчѣ, т. е. на собраніи сановниковъ и чиновниковъ, то это вѣче не могло быть собраніемъ ни исключительно малопольскихъ, ни исключительно великопольскихъ чиновниковъ, а было собраніемъ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. То обстоятельство, что на извѣстномъ и по другимъ документамъ вислицкомъ вѣчѣ 1368 г., къ которому обычно относятъ возникновеніе общаго статута, засвидѣтельствовано присутствіе только малопольскихъ сановниковъ [1]), ничего не значитъ, ибо извѣстно, что единственнымъ основаніемъ, на которомъ опирается такое датированіе общаго статута, является довольно поздняя, XVI в., ничѣмъ не обоснованная коньектура Пшилускаго. Присоединяю еще одинъ, несомнѣнный и ясно засвидѣтельствованный въ источникахъ, случай устройства общаго съѣзда со всей Польши, при томъ такой, который относится еще ко времени Локетка. Я имѣю въ виду Хэнциньскій съѣздъ 1331 года, о которомъ можно утверждать, совершенно оставляя въ сторонѣ даже колоризацію Длугоша, на основаніи только современнаго источника, что онъ занимался вопросомъ о передачѣ королевичу Казиміру (Великому), въ виду престарѣлаго возраста его отца Локетка, намѣстнической власти въ Великой Польшѣ, Сѣрадзѣ и Куявахъ [2]). Если бы объ этомъ съѣздѣ, вырази-

[1]) Kod. dypl. Małop. I, nr. 297.
[2]) Mon. Pol. II, 855.

тельно названномъ „colloquium“, не было никакихъ другихъ извѣстій, то уже одно только упоминаніе о немъ въ Рочникѣ было бы достаточно для утвержденія объ его общепольскомъ характерѣ: если онъ произошелъ на малопольской территоріи, то въ немъ не могли участвовать исключительно великопольскіе сановники; если же онъ разрѣшилъ вопросъ первостепенной важности для Великой Польши, то этого не могли сдѣлать исключительно малопольскіе паны. Наконецъ, нѣтъ нужды прибѣгать къ однимъ только домысламъ; сохранился документъ Локетка, изданный на Хэнциньскомъ вѣчѣ 1331 г.: въ ряду приведенныхъ въ немъ шести свидѣтелей выступаютъ четыре малопольскихъ и два великопольскихъ сановника [1]).

Причины исключительнаго характера государственныхъ съѣздовъ.

Такимъ образомъ, идя отъ 1370 г. назадъ, вплоть почти до перваго момента, когда куявскіе Пясты возобновили Польское королевство, мы можемъ подтвердить существованіе общепольскихъ съѣздовъ. И нельзя заблуждаться относительно ихъ значенія: это—не начало того процесса объединенія государства въ органическую публично-правовую индивидуальность, который долженъ былъ, въ дѣйствительности, осуществиться лишь позднѣе, послѣ 1370 года; нѣтъ, это—выраженіе совершившагося уже въ ту пору объединенія. То обстоятельство, что, на ряду съ этимъ, еще не разъ происходятъ удѣльныя (областныя) вѣча, малопольскія или великопольскія, объясняется принципомъ автономіи, которую сохранили отдѣльные польскіе удѣлы, или земли, включенные въ единый государственный организмъ; но здѣсь нѣтъ доказательства того, будто еще не существовало такого единаго организма, какъ нѣтъ такого доказательства и въ позднѣйшихъ съѣздахъ такого же рода (вѣчахъ, земскихъ сеймикахъ, областныхъ сеймикахъ), когда уже и самъ авторъ, конечно, принимаетъ установленіе понятія о Польскомъ государствѣ. Нисколько не мѣшаетъ дѣлу и то, что передъ 1370 г. найдется немного примѣровъ созыва общихъ съѣздовъ. Во-первыхъ, мы не знаемъ, о всѣхъ ли такихъ состоявшихся съѣздахъ сохранились извѣстія. Во-вторыхъ, даже въ началѣ правленія Ягеллоновъ эти съѣзды тоже еще не очень часты. Наконецъ—и это самое важное—

[1]) Kod. dypl. Małop. II, nr. 604.

болѣе частое устройство такого рода съѣздовъ, хотя принципіально обладавшихъ лишь совѣщательнымъ голосомъ, все же фактически угрожало извѣстнымъ стѣсненіемъ королевской власти; поэтому и послѣдніе Пясты созывали ихъ только въ исключительныхъ случаяхъ, въ виду крайней необходимости. Поэтому, далѣе, указанная исключительность—не выраженіе незавершившейся еще консолидаціи польскихъ земель въ единое государственное цѣлое; она можетъ имѣть своимъ источникомъ совершенно иныя побужденія. Для иллюстраціи я приведу данныя изъ современной исторіи Венгріи въ правленіе обоихъ Анжуйцевъ, по слѣдамъ которыхъ, какъ извѣстно, во многихъ отношеніяхъ шла внутренняя политика обоихъ послѣднихъ Пястовъ. Въ Венгріи (собственной) сеймовая организація установилась и правильно дѣйствовала уже во 2-й пол. XIII в.; однако, когда здѣсь, послѣ прекращенія династіи Арпадовичей, появились Анжуйцы, съ сильнымъ сознаніемъ власти, со стремленіемъ удержать ее во всей полнотѣ, то отношенія измѣнились: Карлъ Робертъ въ теченіе почти 40-лѣтняго своего правленія созвалъ сеймъ всего лишь нѣсколько разъ, а Людовикъ, тоже въ теченіе 40 лѣтъ, созвалъ его только одинъ разъ. Насколько же легче было стать на стражѣ неприкосновенности полноты государевыхъ правъ наслѣдственнымъ, ведшимъ свое происхожденіе отъ древней туземной династіи Пястамъ!

Мнимыя доказательства автора.

Здѣсь авторъ (въ „Отвѣтѣ“) возражаетъ мнѣ, что, „по его мнѣнію“, принципъ личнаго управленія государя подходитъ для X или XI вв., но для XIV в. является „анахронизмомъ“, равно какъ и то, что рѣшающее значеніе имѣетъ здѣсь вопросъ о томъ, какимъ образомъ государь осуществляетъ свое правленіе, особо ли для каждаго удѣла или совокупно для всѣхъ; послѣ этого онъ утверждаетъ, 1) что существовали особыя коронныя должности (канцлеръ, подскарбій) для каждаго удѣла, 2) что не было общихъ съѣздовъ (законодательныхъ) для цѣлаго государства, а были только отдѣльные удѣльные, 3) что нѣтъ общаго королевскаго суда, а имѣются только суды, отправляемые королемъ въ отдѣльныхъ земляхъ, при участіи мѣстнаго судьи и подсудка, такъ называемые королевскіе суды особо въ каждомъ удѣлѣ—и этимъ онъ снова обосновываетъ свой тезисъ объ отсут-

ствіи признака объединенія у тогдашняго Польскаго государства, о неорганическомъ соединеніи удѣловъ, входящихъ въ его составъ.

Вопросъ о „личномъ правленіи“ государя.

Вопросъ о томъ, какъ долго держался въ европейскихъ государствахъ принципъ личнаго правленія государя, можетъ быть рѣшенъ только съ помощью основательныхъ научныхъ изысканій, а не простымъ „моимъ мнѣніемъ“ автора; тѣмъ болѣе, что авторъ, какъ, повидимому, вытекаетъ изъ его утвержденія, не схватилъ надлежащимъ образомъ самой сущности дѣла. Несмотря на существованіе при королѣ опредѣленныхъ должностей, какъ бы верховныхъ, чаще всего съ характеромъ такъ называемыхъ придворныхъ должностей, принципъ личнаго управленія можетъ держаться и держится такъ долго, какъ долго объемъ дѣятельности этихъ должностей, примѣнительно къ отдѣльнымъ случаямъ, зависѣлъ отъ воли государя, а сами эти должности еще не получили извѣстнаго самостоятельнаго круга дѣятельности даже относительно самого правителя. Пока это не наступитъ, должностныя лица являются только случайными замѣстителями государя въ дѣлахъ верховнаго управленія, даже независимо отъ того, дѣйствуютъ ли они въ данномъ случаѣ на основаніи спеціальнаго полномочія государя, или на основаніи молчаливаго его согласія, въ соотвѣтствіи съ выработавшимся обычаемъ; ибо даже въ этомъ послѣднемъ случаѣ государь можетъ взять въ свои руки каждое дѣло и разрѣшить его лично, по собственному усмотрѣнію. По удачному опредѣленію одного изъ новѣйшихъ изслѣдователей этого вопроса, эти должности дѣйствуютъ только вмѣсто государя, а не рядомъ съ нимъ [1]). Если бы авторъ обратилъ вниманіе на эти моменты, то, конечно, онъ не такъ щедро расточалъ бы упреки въ „анахронизмѣ“, опасаясь, какъ бы они, силой вещей, не обратились противъ него самого. Ибо понятый такимъ образомъ принципъ личнаго управленія государя жилъ на цѣлые 500 лѣтъ дольше, чѣмъ допускаетъ то авторъ, даже въ Западной Европѣ, и былъ устраненъ здѣсь только на рубежѣ среднихъ и новыхъ вѣковъ, одновременно съ преобразованіемъ

---

[1]) Adler: «Organisation d. Centralverwaltung unter Maximilian I», стр. 226.

администраціи въ духѣ новаго времени. Въ качествѣ типичнаго примѣра такой перемѣны, можно привести реформу, осуществленную Максимиліаномъ I въ австрійскихъ земляхъ въ концѣ XV и въ началѣ XVI вв., т. е. введеніе такъ называемаго „Regiment"'а, который только впервые и получилъ право самостоятельнаго рѣшенія предоставленныхъ ему дѣлъ, при томъ такимъ образомъ, что государь обязался не отмѣнять соотвѣтствующихъ распоряженій. Эта реформа считается—какъ тѣми изслѣдователями, которые спеціально занимались этимъ вопросомъ, такъ даже и авторами руководствъ, хотя бы, напримѣръ, нѣмецкихъ—первымъ опытомъ разрушенія принципа личнаго управленія государя. Авторъ не можетъ сослаться въ свое оправданіе даже на то, что на этотъ вопросъ до сихъ поръ не было обращено вниманія въ польской литературѣ; вѣдь, въ трудѣ Бобжиньскаго, на который авторъ столько разъ ссылается противъ меня, ясно сказано, что принципъ личнаго управленія примѣнялся въ Польшѣ еще въ началѣ XVI вѣка [1]).

Значеніе удѣльныхъ должностей и формація должностей государственныхъ.

На основѣ этихъ наблюденій можно оцѣнить силу того доказательства, которое почерпнуто авторомъ для поддержки своего тезиса изъ факта существованія при королѣ за все время вплоть до 1370 г. особыхъ удѣльныхъ должностныхъ лицъ, какъ то: канцлеровъ, а отчасти и подскарбіевъ—краковскихъ, великопольскихъ, куявскихъ и т. п. Держась хотя бы уже аналогіи габсбургскихъ земель, я упомяну вообще, что само существованіе должностей этого рода—даже если бы положеніе ихъ въ тогдашней Польшѣ было несравненно сильнѣе, чѣмъ было въ дѣйствительности—еще не является доказательствомъ того, будто соотвѣтствующіе удѣлы составляли обособленныя государственныя единицы. Такія особыя начальствующія власти могутъ быть выраженіемъ названной обособленности, но не должны быть имъ; самъ фактъ ихъ существованія—не доказательство упомянутаго тезиса. Несомнѣнно, мы не станемъ считать Галицію, въ ближайшее время послѣ присоединенія къ Австріи, обособленнымъ государствомъ, связаннымъ съ остальными вла-

---

[1]) Sejmy pol. za Olbrachta i Aleksandra, Ateneum 1876, II, стр. 332. Ср. также замѣчанія Гальбана объ австрійскихъ земляхъ въ «Przeg. prawa i administr.» 1899, стр. 881.

дѣніями Габсбурговъ только личной уніей,—считать лишь потому, что она въ концѣ XVIII в. дважды имѣла свою особую придворную канцелярію, въ качествѣ главной административной власти; точно также Седмиградье до второй половины XIX в. не составляло относительно Венгріи особаго государства только потому, что существовали двѣ отдѣльныя канцеляріи: венгерская и седмиградская. Переходя отъ аналогій къ непосредственно интересующему насъ дѣлу, я установлю цѣлый рядъ важныхъ для рѣшенія настоящаго вопроса фактовъ и явленій относительно дворцовыхъ и коронныхъ должностей изъ первыхъ 70 лѣтъ XIV в., основываясь на цѣнной монографіи самого же автора объ этихъ должностяхъ; удивительно, какъ то, что̀ даетъ теперь авторъ по этому предмету въ своихъ „Исторіи" и „Отвѣтѣ", отличается неточностью, а отчасти противорѣчитъ собственнымъ его прежнимъ сужденіямъ. Я не буду говорить о должностяхъ маршалка и кухмистра, какъ остроумно предполагаетъ авторъ; остановлюсь на подскарбіи и канцлерскихъ должностяхъ. Такъ вотъ, подскарбій, происходящій отъ прежняго краковскаго подскарбія, уже въ 1320 г.—а по большей части и позднѣе—выступаетъ, какъ „thesaurarius curiae", „что указываетъ на связь его съ дворомъ, представлявшимъ центръ, общій для всего государства", и пріобрѣтаетъ не только какой-то фактическій перевѣсъ надъ остальными удѣльными подскарбіями, какъ говоритъ авторъ (Исторія, 47 и О., 593): уже съ этого времени „удѣльные скарбники исчезаютъ или, по крайней мѣрѣ, почти что сразу утрачиваютъ свои прерогативы"; „это—уже въ XIV в. только пустой титулъ", а краковскій скарбникъ выступаетъ, „какъ дворцовая должность, а не удѣльная", и уже при Локеткѣ „становится скарбникомъ всего государства" [1]). Что касается канцлеровъ, то, дѣйствительно, на ряду съ краковскимъ, имѣется и нѣсколько другихъ, удѣльныхъ, канцлеровъ, но уже со времени коронаціи Локетка выступаетъ только одинъ на все государство подканцлеръ, скоро получающій титулъ „vicecancellarius curiae"; съ этого времени, даже и ранѣе—въ 1314 и 1318 гг.—онъ-то именно и приготовляетъ документы не только для Краковскаго удѣла, но чаще и для всѣхъ остальныхъ, съ

[1]) Kutzeba: «Urzędy koronne i dworskie», 62, 77, 79.

устраненіемъ участія въ этомъ дѣлѣ соотвѣтствующихъ удѣльныхъ канцлеровъ, даже тогда, когда они находятся при королѣ, когда король пребываетъ въ ихъ удѣлахъ, и когда дѣло идетъ о чемъ-нибудь такомъ, что̀ касается этихъ удѣловъ. „Здѣсь многое зависѣло отъ воли... государя"—который, такимъ образомъ, по своему усмотрѣнію рѣшалъ вопросъ объ участіи въ дѣлѣ чиновниковъ канцеляріи и безъ малѣйшихъ сомнѣній устранялъ ихъ отъ участія въ подлежащихъ имъ, по принципу, дѣлахъ [1]). „Основы для образованія центральныхъ властей заключаются (уже) въ дѣятельности Локетка;" [2]) придворныя удѣльныя должности уже тогда либо̀ исчезаютъ, либо въ сильной степени утрачиваютъ свои прерогативы въ пользу чиновниковъ съ центральнымъ характеромъ. И эти-то должности, полное ничтожество которыхъ, съ точки зрѣнія занимаемаго ими положенія, бросается въ глаза уже съ начала XIV в., которыя не смогли удержать даже элементарныхъ своихъ правъ, вытекающихъ изъ ихъ удѣльнаго положенія, являются теперь, по мнѣнію автора, для всего почти XIV в. одной изъ сильнѣйшихъ основъ и, кромѣ того, выраженіемъ государственной обособленности отдѣльныхъ удѣловъ! Кончая рѣчь о должностяхъ, я обращу еще вниманіе на отмѣченное уже отношеніе ихъ къ королю. Мы видѣли, что, собственно, отъ королевскаго признанія и выбора зависѣло то, услугами котораго изъ чиновниковъ канцеляріи пожелаетъ онъ воспользоваться; „правила не слишкомъ стѣсняютъ волю государя, который можетъ производить перемѣны, въ отдѣльныхъ случаяхъ произвольно отступать отъ обычныхъ нормъ" [3]). И это относится не только къ чиновникамъ удѣловъ, лежащихъ за предѣлами Малой Польши, но даже и къ тѣмъ, которые, по мѣстопребыванію, были всего ближе къ королю,—къ чиновникамъ краковскимъ, превратившимся, собственно, уже тогда въ центральныхъ чиновниковъ. И эти послѣдніе „во всей своей дѣятельности остаются... въ абсолютной зависимости отъ воли государя. Что̀ онъ прикажетъ имъ, то они и должны исполнять. Они не имѣютъ

---

[1]) Ibid., стр. 12, 16, 21, 22, 25, 29.
[2]) Ibid., стр. 3.
[3]) Ibid., стр. 29.

права касаться содержанія акта, входить въ изслѣдованіе того, соотвѣтствуетъ ли онъ закону... Они не имѣютъ права сопротивляться волѣ государя, хотя бы онъ и нарушалъ правовыя нормы... Первоначально канцлеръ даже не зналъ о всѣхъ актахъ, выходившихъ отъ имени короля, если монархъ издавалъ ихъ не разъ только „per manus" котораго нибудь изъ нотаріевъ" [1]). Такъ ничтожно—снова по опредѣленію (прежнему) самого автора—положеніе (относительно самого короля) даже тѣхъ чиновниковъ, которые съ внѣшней стороны выдвинулись на первое мѣсто. Принципъ личнаго управленія государя доказанъ вполнѣ. Напомню, что мы говоримъ о XIV, а не о X вѣкѣ!

Еще о государственныхъ съѣздахъ.

Чтò касается общихъ съѣздовъ со всей Польши, рѣшающихъ вмѣстѣ съ королемъ законодательныя и другія важнѣйшія общегосударственныя дѣла, то я опровергну, прежде всего, то, чтò авторъ неосновательно приписываетъ мнѣ (О. 591), будто бы я утверждалъ, что еще до 1370 г. существуютъ этого рода органы, въ качествѣ постоянныхъ (институтовъ); между тѣмъ я выше ясно отмѣтилъ, что они вырабатываются только послѣ прекращенія династіи Пястовъ, а до этого являются лишь случайно и въ видѣ исключенія. Я разъяснилъ и ту причину, почему при Пястахъ не могло выработаться такой постоянной организаціи, при чемъ указалъ и на то, что, несмотря на это, въ лицѣ короля существуетъ общій для всего государства законодательный органъ. Я привелъ нѣсколько примѣровъ такого случайнаго отправленія общихъ съѣздовъ. Первый общегосударственный съѣздъ—это тотъ, на которомъ былъ принятъ такъ называемый общій статутъ Казиміра Великаго. Авторъ, ссылаясь на новую науку, утверждаетъ, что она не признаетъ никакого общаго статута этого короля. Это извѣстно, хотя и не точно передано здѣсь, ибо и новая наука въ лицѣ Бобжиньскаго высказалась въ этомъ случаѣ въ пользу мнѣнія Гельцеля [2]), которое, по словамъ автора, „теперь уже не имѣетъ значенія въ наукѣ".

Два первыя послѣ Гельцеля поколѣнія ученыхъ, которыя работали надъ выясненіемъ генезиса статутовъ Кази-

---

[1]) Kutrzeba: «Urzędy», стр. 37, 38.

[2]) Bobrzyński въ рецензіи Губе въ «Niwa», 1882 г.

міра и во многихъ деталяхъ дѣйствительно полемизировали съ Гельцелемъ, предоставили третьему поколѣнію высказать такое рѣшительное сужденіе о гипотезѣ маэстро нашей науки; стóитъ прочитать, какъ осторожно и съ какими оговорками, въ формѣ гипотезъ, высказываются противъ теоріи о существованіи общаго статута такіе ученые, какъ, напримѣръ, Губе [1]) или Пѣкосиньскій [2]). Можетъ быть, придетъ время, когда воззрѣніе Гельцеля въ этомъ пунктѣ получитъ въ наукѣ полное право гражданства. Тѣмъ временемъ я приведу нѣсколько соображеній для обоснованія своей согласной съ Гельцелемъ точки зрѣнія. Итакъ, прежде всего: въ предисловіи къ статуту, который теперь считается малопольскимъ, Казиміръ, „rex Poloniae... in terris dominio nostro subiectis“ (слѣдовательно, не только малопольскихъ), повелѣваетъ соблюдать изданныя распоряженія; въ предисловіи къ статутамъ великопольскимъ опредѣленно упоминается только уже „terra Poloniae“ (Великая Польша). Не подчеркиваю особенно такихъ оборотовъ, какъ: „ex communi usu in regno nostro observatur“ [3]) или: „clerici nostri regni bona tenentes“ [4]), ибо авторъ, несомнѣнно, отвѣтитъ мнѣ здѣсь, что это только указаніе на извѣстные обычаи, соблюдаемые во всей Польшѣ, ничего не говорящее относительно объема обязательной силы самихъ статутовъ; вмѣсто этого я приведу постановленія, изданныя, очевидно, для всего королевства. Итакъ: „in iudiciis regni nostri... quilibet homo debet habere suum advocatum“ [5]) ; „cum sub uno principe eadem gens diverso iure non debeat frui... expedit publicae rei, ut uno et aequali iudicio tam Cracovienses quam Poloni iudicentur“ [6]); „ex quo unus princeps—unum ius, una moneta in toto regno debet haberi“ [7]). Нѣкоторыя изъ этихъ мѣстъ я отчасти привелъ уже выше; очевидно, авторъ не прочиталъ цѣликомъ соотвѣтствующихъ текстовъ; онъ утверждаетъ, что это—только мотивы закона,

[1]) Prawo polskie w w. XIV, стр. 43, 44: «повидимому, нельзя допустить общаго ихъ засѣданія въ Вислицѣ». [2]) Uwagi nad ustawodawstwem wisl.-piotrk. стр. 26: «я не допускаю, чтобы произошло какое-либо большое вѣче... на которомъ совмѣстно голосовали бы сановники разныхъ земель». [3]) Распланировка Губе I, атр. 49. [4]) Ibid. I арт. 106, [4]) Ibid. I, арт. 92.

[5]) Ibid. I, арт. 92. [6]) Ibid. II, арт. 35, [7]) Ibid. II, арт. 38.

упоминающіе о всемъ королевствѣ, на основаніи которыхъ нельзя заключать, что онъ изданъ для всего государства. Теперь дѣло выясняется: мы имѣемъ здѣсь не только мотивы, но и дѣйствительныя постановленія, изданныя для цѣлой Польши. Всѣ переводы, данные въ опубликованныхъ доселѣ (цѣликомъ) трудахъ съ той цѣлью, чтобы отнести всѣ такого рода мѣста только къ удѣльному статуту, искусственны и неудовлетворительны; единственный способъ дѣйствительнаго ихъ объясненія—это принятіе тезиса, что Казиміръ Великій (на ряду съ удѣльными статутами) издалъ и общій статутъ для цѣлаго государства. А если такъ, то и то вѣче, при участіи котораго онъ издалъ этотъ статутъ, должно быть съѣздомъ со всей Польши. Это потверждается единственнымъ современнымъ свидѣтельствомъ источника, какое мы имѣемъ о законодательствѣ Казиміра—Янкомъ изъ Чарнкова: „convocatis totius regni sui praelatis et nobilibus baronibus... iudicia iuri et rationi consona... de communi consensu praelatorum et baronum in scriptis redegit perpetuis temporibus observanda“ [1]).

Къ числу общегосударственныхъ съѣздовъ, происходившихъ при Казимірѣ Великомъ, я прибавлю теперь еще Сулейовскій съѣздъ (въ Калишскомъ удѣлѣ) 1350 г., въ которомъ принимаетъ участіе цѣлый рядъ великопольскихъ и малопольскихъ сановниковъ, и который рѣшаетъ дѣла, касающіяся обоихъ удѣловъ [2]). Обращаюсь назадъ въ эпоху Локетка, къ упомянутому ранѣе хенциньскому съѣзду 1331 г. Ясное извѣстіе современнаго источника (пол. XIV в.) точно подтверждаетъ, что этотъ съѣздъ, происходившій въ Малой Польшѣ, занимался исключительно великопольскимъ вопро-

---

[1]) Mon. Pol. II, 624. Сторонники теоріи исключительно удѣльнаго законодательства Казиміра Великаго либо совершенно не замѣчаютъ—удивительное дѣло—этого мѣста, либо, какъ Губе, Prawo pol. XIV w., стр. 45, даютъ ему такое объясненіе, слабыя стороны котораго прямо бросаются въ глаза: «Янъ изъ Чарнкова..., въ качествѣ королевскаго служилаго человѣка, имѣлъ только (?) въ виду статутъ вислицкій (малопольскій) и, для поднятія его значенія (?), хотѣлъ видѣть въ немъ дѣло прелатовъ и бароновъ цѣлаго королевства».

[2]) Ср. у Пѣкосиньскаго: «Uwagi o ustawod. wiśl.-piotrk.», стр. 64, пr. 81.

сомъ, а сохранившійся документъ этого съѣзда называетъ въ ряду его участниковъ малопольскихъ и великопольскихъ сановниковъ. Для автора всѣ эти несомнѣнныя извѣстія ничего не значатъ; доказавъ, что не было общаго съѣзда по поводу Калишскаго трактата 1343 г. и будинскаго договора 1355 г., авторъ дѣлаетъ такое заключеніе: „Въ виду того, что ни предъ этой датой, ни послѣ нея нельзя указать ни одного общаго съѣзда, нѣтъ основаній допускать, что это былъ такой общій съѣздъ“. Это такая же самая аргументація, какъ и та, будто, несмотря на ясное свидѣтельство источника, лэнчицкій сеймикъ въ 1412 еще не сложился—потому...... что около той же даты нѣтъ иныхъ извѣстій о его существованіи. Авторъ не приводитъ другихъ аргументовъ, кромѣ одного еще, пожалуй, замѣчанія, что присутствіе великопольскихъ сановниковъ, засвидѣтельствованное хенциньскимъ документомъ, можетъ быть случайнымъ. Случайно присутствіе великопольскихъ сановниковъ на съѣздѣ, который занимается дѣломъ par excellence великопольскимъ! Если, наконецъ, хенциньскій съѣздъ—исключительно малопольскій съѣздъ, то какъ же объяснитъ авторъ, на основѣ своей теоріи о государственной обособленности удѣловъ, тотъ фактъ, что малопольскій съѣздъ рѣшаетъ дѣло, касающееся другого „государства“—Великой Польши?

Да позволено будетъ мнѣ замѣтить, что такимъ методомъ доказательствъ мы не принесемъ пользы наукѣ, ибо докажемъ все, что̀ кому-либо покажется удобнымъ. Въ дѣйствительности, приведенные источники доказываютъ, прежде всего, слѣдующее: произошелъ общій малопольско-великопольскій съѣздъ. И кромѣ того, они доказываютъ и еще кое-что: это не былъ какой-то съѣздъ для разрѣшенія вопроса о взаимныхъ внѣшнихъ отношеніяхъ обоихъ удѣловъ, который могъ бы произойти и въ томъ случаѣ, если бы мы даже признали ихъ государственную обособленность; предметомъ обсужденія было здѣсь дѣло чисто мѣстнаго, великопольскаго характера (передача королевичу намѣстнической власти въ Великой Польшѣ). Если въ этомъ вопросѣ внутренняго характера имѣютъ голосъ, на ряду съ великопольскими сановниками, и малопольскіе, то это доказываетъ, что оба удѣла составляли тогда органическое го-

сударственное цѣлое—ибо въ противномъ случаѣ этотъ вопросъ должна была бы рѣшать только одна Великая Польша. Поэтому-то разбираемый съѣздъ—даже если-бы мы не имѣли косвенныхъ указаній на другіе, происходившіе потомъ съѣзды,—самъ по себѣ вполнѣ подтверждаетъ тезисъ о существованіи идеи единаго польскаго государства уже при Локеткѣ. Дѣло не въ томъ, чтобы такіе съѣзды уже тогда были постояннымъ органомъ—я выше уже указалъ причины, почему не было нужды въ такомъ органѣ, на ряду съ королемъ; главное дѣло то, что поскольку такой съѣздъ случайно происходитъ, въ его характерѣ, въ его составѣ и дѣятельности проявляется принципъ государственнаго единства.

Значеніе удѣльныхъ съѣздовъ.

Въ то же время, кромѣ общегосударственныхъ съѣздовъ, происходятъ и удѣльныя (областныя) вѣча при участіи государя; они, по мнѣнію автора, и являются органомъ, съ помощью котораго государь осуществляетъ свою власть въ удѣлахъ, какъ отдѣльныхъ государствахъ. Однако мы знаемъ—это признаетъ и самъ авторъ,—что по отношенію къ государю вѣче только совѣщательная корпорація, а не рѣшающій органъ. Настоящій законодатель—только король, значеніе удѣльныхъ вѣчей, сравнительно съ нимъ, совершенно подчиненное. Но этого мало. Заслуживаетъ особаго вниманія то обстоятельство, что такихъ вѣчей (съ участіемъ короля) въ эту эпоху происходило очень мало. За весь періодъ отъ первой коронаціи до смерти Казиміра (1295—1370) можно насчитать такихъ вѣчей—на основаніи документальныхъ упоминаній—всего только нѣсколько, а именно: 4 малопольскихъ (1311, 1330, 1332, 1356), 2 великопольскихъ (1318, 1346) и одинъ, происходившій въ предѣлахъ сѣрадзской земли, но собственно тоже великопольскій (1347) [1]), всего 7 вѣчей, т. е. въ общемъ едва въ два раза больше, чѣмъ оказалось общегосударственныхъ вѣчей; если же мы примемъ во вниманіе теорію автора, что территорія властвованія послѣднихъ коронованныхъ Пястовъ обнимала 5 или 6 особыхъ маленькихъ государствъ (личная унія), то въ среднемъ на каждое такое государство придется-только одно удѣльное вѣче (съ дробью),

[1]) Подсчетъ на основаніи списка Пѣкосиньскаго: Uwagi o ustaw. wiśl.-piotrk. пр. 75—80 и 82.

т. е. въ три раза менѣе, чѣмъ приходится общегосударственныхъ вѣчей, относящихся къ цѣлой Польшѣ, какъ единому королевству. Перерывы, бывшіе въ отправленіи этихъ съѣздовъ, доходятъ до нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, и даже въ той землѣ, гдѣ ихъ было всего болѣе (Малая Польша), одно вѣче падаетъ за этотъ періодъ въ среднемъ на 19 лѣтъ! Сколько бы мы ни хотѣли прибавить къ этой цифрѣ, въ виду возможныхъ исчезнувшихъ извѣстій, все-таки мы, соображая большое количество сохранившихся отъ этой эпохи документовъ, несомнѣнно, не сможемъ слишкомъ значительно увеличить приведенныя выше цифры. Говоря вообще, мы можемъ поэтому утверждать, что дѣятельность удѣльныхъ вѣчей при королѣ чрезвычайно слаба и безрезультатна, точнѣе—исключительна и случайна. Дѣло объясняется само собой, въ свѣтѣ того, что̀ самъ же авторъ удачно отмѣтилъ на 48 стр. своей „Исторіи“: „...хотя еще нѣтъ никакихъ правовыхъ нормъ, которыя заставляли бы князя обращаться къ вѣчамъ за совѣтамъ“. Несмотря на это, государственная машина функціонировала правильно, направляясь государемъ—безъ вѣчей. Напримѣръ, въ 1299 г. Локетокъ даруетъ нѣсколькимъ сконфедерованнымъ великопольскимъ городамъ право преслѣдованія и наказанія преступниковъ, гдѣ угодно, по городамъ и деревнямъ своего „dominium“'а [1]) и предрѣшаетъ такимъ образомъ вопросъ, касавшійся не исключительно только городовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ высокой степени—при томъ неблагопріятно—и интересовъ рыцарства, какъ владѣльцевъ деревень; документъ, касающійся этого дѣла, не даетъ ни малѣйшаго основанія для предположенія о томъ, что это постановленіе вышло при участіи вѣча. Такъ было даже въ тѣхъ удѣлахъ, гдѣ государь все-таки время отъ времени созывалъ вѣча. Но въ настоящемъ періодѣ были и другого рода удѣлы, остававшіеся подъ властью современныхъ королей либо съ короткимъ перерывомъ, либо, по крайней мѣрѣ, въ теченіе болѣе долгаго времени, какъ, напримѣръ, Лэнчица или Куявы, относительно которыхъ нельзя утверждать, чтобы здѣсь собралось хотя бы только одно вѣче; точно также мы не знаемъ за весь этотъ періодъ

---

[1]) Kod. dypl. Wielk. II nr. 820.

ни одного вѣча въ точномъ значенiи этого слова въ сѣрадзской землѣ. И вотъ получается своеобразный силлогизмъ: мы принимаемъ, что современные короли осуществляли свою власть въ отдѣльныхъ удѣлахъ при участiи мѣстныхъ вѣчей, и дѣлаемъ отсюда серьезный выводъ о государственной обособленности этихъ удѣловъ; между тѣмъ на всемъ большомъ пространствѣ времени почти цѣлаго вѣка намъ не удастся—относительно нѣсколькихъ удѣловъ—обнаружить фактъ отбытiя хотя бы одного вѣча! Признаемся же откровенно, что мы были на ошибочномъ пути. Удѣльное вѣче, какъ факторъ, дѣйствующiй совмѣстно съ королемъ, является въ тѣ времена такимъ же неокончательно сорганизованнымъ учрежденiемъ, какъ и общегосударственное вѣче, и потому даже не вездѣ обнаруживаетъ свое существованiе; а если гдѣ оно и появляется, такъ дѣятельность его оказывается только случайной, положенiе же его относительно государя столь слабымъ и подчиненнымъ, что оно не имѣетъ силъ для того, чтобы вынести на своихъ плечахъ мощную идею государственной обособленности удѣловъ. А, вѣдь, вѣче—изъ всѣхъ удѣльныхъ факторовъ относительно еще самый сильный, по крайней мѣрѣ, по фактическому значенiю собравшихся на вѣче сановниковъ! Что же сказать о другихъ факторахъ?

Характеръ судовъ.

Наконецъ—устройство верховнаго суда. И здѣсь авторъ утверждаетъ, что нельзя говорить о существованiи единаго королевскаго суда, какъ высшей судебной власти, такъ какъ король осуществляетъ юрисдикцiю въ каждомъ удѣлѣ въ силу особой власти въ этомъ удѣлѣ, доказательствомъ чего являются: 1) особый въ каждомъ удѣлѣ составъ королевскаго суда (мѣстный судья и подсудокъ и мѣстные сановники), 2) фактъ отправленiя судовъ по мѣстнымъ дѣламъ въ каждой землѣ, безъ возможности направленiя ихъ въ другую землю. «Слѣдовательно, королевскiй судъ—особый для каждаго удѣла, а не одинъ общiй судъ, какъ предполагаетъ проф. Бальцеръ“. Прежде всего упомяну вообще, что оба отмѣченные организацiонные принципа почти безпрерывно держались до тѣхъ поръ, пока вообще король польскiй лично осуществлялъ судебную власть, т. е. до второй половины XVI вѣка; если въ этомъ должно усма-

тривать доказательство государственной обособленности удѣловъ, то почему же авторъ уже съ 1370—1374 гг. принимаетъ образованіе понятія объ единомъ Польскомъ государствѣ? Что касается лицъ, участвующихъ въ королевскомъ судѣ, то я напомню, что какъ сановники-ассесоры, такъ и земскіе судья и подсудокъ занимали въ этомъ судѣ совершенно второстепенное и несамостоятельное положеніе: первые давали совѣтъ, вторые въ присутствіи короля вели судоговореніе со сторонами, чтобы освободить короля отъ этого труда; наконецъ, тѣ и другіе освѣдомляли его относительно особенностей мѣстнаго права, котораго онъ не могъ знать. Участіе обоихъ этихъ факторовъ имѣло въ виду, прежде всего, практическія цѣли; нельзя находить здѣсь соображенія принципіальнаго характера, особенно такія серьезныя, какъ сознаніе государственной обособленности удѣловъ. Если составъ ассессорской корпораціи въ королевскомъ судѣ измѣнялся, какъ только король отправлялся изъ сѣрадзской земли въ лэнчицкую, то точно такъ же—уже въ ближайшее затѣмъ время—составъ ассессоровъ суда измѣнялся и на рочкахъ, отправлявшихся земскимъ судомъ въ разныхъ мѣстахъ одной и той же земли — притомъ не только относительно лицъ вообще, но и относительно ихъ принадлежности къ тому или другому повѣту; однако, вѣдь, земскій судъ всегда оставался тѣмъ же самымъ земскимъ судомъ. Онъ оставался такимъ потому, что настоящій основной элементъ этого суда, земскіе судья и подсудокъ, были здѣсь постоянной, неизмѣнной величиной. Точно такимъ же основнымъ элементомъ надворнаго суда, единственнымъ факторомъ, которому принадлежало дѣйствительное право юрисдикціи, былъ и король; и этотъ элементъ постоянно былъ одинъ и тотъ же, независимо отъ того, въ какомъ удѣлѣ вершился судъ. Измѣнчивость прибавочныхъ и совершенно второстепенныхъ факторовъ оказывается недостаточной для того, чтобы говорить о множественности королевскихъ судовъ—удѣльныхъ. Съ другой стороны, обычай объѣзда государства королемъ и отправленія судовъ въ различныхъ мѣстахъ точно также не доказываетъ, чтобы это были особые суды. Это—очень древній обычай, примѣнявшійся уже въ монархіи Болеславовъ (тогда, конечно, еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ въ XIV в.); а, вѣдь,

монархія Болеславовъ—все-таки не конгломератъ извѣстнаго количества особыхъ мелкихъ государствъ подъ общимъ скипетромъ тогдашнихъ монарховъ. И этотъ обычай зародился по практическимъ соображеніямъ, вслѣдствіе присущей первобытнымъ патріархальнымъ учрежденіямъ обязательности частаго общенія монарха съ подданными и вслѣдствіе коммуникаціонныхъ затрудненій, которыя сдѣлали бы въ сильной степени невозможнымъ осуществленіе права, если бы подданные должны были отправляться къ государю, а не государь къ нимъ. Слѣдовательно, несомнѣнно ошибочно искать въ этого рода моментахъ обоснованіе теоріи о государственнной обособленности удѣловъ. Ибо еще позднѣе въ устройствѣ другихъ судебныхъ властей можно замѣтить подобныя же явленія, продиктованныя практическими соображеніями, не представляющія какого-либо принципіальнаго значенія. Краковскій земскій судъ, покончивъ дѣла краковскаго повѣта и отправляясь въ Леловъ или Жарновецъ для разбора тамошнихъ дѣлъ, не переставалъ быть тѣмъ же самымъ краковскимъ земскимъ судомъ; точно также и перемышльскій судъ, если онъ съ той же цѣлью отправлялся въ Пшеворскъ. Коронный Трибуналъ, закончивъ петроковскую сессію и отправившись потомъ въ Люблинъ, не превращался въ другой судъ, а оставался тѣмъ же самымъ коронымъ Трибуналомъ, несмотря даже на то, что—іота въ іоту такъ же, какъ въ прежнихъ королевскихъ судахъ—въ Петроковѣ засѣдалъ въ его составѣ сѣрадзскій земскій судъ, а въ Люблинѣ—люблинскій; основной элементъ Трибунала—депутаты—оставался тѣмъ же самымъ точно такъ же, какъ и король въ королевскомъ судѣ. Подвижность суда, приспособленная къ потребностямъ того времени, ничего еще не говоритъ о его характерѣ, не разрушаетъ его единства; не измѣняла она и характера и не разрушала единства и королевскаго суда. Это проявлялось даже въ самой номенклатурѣ: этотъ судъ, гдѣ бы онъ ни происходилъ, всегда называется коротко судомъ придворнымъ (in curia); мы не встрѣчаемъ такихъ прибавокъ къ этому опредѣленію, которыя характеризовали бы его, какъ судъ территоріальный, удѣльный. Такимъ образомъ мы совершенно свободно можемъ говорить объ единомъ для всего государства королевскомъ судѣ, какъ высшемъ трибуналѣ

въ XIV в., и не имѣемъ права усматривать въ участіи мѣстныхъ удѣльныхъ элементовъ, занимающихъ здѣсь совершенно подчиненное положеніе, исполненія королевскихъ функцій „на основаніи властвованія въ данномъ удѣлѣ“.

Аналогіи изъ современнаго строя скандинавскихъ государствъ.

Очень поучительной для выясненія цѣлаго ряда изложенныхъ замѣчаній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для разъясненія того, въ чемъ заключается основная ошибка въ аргументаціи автора, является аналогія, которую даетъ государственная организація двухъ скандинавскихъ странъ, Швеціи и Норвегіи, почти въ томъ же самомъ періодѣ, который мы разсматриваемъ, т. е. въ XIII вѣкѣ. Нѣкогда эти страны распадались на рядъ отдѣльныхъ маленькихъ государствъ подъ властью особыхъ корольковъ; съ теченіемъ времени каждая изъ этихъ двухъ странъ оказалась подъ властью одного общаго короля—такими и являются здѣсь отношенія въ XIII вѣкѣ. Въ этомъ новомъ соединеніи прежнія маленькія государства превратились либо въ земства (Landschaft), какъ въ Швеціи, либо, сохраняя характеръ земствъ, сверхъ того создали еще нѣсколько (3, позднѣе 4) союзовъ высшаго порядка (такъ называемыя Thingverbände), какъ въ Норвегіи. Въ обѣихъ странахъ каждое земство имѣетъ особое, прочно организованное собраніе, а во главѣ его—особаго „laghmather“'а, или „logmadr“'а, и особое право. Однако же характеръ государственной организаціи обѣихъ странъ совершенно отличный. Только тогдашняя Швеція, несмотря на единство королевской власти, понимается современной наукой, какъ с о ю з ъ б о л ь ш о г о к о л и ч е с т в а г о с у д а р с т в ъ, т. е. земствъ; напротивъ, Норвегія—е д и н о е г о с у д а р с т в о. Однако въ обоихъ государствахъ имѣются удѣльные органы, дѣйствующіе въ разрѣшеніи публичныхъ дѣлъ вмѣстѣ съ государемъ. Слѣдовательно, не самъ фактъ существованія этихъ органовъ и не сама формальная сторона ихъ участія въ управленіи, а содержаніе и значеніе ихъ власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отношеніе къ королю, рѣшаетъ здѣсь вопросъ о томъ, единое ли государство, или союзъ нѣсколькихъ государствъ, соединенныхъ подъ общей правительственной властью, имѣемъ мы здѣсь предъ собой. Въ Швеціи король избирается—при томъ даже не на общемъ собраніи, а только особо на собраніи каждаго земства, гдѣ соотвѣтствующій „laghmather“ долженъ объявить его королемъ съ

помощью особаго „ортыля“. Самъ „laghmather“—не назначаемый или смѣняемый королемъ чиновникъ; его избираетъ собраніе земства, отъ котораго только онъ и зависитъ. Законодательное право принадлежитъ исключительно земству; король самъ не можетъ ни осуществлять его, ни измѣнять постановленій, ни даже санкціонировать постановленія земства, ни выступать на собраніяхъ земства съ законодательной иниціативой. Высшая судебная власть находится въ рукахъ собранія земства; правда, на ряду съ этимъ, для нѣкоторыхъ дѣлъ возникаетъ и королевскій судъ,—но только именно для этихъ дѣлъ—какъ власть, дѣйствующая рядомъ съ судомъ земства, а не стоящая выше его. Чиновники короля не являются чиновниками относительно земства; они—только королевскіе посланцы или уполномоченные, для объявленія королевскаго мнѣнія. Даже право дарованія мира преступникамъ король осуществляетъ не какъ свое собственное право, а лишь въ качествѣ органа, уполномоченнаго земствомъ. Вотъ здѣсь—дѣйствительная полнота власти, сосредоточенная въ удѣльныхъ органахъ, дающая каждому земству значеніе обособленной, самостоятельной государственной единицы, въ виду чего общее правительство короля представляется только слабой связью, лишенной настоящаго значенія. Въ Норвегіи, при перемѣнѣ на престолѣ, отдѣльныя земства принимаютъ новаго короля, но принципъ наслѣдственности уже признанъ; „logmadr“'ы земствъ, правда, еще удерживаются, но ихъ значеніе, сравнительно съ королемъ, падаетъ; управленіе земствами переходитъ въ руки назначенныхъ королемъ „ярловъ“, въ небольшихъ округахъ—въ руки „герсовъ“, старыхъ начальниковъ сотенъ, ставшихъ теперь королевскими чиновниками. Собранія земствъ по прежнему происходятъ и осуществляютъ важныя права, именно право законодательства, но только уже не исключительно; здѣсь необходимо содѣйствіе короля, такъ что конституція представляется своего рода договоромъ между королемъ и земствомъ; только со второй половины XIII в. и въ этой области перевѣсъ склоняется на сторону королевской власти, однако безъ устраненія формальнаго участія земства. Во всякомъ случаѣ, удѣльные органы, хотя и существуютъ, не сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ полноты власти при рѣшеніи дѣлъ своего земства, не отодви-

гаютъ короля на послѣднее мѣсто. Потому-то, несмотря на то, что король здѣсь дѣйствуетъ еще при ихъ посредничествѣ, несмотря на то, что, кромѣ его, еще не образовалось никакого общаго для цѣлаго государства органа, несмотря на то, что даже четыре союза земствъ (Thingverbände) еще не дошли до созданія какого-либо общаго для нихъ органа, все-таки Норвегія того времени признается въ наукѣ единымъ государствомъ [1]). Прибавлю, что внутренняя связь этого единаго королевства все-таки была слабѣе, чѣмъ связь Польши въ 1295—1370 гг., такъ какъ польскіе удѣлы не имѣли тогда формальнаго права признанія наслѣдника королевства, а удѣльныя вѣча въ осуществленіи законодательнаго права были факторомъ неравноправнымъ съ королемъ, а только подчиненнымъ ему, въ принципѣ только совѣщательнымъ. Тѣмъ менѣе можно думать здѣсь о государственной обособленности отдѣльныхъ удѣловъ.

Результатъ таковъ: удѣльные органы, удержавшіеся въ Польшѣ въ первое время послѣ реставраціи королевскаго достоинства, помогавшіе королю при рѣшеніи нѣкоторыхъ дѣлъ этихъ удѣловъ, уже не то, чѣмъ они были прежде, въ эпоху удѣльную, т. е. жизненнымъ выраженіемъ государственной обособленности каждаго удѣла. Они являются уже умирающимъ зачаточнымъ органомъ, формой безъ содержанія, властью безъ правъ, по крайней мѣрѣ, существенныхъ, простирающихся далеко, значеніе которыхъ почти сразу же было подорвано возобновленіемъ королевства. Поэтому одни изъ нихъ исчезаютъ—либо почти одновременно съ указаннымъ возобновленіемъ королевства (удѣльные скарбники), либо спустя извѣстное время (удѣльные канцлеры); другіе (бо́льшая часть прежнихъ придворныхъ чиновниковъ, равно какъ и вѣче), сохраняясь, должны были превратиться въ органы земскаго самоуправленія, которое не имѣетъ ничего общаго съ государственной обособленностью удѣловъ. Полнота власти сосредоточивается въ рукахъ короля, который выступаетъ не только въ качествѣ властителя государства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ качествѣ

---

[1]) Обстоятельное изложеніе представленныхъ здѣсь взглядовъ см. у Lehman'a: «Der Königsfriede der Nordgermanen», стр. 7, 21, 166, 174, 181.

высшаго въ государствѣ законодательнаго, административнаго и судебнаго органа и, такимъ образомъ, соединяетъ отдѣльные удѣлы въ единое государственное цѣлое, а вмѣстѣ съ тѣмъ пока устраняетъ и нужду въ какихъ-либо другихъ центральныхъ органахъ. То, чтò уже въ этомъ періодѣ можетъ быть установлено въ качествѣ зачатковъ формированія общихъ органовъ этого рода—въ области ли управленія (нѣкоторыя придворныя должности), въ законодательствѣ ли (общіе съѣзды),—слѣдуетъ объяснять другими причинами, на которыя я указалъ уже выше [1]).

Такъ, слѣдовательно, новая формація польскаго общества завершилась не во второй половинѣ XIV вѣка, а уже въ теченіе XIII столѣтія, отчасти—даже въ его началѣ; организація Польскаго государства въ моментъ реставраціи королевства сразу же является единою; ближайшія событія по смерти Казиміра Великаго ничего не могли измѣнить и не измѣнили въ этомъ отношеніи. Въ виду этого я долженъ снова заявить, что въ 1370—1374 гг. принципіально ничего не измѣнилось въ строѣ Польши, что, такимъ образомъ, эти годы нельзя считать эпохальными въ исторіи этого строя.

---

[1]) Дополнительныя доказательства, приведенныя авторомъ въ подтвержденіе своего тезиса о государственной обособленности удѣловъ, а именно, что «каждая земля имѣетъ свои особыя должности (земскія, старостинскія)», «свое особое устройство, отдѣльное право», равно какъ и то, «что по смерти Людовика эти земли, желая создать какія-либо общія узы, которыя соединяли бы ихъ, должны были прибѣгать къ конфедераціи», уже не нуждаются въ особомъ разборѣ; ибо ужели мнѣ нужно напоминать о томъ, что 1) провинціальныя и повѣтовыя должности, королевскія и автономныя, могутъ существовать и существуютъ въ каждомъ государствѣ даже съ болѣе централизованнымъ строемъ, 2) что различіе права, по отдѣльнымъ землямъ, общее явленіе въ средніе вѣка, не исключая государствъ централистическаго устройства (французскіе coutumes), 3) что обособленность устройства удѣловъ, т. е. особыя земскія іерархіи и вѣчевыя собранія, какъ и позднѣе, были только проявленіемъ существующаго земскаго самоуправленія, 4) что наконецъ, конфедераціи—вовсе не формы международнаго соединенія, и что тѣ изъ нихъ, которыя возникали передъ этимъ въ Польшѣ (нѣсколько конфедерацій городовъ при Локеткѣ и конфедерація рыцарства при Казимірѣ Великомъ), осуществились собственно на почвѣ той же самой не только государственной, но удѣльной принадлежности соотвѣтствующихъ составныхъ ихъ элементовъ.

ТРЕТІЙ ОТДѢЛЪ.

Мнимая эпохальность даты 1566—1572 гг.

Характеристика періода у д-ра Кутшебы.

Перехожу къ разсмотрѣнію обоснованности конечной даты различаемаго авторомъ періода сословнаго самоуправленія, которую, по его мнѣнію, упомянутому мною выше, должны составлять 1569—1572 гг. Настоящую основу для оцѣнки этого вопроса мы получимъ, представивъ характеристику слѣдующаго затѣмъ періода (по раздѣленію автора), періода „шляхетскаго господства“ (въ 1 изд.: „шляхетской Речи Посполитой“, 1572—1764 гг.). „Характерная его черта—застой въ развитіи“ (стр. 131). „Настоящій періодъ безплоденъ: нѣтъ новыхъ учрежденій, новыхъ формъ—совершается только переработка того наслѣдства, которое осталось отъ прошлаго“ (стр. 132). И это—не пустая фраза: въ детальномъ обозрѣніи почти всѣхъ государственныхъ и общественныхъ учрежденій того времени авторъ обнаруживаетъ то же самое явленіе—застой. „Шляхетское сословіе осталось (какъ до 1572 г.) замкнутымъ въ себѣ“ (стр. 132). „Духовенство, подобно шляхтѣ, удерживаетъ свое прежнее привиллегированное положеніе“ (стр. 135). „Хлопы уже раньше были связаны оковами права“ (стр. 141). „Основой устройства евреевъ по прежнему остались тѣ же гмины“ (стр. 145). „Застой въ развитіи государственныхъ формъ Польши разсматриваемаго періода всего ярче проявляется въ организаціи властей“ (стр. 162). „Земскіе, гродскіе и подкоморскіе суды продолжали быть

судами“ и т. д. (стр. 169). Въ военномъ строѣ „посполитое рушеніе“ въ принципѣ все еще остается обязательнымъ“ (стр. 173).

Ея нелогичность.

Теперь я спрашиваю: если съ 1572 г., сравнительно съ прежнимъ развитіемъ, ничего или почти ничего не измѣнилось ни въ частностяхъ, ни въ цѣлой общественно-политической организаціи Польши—in capite et in membris (по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія принципіальныхъ основъ этой организаціи),—если, говоря вообще, въ это время господствовалъ отмѣченный авторомъ застой, то гдѣ же основаніе для раздѣленія 1572 годомъ столь отличныхъ, будто-бы, другъ отъ друга періодовъ развитія? На границахъ періодовъ могутъ стоять только эпохальные факты, а эти послѣдніе всегда бываютъ выраженіемъ и отраженіемъ принципіальныхъ измѣненій извѣстнаго проявленія народной жизни, въ нашемъ случаѣ—общественной и политической организаціи. Въ силу такихъ именно измѣненій, эта организація въ слѣдующемъ періодѣ представляетъ, собственно, принципіально отличный характеръ сравнительно съ организаціей предшествующаго періода. Самъ авторъ рѣшительно настаиваетъ здѣсь на томъ, что все осталось такъ же, какъ было до 1572 г., и все-таки раздѣляетъ обѣ стадіи развитія, вмѣсто того, чтобы объединить ихъ въ одно органическое цѣлое. Самъ фактъ застоя, отсутствіе жизненной эволюціи, недостаточное, не соотвѣтствующее измѣняющимся условіямъ народной жизни развитіе государственныхъ формъ—все это историческая критика можетъ подвергнуть отрицательной оцѣнкѣ; но для историка строя, который прежде всего долженъ спрашивать, на какихъ основахъ опирается общественная и государственная организація, этотъ строй „въ застоѣ“ не можетъ все-таки представляться иначе, какъ только въ видѣ дальнѣйшаго теченія, досказанности строя, создавшагося ранѣе, основы котораго не могли уже по существу переформироваться въ „періодъ“ застоя. Я не буду далѣе доказывать это положеніе, и не только потому, что оно пользуется всеобщимъ признаніемъ [1]), но и потому, что самъ же авторъ при-

[1]) Ср., напримѣръ, то, что̀ о значеніи «эпохальныхъ фактовъ», примѣнительно къ болѣе широкому вопросу—дѣленію польской исторіи на періоды—говоритъ Войцѣховскій въ «Podział i zakres dziej. Pol.».

знаетъ его примѣнительно ко всѣмъ другимъ деталямъ своей схемы раздѣленія: ибо, различая другіе періоды развитія, онъ дѣлаетъ это потому, что основные принципы строя въ новомъ періодѣ подверглись коренному измѣненію сравнительно съ предыдущимъ развитіемъ. Если здѣсь онъ поступаетъ иначе, то это—только непослѣдовательное уклоненіе отъ повсюду примѣняемаго имъ же самимъ правила. Если примѣнить это правило и здѣсь, то, даже въ свѣтѣ даваемой авторомъ характеристики, придется устранить 1569—1572 гг. въ качествѣ эпохальной даты.

Ошибочное соединеніе двухъ различныхъ фазъ развитія.

Однако, если мы ближе всмотримся въ самое содержаніе характеристики, то у насъ явятся новыя сомнѣнія. Ибо, если мы примемъ, что строй Польши въ 1572—1764 гг. не создалъ какихъ-либо принципіально-отличныхъ формъ сравнительно съ періодомъ 1370—1572 гг., то, даже принимая, вмѣстѣ съ авторомъ, за начало этого предыдущаго періода 1370 или 1374 годы (а это не можетъ быть принято), все-таки слѣдуетъ спросить: дѣйствительно ли учрежденія обоихъ періодовъ въ длинномъ пространствѣ времени, за четыре столѣтія (1370—1764 гг.), цѣликомъ соотвѣтствуютъ другъ другу съ точки зрѣнія характера ихъ существенныхъ основъ? Едва ли мы будемъ имѣть хотя какія-нибудь сомнѣнія—да и самъ авторъ, навѣрно, не будетъ имѣть ихъ—въ томъ, что нельзя утверждать, будто бы организація шляхты, мѣщанства, хлоповъ, извѣстныхъ государственныхъ властей, напримѣръ, законодательныхъ, въ концѣ XVI или началѣ XVII в., по существу, соотвѣтствовала организаціи тѣхъ же общественныхъ группъ или государственныхъ органовъ въ концѣ XIV или въ первой половинѣ XV в.; такое соотвѣтствіе можетъ быть признано постольку, поскольку мы примемъ въ разсчетъ первое семидесятилѣтіе XVI в. или—самое большое—еще конецъ XV в. Такимъ образомъ знакъ равенства, поставленный авторомъ между цѣлымъ рядомъ учрежденій періодовъ 1374—1572 и 1572—1764 гг., по существу дѣла, вѣренъ только отчасти; онъ относится только къ конечной части болѣе ранняго періода, которая по основнымъ формамъ учрежденій соотвѣтствуетъ болѣе позднему періоду. Но отсюда вытекаетъ и то, что дѣленіе автора обнаруживаетъ принципіальную ошибку, помѣщая въ рамки одного періода (1374—1572 гг.) два отличныя и

обособленныя направленія въ развитіи строя Польши,— одно, позднѣйшее, начинающееся приблизительно на границѣ XV и XVI в. и, по своему характеру, соединяющееся уже съ послѣдующимъ періодомъ (1572—1764 гг.), и другое, болѣе раннее, приблизительно до конца XV в., принципіально отличающееся своими учрежденіями отъ учрежденій не только времени 1572—1764 гг., но и трехъ первыхъ четвертей XVI в., противоестественно соединенныхъ съ нимъ.

Отрицательныя послѣдствія.

Такое неподходящее втискиванье двухъ различныхъ фазъ развитія (а правильнѣе—ихъ частей) въ рамки одного общаго періода (1374—1572 гг.) неблагопріятно отразилось и на той характеристикѣ, которую даетъ авторъ обѣимъ сосѣднимъ стадіямъ эволюціи, создавая въ ней бросающіяся въ глаза противорѣчія. Мы уже упоминали о томъ, что авторъ принимаетъ для 1572—1764 гг. наличность такой организаціи, которая установилась уже въ предыдущемъ періодѣ: поэтому, казалось бы, принципіальныя основы организаціи строя должны быть одинаковыми въ обоихъ періодахъ. Однако, на ряду съ этимъ, авторъ характеризуетъ оба періода еще и съ другой точки зрѣнія. Для періода 1374—1572 гг. онъ утверждаетъ (ср. W/96) существованіе принципа равновѣсія сословій (стр. 55), въ періодѣ же 1572—1764 гг. усматриваетъ перевѣсъ одного общественнаго слоя, т. е. шляхты, во всей общественной и политической организаціи Польши, т. е. перевѣсъ ея надъ другими сословіями и надъ самой идеей государства (стр. 131). Указанное здѣсь различіе—моментъ первостепенной важности въ вопросѣ о строѣ: съ принципіальной точки зрѣнія это различіе вполнѣ достаточно для отдѣленія другъ отъ друга двухъ періодовъ. Но въ такомъ случаѣ мы должны спросить: если вполнѣ вѣрно первое воззрѣніе, что строй 1572—1764 гг. опирался на тѣхъ же самыхъ началахъ, которыя существовали уже и въ предыдущемъ періодѣ, то какъ же въ такомъ случаѣ сохранить второе воззрѣніе, по которому принципіальныя основы организаціи Польши въ этотъ позднѣйшій періодъ отличаются отъ основъ предшествующаго періода, и наоборотъ. Сопоставленіе обѣихъ характеристикъ создаетъ неразрѣшимую дилемму.

Непослѣдовательности характеристики и дѣйствительная эпохальная дата.

Такимъ образомъ мы снова приходимъ къ выводу, что произошла какая-то ошибка въ опредѣленіи хронологическихъ границъ одного изъ періодовъ, въ которомъ авторъ соединилъ двѣ различныя стадіи развитія: одну, которая по своему характеру принципіально отличается отъ слѣдующей, и другую, которая оперлась уже на ту самую основу, на какой опирается и цѣлый слѣдующій періодъ. Въ такомъ случаѣ могутъ быть приняты обѣ характеристики: каждая изъ нихъ будетъ обоснованной, но только относительно какой-либо одной изъ этихъ стадій развитія. Характеристика равновѣсія сословій будетъ подходящей для времени вплоть до конца XV вѣка. Утвержденіе о перевѣсѣ шляхетскаго сословія во всей организаціи Польши за 1572—1764 гг., вмѣстѣ съ другимъ утвержденіемъ, что эта организація—дальнѣйшее развитіе уже ранѣе выработавшихся отношеній, точно также будетъ удачнымъ, но уже только относительно конечной части предыдущаго періода, т. е. первыхъ 3/4 XVI в. Но въ такомъ случаѣ ясно, что на границѣ двухъ сосѣднихъ періодовъ слѣдуетъ поставить не 1572 г., а другую дату, на переломѣ XV и XVI в. На такой выводъ уполномочиваютъ даже частныя замѣчанія самого автора. Вотъ, напримѣръ, что мы читаемъ въ его книжкѣ о городахъ: „въ городскомъ строѣ уже можно замѣтить перемѣны, которыя позднѣе должны были оказать крайне неблагопріятное вліяніе на положеніе городовъ" (стр. 76); „уже въ этотъ періодъ начинаютъ появляться распоряженія, знаменующія начало вырожденія цеховъ" (стр. 81); „уже при Сигизмундѣ (т. е. съ начала XVI в.) начали появляться королевскія привиллегіи въ пользу отдѣльныхъ поселившихся въ городахъ лицъ, освобождающія этихъ лицъ, дома и лично ихъ самихъ отъ городской власти („шляхетскія юридики"—стр. 139); въ 1496 г. выходитъ запрещеніе пріобрѣтенія земельныхъ имуществъ мѣщанами (стр. 82). Что касается „хлоповъ", то „съ конца XV в. мы встрѣчаемся съ ограниченіями (крестьянскаго сословія); они очень значительны" (стр. 72); „собственно, со времени этихъ конституцій (1493 и 1496 гг.) крестьянинъ, равно какъ и его дѣти... не могли покидать деревни безъ разрѣшенія господина" (стр. 72); въ 1496 и 1501 гг. была устранена возможность вызова хлоповъ на городской или на

„гродской“ судъ... такимъ образомъ „деревенское населенiе было отдано въ исключительную власть господъ, ибо съ этихъ поръ уже нельзя было апеллировать на нихъ къ какой-либо высшей власти“ (стр. 73); „принялись и за уничтоженiе внутренней автономiи (деревенскихъ поселенiй): ...правовую основу для этого далъ Вартскiй статутъ 1423 г., который постановилъ, что владѣлецъ деревни имѣетъ право устранить солтыса-бунтовщика“;... при послѣднихъ Ягеллонахъ (слѣдовательно, съ начала XVI в.) имъ пользуются въ полной мѣрѣ“ (стр. 73). Указанныя здѣсь частности—не касаясь прочихъ—достаточно исчерпывающимъ образомъ перечисляютъ всѣ тѣ моменты, которые повели къ преобразованiю всего общественнаго строя Польши: ухудшили правовое положенiе низшихъ слоевъ, мѣщанства и крестьянства; уничтожили существовавшее до тѣхъ поръ общественное равновѣсiе; дали перевѣсъ самому высшему сословiю, шляхтѣ. Самъ авторъ относитъ всѣ эти перемѣны ко времени на рубежѣ XV и XVI вв. Если мы прибавимъ сюда, что на конецъ XV в. падаетъ и окончательное образованiе сеймовой организацiи, а въ началѣ XVI в. происходитъ правовое опредѣленiе и вмѣстѣ съ тѣмъ установленiе компетенцiи „вальныхъ сеймовъ“, равно какъ и то, что сеймъ, ставшiй съ той поры исключительно шляхетскимъ органомъ, сдѣлался факторомъ, довольно успѣшно дѣйствующимъ уже при обоихъ послѣднихъ Ягеллонахъ, нарушившимъ прежнее равновѣсiе общественнаго и государственнаго элементовъ и создавшимъ верховенство шляхетскаго элемента во всей жизни государства,—то мы уже не будемъ сомнѣваться, что оканчивать предшествующiй перiодъ въ исторiи строя Польши и начинать новый перiодъ слѣдуетъ именно на переломѣ XV и XVI вв.

Оговорки автора.

Авторъ, не имѣя возможности ни пройти мимо этихъ фактовъ, ни отрицать ихъ, пробуетъ спасти свою теорiю раздѣленiя на перiоды извѣстными оговорками. Такъ, признавъ, что въ концѣ XV в. появились многочисленныя, съ помощью конституцiй, ограниченiя правъ кметей, при томъ „очень значительныя“, онъ прибавляетъ: „Но слѣдуетъ считаться съ тѣмъ, что на практикѣ эти ограниченiя имѣли силу лишь постольку, поскольку нуждались (?) въ нихъ, что, слѣдовательно, въ теченiе разсматриваемаго перiода (т. е. до 1572 г.)

еще не исчерпали вполнѣ всѣхъ этихъ распоряженій, что на практикѣ доля хлопа пока представлялась еще гораздо болѣе легкой, чѣмъ это можно было бы предполагать на основаніи только этихъ законодательныхъ распоряженій" (стр. 72).

Кажется, мнѣ нѣтъ нужды оговариваться, что я не принадлежу къ школѣ легистовъ въ наукѣ исторіи нашего права,—къ школѣ, которая приблизительно еще 40 лѣтъ тому назадъ пользовалась большимъ признаніемъ и все развитіе нашихъ учрежденій объясняла только постановленіями конституцій; я понимаю, что живое и жизнеспособное развитіе права не всегда держалось тѣхъ рамокъ, которыя были созданы законодательствомъ. Но противъ такого рода освѣщенія явленій развитія права, которое примѣнено здѣсь авторомъ, я считаю нужнымъ протестовать. Монографическая литература еще не выяснила вопроса о развитіи крестьянскихъ отношеній съ конца XV в. вплоть до прекращенія династіи Ягеллоновъ съ такой точностью и всесторонностью, чтобы, на ея основаніи, можно было въ такой степени ослаблять значеніе конституцій по дѣламъ крестьянскимъ въ концѣ XV и началѣ XVI в.; здѣсь оказываются недостаточными даже и результаты посвященнаго этому предмету особаго труда автора, пока опубликованнаго только въ сокращеніи [1]). Что̀ касается крестьянскаго вопроса, то я особенно долженъ прибавить, что если уже придавать особое значеніе несоотвѣтствію практики и законодательства, то образованіе ограниченій крестьянскаго сословія скорѣе придется отодвинуть назадъ, въ эпоху до изданія соотвѣтствующихъ конституцій, чѣмъ переносить ихъ въ болѣе поздній періодъ: достаточно, напримѣръ, напомнить о барщинномъ вопросѣ или о выработкѣ патримоніальной юстиціи господъ. Какъ бы то ни было, конституціи конца XV и начала XVI вв. принципіально уже цѣликомъ установили отношенія „хлоповъ" къ господамъ, и нельзя не считаться съ датой ихъ появленія и съ самымъ ихъ содержаніемъ; оговорки такого рода, какъ сдѣлалъ нашъ авторъ, останутся только „общимъ мѣстомъ", безъ существеннаго значенія. То же значеніе „общихъ мѣстъ".

---

[1]) «Sprawozd. z posiedz. Akad. Umiej. Wydz. hist.», 1904, nr. 6, стр. 9.

представляютъ и другія подобныя оговорки автора, напримѣръ, когда онъ утверждаетъ (вѣрно), что уже въ XV в. начинаетъ колебаться равновѣсіе сословій, въ концѣ же этого вѣка—даже „довольно замѣтно", а при послѣднихъ Ягеллонахъ—„часто даже очень ярко", однако съ прибавкой: „впрочемъ, болѣе въ законодательныхъ постановленіяхъ, въ правовыхъ нормахъ, чѣмъ въ практикѣ, которая по разнымъ причинамъ была значительно мягче этихъ постановленій; только начиная съ безкоролевья по смерти Сигизмунда Августа, чаша вѣсовъ склоняется въ ущербъ низшихъ классовъ, дѣйствительно начинается эпоха господства шляхты" (стр. 67); или когда авторъ говоритъ, что „безкоролевье послѣ прекращенія династіи Ягеллоновъ помогло шляхтѣ окончательно уничтожить уже ранѣе сильно поколебленное равновѣсіе сословій, перетянуть чашку вѣсовъ на свою сторону" (стр. 131). Если мы отвергнемъ то, что̀ тутъ снова является необоснованнымъ „общимъ мѣстомъ", то останется лишь то, что общественное равновѣсіе не только начало колебаться, но и дѣйствительно было поколеблено и нарушено на переломѣ XV и XVI вв.

Прибавлю, что, въ виду многократныхъ заявленій автора о принципіальныхъ перемѣнахъ, дѣйствительно, будто бы, совершившихся въ строѣ Польши только послѣ 1572 г., настоящей неожиданностью, а косвенно—и подтвержденіемъ моего предыдущаго вывода являются собственныя, выше уже приведенныя слова автора объ отношеніяхъ періода съ 1572 г., что, напримѣръ, „хлопы уже раньше были связаны оковами права" (стр. 141) и т. п.

„Jus vitae ac necis". Значеніе Люблинской уніи.

Единственные дѣйствительные аргументы, которые мнѣ удалось найти въ книгѣ автора для подкрѣпленія его принципа раздѣленія, это—съ точки зрѣнія общественной организаціи—признанное за панами въ конфедераціи 1573 г. право карать „подданныхъ" „по своему разумѣнію", а съ точки зрѣнія политической организаціи—парламентарная унія Польши и Литвы, происшедшая въ 1569 г. на люблинскомъ сеймѣ, который на долгое время опредѣлилъ строй государства, особенно взаимоотношеніе его составныхъ частей (стр. 131). Постановленіе конфедераціи 1573 г., въ своемъ значеніи и важности, именно относительно, будто бы, заключающагося въ немъ „ius vitae ac necis", спорное въ современ-

ной наукѣ [1]), принципіально было только подтвержденіемъ, а въ худшемъ случаѣ—развитіемъ правила объ исключительномъ подчиненіи „хлоповъ“ судебной власти господъ и невозможности для нихъ апеллировать въ другіе суды,—правила, появленіе котораго самъ же авторъ относитъ къ 1496 и 1501 гг. (стр. 73); такимъ образомъ оно не даетъ основанія разграничивать два періода, тѣмъ болѣе, что оно касается только одной стороны крестьянскихъ отношеній, а не совокупности ихъ, какъ измѣненія, совершившіяся въ концѣ XV и началѣ XVI вв. Конечно, никто не будетъ отрицать значенія Люблинской уніи, болѣе тѣснаго, чѣмъ ранѣе, объединенія обоихъ народовъ въ культурномъ и политическомъ отношеніи; но съ точки зрѣнія строя нельзя считать этотъ фактъ эпохальнымъ. Въ государственныхъ организмахъ, которые постепенно и съ трудомъ образовывались изъ самыхъ разнородныхъ территоріальныхъ и этническихъ составныхъ частей, гдѣ вопросъ о болѣе тѣсномъ объединеніи различнаго и разнороднаго конгломерата поднимался на первое мѣсто и прямо вліялъ на самое политическую организацію, какъ, напримѣръ, въ монархіи Габсбурговъ, тамъ отдѣльные этапы постепеннаго объединенія этихъ составныхъ частей могутъ вмѣстѣ съ тѣмъ считаться и стадіями развитія строя. Что̀ касается Польши, которая, прежде чѣмъ дойти до соединенія съ Литвой, уже давно организовалась въ единый, этнически и территоріально законченный государственный организмъ, которая позднѣе, уже въ союзѣ съ Литвой, ни въ чемъ принципіально не измѣнила своей организаціи подъ вліяніемъ этого союза и только постоянно воздѣйствовала на уподобленіе литовскихъ учрежденій,—то здѣсь это событіе (поскольку мы имѣемъ въ виду общественно-государственный строй) не можетъ считаться эпохальнымъ. Люблинская унія, ни въ чемъ по существу не преображая самой политической или общественной организаціи Польши, для Литвы оказалась включеніемъ одного изъ литовскихъ органовъ (литовскаго сейма) въ рамки сеймоваго устройства, уже ранѣе выработаннаго и установившагося въ Польшѣ. Польско-литовскій сеймъ съ 1569 г. остался и по своему составу и по характеру,

[1]) Ср. Korzon: «Wewn. dzieje Pol. za Stan. Augusta».

равно какъ и по дѣйствительному кругу дѣятельности, точно такимъ же, какимъ былъ польскій сеймъ до 1569 г., кромѣ того развѣ, что въ него вошли теперь и литовскіе сенаторы и „послы“, такіе же самые, что̀ уже давно засѣдали здѣсь изъ коронныхъ земель. Поскольку же дѣло идетъ объ иномъ, чѣмъ было доселѣ, устройствѣ взаимоотношеній Короны и Литвы, то я напомню, что Люблинская унія— только одна изъ фазъ въ развитіи цѣлаго вопроса: въ качествѣ уніи парламентарной, слѣдовательно, отчасти уже реальной, она является шагомъ впередъ сравнительно съ личной уніей 1386 г., съ другой же стороны—только предшественницей болѣе тѣсной реальной уніи, совершившейся въ 1773 и 1791 гг. посредствомъ вновь введеннаго общаго для обѣихъ странъ верховнаго управленія. Если авторъ не считаетъ этихъ уній границами періодовъ развитія, если во всѣхъ остальныхъ случаяхъ онъ принимаетъ за основаніе для дѣленія на періоды другіе моменты (отношенія въ области общественной организаціи и взаимоотношеніе общественнаго и государственнаго элементовъ), то усиленное подчеркиваніе въ данномъ случаѣ одной изъ фазъ развитія объединенія Литвы съ Короной представляется новой непослѣдовательностью.

Другія доказательства автора.

Я собственно могъ бы уже освободить себя отъ труда разсмотрѣнія другихъ доводовъ, приведенныхъ авторомъ въ подтвержденіе мысли, будто время около 1569—1572 гг.— настоящій пограничный пунктъ двухъ періодовъ въ исторіи строя Польши; ибо уже само существо дѣла показываетъ, что въ короткое время неполныхъ 70 лѣтъ (1505—1569— 1572 гг.) трудно было бы принять двукратное принципіальное измѣненіе главныхъ основъ общественной и государственной жизни въ Польшѣ. Но, не ограничиваясь этимъ общимъ заключеніемъ, я все-таки обращусь къ доказательствамъ автора, чтобы коротко разсмотрѣть ихъ основательность.

„Ягеллонская идея“.

Чтобы обосновать свое раздѣленіе періодовъ, авторъ снова обращается къ „ягеллонской идеѣ“; такимъ образомъ „не разрывается непрерывность этой идеи... проявляющейся въ уніяхъ, инкорпораціяхъ и пожалованіяхъ польскаго права, которыя простираются съ конца XIV в. до 1569 г., составляющаго конечную ихъ границу“ (О., 625[2]). Но что и въ этомъ случаѣ указанная непрерывность была бы разорвана, выте-

каетъ изъ невозможности помѣстить въ рамкахъ намѣченнаго авторомъ періода важнѣйшую реформу въ этой области, реформу 1773 г., когда было образовано общее для Короны и Литвы верховное правительство, сдѣланъ былъ дальнѣйшій шагъ въ объединеніи обѣихъ странъ, хотя онъ уже и не назывался тогда уніей. Но ограничиваясь и тѣми понятіями, въ кругѣ которыхъ вращается нашъ авторъ, я утверждаю, что „ягеллонская идея“, дѣйствительно, была политической и культурной мыслью чрезвычайной важности, но не была строго опредѣленной правовой категоріей, которая имѣла бы рѣшающее значеніе въ вопросѣ о связи фактовъ и явленій общественно-государственнаго строя, болѣе того—въ виду своей большой растяжимости въ этомъ отношеніи, она могла умѣщаться въ правовыхъ рамкахъ различнаго характера: одинъ разъ она могла создать личную унію, какъ это было въ XIV и XV вв., другой разъ — унію сеймовую, т. е. частично-реальную, какъ это было въ 1569 г., наконецъ, иной разъ могла еще далѣе двинуть принципъ реальной уніи, какъ это было въ упомянутой реформѣ 1773 г., съ помощью образованія общаго верховнаго правительства (администраціи). Такимъ образомъ, нельзя съ помощью „ягеллонской идеи“ опредѣлять періоды въ исторіи строя Польши; отдѣльныя стадіи развитія этой идеи можно разложить на разные періоды. Наконецъ, отмѣчу, что, выставивъ самый принципъ, авторъ на практикѣ сталъ въ рѣзкое противорѣчіе съ нимъ. Люблинская унія является для него эпохальнымъ фактомъ; хотя 1569 г. умѣщается еще въ границахъ періода, по другимъ соображеніямъ протянутаго нѣсколько дальше, до 1572 г., все-таки нельзя сомнѣваться въ томъ, что идейно, по существу, авторъ долженъ зачислять фактъ Люблинской уніи не въ заканчивающійся, собственно, здѣсь періодъ, а скорѣе—въ періодъ послѣдующій. Вѣдь, эпохальные факты — не абстрактный математическій пунктъ, который можно свободно причислять къ любой изъ соприкасающихся линій, но нѣчто реальное, осязаемое, матеріальное, что можетъ лежать лишь по одну сторону; а такъ какъ въ самомъ понятіи такихъ фактовъ лежитъ начало новаго поворота, то ясно, что они не кончаютъ предшествующаго періода, а начинаютъ собой новый періодъ. Слѣдовательно, именно самъ же авторъ отрываетъ Люблинскую

унію отъ прежнихъ средневѣковыхъ уній и помѣщаетъ ее въ новый, дальнѣйшій періодъ.

Дальнѣйшія доказательства.

Кромѣ того, авторъ привелъ еще — если только я правильно сосчиталъ — двадцать три доказательства того, что время около 1569—1572 гг. составляетъ эпохальный поворотъ въ исторіи строя Польши. Оставивъ въ сторонѣ Люблинскую унію, значеніе которой для настоящаго вопроса я только-что разсмотрѣлъ, мы имѣемъ еще 22 доказательства, которыя воспроизвожу въ порядкѣ самого автора: а) относительно положенія шляхты: 1) въ началѣ XVI в. нельзя отмѣтить ни одного „факта спеціальной важности" для этого сословія, чтò, повидимому, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что шляхта тогда не получила никакихъ важныхъ правъ; 2) право на металлы во владѣніяхъ шляхты, признанное за ней въ 1573 г.; 3) „домовое право", т. е. запрещеніе обысковъ въ домахъ поссессіонатовъ въ 1588 г.; 4) шляхта ограничиваетъ короля относительно нобилитаціи въ 1578 и 1601 гг.; 5) получаетъ перевѣсъ въ судѣ, благодаря созданію Трибунала въ 1578 г.; б) относительно городовъ: 6) только съ этой поры (1572 г.) они утрачиваютъ право засѣдать въ сеймѣ; 7) съ этой поры (1565 г.) начинается стѣсненіе городовъ путемъ контроля надъ городскимъ хозяйствомъ со стороны старостъ; 8) воеводскіе прейскуранты только съ тѣхъ поръ дѣлаются болѣе многочисленными; 9) съ этихъ поръ шляхта начинаетъ „эксплоатировать", въ ущербъ городамъ, свою свободу отъ таможенныхъ пошлинъ; в) относительно „хлоповъ-крестьянъ": 10) „хлопъ" только тогда почувствовалъ болѣе раннія ограниченія, доселѣ не имѣвшія практическаго значенія; г) относительно взаимнаго отношенія составныхъ частей государства: 11) урегулированіе отношеній къ Пруссіи и Инфлянтамъ; д) относительно королевской власти и личности короля: 12) опредѣленіе на новомъ основаніи положенія короля посредствомъ „Генриховскихъ артикуловъ" и „pacta conventa" (1573 г.); 13) созданіе новыхъ формъ для безкоролевій (1573 г.); 14) возложенная на короля обязанность созыва сеймовъ въ 1573 г.; е) относительно сеймиковъ: 15) развитіе этого учрежденія путемъ введенія „реляціонныхъ" сеймиковъ; ж) относительно должностей: 16) установленіе и скомплектованіе коронныхъ должностей (гетманы, отношеніе къ литовскимъ должностямъ); з) от-

носительно судоустройства: 17) образованіе Трибунала въ 1578 г.; 18) исчезновеніе вѣчей; 19) исчезновеніе королевскихъ судовъ; 20) организація судовъ сеймовыхъ, ассессорскихъ, референдарскихъ; и) относительно финансовъ: 21) возникновеніе публичнаго „скарба" („кварта" въ 1564 г., раздѣленіе „скарба" въ 1590—1591 гг.); і) относительно военнаго дѣла: 22) организація казаковъ и „выбранецкой" пѣхоты при Баторіи. Представивъ такое богатство доказательствъ, авторъ съ извѣстнымъ нетерпѣніемъ и явнымъ подчеркиваніемъ, съ помощью „разрядки", восклицаетъ: „словомъ, во всѣхъ отрасляхъ жизни государства замѣчается коренное преобразованіе, котораго не хочетъ, однако, видѣть проф. Бальцеръ".

Если я не увидѣлъ его, то долженъ просить автора принять на себя значительную часть вины въ томъ. Правда, обо всемъ этомъ авторъ писалъ уже въ своей „Исторіи", но не упоминалъ, за немногими исключеніями (9, 10), о серьезномъ, особенно же—объ эпохальномъ значеніи приводимыхъ имъ фактовъ; я же самъ указалъ автору на серьезное значеніе трибунальской реформы 1578 г. Чтò особенно характерно, авторъ сообщилъ цѣлыя группы приведенныхъ выше фактовъ въ тѣхъ именно отдѣлахъ своей „Исторіи", гдѣ сразу же сдѣланы предупрежденія о томъ, что принципіально ничто не измѣнилось въ соотвѣтствующихъ областяхъ строя, гдѣ, такимъ образомъ, за этими фактами отрицается какое-либо далеко идущее значеніе.

Обращаюсь къ разбору по существу приведенныхъ д-ромъ Кутшебой фактовъ.

а) Ошибочные факты.

Одинъ фактъ переданъ имъ прямо ошибочно. Я имѣю въ виду утвержденіе, будто бы города утратили право засѣдать въ сеймѣ только въ 1572 г. (6). Они, за исключеніемъ Кракова, утратили его уже въ 1505 г. (см. ниже,); если же авторъ имѣетъ здѣсь въ виду участіе въ сеймѣ пословъ Кракова, то изъ новѣйшей работы, посвященной этому предмету [1]), авторъ могъ убѣдиться въ томъ, что Краковъ высылалъ на сеймъ своихъ представителей какъ до 1572 г., такъ и позднѣе, вплоть до конца существованія Речи Посполитой.

---

[1]) Rymar: «Udział Krakowa w sejmach i sejmikach polskich».

Нѣкоторые факты **ошибочно схвачены или поняты**. Не говоря уже о томъ, что нельзя рѣшительно утверждать, будто бы шляхта на рубежѣ XV и XVI вв. не получила никакихъ важныхъ сословныхъ правъ (въ 1496 г.— свобода отъ таможенныхъ пошлинъ!), можно, говоря вообще, согласиться съ авторомъ, что шляхта не получила тогда какого-нибудь широкаго, значительнаго комплекса такихъ правъ (1); однако слѣдуетъ помнить о томъ, что періодомъ возникновенія правомочій шляхты являются средніе вѣка, а нарушеніе общественнаго равновѣсія, наблюдаемое на рубежѣ XV и XVI вв., произошло **не столько путемъ пріобрѣтенія новыхъ сословныхъ правъ шляхтой, сколько скорѣе путемъ отнятія этихъ правъ у низшихъ сословій**. Когда въ 1496 г. было установлено, что только шляхта можетъ пріобрѣтать земельныя имущества или только она можетъ занимать должности въ капитулахъ, то, собственно, шляхтѣ не было пожаловано никакихъ новыхъ правъ, ибо они принадлежали шляхтѣ уже и ранѣе, а только были отняты соотвѣтствующія права у мѣщанъ и вообще у „плебеевъ". Несмотря на самыя кропотливыя розысканія, автору удалось найти едва только два сословныхъ права, пріобрѣтенныхъ шляхтой около 1572 г.: право на металлы (2) и „домовое" право (3). Можно даже сомнѣваться въ томъ, сословныя ли это права: вѣдь, они не относятся къ шляхтичамъ-непоссессіонатамъ (даже „домовое" право, осуществленіе котораго само по себѣ не требуетъ, какъ право на металлы, обязательнаго землевладѣнія); однако если мы обратимъ вниманіе даже на этотъ моментъ, все-таки мы, вѣроятно, примемъ, что все это — слишкомъ второстепенныя вещи, чтобы имѣть рѣшающее значеніе въ вопросѣ о раздѣленіи на періоды исторіи строя Польши. Постановленіе 1573 г. о созывѣ шестинедѣльныхъ ординарныхъ сеймовъ черезъ каждые два года (14), повидимому, понимается авторомъ, какъ особенно важное ограниченіе короля. Въ дѣйствительности дѣло обстояло иначе. Въ теченіе первыхъ семидесяти лѣтъ XVI в. существовало обязательное правило, что сеймъ созывается королемъ ежегодно; если бывали болѣе значительные перерывы, то это происходило по особымъ причинамъ, напримѣръ, вслѣдствіе болѣзни короля, отъѣзда его въ Литву и т. п.; однако даже въ случаѣ такого отъѣзда сеймъ все же происходилъ, по особому

б) Ошибочно схваченные и понятые факты.

королевскому полномочію. Когда Сигизмундъ-Августъ послѣ извѣстныхъ событій 1548 г. не созывалъ сеймовъ въ теченіе двухъ лѣтъ, то шляхта подняла сильный ропотъ, высказывала упреки въ томъ, что король нарушаетъ законъ. Поэтому уже ближайшій сеймъ 1550 г. заявилъ, что король обязанъ созывать сеймы „во время и въ мѣстѣ, указанныхъ статутомъ“ [1]). Правда, въ этомъ опредѣленіи заключается ошибка, такъ какъ не существовало никакого прежняго статута, который опредѣлялъ бы время созыва сейма; однако на почвѣ отношеній, среди которыхъ этотъ статутъ осуществился, нельзя сомнѣваться, что̀ онъ означаетъ: это было королевское обязательство созывать сеймъ ежегодно. Постановленіе 1573 г. было, такимъ образомъ, собственно извѣстнымъ смягченіемъ прежняго правила: его генезисъ—и вообще и въ частности, не исключая даже требованія о шестинедѣльномъ срокѣ засѣданій сеймовъ — объясняютъ прежніе сеймовые діаріи; напримѣръ, въ 1565 г. какъ сенатъ, такъ и послы жалуются на слишкомъ частые созывы сеймовъ, равно какъ и на слишкомъ большую ихъ продолжительность [2]).

в) Необоснованныя комбинаціи. Нѣкоторые факты авторъ установилъ только путемъ ничѣмъ не обоснованной комбинаціи: напримѣръ, будто шляхта только около 1572 г. начинаетъ злоупотреблять своей таможенной свободой въ ущербъ городамъ (9), и будто только съ той поры „хлопъ“ началъ чувствовать предыдущія ограниченія, доселѣ не имѣвшія практическаго значенія (10). Даже если бы мы безъ всякой критики приняли эти утвержденія, то все-таки вопросъ о строѣ остался бы неизмѣненнымъ, такъ какъ таможенная свобода была признана за шляхтой въ 1496 г., а ограниченія „хлоповъ“ были проведены во второй половинѣ XV и въ началѣ XVI вѣковъ. Я не вдаюсь здѣсь ни въ критику самихъ комбинацій автора, столь идиллически освѣщающихъ совокупность отношеній шляхты къ низшимъ сословіямъ на пространствѣ долгихъ первыхъ 70 лѣтъ XVI в., ни въ выясненіе связаннаго съ этимъ вопроса о томъ, для чего же шляхта провела эти ограниченія еще въ концѣ XV в., чтобы потомъ въ теченіе

---

[1]) Vol. leg. II, 3.

[2]) Dyaryusz 1565, стр. 36, 38, 59, 62.

³/₄ вѣка не пользоваться ими. Я выскажу только сомнѣніе въ томъ, можетъ ли кого-нибудь убѣдить главный доводъ, приводимый авторомъ въ пользу своей 10-й комбинаціи, именно будто бы въ теченіе всего этого періода еще не развилась въ широкихъ размѣрахъ хлѣбная торговля,— доводъ, заставляющій автора подставлять дерево (О., 624) вмѣсто исключительно упоминаемаго въ источникахъ „frumentum" [1]).

г) Ошибочныя даты.

Нѣкоторые факты ошибочно датированы. Утвержденіе, что воеводскіе прейскуранты „только съ той поры (около 1572 г.) стали болѣе многочисленны" (8), не имѣетъ подъ собой дѣйствительнаго основанія, если—не говоря уже о статутахъ среднихъ вѣковъ,—въ эпоху обоихъ Сигизмундовъ можно указать безчисленное количество постановленій, возлагающихъ на воеводъ обязанность издавать прейскуранты (1507, 1510, 1511, 1519, 1523, 1538, 1543, 1562—1563, 1565 [2]). Должность гетмана (великаго коронного, 16) уже установлена и замѣщена съ начала правленія Сигизмунда I; временное колебаніе въ этомъ вопросѣ послѣ смерти Сигизмунда-Августа до 1581 г. ни въ чемъ не измѣняетъ дѣла; даже польный гетманъ появляется уже въ двадцатыхъ го-

---

[1]) Вотъ свидѣтельства источниковъ. Въ декретѣ 1505 г. говорится: «cum mercantiis frumentis, navibus quibuscunque» и далѣе: «cum mercantiis omnibus ac universis rebus necnon frumentis cuiuslibet grani et generis». Въ Торуньскомъ статутѣ 1520 г.: «cum frumentis et omnibus rebus», далѣе: «cum omnibus eorundem frumentis et rebus propriis», и наконецъ: «quod res et frumenta proprii laboris... demittantur». Въ королевскомъ декретѣ 1526 г.: «cum frumentis et aliis rebus», и далѣе: «frumenta et alias quascunques res». Въ декретѣ королевскаго суда 1526 г.: «navigia cum frumentis et aliis rebus et mercantiis omnis generis et maneriei» (Торуньскій статутъ въ «Corp. iur. Pol. III nr. 226, art. 1; декреты 1505 и 1526 гг. въ трансумтѣ 1527 г. у Пѣкосиньскаго: «Prawa i przywil. m. Krak.» I nr. 34). Въ этихъ многократныхъ, постоянно повторяющихся опредѣленіяхъ предмета торговли всѣ товары, не исключая дерева, называются только общимъ именемъ: res, mercantiae, при чемъ оно приводится обычно въ видѣ дополненія; только одинъ товаръ выдѣляется особо, съ индивидуализирующимъ названіемъ. Если и этого мало, приведу еще болѣе краснорѣчивое мѣсто, указывающее ясно на главный предметъ, изъ статута 1539 г.: «graviter questi sunt nobis nobiles regni nostri de magnis difficultatibus, quibus in frumenti venditione opprimi se a Gedanensibus civibus et subditis nostris dicebant» (Vol. leg. I, 269).

[2]) Corp. iur. Pol. III nr. 6, art. 14; nr. 16, 19, 51, art. 5; nr. 69, art. 11; nr. 210, art. 15; Vol. leg. I, 201, 258, 265, 278, II, 20, 50.

дахъ, а, можетъ быть, даже въ началѣ XV в. [1]). Ужели же должно считаться эпохальнымъ фактомъ само установленіе этой должности при Баторіи или болѣе точное опредѣленіе власти гетмановъ въ 1590 г., если, напримѣръ, авторъ не считаетъ эпохальнымъ фактомъ конституцію 1504 г., опредѣляющую власть всѣхъ коронныхъ чиновниковъ того времени. Правда, вѣча перестаютъ существовать въ концѣ XVI вѣка (18), но ихъ исчезновеніе замѣчается уже съ начала этого столѣтія и не стоитъ ни въ какой связи съ перемѣнами около 1572 г., въ томъ числѣ и съ установленіемъ Трибунала [2]).

д) Второстепенные факты.

Нѣкоторые факты—только отдѣльныя, не разъ даже второстепенныя звенья въ развитіи того, что уже передъ тѣмъ было начато и установлено. Право дарованія нобилитаціи, признанное за сеймами въ 1578 г. (4),— одинъ изъ богатаго запаса предметовъ, на которые уже давно, прежде всего со времени статута „Nihil novi", простиралась власть этого органа; ужели полученіе права нобилитаціи можетъ быть признано болѣе важнымъ (эпохальнымъ) фактомъ, чѣмъ полученіе права изданія всѣхъ новыхъ конституцій (1505 г.)? Урегулированіе взаимныхъ отношеній Пруссіи и Инфлянтъ къ Польшѣ (11) относится, какъ въ другомъ мѣстѣ подтверждаетъ и самъ авторъ, къ группѣ фактовъ, опредѣляемыхъ названіемъ инкорпорацій, уній и т. п., которыхъ—множество въ болѣе раннее, а отчасти и въ позднѣйшее время. На самый видъ строя Польши это принципіально не повліяло, какъ не повліяла на него даже болѣе важная унія Литвы съ Польшей, по вышеуказаннымъ уже причинамъ. Я не могу рѣшить, что понимаетъ авторъ подъ „созданіемъ новыхъ формъ для безкоролевій" (13); если дѣло идетъ здѣсь о новомъ устройствѣ „элекціи", то отсылаю къ дальнѣйшимъ замѣчаніямъ; если авторъ имѣетъ здѣсь въ виду нѣкоторыя новыя учрежденія, которыя съ тѣхъ поръ призывались къ дѣятельности во время безкоролевья (приведу прежде всего образованіе особаго „конвокаціоннаго" сейма, возникновеніе „каптуровыхъ" судовъ), то здѣсь есть извѣстныя новшества; но гдѣ же ихъ эпохальное зна-

---

[1]) Ср. Kwart. hist, 1889, стр. 780.

[2]) Balzer: «Geneza trybunału koron.», 20—25, 337.

ченіе въ развитіи строя Польши? Что касается „каптуровыхъ“ судовъ, то я долженъ замѣтить, что они обязаны своимъ происхожденіемъ принципу временной отмѣны правильныхъ судебныхъ властей въ эпоху безкоролевья, а этотъ принципъ ясно признанъ уже на рубежѣ XV и XVI вѣковъ [1]). Возникновеніе „реляціонныхъ“ сеймиковъ въ 1589—1590 гг. (15) — только одинъ изъ этаповъ въ развитіи учрежденія сеймиковъ, какъ оно выработалось уже ранѣе, и потому нельзя приписывать этому факту эпохальнаго значенія, какъ не приписываетъ его авторъ, напримѣръ, позднѣйшему образованію учрежденія „господарскихъ“ сеймиковъ. Наконецъ, поскольку дѣло идетъ о настоящемъ характерѣ „реляціонныхъ“ сеймиковъ, то въ немъ выражалась мысль, издавна присущая сеймиковой организаціи, что посолъ зависитъ отъ инструкцій, а потому и его поведеніе на сеймѣ подлежитъ контролю шляхты, который теперь она и должна была осуществлять на „реляціонныхъ“ сеймикахъ. Что касается различныхъ видовъ королевскаго суда (20), то одинъ изъ нихъ, сеймовый судъ, существовалъ уже издавна (значенія реформы 1588 г. я коснусь позднѣе), другой, какъ суды ассессорскіе, референдарскіе, создавшіеся въ концѣ XVI в.,— только расщепленіе единаго дотолѣ придворнаго суда, осуществляемаго ассессоріей въ первоначальномъ значеніи. Это расщепленіе не принесло съ собой принципіально новой организаціонной мысли; извѣстнымъ, хотя и второстепеннымъ, новшествомъ было здѣсь скорѣе установленіе самой должности референдаря, но оно падаетъ на 1507 годъ.

Вообще, бóльшая часть принятыхъ авторомъ во вниманіе фактовъ, поскольку, дѣйствительно, можно отнести ихъ къ послѣдней четверти XVI вѣка—имѣетъ совершенно второстепенное значеніе, если только мы примемъ во вниманіе моментъ принциповъ дѣленія; сюда же слѣдуетъ отнести и военныя реформы Баторія (22), порожденныя, правда, глубокой мыслью, но имѣвшія столь эпизодическое значеніе, что онѣ не могли, по собственному же признанію автора въ его „Исторіи“, оказать никакого прочнаго вліянія на преобразованіе польскаго военнаго дѣла.

---

[1]) Balzer: «Początek sądów kapturowych», въ «Stud. nad prawem pol.».

Значеніе важнѣйшихъ перемѣнъ.

Изъ затронутыхъ фактовъ едва только нѣсколько имѣютъ болѣе глубокое, серьезное значеніе. Я отнесъ бы сюда: передачу городской автономіи подъ контроль старостъ (7), „pacta conventa“ (12), въ извѣстной мѣрѣ—установленіе формъ элекціи (13), дающее массѣ шляхты больше вліянія при актѣ избранія, установленіе Трибунала, передающее въ руки шляхты верховный судъ и отмѣняющее средневѣковый принципъ личнаго королевскаго суда (5, 17, 19); въ связи съ этимъ—допущеніе шляхты къ сеймовому суду (20), наконецъ, раздѣленіе скарба на королевскій и публичный (21). Однако, если даже мы безъ дальнѣйшей критики примемъ всѣ эти факты и сопоставимъ ихъ съ тѣми перемѣнами, которыя испыталъ строй Польши на рубежѣ XV и XVI вв., то проявится все ихъ ничтожество съ этой точки зрѣнія. Съ одной стороны—коренное преобразованіе всѣхъ существенныхъ основъ общественнаго и государственнаго уклада—перемѣщеніе взаимныхъ отношеній шляхты и всѣхъ низшихъ сословій, организація рѣшающей въ цѣлой государственной жизни власти (сейма) въ учрежденіе исключительно шляхетское, ограниченіе важнѣйшихъ правъ короля въ пользу той же власти; съ другой стороны—отдѣльные факты, касающіеся извѣстныхъ, хотя бы и важныхъ частностей, но не охватывающіе совокупности отношеній. Мы должны помнить—о чемъ и самъ авторъ въ другихъ случаяхъ тоже не забываетъ,—что измѣненія строя нигдѣ не совершаются одновременно во всѣхъ частностяхъ; что они либо касаются сначала извѣстныхъ особенныхъ областей жизни, какъ предвѣстникъ коренной реформы, которая приходитъ позднѣе, либо, наоборотъ, сначала проводится принципіальное, всестороннее измѣненіе, послѣ чего, въ качествѣ его дополненія и какъ бы договоренности, наступаютъ еще реформы въ нѣкоторыхъ частностяхъ; либо, наконецъ, чтò бываетъ всего чаще, соединяются обѣ эти формы, т. е. послѣ извѣстныхъ предвѣстниковъ новыхъ измѣненій осуществляется принципіальная реформа, восполняемая потомъ измѣненіями частностей. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Послѣ различныхъ начальныхъ проявленій совершающагося преобразованія строя, которыя можно замѣтить во второй, отчасти даже и въ первой половинѣ XV в., потомъ, въ концѣ этого вѣка и въ началѣ XVI в., насту-

паетъ принципіальный переломъ, дополненіемъ котораго являются дальнѣйшія детальныя измѣненія, падающія на XVI вѣкъ. Но всѣ эти позднѣйшія измѣненія—поскольку они дѣйствительно представляютъ извѣстное серьезное значеніе и могутъ идти въ счетъ при разсмотрѣніи настоящаго вопроса—опираются на почвѣ, создавшейся уже ранѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ часто предупреждаются извѣстными болѣе старыми реформами, хотя бы и частичными, временными, которыя ихъ предвѣщаютъ. Стѣсненіе городского самоуправленія въ 1565 г.—естественное послѣдствіе пренебреженія къ городскому сословію, а прежде всего—организаціи сейма, какъ исключительно шляхтетскаго учрежденія, въ руки котораго были отданы дальнѣйшія судьбы мѣщанства. „Pacta conventa“ имѣютъ предшественника въ „генеральныхъ конфирмаціяхъ правъ“, появляющихся уже со времени Варненчика и сохраняющихся потомъ рядомъ съ „pacta“; принципъ тѣхъ и другихъ—собственно одинъ и тотъ же: обязательство короля передъ народомъ исполнять извѣстныя обязанности, съ тѣмъ только различіемъ, что въ одномъ случаѣ оно относится вообще къ правамъ королевства, въ другомъ—къ извѣстнымъ частнымъ предметамъ. Основой и матеріальнымъ источникомъ королевской власти послѣ 1572 года остается все та же „элекція“, что̀ и со второй четверти XV вѣка. Тотъ, кто въ „pacta conventa“ дѣлаетъ особое удареніе на контрактномъ отношеніи короля къ народу, не можетъ не замѣтить, что „генеральное подтвержденіе правъ“, изданное по поводу „элекціи“, порождаетъ отношеніе, аналогичное первому съ разныхъ точекъ зрѣнія. Самое важное проявленіе контрактныхъ отношеній (ср. у самого автора, O., 601[3]), „Генриховскій“ артикулъ „de non praestanda obedientia“, могъ появиться задолго до „pacta conventa“, въ Мельникѣ, въ 1501 году! Новое установленіе формъ „элекціи“ исходитъ изъ предположенія, признаннаго уже ранѣе и ясно подверждённаго въ 1530 г., о правѣ массы шляхты избирать короля. Реформа „скарба“ въ 1589—1590 гг. была подготовлена—не говоря уже о нѣкоторыхъ постановленіяхъ XV в.—прежде всего конституціей 1504 г., равно какъ и позднѣйшими, основанными на ней „экзекуціонными“ постановленіями, ограничивающими короля въ распоряженіи коронными имѣніями, потомъ кон-

ституціей 1507 г., подчиняющей управленіе королевскимъ „скарбомъ" контролю сената: въ этихъ постановленіяхъ проглядываетъ мысль о публичномъ характерѣ этого скарба, окончательно осуществленная реформой 1589—1590 гг. Вопросомъ о реформѣ верховнаго суда, прежде всего объ освобожденіи отъ него короля, занимались еще со времени Сигизмунда I; съ той поры онъ живетъ въ непрерывномъ рядѣ различныхъ проектовъ и даже временно осуществленныхъ попытокъ вплоть до окончательнаго разрѣшенія вопроса въ 1578 г. (Трибуналъ) [1]); не забудемъ, что уже въ 1543 г. появился проектъ передачи высшей судебной власти именно шляхтѣ [2]). Пріобрѣтеніе, сдѣланное здѣсь шляхтой,— только результатъ того положенія, которое уже ранѣе было занято шляхтой въ другихъ областяхъ публичной жизни, прежде всего—въ сеймовой организаціи, начиная съ 1505 года [3]). И вотъ снова—завершеніе и дополненіе перемѣнъ, совершившихся въ началѣ XVI вѣка. Всего яснѣе этотъ характеръ дополненія выступаетъ въ реформѣ сеймоваго суда въ 1588 г.: тогда доступъ въ этотъ судъ получаетъ—на ряду съ королемъ и сенатомъ—и шляхта (депутаты отъ „посольской избы"). Это—какъ бы приспособленіе радомской конституціи къ организаціоннымъ рамкамъ сеймоваго суда. Такимъ образомъ, всѣ эти позднѣйшія реформы, о которыхъ говоритъ авторъ, коренятся уже въ прежнихъ измѣненіяхъ, совершившихся главнымъ образомъ около 1505 г. или даже ранѣе; всѣ онѣ идейно и органически связаны съ тѣмъ кореннымъ измѣненіемъ, которое наступило въ Польшѣ въ концѣ XV и въ началѣ XVI вв. Всѣ онѣ—только развитіе мысли, установившейся уже ранѣе, въ лучшемъ случаѣ— лишь усиленіе того, что̀ было проведено уже ранѣе. Было бы совершенно ошибочно при установленіи принциповъ раздѣленія на періоды отдавать преимущество извѣстнымъ проявленіямъ развитія старой идеи передъ самой кристаллизаціей и укрѣпленіемъ принципіальныхъ основаній этой идеи.

---

[1]) Ср. Balzer: «Çeneza trybunalu kor»., 108.

[2]) Ibid., 111.

[3]) Ср. мои замѣчанія ibid., 333.

Настоящіе критеріи раздѣленія на періоды.

При обоснованія раздѣленія на періоды слѣдуетъ особенно настаивать на отмѣченномъ моментѣ извѣстной основной мысли, охватывающей совокупность отношеній строя, по крайней мѣрѣ, въ томъ случаѣ, если это обоснованіе дѣлается научно, для обнаруженія и выясненія извѣстныхъ, измѣняющихся со временемъ, по существу отличныхъ, особыхъ направленій въ развитіи общественной и государственной жизни народа. Эти направленія являются, собственно, выраженіемъ такихъ по существу различныхъ идей въ извѣстныхъ одинъ за другимъ слѣдующихъ періодахъ. Въ наукѣ можно спорить о томъ, какую же идею, какое направленіе въ томъ или другомъ данномъ случаѣ слѣдуетъ считать основными, главнѣйшими; но нельзя объяснять этихъ измѣненій рядомъ фактовъ, которые въ своей совокупности не могутъ быть объединены одной общей идеей, общимъ названіемъ. Если дѣло только въ количествѣ, то въ предѣлахъ каждаго пятидесятилѣтія исторіи строя Польши или какого-нибудь другого государства можно найти по двадцати слишкомъ или даже болѣе новыхъ фактовъ и измѣненій; но никто не будетъ утверждать на этомъ основаніи, будто бы съ каждымъ пятидесятилѣтіемъ слѣдуетъ начинать новый періодъ въ исторіи строя этого государства. „Эти измѣненія (22), кажется, должно принять во вниманіе каждое раздѣленіе на періоды“, говоритъ др. Кутшеба (О., 625). Отвѣчаю: несомнѣнно, эти измѣненія должны быть приняты во вниманіе во всякомъ изложеніи (объясненіи) исторіи строя Польши; но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы считаться съ ними, какъ съ эпохальными фактами. Въ самомъ дѣлѣ, всмотримся въ нихъ: что общее связываетъ всѣ эти 22 факта въ одно органическое цѣлое, въ одну принципіальную мысль? Какая, напримѣръ, связь между Люблинской уніей и учрежденіемъ Трибунала? Никакой; наоборотъ, есть противорѣчіе: Люблинская унія постановила соединеніе сеймовъ обоихъ государствъ, а Трибуналъ былъ устроенъ отдѣльно и для Короны и для Литвы (1578—1581). То же самое и относительно ассессоріи. Какая связь между „установленіемъ власти гетмановъ“ и Люблинской уніей или перевѣсомъ шляхты съ 1572 г.; точно также—между обоими этими фактами и, напримѣръ, организаціей „выбранецкой“ пѣхоты или казаковъ? Я не могу усмотрѣть никакой связи. И такъ

далѣе относительно большинства остальныхъ частностей. Нельзя обосновывать дѣленія на періоды, говоря „de omnibus rebus et quibusdam aliis“. Сумма величинъ, отчасти разнородныхъ, отчасти второстепенныхъ, не дастъ ничего единаго и принципіально важнаго. Слѣдуетъ рѣшительно протестовать противъ такого чисто внѣшняго, механическаго соединенія фактовъ, противъ такого „рококо“ въ возведеніи научнаго зданія. Здѣсь—яркій примѣръ того, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ приводитъ пониманіе вопроса о раздѣленіи на періоды, какъ исключительно методически-дидактическаго вопроса; не буду объяснять, каковы методъ и дидактика такого пониманія дѣла.

Выводы.

Такъ, слѣдовательно, 1569—1572 гг. не являются эпохальной датой въ исторіи устройства Польши; всѣ приведенные мною выше моменты, въ своей главной части подтверждаемые и книжкой автора, заставляютъ искать такую эпохальную дату на переломѣ XV и XVI вв. Бобжиньскій и я (въ намѣченномъ выше раздѣленіи періодовъ) приняли здѣсь 1505 годъ, какъ дату изданія радомской конституціи „Nihil novi“, которая дала принципіальное опредѣленіе организаціи и свойствъ польскаго сейма. Авторъ, пытаясь отодвинуть границу обоихъ сосѣднихъ періодовъ къ болѣе позднему моменту, полемизируетъ съ указаннымъ воззрѣніемъ, отрицаетъ за этой конституціей всякое болѣе или менѣе глубокое значеніе, даже остроумно говоритъ, что дѣйствительно она и не ввела „ничего новаго“ (стр. 99). Въ виду большой важности затронутаго здѣсь вопроса разсмотримъ его подробно въ особомъ отдѣлѣ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ОТДѢЛЪ.

Конституція «Nihil novi» 1505 г. Власть и характеръ польскаго сейма.

«Nihil novi». Положеніе «посольской избы» и сената.

Всѣ, кто за послѣднія 30 лѣтъ писалъ о польскомъ сеймѣ (напримѣръ, Бобжиньскій, Павиньскій и мои „Wykłady" 1896 г.), конечно, признаютъ, что голосъ—при томъ рѣшающій—„пословъ" въ дѣлахъ законодательства вытекалъ изъ правъ сеймиковъ, представителями которыхъ на сеймѣ и были „земскіе послы",—изъ правъ, добытыхъ уже ранѣе, точно опредѣленныхъ Нѣшавскимъ статутомъ 1454 года. Конституція 1505 года, обезпечивая земскимъ посламъ на будущее время рѣшающій голосъ въ законодательствѣ, подтвердила въ этомъ пунктѣ, дѣйствительно, только уже существовавшее прежде положеніе дѣлъ. Однако, при всемъ томъ, она заключала въ себѣ еще и другое мѣропріятіе: признала рѣшающій голосъ въ дѣлахъ законодательства и за сенатомъ. До сихъ поръ сенатъ имѣлъ только совѣщательный голосъ. Правда, авторъ утверждаетъ, что поскольку дѣло шло объ ограниченіи „субъективныхъ" правъ сенаторовъ, напримѣръ, о „поборѣ", то уже и ранѣе требовалось ихъ согласіе (стр. 116); и въ этомъ онъ правъ. Однако эта частность ни въ чемъ не измѣняетъ выраженнаго здѣсь мною воззрѣнія. Дѣло шло здѣсь о согласіи (рѣшающій голосъ) сената или сенаторовъ, не какъ таковыхъ, а только какъ членовъ извѣстнаго привиллегированнаго класса, свѣтскаго или духовнаго сословія, которые въ данную ми-

нуту соглашались на ограниченіе своихъ привиллегій; отсюда—и до 1505 г. и послѣ него—неразъ случалось, что такого рода дѣла рѣшались даже внѣ сейма, напрі мѣръ, когда епископатъ (духовные сенаторы) отдавалъ вопросъ о „поборѣ“ съ духовенства на рѣшеніе провинціальнаго синода и только здѣсь окончательно рѣшалъ этотъ вопросъ. Въ вопросахъ, которые выходили за предѣлы „субъективныхъ“ правъ привиллегированныхъ сословій—а эти вопросы и составляли главный субстратъ, который обнимала и съ теченіемъ времени все въ большей степени должна была обнимать законодательная дѣятельность „вальныхъ съѣздовъ (сеймовъ)“—сенатъ до 1505 г. все-таки имѣлъ лишь совѣщательный голосъ: я могу тѣмъ смѣлѣе утверждать это, что въ другомъ случаѣ и самъ авторъ признаетъ то же самое: „правда (король) обращается за совѣтомъ къ „можнымъ“—сенату, но этотъ совѣтъ въ теченіе всего XV в. юридически не обязываетъ его: фактически онъ слѣдуетъ этому совѣту, но юридически не обязанъ слѣдовать ему (стр. 99; ср. W/96)“. Такимъ образомъ реформа 1505 г. была очень важна для сената, ибо она во всѣхъ законодательныхъ вопросахъ, подлежавшихъ сейму, приравняла положеніе сената къ положенію „посольской избы“; а что эти дѣла не обнимали только субъективныхъ правъ, это я сейчасъ покажу.

Исключеніе городскихъ «пословъ» изъ сейма.

Таково первое „novum“ конституціи „Nihil novi“. Другое „novum“—это ясное подтвержденіе того, что право участія въ сеймѣ принадлежитъ только сенаторамъ и „земскимъ посламъ“, съ исключеніемъ городскихъ пословъ, за которыми въ началѣ формированья организаціи сейма еще признавался—въ принципѣ—доступъ въ сеймъ, которые принимали участіе и въ самомъ памятномъ радомскомъ сеймѣ 1505 г. „Sine communi consiliariorum et nuntiorum terrestrium consensu“ король съ тѣхъ поръ не можетъ издавать конституціи на сеймѣ; о „nuntii civitatum“ въ этомъ статутѣ уже нѣтъ рѣчи. Извѣстно, какую борьбу долженъ былъ потомъ выдержать Краковъ, чтобы обезпечить себѣ, путемъ королевскихъ привиллегій, участіе въ сеймѣ, постоянно оспариваемое шляхтой и въ очень скоромъ времени окончательно устраненное ею. Здѣсь нѣтъ нужды объяснять принципіальное значеніе, которое представляетъ собой это

второе „novum" для всего дальнѣйшаго развитія организаціи общества и даже государства въ Польшѣ; серьезность реформы—хотя и отрицательная—ярко бросается въ глаза.

Воззрѣніе др. Кутшебы.

Еще больше значенія придаетъ авторъ другимъ своимъ наблюденіямъ о сущности, характерѣ и компетенціи польскаго сейма по конституціи 1505 г. По его мнѣнію, конституція эта высказала только то, „что король безъ согласія сейма не можетъ устанавливать ничего, чтò нарушало бы личныя (субъективныя) права шляхты, добытыя посредствомъ привиллегій и обычая" (стр. 116), т. е. подтвердила то, чтò и ранѣе было признано, чтò разумѣлось само собой. „Король остается законодателемъ въ цѣломъ рядѣ дѣлъ, которыя не интересовали шляхты, которыя находились внѣ горизонта сословныхъ нуждъ и сословныхъ постулятовъ. Такъ, напримѣръ, сеймъ не занимается ни регулированіемъ вопроса о ленныхъ отношеніяхъ къ Пруссіи, ни вопросомъ о внутреннемъ строѣ городовъ или объ организаціи евреевъ и т. д. Все это придаетъ опредѣленный характеръ этому сейму, какъ сейму сословному" (стр. 117).

Сословность и законодательная власть.

Вся эта аргументація основана на цѣломъ рядѣ недоразумѣній и юридическихъ неточностей, наконецъ, частью на ошибочной интерпретаціи самаго текста конституціи 1505 г. Что современный польскій сеймъ былъ только сословнымъ органомъ, какъ всѣ подобные современные и соотвѣтствующіе ему органы въ Европѣ, что онъ прежде всего защищалъ сословные интересы, что его нельзя по внутренней сущности ставить на ряду съ современными намъ представительными собраніями конституціонныхъ государствъ,—все это не подлежитъ никакому сомнѣнію; но именно этимъ-то сословнымъ характеромъ (мандатъ сеймиковой шляхты) и пытались недавно объяснить генезисъ „liberum veto".

Законодательство по дѣламъ другихъ сословій

Но такъ какъ сословія, имѣя представительство въ сеймѣ, становятся (на ряду съ государемъ съ правами болѣе или менѣе централизованными) факторомъ, рѣшающимъ государственныя дѣла, то ихъ законодательство обнимаетъ не только дѣла исключительно сословныя, но и болѣе широкую сферу, законодательство по общегосударственнымъ дѣламъ (я не настаиваю здѣсь на территоріальномъ моментѣ этого понятія), хотя и не въ столь широкомъ объемѣ, какъ это имѣетъ мѣсто теперь. Вполнѣ по-

нятно, почему сословія при этомъ главное вниманіе обращаютъ на свои собственныя отношенія и нужды, почему они устраиваютъ дѣла другихъ, низшихъ, сословій лишь постольку, поскольку считаютъ нужнымъ и выгоднымъ для себя и для блага государства: какое законодательное собраніе, даже современное, идетъ далѣе того, что̀ оно считаетъ нужнымъ урегулировать своими постановленіями? Причина, по которой кругъ изъятыхъ изъ попеченія сейма дѣлъ другихъ сословій былъ прежде шире, заключалась въ другомъ. Отчасти она заключалась въ автономіи отдѣльныхъ общественныхъ группъ, или гминъ, несмотря на стѣсненія XV вѣка, признаваемой до конца существованія Речи Посполитой, напримѣръ, въ городахъ, которые могли устраивать свои внутреннія дѣла собственными рѣшеніями; но сеймы точно также не рѣшали и вопросовъ внутренняго устройства церкви и дѣлъ духовенства, несмотря на то, что духовенство было однимъ изъ сословій, представленныхъ на сеймѣ. Съ другой стороны, эта причина заключалась въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя существовали между извѣстными мѣстными группами и извѣстными лицами, осуществлявшими связь частноправового характера; такъ города или деревни, принадлежащія королю, получали отъ него привиллегіи либо „ординаціи“, касающіяся ихъ внутреннихъ отношеній; подобнымъ образомъ приватныя мѣстечки и деревни получали ихъ отъ своихъ господъ. Аналогично представляется дѣло и относительно извѣстныхъ исповѣдныхъ либо этнографическихъ группъ, стоявшихъ подъ спеціальной опекой короля и на этомъ основывавшихъ свое правовое положеніе въ государствѣ, какъ, напримѣръ, армяне, евреи и т. п.: онѣ получаютъ отъ короля привиллегіи, иногда обширные статуты, въ опредѣленныхъ же привиллегіями границахъ снова могутъ самостоятельно устраивать свои внутреннія отношенія. Однако количественное различіе сферы и объема дѣятельности не можетъ вліять на оцѣнку качества компетенціи сейма, не даетъ основанія отрицать значеніе его, какъ органа, осуществляющаго общегосударственное законодательство. Законодательное право сейма простиралось такъ далеко, что, если только того требовало общее благо, не колебались, въ ближайшее же послѣ изданія радомской конституціи время, регулировать даже

такія отношенія, которыя входили въ область указанныхъ изъятыхъ изъ компетенціи сейма сферъ.

Когда сеймы отдавали городскихъ властей подъ надзоръ старостъ, когда устанавливалось (1507 г.), что мѣры въ городахъ должны быть одинаковы, то, собственно, происходило вторженіе въ сферу, входящую въ область городского самоуправленія. А если бы авторъ захотѣлъ утверждать, что здѣсь дѣло шло объ интересѣ шляхты (хотя, конечно, уже не о „субъективныхъ“ ея правахъ), то я позволю себѣ привести, въ видѣ примѣра, еще статутъ 1511 г., которымъ отмѣнялось болѣе старое постановленіе, воспрещавшее сыновьямъ „хлоповъ“ уходить изъ деревень безъ позволенія господъ, „quod nonnullis consiliariis nostris parum aequum et libertati communi contrarium videtur“ [1]).

Это постановленіе, если уже мы захотимъ говорить о „субъективныхъ правахъ“, охраняло собственно субъективныя права кметей противъ шляхты, права сословія, не имѣвшаго въ сеймѣ представительства, и все же сеймъ, въ видахъ общаго блага, не поколебался опредѣлить это отношеніе въ пользу крестьянскаго сословія.

Объясненіе текста конституціи.

Самая важная ошибка въ аргументаціи автора состоитъ, по моему мнѣнію, въ объясненіи, которое онъ даетъ самому тексту радомской конституціи. Какъ извѣстно, она гласитъ: „...statuimus, ut deinceps futuris temporibus perpetuis nihil novi constitui debeat per nos et successores nostros sine communi consiliariorum et nuntiorum terrestrium consensu, quod fieret in praeiudicium gravamenque Reipublicae et damnum atque incommodum cuiuslibet privatum, ad innovationemque iuris communis et publicae libertatis“. Эта конституція должна имѣть, по мнѣнію автора, только то значеніе, что король не можетъ нарушать „субъективныхъ“ правъ шляхты, добытыхъ путемъ привиллегій и обычая, безъ ея согласія на сеймѣ. Сюда можно отнести въ лучшемъ случаѣ только слѣдующее мѣсто: „quod fieret in damnum atque incommodum cuiuslibet privatum“, хотя уже съ извѣстными сомнѣніями; далеко уже труднѣе отнести сюда непосредственно предшествующее ему мѣсто: „quod fieret in praeiudicium gravamenque Reipublicae“, ибо если даже шляхта и отожествляла свой ущербъ

[1]) Vol. leg. I, 379.

съ ущербомъ государства, то все же, наоборотъ, можно говорить и объ ущербѣ государства, который вовсе не должно отожествлять съ нарушеніемъ „субъективныхъ“ правъ шляхты. Уже это мѣсто указываетъ, такимъ образомъ, на необходимость расширить интерпретацію автора; цѣликомъ низвергаетъ ее послѣдняя часть конституціи, которая, на ряду съ уже указаннымъ, упоминаетъ еще сверхъ того,—слѣдовательно, противопоставляетъ или, по меньшей мѣрѣ, расширяетъ очерченный выше кругъ компетенціи словами: „ad innovationemque iuris communis et publicae libertatis“, „Ius commune“—эта цѣлая система польскаго „посполитаго (публичнаго) права“, издавна выработанная обычаемъ или статутами, право, очерчивающее общія отношенія и нужды государства, взаимныя отношенія отдѣльныхъ сословій, наконецъ, внѣшнія отношенія каждаго изъ нихъ въ отдѣльности къ государству, однимъ словомъ, область права, входящая въ кругъ законодательства по общегосударственнымъ дѣламъ въ опредѣленномъ выше значеніи. „Publica libertas“—это также не исключительная сфера „субъективныхъ правъ“ шляхты, даже не право, касающееся интересовъ шляхты вообще; напомню хотя бы только что приведенный статутъ 1511 г., въ которомъ слишкомъ далеко идущія ограниченія господами „выхода“ кметей опредѣлены, какъ противорѣчащія „communi libertati“. „Publica, communis libertas“—это свободы („вольности“) и права, которыя служатъ любому сословію королевства, не исключая даже самыхъ низшихъ, не представленныхъ въ сеймѣ: „субъективныя права“ всего польскаго общества. Радомская конституція, постановляя, что все, что клонилось бы къ перемѣнѣ (innovatio) права и публичныхъ вольностей, требуетъ согласнаго одобренія всѣхъ факторовъ сейма, даруетъ тѣмъ самымъ сейму полное законодательное право по государственнымъ дѣламъ. Что это мѣсто слѣдуетъ понимать именно такъ, а не иначе, доказываютъ сами мотивы конституціи, которыхъ авторъ не досмотрѣлъ: „quoniam iura communia et constitutiones publicae non unum, sed communem populum afficiunt“ [1]); здѣсь ясно указывается на дѣла всѣхъ вообще сословій государства, на общій интересъ Речи По-

---

[1]) Vol. leg. I, 137.

сполитой. Обращаю здѣсь вниманіе на сопоставленіе: „iura communia“ и „constitutiones publicae“; вслѣдствіе этого сопоставленія послѣднее понятіе нельзя стѣснять до предѣловъ законодательства по дѣламъ о „субъективныхъ правахъ“ шляхты, ни вообще сводить къ дѣламъ, касающимся исключительно шляхетскаго сословія. И еще разъ, само заглавіе радомской конституціи, данное уже въ Статутѣ Ласкаго (1506 г.), тоже не принятое авторомъ во вниманіе, такъ опредѣляетъ содержаніе этой конституціи: „De non faciendis constitutionibus sine consensu consiliariorum et nuntiorum terrestrium“; понятіе „constitutio“, въ виду даннаго толкованія самой конституціи, столь обширно, что невозможно принять узкой интерпретаціи автора.

Король и сеймъ.

Я признаю, что позднѣе, до самаго паденія Речи Посполитой, на практикѣ случалось не разъ, что король путемъ своихъ самостоятельныхъ распоряженій регулировалъ отношенія, входящія въ объемъ прерогативъ сейма въ духѣ конституціи 1505 г.; причина этого заключалась либо въ требованіяхъ момента, либо въ сознательномъ стремленіи короля расширить предѣлы своей власти, либо, наконецъ,— и это неразъ имѣлось въ виду—въ невозможности всегда точно разграничить на практикѣ предметы законодательства и правительственныхъ распоряженій,—въ томъ самомъ теоретическомъ пунктѣ, котораго не смогла устранить цѣликомъ даже современная наука государственнаго права. Въ принципѣ, это было только—умышленно или невольно—нарушеніе собственнаго круга дѣятельности, обходъ конституціи 1505 г. Однако сеймы ревниво оберегали свое завоеванное право, заявляли обвиненія (gravamina) противъ поведенія короля; отсюда уже на сеймѣ 1538 г. выходитъ новая, короткая конституція, подъ заглавіемъ: „De novis constitutionibus“, слѣдующаго содержанія: „Constitutiones novas nonnisi cum consiliariorum et nuntiorum terrarum consensu secundum statutum Alexandri regis (т. е. 1505 г.) faciemus“ [1]. Здѣсь уже совсѣмъ въ общей формѣ оговорено, что всѣ новыя конституціи требуютъ совмѣстной дѣятельности сейма; а все содержаніе этого постановленія взято изъ радомской конституціи. И что̀ особенно важно—даже сами короли, въ

[1]) Vol. leg. I, 526.

ближайшее же время послѣ 1505 г., въ теоріи признавали этотъ принципъ. Въ 1518 и 1520 гг. Сигизмундъ издалъ безъ участія сейма двѣ почти одинаковыя таможенныя инструкціи, которыя не стѣсняли какихъ-либо „субъективныхъ правъ“ шляхты (сама новая таможенная пошлина, которой касалось дѣло, уже ранѣе была установлена рѣшеніями сейма), а просто опредѣляли въ деталяхъ ту процедуру, которой должны были держаться таможенные чиновники, чтобы предупредить злоупотребленія, которыя, наконецъ, главнымъ образомъ, касались купцовъ по профессіи и мѣщанъ; и все-таки, какъ бы для оправданія этого своего шага, король во вступленіи обоихъ актовъ прибавляетъ клаузулу, что это—такія инструкціи, „quae in nullo a publicis generalium conventuum decretis discrepant“ [1]). Всѣ факторы, даже тотъ, власть котораго была столь ограничена радомской конституціей, признаютъ ея значеніе въ указанномъ выше смыслѣ. Будемъ же и мы объяснять дѣло такъ, какъ понимали его въ свое время, а не въ обратномъ смыслѣ. Мы не спасемъ новой теоріи съ помощью „общаго мѣста“, будто конституція 1505 г. запретила только нарушать „субъективныя права“ шляхты безъ ея согласія, и будто только позднѣе начали интерпретировать ее шире въ цѣляхъ ограниченія королевской власти: это „общее мѣсто“ исходитъ изъ ошибочнаго предположенія о дѣйствительномъ содержаніи радомской конституціи, не доказываетъ да и не можетъ доказать того, будто бы стремленіе къ точному (строгому) осуществленію ея постановленій не было только строгимъ соблюденіемъ дѣйствующаго законодательства.

Реформа законодательной компетенціи сейма.

Сравнимъ же отношенія, какія были созданы конституціей 1505 г. въ области права легислативы, съ тѣмъ, что̀ существовало и что̀ было признано прежде. Изъ двухъ (кромѣ короля) составныхъ частей сейма, сената и посольской избы, только сеймики (т. е. земскіе послы) пользовались предъ тѣмъ ясно признаннымъ за ними участіемъ въ дѣлахъ законодательства, на основаніи нѣшавскаго статута

---

[1]) Balzer: «Corp. iur. Pol.», III, пг. 207, 227.

1454 г. („nullas novas constitutiones faciemus... absque conventione communi in singulis terris instituenda“)[1]). Что касается сената (прежняго съѣзда пановъ-совѣтниковъ), то, не говоря уже о полномъ отсутствіи у нихъ передъ 1505 г. рѣшающаго голоса относительно короля, не было никакого общаго постановленія, которымъ требовалось бы участіе сената въ законодательствѣ. Конституціи второй половины XV в. оговорили разсмотрѣніе королемъ, совмѣстно съ панами-совѣтниками, только нѣкоторыхъ немногочисленныхъ спеціальныхъ дѣлъ. Когда въ концѣ XV в. изъ этихъ двухъ, первоначально отдѣльныхъ, органовъ создался одинъ сеймъ, то каждый изъ нихъ вошелъ въ сеймъ не только съ различнымъ правовымъ положеніемъ (согласіе и совѣтъ), но и съ разнымъ кругомъ компетенціи, по крайней мѣрѣ, судя по изданнымъ до сихъ поръ конституціямъ. Фактически первые сеймы сразу же—вспомню только о сеймахъ 1493, 1496, 1501 гг.—охватили своей властью всю область законодательства по вопросамъ „посполитаго права“; слѣдовательно, въ этомъ смыслѣ радомская конституція признала только уже ранѣе создавшееся положеніе дѣлъ. Но до ея изданія не было никакого правового постановленія, которое опредѣлило бы принципіально не только организацію, но и самыя прерогативы сейма. Значеніе болѣе старыхъ конституцій, опредѣляющихъ права отдѣльныхъ составныхъ частей сейма (особенно нѣшавской, что̀ касается сеймиковъ), стало сомнительнымъ, такъ какъ новый сеймъ, понятый, какъ органическое цѣлое, былъ все-таки чѣмъ-то инымъ, сравнительно съ самими сеймиками (земскіе послы), либо самимъ королевскимъ совѣтомъ; сомнѣніе расло оттого, что болѣе старыя конституціи въ вопросѣ о компетенціи обѣихъ избъ, по существу и по содержанію, не совпадали другъ съ другомъ. Отсюда для новыхъ стремленій шляхты возникала серьезная опасность со стороны королей, которые, при благопріятныхъ условіяхъ, могли настаивать на полнотѣ своей власти и стѣснять права сейма, точно не защищенныя никакой конституціей. Радомская конституція устранила эту

[1]) Vol. leg. II, 254.

опасность, ясно и рѣшительно признавъ за „вальнымъ сеймомъ“ (вмѣстѣ съ королемъ) полноту законодательной власти. Хотя она, такимъ образомъ, дала только формальную санкцію тѣмъ отношеніямъ, которыя путемъ практики начали вырабатываться уже непосредственно передъ тѣмъ, все же въ конечномъ результатѣ она представляетъ чрезвычайную важность и съ матеріальной точки зрѣнія: она заключаетъ рѣшительное опредѣленіе отношеній короля къ сейму и рѣшительное уменьшеніе его законодательнаго права въ пользу сейма. Все направленіе дальнѣйшаго государственнаго развитія Польши сосредоточено въ этой конституціи, какъ бы въ призмѣ. Это третье, важнѣйшее novum радомской конституціи и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточное основаніе для признанія ея несомнѣннымъ основнымъ закономъ, однимъ изъ самыхъ важныхъ, какіе вообще когда-либо были изданы въ Польшѣ.

Общее значеніе реформы 1505 г.

Такимъ образомъ въ радомской конституціи отразилась и кристаллизовалась та основная эволюція общественнаго и политическаго устройства, которую прошла Польша на переломѣ XV и XVI вв. Организація сейма, какъ исключительно шляхетскаго учрежденія, утвердила рѣшительный перевѣсъ шляхетскаго элемента въ области общественныхъ отношеній; устраненіе городскихъ „пословъ“ выразило угнетеніе низшихъ общественныхъ слоевъ, было развитіемъ и окончательнымъ словомъ тѣхъ ограниченій, которымъ подверглись эти слои во второй половинѣ, а особенно въ концѣ XV в.; снабженіе организованнаго такимъ образомъ сейма полнотой законодательной власти въ области „посполитаго права“ отдавало судьбы низшихъ сословій въ руки шляхты, обѣщало на будущее время послѣдовательную политику въ направленіи ихъ угнетенія. Новая идея нарушенія равновѣсія въ области общественной организаціи нигдѣ, собственно, не отразилась столь рѣзко, какъ въ этой реформѣ. То же самое соображеніе имѣетъ силу и относительно организаціи государственнаго элемента въ строѣ Польши. Право рѣшенія дѣлъ, входящихъ въ кругъ этой организаціи, было признано за властью исключительно шляхетской, при одновременномъ значительномъ стѣсненіи правъ короля въ области законодательства; сеймъ дѣлается для польской шляхты той Архимедовой точкой,

опершись на которую, она тотчасъ же привела къ безсилію самое правительственную власть въ Польшѣ, поколебала равновѣсіе государственнаго и общественнаго элементовъ. Вотъ причины, по которымъ приходится считать радомскую конституцію эпохальнымъ фактомъ, рубежомъ двухъ сосѣднихъ періодовъ исторіи устройства Польши.

Всѣ эти мои выводы авторъ въ своемъ „Отвѣтѣ" подвергъ многосторонней критикѣ, которая заставляетъ меня еще разъ возвратиться къ этому предмету.

По мнѣнію доктора Кутшебы, конституція „Nihil novi" не имѣетъ значенія основного закона; она подтверждаетъ, будто бы, только то, что выработалось уже раньше, не предоставляетъ сейму законодательной власти, а даетъ единственно только власть рѣшать относительно субъективныхъ правъ шляхты. Она ничего также не измѣняетъ въ положеніи отдѣльныхъ составныхъ частей сейма, такъ какъ, признавая за сенатомъ и „послами" рѣшающій голосъ, ограничиваетъ это право только тѣми дѣлами, которыя, по мнѣнію автора, были предоставлены компетенціи сейма, т. е. измѣненіемъ субъективныхъ правъ шляхты; въ этой области какъ сенатъ, такъ и „послы" уже раньше имѣли рѣшающій голосъ. Авторъ посвящаетъ большую часть своего „Отвѣта" (602—610) обоснованію этихъ своихъ утвержденій, вошедшихъ и во 2 изд. „Исторіи", и прежде всего—опроверженію моихъ противоположныхъ выводовъ. Разсмотримъ новые аргументы др. Кутшебы.

Теорія «субъективныхъ правъ» въ собственномъ значеніи и въ освѣщеніи Тецнера.

Какъ понимать опредѣленіе: субъективныя права шляхты? Въ строгомъ значеніи слова подъ этимъ можно понимать, несомнѣнно, только тѣ права, которыя принадлежатъ шляхтѣ въ силу ея принадлежности къ этому сословію. Такимъ образомъ, радомскій статутъ, если бы онъ ограничивался только этою областью правъ, признавалъ бы за сеймомъ право издавать какія-нибудь новыя постановленія, напримѣръ, относительно пользованія гербами, ставшаго съ давнихъ поръ личнымъ правомочіемъ шляхты; либо право установлять извѣстный способъ защиты страны съ помощью шляхты, сверхъ тѣхъ обязанностей, которыя уже лежали на ней въ этомъ отношеніи, и т. п. Но есть еще другое, несравненно болѣе широкое понятіе „субъективныхъ правъ", которое въ наукѣ недавно формулировалъ

Тецнеръ [1]); на эту теорію и опирается, главнымъ образомъ, авторъ въ своемъ „Отвѣтѣ“, чтобы опровергнуть выставленныя мною возраженія. При этомъ онъ совершенно не входитъ въ разборъ вопроса о томъ, основательна ли эта теорія; она является для него евангеліемъ, на которое онъ ссылается безусловно. Вѣдь, у насъ еще часто господствуетъ та точка зрѣнія, что все, пришедшее изъ-заграницы—безошибочно, въ особенности, если дѣло идетъ о совершенной новинкѣ, при томъ вполнѣ оригинальной. Усвоеніе такихъ новыхъ заграничныхъ теорій—легкій способъ заслужить славу возрожденія польской науки, открытія для нея окна къ источникамъ западной науки. Кто этихъ теорій не выдумалъ самъ или не принялъ со стороны, тотъ сразу становится въ ряды реакціонеровъ, о томъ съ сожалѣніемъ расточаютъ такія фразы: „До сихъ поръ точка зрѣнія нашей науки была ошибочна“, „это у насъ еще недостаточно оцѣнивается“.., „этотъ вопросъ снабжается у насъ ошибочной этикеткой“. Чѣмъ больше наберется такихъ фразъ, тѣмъ вѣрнѣе успѣхъ у читателя, который самъ не провѣритъ дѣла.

Отрицательные отзывы о теоріи Тецнера.

Однако въ интересахъ самого рецептора можно было бы рекомендовать здѣсь извѣстную осторожность и прежде всего—критическое обсужденіе обоснованности той теоріи, которая принята имъ. Я не сомнѣваюсь, что авторъ, который такъ легко и быстро справляется съ чрезвычайно запутанными вопросами общественно-государственнаго строя, открылъ бы самъ цѣлый рядъ коренныхъ ошибокъ во взглядахъ Тецнера, если бы предпринялъ подобную провѣрку. Если же явились для этого какія-либо препятствія и помѣхи, то надо было, по крайней мѣрѣ, посчитаться съ тѣмъ, какъ эта теорія оцѣнена въ самой заграничной наукѣ, приговоръ которой, поскольку онъ отрицателенъ, навѣрно, охладилъ бы тотъ пылъ, съ какимъ авторъ относится къ своему маэстро, уже потому только, что приговоръ этотъ идетъ изъ-за границы. Здѣсь онъ нашелъ бы достойное вниманія обстоятельство: совершенное отрицаніе теоріи

---

[1]) Tezner: «Der oesterreichische Kaisertitel», Grünhuta Zeitschr., 1898; «Die landesfürstliche Verwaltungsrechtspflege in Oesterreich», 1898 и «Technik u. Geist d. ständisch-monarchischen Staatsrechts», 1901.

Тецнера „in capite et in membris“, самую уничтожающую критику его научнаго метода и способа доказательствъ. Ученые такой величины, какъ Below и Rachfahl [1]), сами авторитетные знатоки, изслѣдовавшіе этотъ предметъ по источникамъ, такой заслуженный чешскій изслѣдователь, какъ Pekař [2]), очень горячо протестовали противъ конструкціи Тецнера, хотя обратили вниманіе только на нѣкоторыя ея частности;—двое послѣднихъ не находятъ достаточно словъ, чтобы осудить его выводы и весь результатъ работы [3]). Вотъ какими заграничными новинками обогащается нынѣ польская наука!

---

[1]) Below: «System und Bedeutung der landständischen Verfassung» въ его «Territorium u. Stadt», 163; Rachfahl: «Zur oester. Verwaltungsgeschichte» (въ «Jahrbuch», 1899, III, 349 Шмоллера) и того же автора: «Der dualistische Ständesstaat in Deutschland», тамъ же, 1902 г., III, 165. Послѣднія двѣ работы Rachfahl'я я буду означать для краткости при дальнѣйшихъ ссылкахъ цифрами I и II.

[2]) Pekař: «K dějinam stavovského státu», Čes. čas. hist., VII, 439.

[3]) Вотъ образцы сужденій Rachfahl'я о Тецнерѣ: заключенія его не соотвѣтствуютъ дѣйствительному положенію дѣлъ; онъ оцѣниваетъ дѣло черезчуръ съ юридической точки зрѣнія, но въ то же время высказываетъ мнѣнія, странно звучащія въ устахъ юриста; слишкомъ скоро обобщаетъ частности, оставляя зато безъ вниманія существенныя черты въ характеристикѣ отношеній; употребляетъ формулы, ничего не говорящія; утвержденія его неясны, шатки и противорѣчивы; его дедукціи основываются на недоразумѣніяхъ, ошибочныхъ предпосылкахъ, или на недостаточномъ ознакомленіи съ предметомъ; онъ не понимаетъ политическихъ и государственно-правовыхъ свойствъ сословнаго государства; его работа внесла во весь вопросъ неясность, а путаницу; его выводы толкаютъ прямо-таки на ложный путь и отнюдь не подвинули впередъ научнаго пониманія этого вопроса и т. д. Rachfahl, I, 358, 359; II, 167, 171, 179, 200, 202, 207, 208, 210, 214, 218. Pekař упрекаетъ Тецнера въ неосновательномъ обобщеніи явленій, въ отсутствіи настоящей исторической точки зрѣнія при оцѣнкѣ вопросовъ, называетъ его полемику противъ Rachfahl'я «несчастной», и, что наиболѣе важно, доказываетъ его полнѣйшее незнакомство со всей новой научной чешской литературой и съ самыми важными чешскими источниками, хотя Тецнеръ весьма часто касается и чешскихъ отношеній. Такимъ образомъ, Pekař имѣлъ право иронически сказать, сославшись на одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ, оставленныхъ Тецнеромъ безъ вниманія: «Методъ Тецнера допускаетъ незнакомство даже съ такими источниками». См. Čes. čas. hist., VII, 441, 442, 444, 445, 447, 448.

Критика теоріи Тецнера.

Свое отношеніе къ теоріи Тецнера я опредѣлю слѣдующимъ образомъ.

Тецнеръ весь тезисъ о „субъективныхъ правахъ“ ставитъ въ связь съ своимъ взглядомъ на организацію, сущность и характеръ средневѣкового сословнаго государства. Въ принципѣ ничего нельзя возразить противъ этой точки зрѣнія; однако, слѣдовало бы надѣяться, что авторъ положитъ въ основаніе своихъ наблюденій такія сословныя учрежденія, въ которыхъ повторяются основныя, типичныя черты этой организаціи, напримѣръ, сословныя учрежденія нѣмецкихъ земель. Между тѣмъ Тецнеръ основывается, главнымъ образомъ, на разсмотрѣніи тѣхъ чертъ, которыя въ этомъ отношеніи оказались, начиная съ XVI в., въ габсбургскихъ земляхъ, т. е. сопоставляетъ отчасти разнородныя вещи, какъ, напримѣръ, чешскій или венгерскій сеймъ съ территоріальными нѣмецкими сеймами; правда, оба они имѣли извѣстныя черты, общія у нихъ съ тогдашнею сословною западною организаціею, но все-таки различались отъ нѣмецкихъ сеймовъ въ разныхъ отношеніяхъ, иногда даже въ основныхъ—прежде всего, венгерскій сеймъ. Во-вторыхъ, если дѣло шло объ установленіи типичныхъ основъ сословныхъ учрежденій, то слѣдовало сдѣлать предметомъ изслѣдованія тотъ періодъ, когда они переживали свое жизненное развитіе: между тѣмъ авторъ, какъ я уже говорилъ, разсматриваетъ здѣсь, главнымъ образомъ, отношенія съ XVI вѣка, когда абсолютизмъ, направлявшійся прежде всего противъ сословныхъ учрежденій, уже захватилъ въ габсбургскихъ земляхъ широкія сферы и, чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе и болѣе распространялся. Въ то время сословной организаціи уже угрожаетъ опасность; она уже находится въ стадіи упадка и исчезновенія,—это признаетъ даже самъ авторъ (89); конституціонное право все болѣе и болѣе проникается принципами абсолютной монархіи; а эти принципы Тецнеръ не разъ ошибочно переноситъ въ характеристику самого сословнаго государства [1]).

Вотъ основанія для выводовъ; перехожу теперь къ существу взглядовъ Тецнера. Сословное государство, по его

[1]) Ср. Pekař, 441, 444.

мнѣнію, не знаетъ конституціоннаго права въ объективномъ значеніи,—права, основаннаго на точномъ раздѣленіи государственныхъ компетенцій; здѣсь есть только противопоставленіе субъективныхъ правъ государя, съ одной стороны, и „сословій", съ другой. Послѣдняя группа правъ составляетъ конституцію государства, которую долженъ признать и государь (11). Справедливо уже указано относительно этого утвержденія, что оно слишкомъ „модерно", ибо требуетъ точнаго разграниченія компетенцій, какъ въ парламентахъ новаго времени [1]); а, вѣдь, само отсутствіе такого разграниченія все-таки еще не доказываетъ совершеннаго отсутствія конституціоннаго права въ объективномъ значеніи. Въ концѣ концовъ, можно указать на цѣлыя столѣтія, когда права сословій и государя имѣли достаточно точно проведенныя между собою границы, каждое для себя [2]). Если же позже здѣсь случаются болѣе частыя измѣненія, „картина большой путаницы и неувѣренности" (56), то нельзя утверждать, чтобы совершенно не было права въ объективномъ значеніи, хотя бы оно и подвергалось болѣе быстрымъ измѣненіямъ [3]); нужно также принять во вниманіе, что рѣчь идетъ объ эпохѣ покушеній абсолютизма на сословныя учрежденія, чтò и являлось, конечно, причиной этихъ частыхъ измѣненій,—наперекоръ прежде существовавшему праву. Субъективныя права сословій, доказываетъ далѣе Тецнеръ, основываются, прежде всего, на привиллегіяхъ, пожалованныхъ государями; „libertates" и „privillegia" являются личнымъ правомъ сословій въ противоположность правамъ государя. Но, вѣдь, не только привиллегіи: все обычное право, образовавшееся въ странѣ, слѣдовательно, напримѣръ, и все судебное право, большею частью опиравшееся на обычаѣ, входитъ въ сферу „субъективныхъ правъ" сословій; между сословіями (Landschaft) и „leges et consuetudines" есть только субъективная связь. Такъ понимаемыя права сословій являются только извѣстными ихъ личными прерогативами; право регулировать эти отношенія законодательнымъ путемъ въ точномъ смыслѣ

---

[1]) Below, 259; Rachfahl, 354.
[2]) Below, 259.
[3]) Rachfahl, II 206.

этого слова принадлежитъ только монарху, который въ этомъ отношенiи можетъ идти столь далеко, пока не наткнется на преграды, вытекающiя изъ привиллегiй (12—14, 18, 36, 78). На какiя же основанiя опирается эта смѣлая и заходящая такъ далеко теорiя? Что касается привиллегiй, то на наблюденiи, что при каждой перемѣнѣ царствованiя новый государь подтверждалъ сословiямъ привиллегiи своихъ предшественниковъ; это было какъ бы личной уступкой государя, дарованной сословiямъ на все время его жизни (8-9). Здѣсь Тецнеръ проглядѣлъ, что чуть ли не каждая привиллегiя издавалась князьями не только отъ ихъ собственнаго имени, но и за всѣхъ наслѣдниковъ; если же эти наслѣдники потомъ и сами лично подтверждали эти привиллегiи, то только съ цѣлью, какъ удачно замѣчено [1]), дать личную гарантiю, что они ихъ не нарушатъ, подобно тому какъ теперешнiе государи присягаютъ конституцiи при вступленiи на престолъ; можно прибавить, что въ этомъ постоянномъ подтвержденiи государями болѣе поздняго времени старыхъ привиллегiй заключается, собственно, проявленiе силы и постоянства ихъ, какъ основъ существующаго строя. А почему должны признаваться субъективными правами сословiй и другiе принципы сословной организацiи, создавшiеся помимо привиллегiй, на основѣ обычнаго права, Тецнеръ не былъ въ состоянiи объяснить, хотя бы даже при помощи столь слабой аргументацiи, на какой онъ опирался въ вопросѣ о привиллегiяхъ; единственнымъ доводомъ является утвержденiе, будто бы обороты рѣчи, употреблявшiеся въ тогдашнихъ актахъ относительно „jura et consuetudines terrae, regni“, вполнѣ совпадаютъ съ понятiемъ „jura et consuetudines statuum“, въ смыслѣ „субъективнаго правомочiя“. Однако здѣсь Тецнеру было указано на полнѣйшее его незнакомство съ самыми важными источниками, которые неоднократно строго различаютъ понятiя „jura regni“, съ одной стороны, и „jura statuum“, съ другой [2]). Поскольку рѣчь идетъ о сферѣ обычнаго судебнаго права, утвержденiе Тецнера могло бы удержаться только въ томъ случаѣ, если бы мы признали существованiе такъ называемаго принципа „лич-

---

[1]) Rachfahl, I, 355; II, 202.

[2]) Pekař, 447, 448.

ности права“. Извѣстно однако, что этотъ очень старый принципъ у германскихъ племенъ признавался только въ эпоху „leges barbarorum“; въ средневѣковой Германіи, когда уже образовались особыя развѣтвленія права, въ видѣ права земскаго, леннаго, городского, служебнаго, двороваго, всетаки примѣненіе этихъ правъ разрѣшалось исключительно только по соображеніямъ того юридическаго отношенія, въ которое вступали люди, а не сословной принадлежности [1]); соотвѣтствующее право не имѣло уже тогда значенія личной, субъективной прерогативы.

Къ такому расширенію границъ понятія „субъективныхъ правъ“ склонилъ Тецнера прежде всего извѣстный внѣшній моментъ, именно заключеніе, къ которому онъ пришелъ, что въ сословномъ государствѣ не можетъ быть рѣчи о конституціяхъ, издаваемыхъ собраніями сословій, т. е. о сословномъ правѣ въ объективномъ значеніи. А это послѣднее положеніе Тецнеръ подкрѣпляетъ цѣлымъ рядомъ аргументовъ, изъ которыхъ, однако, нѣкоторые совершенно ошибочны съ фактической стороны, и ни одинъ не въ состояніи выдержать существенной критики. 1) Сословія, по его мнѣнію, не имѣютъ самостоятельнаго, независящаго отъ воли государя права собираться; однако, этому противорѣчатъ историческіе факты [2]); а если въ позднѣйшемъ развитіи дѣла и появляются извѣстныя въ этомъ отношеніи ограниченія ихъ правъ (напримѣръ, въ Чехіи съ 1627 г.), то это только проявленіе побѣдоноснаго абсолютизма; въ концѣ концовъ, право самостоятельно собираться не принадлежитъ къ существу законодательнаго права, ибо и въ учрежденіяхъ новаго времена парламенты собираются только по предварительному созыву монархомъ. 2) Сословія, собравшись, не имѣютъ права законодательной инаціативы—что̀ снова совершенно ошибочно и несогласно съ очевидными фактами [3]); абсолютизмъ могъ провести ограниченіе—въ исключительныхъ случаяхъ—этого права (снова въ Чехіи съ 1627 г.), но только въ силу полной побѣды надъ идеей сословнаго государства. 3) Сословія безъ участія государя не

[1]) См. исчерпыв. выводъ Heusler'a: «Instit. d. deutsch. Privatrechts», I, 37.
[2]) Ср. Below, 235; Rachfahl, II, 172.
[3]) Rachfahl, II, 173.

имѣютъ права издавать конституціи, слѣдовательно, и права самостоятельнаго законодательства (18—19); и здѣсь Тецнеръ обнаружилъ слишкомъ большое незнаніе фактовъ: въ цѣломъ рядѣ случаевъ можно доказать, что такое самостоятельное законодательное право, безъ вмѣшательства монарха, осуществлялось ими, и это не только тогда, когда дѣло шло о „субъективныхъ правахъ“ въ собственномъ смыслѣ (согласіе на налоги), но вообще въ цѣлой обширной отрасли мѣстной автономіи, которая охватывала область внѣ „субъективныхъ правъ“ въ указанномъ значеніи [1])... Не будучи въ состояніи, наконецъ, отвергнуть фактъ принятія „сословіями“ самостоятельныхъ постановленій, Тецнеръ объясняетъ его относительно отдѣльныхъ случаевъ пассивностью государя, который молчаливо допускалъ это, или почувствованной государемъ потребностью частично сложить съ себя обязанности, которыя лежали на немъ; аргументъ, который самъ себя опровергаетъ [2]). 4) Постановленія сословій, поскольку они существуютъ, не представляютъ никакого разграниченія компетенцій по ихъ содержанію, не знаютъ разницы между конституціей—закономъ въ строгомъ значеніи и распоряженіемъ—указомъ; они заключаютъ постановленія, по своему содержанію принадлежащія какъ одной, такъ и другой группѣ (19, 26, 27). Здѣсь Тецнеръ, собственно, обнаружилъ совершенное отсутствіе пониманія того, какъ слѣдуетъ оцѣнивать старое развитіе юридическихъ отношеній; вѣдь, если тогда не было проведено разграниченія обоихъ этихъ понятій съ точки зрѣнія теперешней доктрины, то все-таки слѣдовало спросить, не выработалось ли въ тѣ времена особаго, sui generis, понятія конституціи—закона въ объективномъ значеніи. Часто повторяющіяся опредѣленія „lex“, „statutum“, „constitutio“ и т. п. должны были сами навести его на эту мысль; въ дальнѣйшемъ изложеніи, на примѣрѣ польскаго сейма, я покажу, что такое особое, не вполнѣ совпадающее съ теперешнимъ понятіемъ конституціи—закона понятіе „статута“ существовало и въ Польшѣ. 5) Сословія, поскольку даже они участвуютъ вмѣстѣ съ государемъ въ изданіи конституцій, не имѣютъ на-

[1]) Rachfahl, I, 355, II, 169.
[2]) См. так. Rachfahl, II, 170, 171.

стоящаго права выражать согласіе на нихъ, такъ какъ государь иногда измѣняетъ то, за что они высказались въ „петитахъ" (petita), и даже можетъ издать извѣстныя распоряженія, вопреки ихъ волѣ (18, 19, 24, 28, 29). Здѣсь Тецнеръ снова обобщаетъ несомнѣнныя поползновенія и злоупотребленія абсолютизма новѣйшаго времени, возводя ихъ въ конституціонный принципъ, вмѣсто того, чтобы считать ихъ тѣмъ, чѣмъ они были въ дѣйствительности, т. е. нарушеніемъ обязательнаго права. Въ періодъ жизнеспособности сословной организаціи государь относительно дѣлъ, признанныхъ подлежащими исключительно компетенціи сословій, былъ ограниченъ ихъ правомъ согласія [1]). Тецнеръ благоразумно умалчиваетъ о нѣкоторыхъ яркихъ примѣрахъ, относящихся даже ко времени сильно утвердившагося абсолютизма, напримѣръ, объ извѣстномъ „22-мъ артикулѣ", самовольно прибавленномъ Рудольфомъ II къ постановленіямъ венгерскаго сейма 1604 г.—артикулѣ, который, какъ не имѣющій законной силы, былъ отмѣненъ слѣдующимъ сеймомъ, воспретившимъ королю, въ ясномъ своемъ постановленіи, самовольныя прибавленія такого рода [2]). Съ затронутою здѣсь деталью связывается дальнѣйшій аргументъ Тецнера, именно тотъ, что, если государь сдѣлалъ такое добавленіе или самовольно издалъ конституцію, то сословія не ссылались на то, что конституція, изданная безъ ихъ согласія, не имѣетъ законной силы, а только обращались къ королю съ просьбою или пожеланіемъ отмѣнить ее. При этомъ Тецнеръ не различаетъ, что̀ именно относилось здѣсь къ конституціямъ, издавать которыя государь, дѣйствительно, самъ имѣлъ право, слѣдовательно, къ такимъ, для законной силы которыхъ не было нужды въ согласіи сословій, и противъ которыхъ, дѣйствительно, нельзя было выступать иначе, какъ только обращаясь съ просьбой объ ихъ отмѣнѣ. Поскольку же рѣчь шла о дѣлахъ, которыя слѣдовало рѣшать при участіи сословій, Тецнеръ не принимаетъ во вниманіе практическаго значенія цѣлаго вопроса. Подчеркиваніе чисто теоретическаго момента незаконности въ эпоху укрѣ-

[1]) Below, 173.

[2]) Ср. Balzer: «Hist. ustr. Austryi», 251 и Karolyi: «Artikel XXII», Ungar. Revue.

плявющагося либо уже утвердившагося абсолютизма (а изъ этой эпохи и выбраны примѣры Тецнера), не обѣщало благопріятнаго исхода, такъ какъ государь имѣлъ средства для того, чтобы осуществить свою волю, насколько хотѣлъ; во многихъ случаяхъ вѣрнѣе можно было достичь цѣли, прося объ устраненіи изданнаго распоряженія. 6) Самъ способъ, какимъ постановленія принимались сословіями, сама ихъ форма, въ какой они дѣлались закономъ, наконецъ, сама процедура при ихъ исполненіи, должны доказывать, что это — не конституціи въ собственномъ смыслѣ слова: а) бывали случаи, когда сословія уже послѣ изданія государемъ распоряженія изъявляли на него свое дополнительное согласіе,—значитъ, не такъ, какъ теперь, когда постановленіе парламента предшествуетъ санкціи монарха (19, 22, 23); я однако спрошу, измѣняется ли въ чемъ-нибудь по существу содержаніе законодательнаго права тѣмъ порядкомъ, въ которомъ совершается послѣдовательное изъявленіе согласной воли факторовъ, творящихъ право? б) постановленія сословій, особенно съ новѣйшихъ временъ (XVI в.), не являются съ внѣшней стороны нераздѣльнымъ актомъ, въ которомъ сконцентрирована воля двухъ рѣшающихъ факторовъ—государя и сословій; наоборотъ, они складываются изъ двухъ отдѣльныхъ актовъ: сословныхъ „петитовъ“ и отвѣтовъ короля (22—24, 26, 27); эта разница, бросающая извѣстный свѣтъ на характеръ сословной организаціи, для того вопроса, которымъ мы занимаемся, представляетъ значеніе чисто формальное, потому что фактъ взаимнаго согласія на извѣстную норму, по существу, остается ненарушимымъ независимо отъ того, въ одномъ или двухъ актахъ проявилась согласная воля обоихъ факторовъ. На выработку такой формы могъ воздѣйствовать чисто внѣшній моментъ: почувствованная потребность болѣе точнаго реферата о постановленіяхъ, котораго не давала прежняя форма привиллегій [1]); в) рѣшенія сословій не обязательно приводятся въ исполненіе, если имъ будетъ противодѣйствовать воля государя (47); этотъ аргументъ въ устахъ юриста, какъ Тецнеръ, для меня совершенно непонятенъ, ибо неужели надо напоминать, что фактическая исполнимость рас-

---

[1]) Предположеніе Below'a, 242, 243.

поряженія ни въ чемъ не нарушаетъ самаго характера конституціи?

Такимъ образомъ,—заключаетъ Тецнеръ — сословія не имѣютъ права законодательства въ матеріальномъ значеніи (11), они не осуществляютъ даже налоговаго законодательства (58, 62, 65); вообще нужно рѣшительно отбросить всѣ воззрѣнія, будто бы сословіямъ принадлежало какое-нибудь законодательство въ собственномъ значеніи слова (22). Эти утвержденія были бы справедливы, если бы справедливы были ихъ предпосылки. Оказалось однако, что всѣ онѣ ложны. Теорія Тецнера, помимо того, что̀ въ ней появилось вслѣдствіе незнакомства съ самимъ фактическимъ развитіемъ отношеній или предумышленнаго искаженія этихъ отношеній, основывается на совершенно ошибочномъ пониманіи всего вопроса. Авторъ съ большою самоувѣренностью и, какъ это всегда бываетъ у горячихъ новаторовъ, съ еще бо̀льшимъ самомнѣніемъ взялъ на себя задачу вычистить Авгіевы конюшни, которыя, яко бы, устроили „историки", перенеся въ характеристику сословнаго государства „понятія государственнаго права новаго времени" (101); поставилъ себѣ цѣлью „съ помощью юридическихъ категорій разсмотрѣть и юридически опредѣлить" характеръ этого государства (100)—и пришелъ къ результатамъ, совершенно несоотвѣтствующимъ обѣщанію, ибо онъ неоднократно ошибся и въ самыхъ юридическихъ концепціяхъ, оцѣненныхъ хотя бы только съ современной точки зрѣнія, и приложилъ къ оцѣнкѣ прежнихъ отношеній на самомъ дѣлѣ шаблонъ новаго времени, негодный для того, чтобы вдуматься въ средневѣковыя понятія и схватить сущность и характеръ учрежденій, которыя создались въ тѣ времена. Итакъ, его выводы, свидѣтельствующіе, правда, о большомъ остроуміи и незаурядной силѣ діалектики, способные, навѣрно, ослѣпить на первый взглядъ менѣе критическіе умы, должны быть отвергнуты, какъ безполезный, скорѣе даже вредный научный балластъ.

Отъ всего разбора остается только одно: если нельзя отрицать, что сословія осуществляли законодательство въ объективномъ значеніи, то отпадаетъ всякій поводъ характеризовать понятіемъ субъективныхъ правъ всю обширную область, въ которой вращалась ихъ дѣятельность,

тѣмъ болѣе, что сами положительные выводы, которые представилъ Тецнеръ для подтвержденія своего утвержденія, точно также ничего не подтверждаютъ. Такимъ образомъ, нельзя вводить въ науку понятія „субъективныхъ правъ“ въ пониманіи Тецнера; можно говорить о субъективныхъ правахъ сословій единственно только въ строгомъ, собственномъ значеніи, какъ я указалъ выше. Но какое бы значеніе—то или другое—мы ни связывали съ этимъ понятіемъ, нужно помнить о томъ, что субъективныя права обусловлены существованіемъ объективныхъ правовыхъ нормъ [1]); отъ послѣднихъ зависитъ существованіе и дѣйствительность первыхъ. Это признаетъ противъ воли даже самъ Тецнеръ, утверждая, что въ организаціи сословнаго государства субъективное и объективное права сливаются въ одно цѣлое [2]). Итакъ, вся его полемика противъ прежнихъ „ошибочныхъ“ взглядовъ,—даже если бы самъ тезисъ о сферѣ „субъективныхъ правъ“ былъ истиннымъ—сводится къ простой игрѣ словъ, къ спору о безплодной юридической формулѣ [3]).

Отношеніе д-ра Кутшебы къ теоріи Тецнера.

Я занялся такъ подробно этой теоріей потому, что критика Тецнера является въ то же время критикой Кутшебы, особенно тѣхъ его взглядовъ, которые онъ высказалъ въ „Отвѣтѣ“. Не смѣю судить о спорномъ вопросѣ между проф. Эстрейхеромъ и д-ромъ Кутшебой, зналъ ли этотъ послѣдній Тецнера уже во время писанія своей „Исторіи“ (см. „Отвѣтъ“, 616[1]); принявъ же эту послѣднюю альтернативу, я позволилъ бы себѣ высказать предположеніе, что тогда, работая надъ „Исторіей“, онъ почерпнулъ изъ новой теоріи только главный ея девизъ „субъективныхъ правъ“, безъ всесторонняго углубленія въ само это понятіе. Въ первомъ, польскомъ, изданіи своей „Исторіи“ (стр. 128) авторъ говоритъ только вкратцѣ „о субъективныхъ привиллегіяхъ“ шляхты и, ка-

---

[1]) Ср. удачное наблюденіе Rachfahl'я, II, 202.

[2]) «Für die ständische Auffassung fällt... objectives und subjectives Recht zusammen», стр. 12, пр. 6.

[3]) Здѣсь стоитъ припомнить, что весь спеціальный выводъ главнаго труда Тецнера («Technik und Geist» и т. д.) былъ сдѣланъ ex post для обоснованія извѣстныхъ, слишкомъ далеко заходящихъ утвержденій случайнаго характера, которыя онъ высказалъ на эту тему въ двухъ болѣе раннихъ трудахъ 1898 г., и которыя потомъ немедленно оспорили другіе ученые.

жется, имѣетъ здѣсь въ виду настоящее, точное значенie этого выраженiя;—если бы онъ связывалъ съ этимъ понятiемъ квалицифированное, столь необыкновенное, и по меньшей мѣрѣ, неустановившееся тецнеровское значенie, то мы, надо думать, нашли бы у него детальное выясненie этого понятiя, согласно принципу, высказанному самимъ авторомъ (Отвѣтъ, 619), „что онъ не сторонникъ формулъ, особенно въ популярной книжкѣ", и что „больше пользы въ изложенiи сути юридическаго отношенiя, чѣмъ въ обозначенiи его формулой, часто не установившейся". Только въ своемъ „Отвѣтѣ" авторъ, разсмотрѣвъ, повидимому, внимательно выводы Тецнера и найдя въ нихъ столь желанную поддержку своей неосторожно брошенной мысли, ухватился за нихъ обѣими руками и на полныхъ парусахъ выплылъ въ море тецнеровской гипотезы (ср. и 2-е, русское, изданie „Исторiи", стр. 116—117); даже Below, на знакомство съ которымъ онъ ссылается (ср. О., 616[1]), не былъ въ состоянiи заставить его здѣсь задуматься. „Субъективнымъ правомъ" является для автора не только привиллегiя (обстоятельство, „у насъ доселѣ совершенно не принятое во вниманie"), „но совершенно на одинаковомъ положенiи (съ привиллегiей) находится и обычное право"; и оно трактуется, какъ субъективное правомочie, а нарушенie такого права, какъ нарушенie такого правомочiя. Этимъ авторъ объясняетъ, почему король въ XV-мъ вѣкѣ не производитъ измѣненiй своею властью, а ждетъ, когда онъ будетъ вызванъ на то „петитами" шляхты. Отсюда же онъ выясняетъ, почему шляхта не разъ поднимаетъ оппозицiю противъ измѣненiй, совершенныхъ королемъ въ области судебнаго права; такимъ образомъ, онъ и эту область права относитъ къ субъективнымъ правомочiямъ. Здѣсь дословно повторяются всѣ категорiи правъ, которыя Тецнеръ гуртомъ характеризовалъ, какъ „субъективныя правомочiя". Почему авторъ относитъ ихъ сюда, этого онъ ни однимъ словомъ не выяснилъ. „Я не могу здѣсь ближе входить въ этотъ вопросъ... я не могу также ближе опредѣлять, какъ далеко простирается это понятie субъективныхъ правъ, какъ оно развивается съ теченiемъ времени, распространяется все дальше и дальше. Достаточно установить, что оно есть, что оно полностью существуетъ и до конституцiи

„Nihi novi“. Виноватъ: установить—недостаточно, нужно и доказать. А доказательства никакого нѣтъ. Все это разсужденіе было бы для насъ совершенно непонятно, если бы мы не знали Теџнера. Развѣ скажемъ: „Достаточно установить, что этотъ взглядъ есть—у Теџнера“. Но если данное воззрѣніе въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ у Теџнера, неосновательно, то не можетъ оно быть болѣе основательнымъ и у д-ра Кутшебы.

Еще объ интерпретации текста конституціи 1505 г.

Перехожу къ той части выводовъ автора, гдѣ онъ, главнымъ образомъ, пользуется первоисточниками. На первое мѣсто выдвигается здѣсь интерпретація самого текста конституціи 1505 г.: „statuimus, ut deinceps... nihil novi constitui debeat per nos... sine communi consiliariorum et nuntiorum terrestrium consensu, quod fieret (1) in praejudicium gravamenque reipublicae (2) et damnum atque incommodum cujuslibet privatum (3) ad innovationemque juris communis et publicae libertatis“. Переводя это мѣсто (см. выше), я понялъ три послѣднихъ члена, какъ соподчиненныя опредѣленія „къ quod fieret“, противъ чего авторъ протестуетъ: „Профессоръ Бальцеръ совершенно разрываетъ этотъ придаточный періодъ на три отдѣльныхъ части“. Итакъ, авторъ обращается даже къ грамматикѣ, чтобы указать мнѣ ошибку: такимъ образомъ, эти три члена должно бы связать не съ помощью et, а только—vel. Признаю, что, въ виду предшествующаго отрицанія и conjunctivus'a, съ точки зрѣнія классической латыни слѣдовало бы ждать скорѣе раздѣлительнаго соединенія; но соединительное соединеніе (et) т а к ъ ж е д о п у с т и м о, а въ средневѣковой канцелярской стилистикѣ—даже особенно понятно. Моя интерпретація оттого такъ не на руку автору, что „damnum privatum“ (2) было бы п р о т и в о п о с т а в л е н о двумъ другимъ понятіямъ одного и того же порядка: „praejudicium reipublicae“ и „innovatio juris communis et publicae libertatis“ (1,3), которыхъ въ такомъ случаѣ уже нельзя было бы объяснить, какъ „субъективныя права“. Поэтому д-ръ Кутшеба даетъ совсѣмъ иной переводъ (привожу буквально): „Король не имѣетъ права устанавливать ничего новаго, что измѣняло бы „jus commune“ и „publicam libertatem“ (3) во вредъ и ущербъ каждаго (2), къ нарушенію и отягченію reipublicae (1).“ Такимъ образомъ, будемъ читать съ конца: 3-й членъ соединенъ непо-

средственно съ „quod fieret“, два первыхъ члена приведены въ отношеніе подчиненности (какъ опредѣленія) къ 3-му члену, и снова—несмотря на то, что въ латинскомъ текстѣ 1-й членъ предшествуетъ второму и съ помощью союза „et“ соединенъ съ нимъ, въ качествѣ равнаго,—здѣсь они сопоставлены въ обратномъ порядкѣ, при чемъ послѣдній членъ (въ лат. 1) становится дополняющимъ опредѣленіемъ къ первому (въ лат. 2). Пусть необычны будутъ всѣ эти перестановки, лишь бы доказать, что рѣчь здѣсь идетъ о „субъективныхъ правахъ“, ибо „jus commune“ и „publica libertas“, по мнѣнію автора, какъ мы увидимъ ниже, должны, собственно, означать именно это понятіе. Но что, если грамматика накладываетъ здѣсь свое veto? Если бы 1-й и 2-й члены были опредѣленіемъ къ 3-му члену, то слѣдовало бы дать ихъ въ формѣ придаточнаго предложенія, соотвѣтственно соединеннаго съ 3-мъ членомъ, или же—если не хотѣть образованія такого предложенія,—нужно было бы помѣстить ихъ послѣ 3-го члена, какъ это сдѣлано въ польскомъ переводѣ автора; сохраненіе же ихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ даетъ ихъ латинскій текстъ, создало бы комбинацію, удивительно неловкую съ точки зрѣнія стилистики, а въ виду повторяющихся тѣхъ же самыхъ либо, по существу, такихъ же, что̀ и въ 3-мъ членѣ, союзовъ,—и совершенно извращающую весь смыслъ предложенія. Еще хуже обстоитъ дѣло съ непосредственнымъ, какъ хочетъ того авторъ, соединеніемъ словъ: „quod fieret“ и 3-го члена; съ грамматической точки зрѣнія оно прямо невозможно. Нельзя же строить предложенія: „quod fieret ad innovationemque juris communis et publicae libertatis“. Это „que“ является роковымъ для интерпретаціи автора. И здѣсь нельзя даже думать объ итеративномъ сопоставленіи обоихъ понятій, заключающихся въ 3-мъ членѣ (ad innovationem et juris communis et publicae libertatis), ибо извѣстно, что „que“ никогда не замѣняетъ итеративнаго „et“, не говоря уже о томъ, что, въ духѣ выводовъ самого автора, это итеративное „et“ слѣдовало бы въ такомъ случаѣ замѣнить словами „vel—vel“, или же, что̀ въ этомъ мѣстѣ было бы правильнѣе, „sive—sive“. Скажу теперь окончательно: такого уродства стиля и такого незнакомства съ грамматическими правилами, какія авторъ приписываетъ редакторамъ консти-

туціи 1505 г., я не могу допустить никоимъ образомъ; замѣчу еще, что, если авторъ опровергаетъ мою интерпретацію требованіями цицероновскаго изящества, то къ своей онъ обязанъ примѣнить, по крайней мѣрѣ, элементарныя правила стилистики и грамматики. По чьему адресу слѣдуетъ направить упрекъ въ „разрывѣ текста", это пойметъ уже самъ читатель.

Старые польскіе переводы текста конституціи 1505 г.

Чтобы устранить всякія сомнѣнія въ этомъ направленіи, я сошлюсь на тѣ переводы конституціи „Nihil novi", которые мы имѣемъ,—не на современные переводы, хотя бы они принадлежали такимъ отличнымъ знатокамъ предмета, какъ Бобжиньскій [1]) и Павиньскій [2]), которые излагаютъ ее совершенно согласно со мною,—но на старые переводы, еще изъ ягеллонской эпохи, которые мнѣ удалось найти. Одинъ переводъ—Ш. Щавиньскаго, лэнчицкаго судьи, посла на сеймѣ 1565 г., представленный на этомъ же сеймѣ: „Безъ согласія пановъ-совѣтниковъ и земскихъ пословъ нельзя установить ничего новаго, что̀ служило бы къ обремененію и нарушенію правъ Речи Посполитой, ко вреду и невыгодѣ каждаго въ отдѣльности, къ отмѣнѣ публичнаго права и вольности" [3]). Хотя здѣсь и нѣтъ соединеній посредствомъ союза „и", заключающихся въ латинскомъ текстѣ, но самое употребленіе трехъ одинаковыхъ союзовъ (къ), безъ слѣдовъ какого-либо подчиненія двухъ первыхъ членовъ третьему, свидѣтельствуетъ, что всѣ три члена считаются равносильными. Другой переводъ—Гербурта, взятый изъ его статута цѣлымъ рядомъ позднѣйшихъ польскихъ юристовъ: „Мы устанавливаемъ, чтобы... нами и потомками нашими безъ согласнаго соизволенія совѣтниковъ и земскихъ пословъ не постановлялось ничего, что̀ служило бы къ неправдѣ и угнетенію Речи Посполитой, и вреду и невыгодѣ каждаго человѣка, и что̀ должно было бы служить къ инноваціи публичнаго права и публичной свободы" [4]). И здѣсь равносильность всѣхъ трехъ членовъ выражена очень ясно. Мы имѣемъ право предположить, что господинъ лэнчицкій судья

---

[1]) «Sejmy pol. za Olbrachta i Aleksandra», «Ateneum», 1876, II, 343, 344.
[2]) «Sejmiki ziemskie», 213.
[3]) Dyar. 1565, Bibl. Ord. Kras., 1868 стр. 195.
[4]) Statuta i przywileje koronne, 1570 г., стр. 24.

и саноцкій каштелянъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и перемышльскій староста, оба современники Сигизмунда-Августа, лучше понимали дѣло, чѣмъ теперь можемъ понимать его всѣ мы, не исключая и д-ра Кутшебы.

„Субъективныя“ и „объективныя“ права.

Такой результатъ грамматической экзегезы очень важенъ для оцѣнки всего вопроса: если всѣ три члена сопоставлены здѣсь, какъ равносильные, и только одинъ (2) относится къ нарушенію „субъективныхъ правъ“ въ собственномъ значеніи, то, очевидно, остальные касаются иной сферы законодательной компетенціи сейма, т. е. признаютъ за сеймомъ право рѣшенія дѣлъ, выходящихъ за сферу самихъ субъективныхъ правъ.

„Publica libertas“ и „jus commune“.

На этомъ я могъ бы покончить съ толкованіемъ текста конституціи „Nihil novi“, если бы не то обстоятельство, что авторъ далъ двумъ главнымъ понятіямъ 3-го члена такую интерпретацію, которая требуетъ опроверженія, тѣмъ болѣе, что дѣло идетъ о понятіяхъ первостепенной важности. „Publica libertas“—это „право, основывающееся на привиллегіяхъ“,—интерпретація, которая, несомнѣнно, слишкомъ узка, въ особенности еще при дополнительномъ объясненіи автора, будто бы здѣсь дѣло шло исключительно о „субъективныхъ правахъ“, вытекающихъ изъ привиллегіи и служащихъ шляхтѣ. Понятіе „publica libertas“ охватываетъ вольности, которыми пользуется все вообще общество, слѣдовательно, любое сословіе; я выше уже привелъ мѣсто изъ конституціи 1511 г., гдѣ „libertas communis“ обозначаетъ извѣстныя правомочія „хлоповъ“—крестьянъ (право „выхода“); добавлю еще другой примѣръ—королевскій мандатъ 1521 г., поручающій старостѣ не возбранять крестьянамъ приходить на базары и опредѣляющій это ихъ право тоже, какъ „publica libertas“ [1]). Если же право прихода на базаръ еще можно относить къ городскимъ торговымъ привиллегіямъ, то, конечно, право „выхода“ хлоповъ-крестьянъ придется обосновать статутами, такъ какъ привиллегіи (локаціонныя) либо не опредѣляютъ его ближе либо часто даже и совсѣмъ не упоминаютъ о немъ. Нѣтъ, наконецъ, недостатка въ примѣрахъ, гдѣ коронныя публичныя свободы и

---

[1]) Corp. jur. Pol. III, nr. 253.

вольности прямо противопоставляются привиллегіямъ [1]). Совершенно ошибочной является интерпретація, данная авторомъ понятію „jus commune". Эти слова должны обозначать „въ тѣ времена" „прежде всего"—обычное право. Мы должны повѣрить на слово автору, что это было такъ, ибо своего утвержденія онъ снова не подкрѣпилъ никакимъ доводомъ. Оно было необходимо ему для того, чтобы приспособиться къ теоріи Тецнера, который высказалъ мысль, что обычное право является субъективнымъ: путемъ двухъ послѣдовательныхъ уравненій авторъ, такимъ образомъ, легко приходитъ къ выводу, что „jus commune"—это „субъективное право". Я напоминаю предварительно, что публичное право, дѣйствительно, можетъ быть обычнымъ правомъ, но точно также хорошо можетъ быть и конституціоннымъ (писаннымъ), и нѣтъ основаній придавать ему аттрибутъ „обычности", какъ нѣчто характеристичное, признавать его „прежде всего" обычнымъ правомъ. Очень часто принципы публичнаго права заключаются въ конституціяхъ въ собственномъ значеніи этого слова (земскія привиллегіи, статуты); на нихъ много разъ и ссылались, если дѣло шло объ утвержденіи извѣстныхъ принциповъ публичнаго права. Когда, напримѣръ, въ 1509 г., вслѣдствіе неоформленнаго въ законномъ порядкѣ валашскаго похода, оказалась надобность въ дополнительной оговоркѣ: „profectio in Valachiam non debet juribus communibus regni officere" [2]), то, очевидно, здѣсь имѣлся въ виду рядъ прежнихъ опредѣленныхъ конституціонныхъ постановленій, устанавливающихъ кругъ обязанностей шляхты предпринимать заграничные походы. Въ королевскихъ дополненіяхъ къ армянскому статуту, въ артикулѣ, касающемся права „выхода" крестьянъ, оговорено, что земельныя имущества армянъ подлежатъ въ этомъ отношеніи „juri commini regni" [3]); эта оговорка относится къ статуту 1496 г. и къ конституціямъ болѣе поздняго времени, а, пожалуй, и къ болѣе раннимъ, начиная съ Казиміра Великаго, изданнымъ о выходѣ крестьянъ. Другое ко-

---

[1]) Ср., напр., конст. 1550 г.: публичныя права вмѣстѣ съ привиллегіями и государственныя (коронныя) свободы. Vol. leg. II, 9.

[2]) Corp. jur. Pol., III, nr. 51 a. 1.

[3]) Ibid., III, nr. 215 a. 2.

ролевское дополненіе къ этому статуту повелѣваетъ судить поджигателей „Jure commini regni“ [1]), имѣя здѣсь въ виду еще статуты Казиміра Великаго. Въ легаціи къ королю въ 1565 г. шляхта выражается такъ: „У насъ есть не только свободы и вольности...“, но также постановленія и „записанные порядки“ [2]): сопоставленіе, похожее на „libertas“ и „Jus commune“ въ конституціи 1505 г.; то, что̀ здѣсь соотвѣтствуетъ этому послѣднему понятію, названо „записанными порядками“. Вопросъ о томъ, было ли „jus commune“ обычнымъ или конституціоннымъ правомъ, безразличенъ, впрочемъ, для оцѣнки главнаго вопроса, было ли это „субъективное право“; я напомню элементарную вещь, что обычай и конституція (законъ)—это только два различныхъ источника, которые рождаютъ право, но не вліяютъ на само его содержаніе, на субъективный или объективный его характеръ. Можно подтвердить многочисленными ссылками на первоисточники, что во всякомъ случаѣ ошибочно видѣть въ „Jus commune“ черты „субъективности“. Такъ, напримѣръ, на сеймѣ въ 1565 г. „субъективнымъ правамъ“ духовенства противопоставляется „единое право“, обязательное для всѣхъ (объективное) или, какъ это выражено въ другомъ мѣстѣ, „право, общее всѣмъ“ (prawo wszem pospolite) [3]), статутъ же 1532 г. запрещаетъ королю издавать „inhibitiones juri communi... contrarias“ [4]), въ существѣ которыхъ лежитъ то, что ихъ можно было считать нарушеніемъ не „субъективныхъ правъ“ какого-нибудь сословія, а только объективнаго права, юридическихъ нормъ, изданныхъ раньше по тому же самому предмету (запрещеніе „ингибицій“).

Заглавія конституціи 1505 г. у Ласкаго и Пшилускаго.

Я уже сослался выше, въ подтвержденіе своей интерпретаціи конституціи 1505 г., на заголовокъ, относящійся къ ней уже въ Статутѣ Ласкаго 1506 г.: „De non faciendis constitutionibus sine consensu consiliariorum et nuntiorum terrestrium“,—откуда вытекаетъ, что эта конституція касается не исключительно только измѣненія „субъективныхъ правъ“, но вообще изданія конституцій. Теперь я жалѣю объ этомъ, потому что подвергнулъ со-

---

[1]) Ibid., III, nr. 215 a. 42.
[2]) Bibl. Ord. Kras., 1868, стр. 30.
[3]) Dyaryusz 1565, стр. 98, 293.
[4]) Vol. leg. I, 251.

ставителя рубрики, безъ его вины, суровой критикѣ автора. „Заглавіе у Ласкаго изувѣчено“, оно является „только безсмысленнымъ сокращеніемъ“ главнаго предложенія, съ опущеніемъ придаточнаго (quod fieret и т. д., т. е. указанныхъ выше трехъ членовъ), на которомъ, главнымъ образомъ, настаиваетъ авторъ („Отвѣтъ“, 605). Что касается до фактической стороны, то упрекъ совершенно неоснователенъ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ слово „constitutiones“, употребленное въ заглавіи, является сокращеніемъ вовсе не одного только главнаго предложенія, но вмѣстѣ—и главнаго и придаточнаго, т. е. точно соотвѣтствуетъ существу мысли всего статута. Что это сокращеніе не нравится автору, это другое дѣло; но, думается, этотъ моментъ не можетъ самъ по себѣ считаться достаточнымъ доводомъ безпомощности и безсмысленности автора рубрики. Кто же, въ самомъ дѣлѣ, здѣсь виноватъ? Или самъ сеймъ 1505 г., event. его коммиссія, которая, редактируя конституцію, снабдила ее вышеупомянутымъ заглавіемъ, или въ худшемъ случаѣ—канцлеръ Ласкій, принимавшій участіе въ засѣданіяхъ этого сейма и не позже, какъ черезъ годъ, издавая статутъ, добавившій это заглавіе. Я думаю, что тѣ лица, которые сами постановили эту конституцію или принимали личное участіе въ ея постановленіи, отдавали себѣ болѣе ясный отчетъ въ ея содержаніи, чѣмъ докторъ Кутшеба, и полагаю, что упреки въ безпомощности и безсмысленности самымъ авторитетнымъ интерпретаторамъ конституціи, о какихъ только можно думать, только потому, что ихъ интерпретація не сходится съ нашей, переходятъ всѣ дозволенныя границы критики и являются доказательствомъ чрезмѣрной самоувѣренности. Вмѣсто заглавія у Ласкаго авторъ ссылается на заглавіе и Пшилускаго, которое, будто бы, должно подтверждать его теорію. Даже если бы это и было такъ, то все же я долженъ былъ бы, несмотря на все почтеніе къ Пшилускому, поставить его интерпретацію на болѣе дальнее мѣсто въ виду авторитетнѣйшей интерпретаціи самихъ творцовъ конституціи—ибо интерпретація Пшилускаго на полвѣка позже. Но и Пшилускій, такой опытный юристъ, именно по тому самому, что онъ былъ таковъ, не далъ интерпретаціи, угодной автору, да и не могъ дать ея. Вѣдь, для вывода изъ словъ: „rex constitutiones in jure et contra jus

non faciat absque publico consensu“ [1]) заключенія, будто здѣсь подразумѣвается исключительно измѣненіе субъективныхъ правъ, нуженъ, дѣйствительно, большой оптимизмъ при оцѣнкѣ собственной теоріи. Если бы авторъ перелисталъ двѣ страницы у Пшилускаго и прочелъ вступительный его комментарій къ отдѣлу, гдѣ находится приведенная авторомъ цитата, то онъ замѣтилъ бы здѣсь, что Пшилускій хочетъ въ этомъ мѣстѣ говорить по вопросу объ измѣненіи правъ въ объективномъ значеніи и много разъ подчеркиваетъ эту мысль выраженіями: „leges mutandae, leges mutentur, leges a mutatione alienae, causae mutandarum legum“ [2]). Слѣдовательно, „jus“ въ рубрикѣ Пшилускаго то же, что „lex“,—либо оба раза, либо, по крайней мѣрѣ, однажды. Въ переводѣ его заглавіе означаетъ слѣдующее: „Король безъ публичнаго (сеймоваго) согласія не можетъ издавать конституцій въ области права (объективнаго) и вопреки праву (объективному)“ — или же въ лучшемъ для автора случаѣ: „въ области права (объективнаго) и вопреки праву (субъективному)“; въ послѣднемъ случаѣ заглавіе основывалось бы на точномъ использованіи самого текста радомской конституціи, противопоставляющей понятія „jus commune“ и „publica libertas“, съ одной стороны, и „damnum“ и „incommodum privatum“—съ другой. Въ значеніи объективнаго права Пшилускій неоднократно употребляетъ выраженіе „jus“; однако во введеніи къ своему сочиненію онъ помѣщаетъ обширный трактатъ о различныхъ отдѣлахъ права въ этомъ смыслѣ, говоритъ о „jus gentium“, „jus civile“, „jus humanum“, начиная съ „jus divinum“. Неужели же, по мнѣнію Пшилускаго, даже самъ Господь Богъ, слѣдуя за Тецнеромъ, въ отношеніяхъ между людьми видѣлъ бы только „субъективныя права“?

Сфера компетенціи сейма.

Чтобы основательнѣе выяснить спорный вопросъ, я перейду къ разсмотрѣнію сферы дѣятельности польскаго сейма, какъ она представляется на фонѣ конституцій (т. е. собранія отдѣльныхъ артикуловъ, устанавливаемыхъ на каждомъ сеймѣ и подъ конецъ публикуемыхъ, какъ „сеймовыя конституціи“), ограничиваясь критическимъ періодомъ между изда-

[1]) Przyłuski: «Statuta», 42.
[2]) Ibid., 38.

ніемъ конституціи „Nihil novi“ и прекращеніемъ династіи Ягеллоновъ (1505—1572). Въ ряду этихъ конституцій мы можемъ выдѣлить слѣдующія группы, примѣняя пока понятія и опредѣленія настоящаго времени.

1) Постановленія (Uchwały), касающіяся нарушенія, пріостановленія либо отмѣны, вообще измѣненія какихъ-либо субъективныхъ правъ отдѣльныхъ сословій въ собственномъ значеніи слова: обыкновенно имѣющія силу только на одинъ разъ или на небольшой періодъ времени. Сюда принадлежатъ постановленія о „поборѣ“, нарушающія гарантированную свободу отъ податей, или ординаціи о новомъ способѣ обороны королевства, возлагающія на шляхту обязанности сверхъ узаконенной нормы, напримѣръ, установленіе въ 1514 г. таможенныхъ пошлинъ на шляхту [1]), нарушающее ея свободу отъ пошлинъ, и т. п. Согласно съ этимъ, напримѣрь, король дѣлаетъ оговорку въ „кауціи“ 1515 г., что не будетъ устанавливать новаго способа защиты страны „sine consiliariis nostris neque sine assensu nobilitatis“ [2]); точно также и шляхта въ своемъ плебисцитѣ на „куриной войнѣ“ 1537 г. ставитъ королю на видъ, что новыя пошлины онъ установилъ только съ сенатомъ, „а не съ нами,— а безъ воли нашей и „пословъ“ нашихъ ничего новаго относительно насъ не можетъ быть установлено“ [3]). Изъ приведенныхъ мѣстъ сразу видно, что для постановленій такого рода требовалось согласіе какъ сената, такъ и „посольской избы“. Дальше я на этомъ пунктѣ не останавливаюсь, такъ какъ относительно его у меня съ авторомъ нѣтъ разногласія.

2) Конституціи (Ustawy, законы), вводящія какіе-либо новые принципы или постановленія въ сферѣ обязательнаго объективнаго права, т. е. касающіяся не только субъективныхъ правъ. Если авторъ противъ моего утвержденія приводитъ слова Сигизмунда-Августа въ 1555 г., направленныя къ „посольской избѣ“, что „послы были созваны на сеймъ только ради необходимаго попеченія о покоѣ границы короны, а не для чего-либо другого“ (Отвѣтъ, 605[2]), то онъ не замѣчаетъ, что

---

[1]) Corp. jur. Pol. III, nr. 149.
[2]) Ibid. III, nr. 165.
[3]) Conciones, Arch. Kom. hist., III, стр. 55.

король сказалъ ихъ вслѣдствіе принципіально противоположнаго взгляда, который выставляла тогда „посольская изба"; итакъ, мы имѣемъ два современныхъ, взаимно исключающихъ другъ друга свидѣтельства относительно сферы сеймовой компетенціи, и отсюда отнюдь не вытекаетъ, чтобы свидѣтельство короля болѣе соотвѣтствовало дѣйствительному положенію вещей, чѣмъ свидѣтельство „посольской избы". Въ ту эпоху, когда въ Западной Европѣ абсолютизмъ уже праздновалъ побѣду и легко могъ отражаться на взглядахъ Сигизмунда-Августа, особенно въ началѣ его царствованія, когда, собственно, сильнѣе всего сказались его несомнѣнныя абсолютистическія стремленія — напомню здѣсь только о долгомъ несозывѣ сейма послѣ памятныхъ событій 1548 г.,— этого рода слова объясняются политическими соображеніями и не разрѣшаютъ юридическаго вопроса. Возведенію ихъ въ обязательный принципъ противорѣчитъ все, что только извѣстно изъ исторіи тогдашняго польскаго сеймованья. Этому, прежде всего, противорѣчитъ сама практическая область компетенціи сейма, которую удается возстановить по конституціямъ; въ нихъ много постановленій относительно принциповъ организаціи государства, установленія новыхъ должностей, напримѣръ, референдарей [1]), относительно чеканки новой монеты [2]), о разныхъ объектахъ и отношеніяхъ судебнаго права и т. п.—все дѣла, которыя не имѣютъ ничего общаго съ собственнымъ понятіемъ „субъективныхъ правъ". Конституціи 1510 г. подтверждаютъ, что сеймъ собрался не только для устройства защиты страны, но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы также реформировать то, „quae domi... reformatione tam pro conservanda publica et privata justitia, quam etiam ea, quae a vetustis constitutionibus aberrarent... reformarentur" [3]). Здѣсь рѣчь идетъ не только о „субъективныхъ правахъ". Согласно статуту 1520 г., нужно было созвать особый сеймъ для установленія реформы судебнаго права [4]). Далѣе, самъ текстъ радомской конституціи, которая не позволила королю безъ согласія сейма совершать не только какія-либо измѣненія „субъективныхъ правъ",

[1]) Corp. jur. Pol., III, nr. 6 art. 19.
[2]) Ibid., III, nr. 21.
[3]) Ibid., III, nr. 51, вступленіе.
[4]) Ibid., III, nr. 242 art. 3.

но вообще ничего новаго (nihil novi), противорѣчитъ пониманію автора. Противорѣчитъ ему и интерпретирующая конституція къ радомскому статуту, изданная въ 1538 г., гласящая, что никакія новыя конституціи, а слѣдовательно, не только постановленія относительно „субъективныхъ правъ“, не могутъ издаваться безъ согласія обѣихъ сеймовыхъ „избъ“ [1]). Обѣ конституціи, 1505 г. и 1538 г., вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляютъ вопросъ объ юридическомъ положеніи сената, съ одной стороны, и „посольской избы“, съ другой, при рѣшеніи такого рода дѣлъ. Согласіе ихъ необходимо не только при измѣненіи „субъективныхъ правъ“, но и вообще при изданіи какой угодно новой конституціи, измѣняющей нормы объективнаго права. Цѣлый рядъ неопровержимыхъ доказательствъ этого доставляютъ намъ и другіе источники: не только уже многочисленныя формулы конституцій, ссылающіяся на согласіе обѣихъ избъ при установленіи новой конституціи (въ объективномъ значеніи), когда, напримѣръ, въ статутѣ 1540 г. о способѣ выкупа имѣній для „выдеркафа“ или о законной силѣ „записей“ земли, король подтверждаетъ, что издалъ его „universis consiliariis et terrarum nuntiis... consentibus“ [2]), но и нѣкоторыя другія извѣстія, гдѣ ясно указано согласіе обѣихъ избъ, какъ непремѣнное условіе принятія и обязательной силы конституцій, этого рода. Относительно закрытія въ 1538 г. венгерско-силезской границы оговорено, что она не можетъ быть открыта „nisi in conventu generali regni cum consilio ordinum“ [3]); здѣсь дѣло идетъ не о „субъективныхъ правахъ“. На сеймѣ въ 1565 г. возбуждается вопросъ объ установленіи должности земскихъ „инстигаторовъ“ (прокуроровъ), которые должны были привлекать къ отвѣтственности нерадивыхъ чиновниковъ; я здѣсь не могу усмотрѣть какой-либо связи съ измѣненіемъ „субъективныхъ правъ“ шляхты, а между тѣмъ подтверждается: „Его Королевскому Величеству не представляется, чтобы онъ могъ устанавливать что-либо новое (въ этомъ дѣлѣ) безъ согласія всѣхъ сословій“ [4]). Мы

[1]) Vol. leg., I, 259.
[2]) Ibid., I, 276.
[3]) Ibid., I, 262.
[4]) Dyar. 1565, стр. 153.

имѣемъ также извѣстія, которыя отдѣльно говорятъ о необходимости согласія либо „пословъ“, либо сената на такія новыя нормы объективнаго права. Возбужденный на сеймѣ 1540 г. вопросъ о мѣстѣ канцлеровъ въ сенатѣ, вопросъ формально организаціонный, не изъ области „субъективнаго права“ былъ отложенъ до болѣе поздняго времени, такъ какъ „negotium hoc delatum est (esse) ad nos (regem) consiliariosque nostros absque omni nuntiorum unanimi consensu“, въ виду чего послы требовали, „ut hac de re absque illorum consensu nihil perpetui statueretur“ [1]). Если авторъ въ этомъ дѣлѣ захочетъ усмотрѣть характеръ „субъективности“, т. е. личное правомочіе канцлера на болѣе видное—относительно другихъ сенаторовъ—мѣсто, то я попрошу обратить вниманіе на то, что въ этомъ случаѣ согласіе заинтересованныхъ лицъ, т. е. сенаторовъ, уже было заявлено, а не хватало только согласія „пословъ“, которые лично не были заинтересованы въ этомъ! Право изъявлять согласіе на конституціи такого рода было у „пословъ“, какъ у представителей сеймиковъ, уже въ силу нѣшавскаго статута 1454 г. Для автора нѣшавскій статутъ не имѣетъ никакого значенія: онъ „подтверждаетъ только то, что̀ вытекало изъ сущности субъективныхъ правъ, т. е. уже раньше существующую практику“ (Отвѣтъ, 604[1]), т. е. признаетъ за шляхтой право согласія на измѣненіе „субъективныхъ правъ“. Доказательствъ, что этотъ статутъ надо понимать такъ, а не иначе,—нѣтъ никакихъ; снова приходится вѣрить автору на слово. Но чтобы повѣрить ему, нужно будетъ совершить смѣлую интерпретаціонную операцію, понимая подъ „nullae novae constitutiones“ только постановленія по части измѣненія „субъективныхъ правъ“; нужно будетъ забыть, что самъ этотъ артикулъ статута выдѣляетъ дѣло о созывѣ „посполитаго рушенія“, а относительнаго вопроса о „поборахъ“ говоритъ въ другомъ артикулѣ, совершенно въ иномъ мѣстѣ. Поэтому я останусь при убѣжденіи, что нѣшавскій статутъ является основой для положенія „пословъ“ на сеймѣ (рѣшающій голосъ) относительно всѣхъ конституціи „объективнаго права“, заключающихъ въ себѣ „nova“. Наоборотъ, источники подтверждаютъ и то, что при устано-

[1]) Vol. leg., I, 275.

вленіи новыхъ нормъ требовалось согласіе сената. Въ затронутомъ выше вопросѣ, касающемся введенія земскихъ „инстигаторовъ“ на сеймѣ 1565 г., попадаются въ ходѣ дебатовъ слѣдующія утвержденія всѣхъ по очереди факторовъ, принимающихъ участіе въ сеймѣ: со стороны канцлера (отъ имени короля) „а Ваши Милости (послы) являетесь послами не для установленія чего-нибудь такого новаго, на что не хотѣли бы согласиться Ихъ Милости Паны (сенатъ); или: „но, вѣдь, это новое дѣло, котораго онъ (король) безъ согласія этого кола коронныхъ совѣтниковъ не можетъ устанавливать; а такъ какъ Ихъ Милости (сенатъ) не желаютъ говорить объ этомъ, то не можетъ позволить и Его Королевское Величество“ (послѣ чего идетъ ясная ссылка на конституцію 1505 г.); и снова со стороны короля: „auctoritas senatoria... всегда мощно соблюдается въ томъ, что безъ нихъ Его Королевское Величество король ничего новаго не можетъ устанавливать“. Даже сами послы, которымъ въ этомъ вопросѣ о королевскихъ инстигаторахъ сильно мѣшало сопротивленіе сената, признаютъ это: „но ты (король) не можешь... устанавливать, какъ новой вещи, никакой конституціи, потому что Ихъ Милости, коронные совѣтники, не хотятъ согласиться на это, а безъ нихъ Ваше Королевское Величество ничего не можете устанавливать“ [1]). И тотъ и другой составной элементъ сейма въ отношеніи права согласія равноправны: принципъ, ясно выраженный въ ходѣ тѣхъ же самыхъ преній относительно земскихъ инстигаторовъ: „Его Королевское Величество какъ безъ васъ (пословъ) ничего не можетъ устанавливать съ коронными совѣтниками, такъ и въ согласіи съ вами, но безъ насъ“ (сената) [2]). Можетъ быть, авторъ теперь уже замѣтитъ, что конституція 1505 г., предоставляя компетенціи сейма не только дѣла, касающіяся измѣненія „субъективныхъ правъ“, но вмѣстѣ съ тѣмъ всю сферу законодательства въ объективномъ значеніи, поскольку дѣло шло о „nova“, и требуя для дѣлъ этого рода согласнаго разрѣшенія обѣихъ избъ, принципіально измѣнила юридическое по-

[1]) Dyar. 1565 г., стр. 153, 157, 162, 164.
[2]) Ibid., стр., 165.

ложеніе сената, который въ отношеніи послѣдней категоріи дѣлъ ранѣе имѣлъ только совѣщательный голосъ[1]).

3) Конституціи (Ustawy, законы), которыя въ основѣ не заключали новыхъ правовыхъ нормъ, а были только либо повтореніемъ прежнихъ конституцій, либо извѣстнымъ ихъ развитіемъ, дополненіемъ и, самое большое, поправкой въ частностяхъ. Я не привожу отдѣльныхъ примѣровъ, такъ какъ ихъ много въ конституціяхъ тѣхъ временъ, какъ, напримѣръ, въ конституціи о мужеубійствахъ, много разъ возобновляемой, но всегда только на извѣстный срокъ, или о „выходѣ" крестьянъ, или, наконецъ, въ цѣломъ рядѣ другихъ постановленій, которыя издавались „примѣнительно къ прежнему статуту" или же въ видѣ „возобновленія прежняго статута" и т. п. Я предпочитаю дать нѣсколько общихъ характеристикъ этой группы конституцій, какъ, напримѣръ, изъ статутовъ 1507 г., которые, возобновляя нѣсколько прежнихъ конституцій, прибавляютъ: „nonnihil in illis... moderati sumus, quaedam addidimus, et aliqua, quae in usu non erant, innovavimus" (art. 2); этимъ понятіямъ противопоставляются новыя конституціи (ср. группу 2), уже установленныя на сеймѣ 1507 г. (art. 9) [2]). Отсюда вытекаетъ, что не только возобновленіе прежней конституціи, но даже извѣстныя измѣненія и прибавленія, произведенныя въ такой конституціи, не считались за „nova". Точно также въ статутѣ 1539 г. содержаніе конституцій прошлаго (1538) сейма опредѣлено словами: „quaedam alia corrigi, nonnulla vero per nos explicari, pleraque nova etiam addi" [3]); здѣсь „nova" (2-ая группа) ясно противопоставляется поправкамъ и разъясненіямъ старыхъ конституцій.

4) Распоряженія исполнительнаго характера, содержащія подробныя предписанія о процедурѣ въ рамкахъ конституцій, изданныхъ одновременно съ этимъ или раньше. Эта группа съ точки зрѣнія содержанія отчасти приближается къ предыдущей группѣ и сливается съ ней, т. е. можетъ считаться развитіемъ, разъясненіемъ и дополненіемъ къ другимъ конституціоннымъ распоряженіямъ.

---

[1]) На той же самой точкѣ зрѣнія стоитъ Бобжиньскій: «Sejmy pol. za Olbrachta i Aleksandra», Ateneum 1876, II, 345.

[2]) Corp. jur. Pol., III, nr. 6.

[3]) Vol. leg., I, 268.

5) **Административныя мѣропріятія**, на одинъ разъ, по какимъ—угодно вопросамъ управленія, не исключая и такихъ второстепенныхъ, какъ: распоряженіе о перестройкѣ мѣстечка Рыпина (1510)[1], о сносѣ монтевской мельницы (1567)[2], о чисткѣ рѣки Вепря (1569)[3] и т. п.

Такимъ образомъ, здѣсь мы встрѣчаемся съ явленіемъ, которое не легко согласовать съ нашими современными представленіями о сферѣ дѣятельности законодательнаго органа; этотъ органъ, кромѣ законодательныхъ дѣлъ въ теперешнемъ матеріальномъ значеніи, дѣлаетъ постановленія, прямо и непосредственно, и по дѣламъ администраціи страны, даже очень второстепеннымъ. Чтобы лучше выяснить этотъ вопросъ, разсмотримъ еще отдѣльно **сферу дѣятельности самого короля, безъ содѣйствія сейма**, въ аналогичныхъ дѣлахъ.

Сфера компетенціи короля.

Въ эту сферу, какъ показываютъ сохранившіеся источники, входятъ (цифры соотвѣтствуютъ перечисленію отдѣльныхъ вышеуказанныхъ группъ):

3) Постановленія, которыя по содержанію можно сопоставить съ сеймовыми **конституціями** (законами), не заключающими въ себѣ „nova“. Такимъ образомъ, сюда относятся такого рода случаи, какъ возобновленіе извѣстной прежней конституціи, напримѣръ, нѣсколько распоряженій изъ второй половины царствованія Сигизмунда I, возобновляющихъ Петроковскую конституцію 1496 г. о мужеубійствахъ,—тогда, когда истекъ срокъ, на который ее возобновили прежнія постановленія сейма. Сюда же можно причислить и разъясненія и инструкціи короля чиновникамъ о томъ, какъ надо понимать нѣкоторыя постановленія сеймовъ; напримѣръ, инструкція 1520 г. подольскимъ сборщикамъ податей о томъ, какъ примѣнять податной универсалъ послѣдняго сейма[4]. Легко замѣтить, что король при изданіи такого рода распоряженій, разъясняя либо дополняя конституціи, могъ прямо-таки устанавливать извѣстныя „nova“, т. е. вторгаться въ сферу второй группы предшествующаго реестра. Что такіе случаи бывали, косвеннымъ образомъ

---

1) Corp. jur. Pol., III, nr. 51 art. 28.
2) Vol. leg., II, 70.
3) Ibid., II, 100.
4) Corp. jur. Pol., III, nr. 233.

указываетъ фактъ возобновленія статута „Nihil novi“ на сеймѣ 1538 г. [1]) съ тенденціей, видимо, направленной противъ злоупотребленій короля. Ясное дѣло, что, въ виду опредѣленныхъ указаній закона, которыя въ подобнаго рода дѣлахъ все предоставляли исключительной компетенціи сейма, здѣсь было со стороны короля нарушеніе границъ, опредѣленныхъ его власти; однако на этомъ нельзя обосновывать какихъ-либо заключеній относительно ошибочности выводовъ, къ какимъ мы пришли, обсуждая выше вторую группу, такъ какъ тѣ же самыя превышенія случались со стороны короля и относительно 1-й группы, т. е. постановленій, касающихся „субъективныхъ правъ“, относительно которыхъ самъ авторъ признаетъ исключительную компетенцію сейма. Такъ, когда въ 1512 г. на съѣздѣ въ Колѣ (который имѣлъ здѣсь права сейма) королю былъ разрѣшенъ „поборъ“ въ черезчуръ низкой мѣрѣ, то Сигизмундъ I отмѣнилъ его постановленіе и приказалъ собирать „поборъ“ согласно съ болѣе для него выгоднымъ постановленіемъ предшествующаго Петроковскаго сейма 1511 г., которое уже потеряло свою обязательную силу [2]). Поскольку со стороны короля не было такого превышенія власти, право его издавать нормы, входящія въ сферу настоящей (3) группы, не подлежало сомнѣнію; это ясно было признано за нимъ и со стороны самой „посольской избы“, напримѣръ, въ 1565 г.: „Если бы Ваше Королевское Величество устанавливали что-нибудь новое, тогда „requireretur omnium consensus“, но... разъ Вы приводите въ исполненіе старую публичную привиллегію, то тогда Ваше Королевское Величество правильно пишете: „Повелѣваемъ“; и въ другомъ мѣстѣ: „Да иначе и быть не могло, такъ какъ этой конституціей не устанавливается ничего новаго, для чего нужно было бы новое согласіе всѣхъ, но приводятся въ исполненіе прежнія права (законы); если относительно ихъ Ваше Королевское Величество благоволите что-нибудь повелѣть намъ, то правильно изволите писать: „Повелѣваемъ“, ибо Вы не устанавливаете чего-либо новаго, а приказываете сообразно съ правомъ (закономъ) [3]).

---

[1]) Vol. leg., I, 259.
[2]) Corp. jur Pol., III, nr. 110, 111.
[3]) Dyar. 1565, стр. 97, 246.

4) Распоряженія исполнительнаго характера (указы) относительно статутовъ, установленныхъ на сеймѣ, например, распоряженіе воеводамъ относительно переписи и таксаціи шляхты, и другое—о способѣ установленія цѣнъ, оба 1507 г., изданныя примѣнительно къ сеймовымъ постановленіямъ того же года, которыми разрѣшались такая перепись, и установленіе цѣнъ; или мандатъ 1520 г. епископамъ и старостамъ о способѣ производства въ цѣломъ королевствѣ народной переписи примѣнительно къ постановленію о поголовной подати, принятому сеймомъ того же года [1]).

5) Административныя мѣропріятія относительно какихъ-угодно частныхъ дѣлъ. Не привожу примѣровъ; ихъ можно найти въ большомъ количествѣ въ сборникахъ актовъ, относящихся къ этому времени.

Здѣсь мы снова встрѣчаемся съ вещью, не вполнѣ соотвѣтствующею нашимъ теперешнимъ понятіямъ: мы видимъ здѣсь короля, самостоятельно дѣйствующаго не только въ области управленія, но частью даже и въ законодательной сферѣ, поскольку дѣло идетъ о „nova". Важнѣе другое обстоятельство: относительно всѣхъ трехъ группъ дѣлъ, входящихъ въ сферу королевской компетенціи, обнаруживается и одинаковая компетенція сейма. Какъ объяснить это явленіе?

Отношеніе сферъ компетенціи сейма и короля.

Эпоха, которою мы теперь занимаемся, не дошла еще до принципіальнаго установленія строгаго разграниченія—въ идеѣ—между двумя главными функціями государственной власти: функціей законодательной и функціей правительственной (исполнительной); не было еще проведено, на основѣ реальныхъ (признаваемыхъ теперь) моментовъ, различія между конституціей (закономъ) и распоряженіемъ (указомъ). Извѣстно, что это—только пріобрѣтеніе науки конца XVIII ст., подробно разработанное позднѣйшею наукою въ XIX в. Поэтому, при формаціи сферъ компетенціи прежнихъ государственныхъ органовъ нельзя было опираться на этого рода юридическія категоріи, какъ на рѣшающіе критеріи. Болѣе того: въ этомъ не было даже надобности. Организація тогдашняго государства совершилась и затѣмъ удержалась съ такимъ девизомъ, для ко-

---

[1]) Corp. jur. Pol., III, nr. 15, 16, 243.

тораго это различеніе было неважно. Сословія—„чины" хлопотали о пріобрѣтеніи не извѣстныхъ только функцій государственной власти, а участія во всей государственной власти. Поэтому сфера ихъ дѣятельности захватываетъ всѣ теперь строго разграничиваемыя направленія этой области: законодательство, исполнительную и судебную власти [1]). Компетенція тогдашняго польскаго сейма опиралась на той же самой основѣ; это — его общій съ сословными учрежденіями Запада признакъ. Впрочемъ, какъ и на Западѣ, компетенція самого государя относительно всѣхъ этихъ направленій дѣятельности не была сразу же уничтожена; онъ сохранилъ правомочіе, которое принадлежало ему еще до образованія сословной организаціи. Кромѣ того, что государь имѣлъ право устанавливать и утверждать въ сферѣ дѣлъ, тѣсно связанныхъ съ его положеніемъ монарха, т. е. о своихъ верховныхъ правахъ, своихъ должностяхъ, о своихъ имѣніяхъ и доходахъ,— кромѣ всего этого, онъ, въ силу прежде пріобрѣтенныхъ правомочій, неоднократно вмѣшивался и въ общую сферу дѣлъ „края" (страны), тѣхъ самыхъ дѣлъ, которыми занимались и сословія, и часто своими постановленіями давалъ направленіе этимъ дѣламъ. Возникало соперничество въ компетенціи между этими двумя факторами государственной власти, соперничество, которое на практикѣ колебалось, склоняя чашку вѣсовъ то на одну, то на другую сторону. Все зависѣло отъ фактическаго перевѣса и значенія того или иного фактора. Но какъ бы ни слагались отношенія обоихъ факторовъ, само взаимное проникновеніе обѣихъ компетенцій все-таки существовало, только мѣнялись соотвѣтствующимъ образомъ его сферы. Вотъ это-то взаимное проникновеніе компетенцій является тоже особенностью современныхъ польскихъ отношеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ— снова общимъ у нихъ съ сословной западной организаціей признакомъ; оно—простое послѣдствіе самой конструкціи средневѣковаго государства.

Затѣмъ въ Польшѣ явилась конституція „Nihil novi", которой еще предшествовалъ нѣшавскій статутъ 1454 г., изданный передъ возникновеніемъ сейма, относившійся *Конституція 1505 г., какъ кон-*

[1]) Относительно правомочія сословій въ дѣлахъ управленія на Западѣ см. Below, 179, 254; Rachfahl, II, 178.

ституція компетенціи сейма. только къ сеймикамъ. Она впервые установила извѣстный порядокъ въ этомъ доселѣ совершенно неупорядоченномъ отношеніи компетенцій короля и сейма, принесла съ собой извѣстное разграниченіе сферы власти. Въ своемъ основаніи это не была конституція сеймовой компетенціи, въ родѣ нынѣшнихъ, детально опредѣляющихъ всѣ направленія дѣятельности парламентовъ; это была конституція, отчасти ограничивающая компетенцію короля въ пользу сейма. Не о томъ шла рѣчь на радомскомъ сеймѣ, чтобы опредѣлить, какія вообще дѣла долженъ рѣшать сеймъ, но о томъ, чтобы установить, какихъ дѣлъ король не можетъ рѣшать самъ, безъ согласія сейма. На эту основную тенденцію указываетъ и отрицательная стилизація конституціи (nihil novi), а вмѣстѣ съ тѣмъ содержаніе главнаго предложенія (въ немъ, согласно общему правилу психологіи языка и вопреки мнѣнію автора, лежитъ центръ тяжести), занимающагося вопросомъ объ ограниченіи королевской власти. Однако, границу, стѣсняющую эту власть, отодвинули очень далеко. Не умѣли еще найти чисто реальныхъ критеріевъ, какими мы обладаемъ теперь, различая конституціи (законы) отъ распоряженій (указовъ); взятъ былъ только внѣшній критерій, легко схватываемый, именно: идетъ ли дѣло о чемъ-либо новомъ, или нѣтъ. Но этотъ критерій на практикѣ образовалъ сферу дѣлъ, очень близкую теперешней сферѣ законодательныхъ дѣлъ, какъ мы отличаемъ ее съ точки зрѣнія реальныхъ моментовъ. При этомъ не были приняты во вниманіе только тѣ направленія законодательной дѣятельности, которыя являются развитіемъ, разъясненіемъ, самое бо́льшее—неважнымъ измѣненіемъ уже существующихъ конституцій (группа 3), которыя, наконецъ, не разъ, въ виду своего характера, смѣшиваются съ понятіемъ распоряженій исполнительнаго характера (группа 4). Такимъ образомъ, если мы говоримъ, что радомская конституція касается всей сферы государственнаго законодательства, то даже съ точки зрѣнія теперешнихъ нашихъ воззрѣній мы очень приближаемся къ тѣмъ границамъ, которыя устанавливаются для этого понятія и въ настоящее время. А всю эту сферу радомская конституція и изъяла изъ области исключительно королевской исполнительной власти. Будучи такъ понята,

конституція эта стоитъ, насколько мнѣ извѣстно, довольно обособленно въ исторіи сословныхъ учрежденій западнаго континента. На Западѣ конституціи, ограничивающія власть государя въ пользу сословій, если и существовали, то охватывали менѣе значительныя области; обычно онѣ касались права установленія податей. Что такое, напримѣръ, въ сравненіи съ радомской конституціей, представляетъ привиллегія Яна Люксембургскаго 1310 г., главное конституціонное основаніе власти чешскаго сейма, запрещающая королю, безъ согласія сословій, налагать подати или созывать земское ополченіе, т. е. дѣлать извѣстныя распоряженія по части измѣненій „субъективныхъ правъ“? Однако, если примѣры Запада при такого рода ограниченіяхъ компетенціи и касаются „субъективныхъ правъ“, то отсюда еще не вытекаетъ, чтобы мы живьемъ примѣняли соотвѣтствующую формулу къ польскимъ учрежденіямъ; наоборотъ, мы должны имѣть столько критическаго смысла, чтобы отличить то, что является специальной особенностью польскихъ учрежденій. Этой особенностью, которую создала радомская конституція, они и отличаются уже въ извѣстномъ отношеніи отъ современной сословной организаціи на Западѣ. И если бы не было другихъ основаній считать эту конституцію реформой первостепенной важности, то уже самаго факта столь далеко простирающагося ограниченія королевской власти было бы достаточно, чтобы отвести ей первое мѣсто въ ряду измѣненій общественно-государственнаго строя, какія совершались тогда въ Польшѣ, чтобы считать ее эпохальнымъ, поворотнымъ пунктомъ.

Неполнота конституціи 1505 г.

Хотя „Nihil novi“ не была конституціей компетенціи сейма въ собственномъ значеніи, однако она косвенно сдѣлалась таковой, благодаря тому, что область компетенціи, отобранную отъ короля, нужно же было поручить другому органу, а такимъ органомъ, по ясному ея смыслу, и сдѣлался собственно „вальный сеймъ“. Но только это не была полная конституція компетенціи; она касалась только одной категоріи дѣлъ, т. е. права установленія чего либо „nova“ (группа 1 и 2). Изъявъ ее изъ-подъ власти короля и поручивъ сейму, эта конституція исчерпала поставленную задачу; другихъ отраслей государственной власти она не

хотѣла касаться; съ одной стороны, она не намѣревалась отнять ихъ у короля, но не имѣла въ виду и изъять ихъ изъ компетенціи сейма; она оставила дѣло въ томъ положеніи, въ какомъ оно находилось сообразно съ тогдашней практикой, а мы знаемъ, что на практикѣ сферы компетенціи обоихъ органовъ до сихъ поръ взаимно проникали другъ друга. Между этими областями она провела пограничную линію только съ одной стороны; другія стороны попрежнему остались неразграниченными. Это значитъ: какъ раньше, такъ и теперь здѣсь могъ дѣйствовать либо король, либо и сеймъ. Этимъ объясняется, почему изъ вышеназванныхъ категорій дѣлъ три послѣднія (группы 3—5) мы находимъ въ сферѣ компетенціи какъ короля, такъ и сейма. Такимъ образомъ можно говорить объ отсутствіи точнаго во всѣхъ отрасляхъ разграниченія компетенціи сейма въ тогдашней Польшѣ, такъ же точно, какъ и относительно сословныхъ организацій на Западѣ; но авторъ дѣлаетъ коренную ошибку, дословно повторяя за Тецнеромъ, что въ тѣ времена не было никакой границы въ томъ, какія же дѣла принадлежали законодательной компетенціи сейма, и какія—нѣтъ (Отвѣтъ, 606). Поскольку дѣло шло о законодательной компетенціи сейма, она была точно опредѣлена радомскимъ статутомъ; поскольку же дѣло шло о компетенціи сейма вообще, то, въ виду выдвинутаго момента регулированія законодательной компетенціи, можно назвать ее только отчасти неопредѣленной.

„Деволюція“ дѣла, какъ компетенціонный моментъ. „Сеймовыя дѣла“.

Изъ приведенныхъ соображеній вытекаетъ, что относительно предметовъ, еще не разграниченныхъ съ точки зрѣнія компетенціи (группа 3—5), сама передача („деволюція“) дѣла опредѣляла, который же изъ двухъ равноправныхъ факторовъ, король или сеймъ, рѣшитъ его. Не подлежитъ сомнѣнію, что если король самъ издавалъ административныя распоряженія относительно производства народной переписи, примѣнительно къ постановленію сейма 1520 г. о поголовной подати, то такія же самыя распоряженія могли бы оказаться и въ сеймовомъ постановленіи— и обратно:—если сеймъ въ 1510 г. поручилъ городскому старостѣ озаботиться обстройкой Рыпина, то ту же самую обязанность могъ бы возложить на него и король, издавъ отъ своего имени мандатъ. Сеймъ и король,—то тотъ, то

другой,—участвуютъ въ этихъ дѣлахъ потому, что каждый изъ нихъ въ соотвѣтствующемъ случаѣ взялъ на себя трудъ ихъ разрѣшенія. Такимъ путемъ начинаетъ вырабатываться и устанавливаться понятіе сеймоваго вопроса, или дѣла, т. е. такого дѣла, которое, независимо отъ своего содержанія и реальнаго характера, идетъ на обсужденіе сейма. Такъ, напримѣръ, король въ сеймовой инструкціи 1565 г. передаетъ на обсужденіе названнаго сейма только два предмета: инфлянтскій вопросъ и вопросъ о судахъ послѣдней инстанціи, предупреждая, чтобы никакихъ другихъ предметовъ тамъ не затрогивалось: „Его Королевское Величество хочетъ понимать ихъ, какъ не сеймовое дѣло“ [1]). Опредѣленное такимъ образомъ понятіе „сеймоваго дѣла“ заходитъ далеко за предѣлы понятія „nova constitutio“, какъ его установила радомская конституція: „nova constitutio“ это—дѣло, находящееся исключительно въ сферѣ компетенціи сейма (группа 1—2); сеймовый вопросъ—это каждое дѣло, которымъ занимается сеймъ, даже такое, какое въ иныхъ случаяхъ можетъ быть рѣшено и королемъ.

Способъ рѣшенія „сеймовыхъ дѣлъ“ вообще.

Относительно дѣлъ 3—5 группы (соперничающая компетенція короля и сейма), которыя, въ силу „деволюціи“, стали „сеймовыми дѣлами“, возникъ вопросъ, какъ слѣдуетъ рѣшать ихъ, и, прежде всего, вопросъ о томъ, нѣкоторые ли только или всѣ составные элементы сейма должны принимать участіе въ ихъ рѣшеніи, и съ какимъ, именно, голосомъ? Ни Нѣшавскій, ни Радомскій статуты не рѣшили этого вопроса; первый требуетъ согласія сеймиковъ (пословъ), второй—пословъ и сената единственно только относительно „новыхъ“ конституцій. Помимо всего этого, отношенія могли бы сложиться различно, между прочимъ и такъ, чтобы король, какъ и раньше на „генеральныхъ“ съѣздахъ, рѣшалъ соотвѣтствующія дѣла безъ участія пословъ, а только съ сенатомъ, и то лишь совѣщаясь съ нимъ и не нуждаясь въ обязательномъ его согласіи. Мы не имѣемъ возможности слѣдить за развитіемъ этого дѣла во всѣхъ подробностяхъ, и нельзя отрицать, что, можетъ быть, бывали случаи такой процедуры; вообще же можно подмѣтить стремленіе къ уподобленію всей сеймовой проце-

---

[1]) Dyar. 1565, стр. 19: о сеймовыхъ дѣлахъ ср. тамъ же еще стр. 84.

дуры по этого рода дѣламъ по образцу того, какъ поступали относительно „nova“. Это стремленіе объясняется само собой—какъ желаніемъ упростить дѣлопроизводство, которое, при допущеніи различныхъ степеней участія и разныхъ способовъ согласія, получило бы очень сложный характеръ, такъ и намѣреніемъ избѣгать конфликтовъ въ случаяхъ сомнѣнія, ново ли данное дѣло, или нѣтъ, т. е. тѣмъ ли или другимъ способомъ слѣдуетъ рѣшать его, и, наконецъ, еще болѣе—взаимнымъ соперничествомъ обѣихъ „избъ“, изъ которыхъ ни одна не хотѣла уступить другой по значенію, равно какъ и общимъ ихъ соперничествомъ съ королемъ, котораго онѣ въ одинаковой степени жаждали ограничить. Знаменателенъ тотъ фактъ, что уже на сеймѣ 1507 г. рядъ возобновленныхъ прежнихъ конституцій былъ опредѣленъ, какъ изданный „communi praelatorum, baronum et nuntiorum terrestrium consensu“ [1]). Еще болѣе поучителенъ ходъ преній, которыя велись на сеймѣ въ 1565 г. о статутѣ кор. Александра 1504 г., установившемъ, что „королевщины“ (королевскія имѣнія) не могутъ впредь закладываться иначе, „nisi in generali conventione... consiliarii consentirent“ [2]). Согласіе каждый разъ на залогъ того или иного имѣнія было бы, по существу, только административнымъ мѣропріятіемъ (5 группа); но право согласія на залогъ было признано упомянутымъ статутомъ исключительно только за сенатомъ. Такъ интерпретировалъ эту конституцію въ 1565 г. Коронный Совѣтъ (Сенатъ), но послы стали на совершенно противоположную позицію: ссылаясь на выраженіе „in conventione“, они заключали, что требуется согласіе всего сейма, т. е. и „посольской избы“, такъ какъ сеймъ не можетъ состояться безъ пословъ [3]). Основной взглядъ, который кроется въ этомъ мнѣніи, бросается въ глаза: что̀ бы ни рѣшалось на сеймѣ, значитъ, всякое сеймовое дѣло, хотя бы даже оно и не было „novum“, хотя бы дѣло шло только объ административныхъ распоряженіяхъ (въ теперешнемъ смыслѣ), требуется согласное позволеніе какъ сената, такъ и пословъ. Такъ это дѣло и было формулировано

[1]) Corp. jur. Pol., III, nr. 6 art 2.
[2]) Vol. leg., I, 136.
[3]) Dyar. 1565, стр. 83, 89.

въ дальнѣйшемъ ходѣ этихъ же самыхъ преній: „если что кому-нибудь будетъ даровано съ такого согласія (всѣхъ сословій), то и въ конституцію должно быть включено, какъ „commune laudum...“, такъ какъ всѣ согласны“ [1]). И въ другихъ случаяхъ этотъ принципъ находитъ себѣ выраженіе, даже въ устахъ сенаторовъ: „Для конституціи (вообще, а не обязательно для „novum“) „requiritur omnium consensus“: „для постановленія конституціи требуется согласіе всѣхъ сословій, и Ваше Королевское Величество не можете даже указать, чтобы какая-либо конституція была издана и рѣшена иначе“,—подтверждаетъ самъ примасъ [2]). Особеннаго вниманія заслуживаетъ парафраза радомской конституціи, данная послами: „На „вальномъ“ сеймѣ..., гдѣ ничего (не: ничего новаго!) не постановляется безъ соизволенія совѣтниковъ и земскихъ пословъ“ [3]),—а я прибавлю, что этотъ принципъ они высказываютъ въ преніяхъ, возникшихъ по поводу незаконнаго пожалованія извѣстной таможенной привиллегіи въ пользу частнаго лица, съ датой и подъ видомъ, яко бы, сеймовой конституціи, т. е. опять въ дѣлѣ чисто административнаго характера. Поэтому и приведенное выше постановленіе сейма 1567 г. о сносѣ монтевской мельницы (группа 5) выражено формулой: „находимъ, по постановленію этого сейма“ [4]). Наконецъ, почти всѣ собранія конституцій отдѣльныхъ сеймовъ, заключающія значительное количество постановленій по дѣламъ, относящимся къ 3—5 группѣ, во вступленіи даютъ постоянную формулу, что всѣ артикулы, слѣдовательно, и такіе, которые принадлежатъ къ этимъ послѣднимъ группамъ, были приняты „съ общаго соизволенія пановъ-совѣтниковъ и посольской избы“ [5]). Какъ все это далеко отстоитъ отъ теоріи, будто общее согласіе требовалось только для измѣненія „субъективныхъ правъ“! Радомская конституція, въ принципѣ изданная только по отношенію къ „nova“, косвенно отразилась на положеніи обѣихъ

[1]) Ibid., стр. 135,

[2]) Ibid., стр. 97, 245.

[3]) Ibid., стр. 200.

[4]) Vol. leg., II, 70.

[5]) Напр., въ 1520, 1532, 1557, 1563/4, 1565 гг., Corp. jur. Pol., III, nr. 242; Vol. leg., 1, 247 и II, 11, 24, 44.

избъ при рѣшеніи всѣхъ вообще „сеймовыхъ дѣлъ". Разумѣется, я нисколько не утверждаю, чтобы, по образцу теперешнихъ парламентовъ, каждое „сеймовое дѣло", подлежало особымъ преніямъ, особому голосованію. Сколько можно заключить изъ сравненія сохранившихся сеймовыхъ „діаріевъ" съ содержаніемъ соотвѣтствующихъ сеймовыхъ конституцій, на сеймѣ подробно разсматривались только болѣе важныя дѣла, въ особенности тѣ, которыя давали тему для споровъ; другія, по желанію пословъ или сената, достаточно было внести въ „списки" или „терминаціи", т. е. въ проектъ конституцій, который въ концѣ сеймовыхъ засѣданій составляетъ сенатъ сообща со шляхетскими депутатами; сенатъ и послы многократно обмѣнивались этими „терминаціями", которыя потомъ прочитывались въ присутствіи короля и обѣихъ избъ, при чемъ каждая изъ заинтересованныхъ сторонъ могла дѣлать возраженія и добиться измѣненія[1]); если только возраженій не было, то подобное постановленіе, молчаливо принятое всѣми, входило въ составъ постановленій даннаго сейма.

Сеймовыя конституціи и королевскіе мандаты.

Такимъ образомъ установилось понятіе **конституцій**, или **сеймовыхъ статутовъ**, называвшихся иногда и **сеймовыми декретами** (напримѣръ, быдгоскіе 1520 г.), которые всѣ вмѣстѣ (за исключеніемъ „поборовыхъ" универсаловъ) оглашались послѣ сейма въ видѣ одного общаго сборника, хотя, иногда, особенно въ болѣе раннюю эпоху разсматриваемаго здѣсь періода (при Сигизмундѣ I), опубликованіе нѣкоторыхъ изъ нихъ производилось съ помощью особыхъ актовъ, которые издавались на ряду съ такими сборниками[2]). Сами заглавія этихъ сборниковъ, опредѣляющія весь заключающійся въ нихъ матеріалъ, т. е. „статуты" или „конституціи", указываютъ, что подъ это понятіе подводилось все, что̀ только было рѣшено **на сеймѣ** и **сеймомъ**, слѣдо̀вательно, постановленія въ сферѣ любой изъ пяти вышеупомянутыхъ группъ. Значитъ, какъ понятіе „сеймоваго дѣла", такъ и понятіе „сеймовой конституціи" не совпадаютъ точно съ понятіемъ дѣлъ, опредѣленныхъ

---

[1]) О процедурѣ записыванія сеймовыхъ постановленій см. Dyar. 1565 г., стр. 186, 187, 203, 224, 225, 235, 280, 289.

[2]) Corp. jur. Pol., III, passim.

въ конституціи „Nihil novi“; одно понятіе шире другого и соотвѣтствуетъ всей сферѣ сеймовой компетенціи,—не только исключительной (1-ая и 2-ая гр.), но и той, въ которой сеймъ соперничалъ съ королемъ (гр. 3—5). Принимая во вниманіе существенное содержаніе сеймовыхъ постановленій, можно сказать, такимъ образомъ, что конституціей могло стать и такое постановленіе, которое, въ силу обстоятельствъ, могло бы появиться и въ видѣ королевскаго эдикта, или мандата,—и наоборотъ. Формальный, внѣшній, моментъ, т. е. то, куда дѣло направлено („деволюція“), чья воля проявилась при самомъ изданіи постановленія, и рѣшалъ о характерѣ и значеніи правовой нормы. Только еще въ началѣ правленія Сигизмунда I—такъ же, какъ и въ концѣ среднихъ вѣковъ, до радомской конституціи—иногда различали „statuta perpetua“ и „constitutiones temporales“, причисляя къ первымъ, главнымъ образомъ, постановленія по предметамъ группы 2-й и 3-й, а ко вторымъ—распоряженія по предметамъ группы 4-й и 5-й, а обычно—и 1-й; соотвѣтственно этому, одни опубликовывались въ „спискахъ“ (scripta) на пергаментѣ, другіе—въ „экспедиціяхъ“ на бумагѣ [1]); но здѣсь это различіе уже не опиралось на существенныя основы (сравн. только что приведенный реестръ группъ); сверхъ того, ихъ понимали и въ другомъ значеніи: за „constitutiones temporales“ признавались и постановленія изъ 2-й или 3-й группы, поскольку они были изданы только на извѣстный періодъ времени [2]). Скоро это терминологическое различіе утратилось, осталось только единое понятіе „статута“, или „конституціи“, какъ сеймоваго постановленія, рѣшающаго какое угодно дѣло изъ всѣхъ пяти группъ. Существеннымъ признакомъ этого понятія осталось: сеймовое постановленіе, т. е. постановленіе, изданное съ согласія всѣхъ трехъ составныхъ частей сейма. Иногда случалось, что такія постановленія опубликовывались уже по окончаніи сейма, не разъ со значительно позднѣйшей датой [3]), но это не лишало

[1]) Это различіе ясно высказано въ конст. 1507 г., Corp. jur. Pol, III, nr. 7 art 11.

[2]) Ср. констит. 1519 г., ibid., III, nr. 210, вступленіе. Таковы же петроковскіе статуты 1493 г., Bandtkie: «Ius Pol.», 329.

[3]) Ср., напримѣръ, Corp. jur. Pol., III, nr. 192—194.

ихъ законной силы; если же, наоборотъ, подъ датой и подъ видомъ, яко бы, сеймоваго постановленія опубликовывалось королевское распоряженіе, на которое сеймъ въ обѣихъ избахъ не далъ согласія, то по этому поводу противъ короля поднимались обвиненія [1]). Внѣшнимъ признакомъ, по которому каждый легко могъ отличить „конституцію" отъ королевскаго эдикта, или мандата, было употреблявшееся въ текстѣ акта выраженіе, объявляющее волю рѣшающаго фактора: въ первомъ случаѣ: „Постановляемъ (statuimus или constituimus, volumus, иногда decernimus и т. п.); въ другомъ:—„Повелѣваемъ" (mandamus или edicimus и т. д.). Точно также, когда случайно оказалось, что въ одномъ изъ петроковскихъ статутовъ 1562/3 г. было употреблено выраженіе „Повелѣваемъ" [2]), немедленно же былъ подвергнутъ сомнѣнію его конституціонный характеръ, несмотря на то, что онъ былъ принятъ сеймомъ, и только то обстоятельство, что рѣчь шла о дѣлѣ, которое относилось и къ сферѣ самостоятельной компетенціи короля, слѣдовательно, могло быть рѣшено и королевскимъ мандатомъ, спасло значеніе статута [3]).

Значеніе посольскихъ „петитовъ" и сенаторскихъ совѣтовъ.

На почвѣ добытыхъ нами выводовъ мы можемъ оцѣнить другую сторону теоріи автора, которую онъ опять цѣликомъ беретъ у Тецнера, несмотря даже на то, что и въ приложеніи къ западнымъ отношеніямъ она не оправдывается цѣликомъ; съ тѣмъ меньшимъ основаніемъ примѣняетъ ее авторъ къ польскимъ сеймовымъ учрежденіямъ. Не будучи въ состояніи отрицать факта, что сеймовыя конституціи заключали въ себѣ постановленія по самымъ разнообразнымъ дѣламъ (см. выше, группы 1—5), но желая, во что бы то ни стало, отстоять свой взглядъ, что сеймъ былъ компетентенъ въ рѣшеніи единственно только измѣненій „субъективныхъ правъ", др. Кутшеба считаетъ, что послы или сенаторы, собравшіеся на сеймъ для принятія постановленія относительно „субъективныхъ правъ", въ обмѣнъ за эту уступку съ ихъ стороны, въ подаваемыхъ ими посольскихъ „петитахъ" или на сенаторскихъ совѣтахъ домогались отъ короля рѣшенія и такихъ дѣлъ, которыя ихъ

[1]) Dyar. 1565, стр. 321.
[2]) Vol leg., II, 19.
[3]) Ср. Dyar. 1565, стр. 97, 246 и выше, стр. 136—138.

тяготили—какъ изъ области администраціи, такъ и изъ сферы законодательства въ объективномъ значеніи; тогда-то король, въ силу собственнаго права, слѣдовательно, не связанный согласіемъ обѣихъ избъ, издавалъ — по скольку соглашался на то—соотвѣтствующія распоряженія и даже конституціи, которыя включались въ сборники конституцій. Такимъ образомъ, послы выступаютъ здѣсь въ качествѣ просителей (петиціонеровъ), а „сенатъ (здѣсь снова дѣло идетъ о сохраненіи теоріи, будто онъ не пріобрѣлъ рѣшающаго голоса) снова отправляетъ свои совѣщательныя функціи, при томъ не только внѣ сейма, но и во время сейма и даже... на сеймѣ“ (Отвѣтъ, 608; ср. „Исторія“ 2-е, рус., изд., стр., 116—117). Открывъ эту новость, авторъ тутъ же добавляетъ; „на послѣднее не обращается (у насъ) вниманія“. Напротивъ, обращается и уже давно говорилось объ этомъ, а недавно и печаталось [1]); только авторъ опять забылъ, что читалъ это. Но, утверждая что-нибудь, нужно отдавать себѣ отчетъ, что̀ объ этомъ слѣдуетъ думать, и не запутывать истиннаго научнаго взгляда смѣшеніемъ разныхъ вопросовъ. Вслѣдствіе предложенныхъ петитовъ, король могъ самостоятельно рѣшить дѣло (поскольку оно входило въ кругъ его компетенціи) либо послѣ сейма, либо даже во время сейма; такъ, напримѣръ, въ отвѣтъ на „петиты“ 1508 г. король обѣщаетъ послать (позже) мандатъ старостѣ самборскому по дѣлу о выдачѣ бѣглыхъ волошскихъ „подданныхъ“ (крѣпостныхъ) и въ то же время сообщаетъ, что уже послалъ мандатъ (значитъ, во время сейма) галицкому земскому судьѣ, чтобы онъ тщательно отправлялъ тамошніе „судебные роки“ [2]). Къ такому же результату могли вести и совѣты сенаторовъ, собравшихся на сеймѣ, или даже собственная королевская иниціатива, и снова только въ сферѣ дѣлъ, находящихся въ границахъ королевской компетенціи. Въ этомъ отношеніи я не ошибусь, даже ссылаясь на армянскій статутъ 1519 г. (см. „Отвѣтъ“, 606[2]), ибо я сошлюсь

[1]) Бальцеръ: «Обзоръ университетскихъ лекцій», о реформѣ 1505 г.: «относительно административныхъ и судебныхъ дѣлъ, рѣшаемыхъ на сеймѣ, соблюдались старые порядки (участіе самого сената только съ совѣщательнымъ голосомъ), стр. 19. Объ измѣненіи въ дальнѣйшей практикѣ ср. выше, стр. 143 и дал.

[2]) Corp. jur. Pol., III nr. 33, art. 23, 24.

на свои оговорки, помѣщенныя въ соотвѣтственныхъ замѣчаніяхъ въ изданномъ мною „Corp. jur Pol.“, а въ этихъ замѣчаніяхъ я ясно доказалъ, что армянское законодательство, въ виду спеціальнаго отношенія опеки короля надъ армянами, входило въ сферу его самостоятельной компетенціи, и независимо отъ согласія сословій, находящихся на сеймѣ, могло быть осуществлено королемъ какъ во время сейма, такъ и въ его отсутствіе [1]). Другое дѣло, когда вопросъ, затронутый въ „петитахъ“ или въ сенаторскомъ совѣтѣ,—даже еслибы король могъ рѣшить его самъ—вслѣдствіе „деволюціи“, т. е. по волѣ сейма, сталъ „сеймовымъ дѣломъ“, а слѣдовательно, и предметомъ сеймоваго постановленія (конституціи). Тогда „петиты“ или сенаторскіе совѣты были только формою законодательной иниціативы, приспособленною къ тогдашней техникѣ дѣлопроизводства (законодательство понимается здѣсь въ тогдашнемъ, формальномъ, значеніи, т. е. охватываетъ всю сферу дѣлъ, рѣшаемыхъ конституціями); въ этомъ случаѣ они исполняли ту же самую роль, что̀ въ теперешней парламентарной практикѣ законодательныя предложенія. Тогда уже не достаточно было ни воли самого короля, ни даже явной просьбы или совѣта одной изъ „избъ“; необходимо было согласіе всѣхъ трехъ составныхъ частей сейма. Авторъ нашелъ въ сеймовыхъ конституціяхъ нѣкоторые артикулы, ссылающіеся либо только на „petitionem nuntiorum terrestrium“, безъ указанія на согласіе сената, либо наоборотъ,—на „consilium consiliariorum nostrorum“, безъ указанія на согласіе „посольской избы“; изъ такихъ упоминаній онъ выводитъ, что въ этомъ случаѣ нѣтъ и рѣчи объ общемъ постановленіи сейма. Дедукція совершенно ошибочна: здѣсь только не точное выраженіе тогдашнихъ кодификаторовъ, которые въ томъ или другомъ случаѣ хотѣли лишь обозначить, отъ кого вышла законодательная иниціатива, но не предрѣшали, благодаря такому обороту, какимъ образомъ прошло само постановленіе. Это утвержденіе можно доказать цѣлымъ рядомъ примѣровъ, изъ которыхъ приведу нѣсколько. На сеймѣ 1565 г. издали конституцію по вопросу о старостинской экзекуціи; она ссылается единственно только на

[1]) Ibid., III, пr. 215, стр. 419.

петитъ „посольской избы“: „жаловались земскіе послы“; о согласіи же сената здѣсь нѣтъ ни одного слова [1]). Изъ „діарія“ того же сейма мы узнаемъ, что этотъ статутъ былъ предметомъ большихъ пререканій между послами и сенатомъ, и что король только тогда утвердилъ его, когда дало свое согласіе на него и большинство сената [2]). Напротивъ, статутъ 1510 г., обезпечивающій ненарушимость привиллегій шляхты—по поводу неоформленнаго закономъ волошскаго похода въ предыдущемъ году—слѣдовательно, даже предметъ, входящій въ область „субъективныхъ правъ“, былъ изданъ, если судить только на основаніи текста: „consiliariis nostris censentibus“, безъ ссылки на согласіе пословъ [3]); изъ другого современнаго акта мы узнаемъ, что собственно послы просили объ изданіи этого статута [4]). Объ извѣстномъ кодексѣ судебнаго процесса: „Formula processus“ 1523 г. королевскій декретъ говоритъ, что она была только „ per nos (regem) et consiliarios nostros approbata“ [5]); изъ современнаго же посланія мы узнаемъ, что „Formula“ была предметомъ долгихъ преній въ посольской избѣ на сеймѣ 1523 г. и что она потому была проведена, какъ обязательное право, только въ Малой Польшѣ, что послы-великополяне не хотѣли дать согласія на нее [6]). Изъ этихъ примѣровъ оказывается, на какой зыбкой почвѣ стоитъ авторъ, обосновывая на такого рода неполныхъ упоминаніяхъ свое утвержденіе объ излишнемъ, якобы, въ такихъ случаяхъ согласіи всего сейма. Еще замѣчу коротко, что чуть ли не всѣ артикулы, ссылающіеся то исключительно на „петиты“ шляхты, то исключительно на совѣтъ сената, находятся въ такихъ сборникахъ конституцій, которые въ вступительныхъ или заключительныхъ формулахъ ясно подтверждаютъ, что всѣ постановленія, заключающіяся въ данныхъ конституціяхъ, а слѣдовательно и тѣ, о которыхъ здѣсь говорится, были приняты съ „общаго соизволенія“ се-

---

[1]) Vol. leg., II, 52.
[2]) Cp. Dyar. 1565, стр. 242—273.
[3]) Corp. jur. Pol., III, nr. 51 art. 1.
[4]) Ibid. III, nr. 53.
[5]) Vol. leg., I, 163.
[6]) Acta Tomic., VI, nr. 308.

ната и посольской избы [1]). Что такое полное согласіе было необходимо, даже въ самыхъ незначительныхъ сеймовыхъ дѣлахъ, я указалъ уже выше. Наконецъ, я утверждаю, что, наоборотъ, въ конституціяхъ можно указать на цѣлый рядъ артикуловъ, которые ясно упоминаютъ о согласіи обѣихъ избъ и однако не имѣютъ ничего общаго съ „субъективными правами“, напримѣръ, конституція о закрытіи границъ Силезіи и Марки въ 1524 г., статутъ о воеводскихъ ротмистрахъ въ 1540 г., статутъ о лишеніи земельныхъ имуществъ въ 1543 г. [2]) и т. п. Наконецъ, имѣются цѣлые сборники конституцій, изъ которыхъ ни одна не касается измѣненія или нарушенія „субъективныхъ правъ“, а всѣ заключаютъ точныя нормы объективнаго права; если мы станемъ на точку зрѣнія автора, что все это, собственно, королевскіе указы, изданные по иниціативѣ пословъ или совѣту сената, то мы придемъ къ своеобразному заключенію, что сеймъ, дѣло котораго—измѣненіе „субъективныхъ правъ“, собрался затѣмъ, чтобы въ ряду изданныхъ отъ его имени конституцій не рѣшить ни одного измѣненія такого рода, а включить въ нихъ только одни королевскія распоряженія (указы)!

Законодательство по дѣламъ низшихъ сословій.

Но если сеймъ принималъ рѣшенія не только объ однихъ субъективныхъ правахъ, но и о всей сферѣ объективнаго права, то тѣмъ менѣе власть его была ограничена одними только субъективными правами шляхты, какъ это утверждаетъ авторъ; напротивъ, предметомъ его рѣшеній могли быть и отношенія, касающіяся иныхъ сословій, безразлично къ тому, о субъективныхъ ли правахъ, или о нормѣ объективнаго права, или хотя бы даже объ административномъ распоряженіи шло здѣсь дѣло. Авторъ, который постоянно и особенно подчеркиваетъ, что онъ идетъ по стопамъ новѣйшей науки, занялъ здѣсь позицію, которая заграницей давно уже брошена. Мнѣніе, будто средневѣковыя сословныя собранія занимаются только дѣлами своихъ (т. е. представленныхъ на собраніи) сословій, будто дѣла другихъ общественныхъ слоевъ совершенно не касаются

[1]) Ср., напримѣръ, артикулы конст. 1507, 1520, 1527, 1532, 1540, 1557 и др. въ Corp. jur. Pol., III, nr. 6 art. 26, nr. 242 art. 6; Vol. leg., I, 234, 235, 247, 249, 251, 273, 274, II, 11 и т. д.

[2]) Vol. leg., 213, 274, 283.

ихъ, хотя и признавалось прежней наукой, но теперь уже не находитъ сторонниковъ. Всѣ новые изслѣдователи сословныхъ учрежденій на Западѣ, не исключая даже и Тецнера, утверждаютъ, что эти собранія представляли интересы всей страны и всѣхъ ея сословій, вслѣдствіе чего имѣли право рѣшать и дѣла, касающіяся какого-либо изъ этихъ сословій. Другой вопросъ, что они, прежде всего, помнили о своей собственной пользѣ; на этомъ основаніи (въ виду политическаго направленія дѣятельности) ихъ, не исключая даже и посольскаго сейма, можно назвать сословными органами. То явленіе, что дѣла иныхъ сословій очень часто рѣшались не въ ихъ пользу, что такими дѣлами интересовались сравнительно менѣе, чѣмъ своими собственными, оказывается тоже результатомъ политической стороны ихъ дѣятельности, результатомъ, который все-таки не мѣняетъ принципіальной и юридической конструкціи дѣла. Между теперешними изслѣдователями сословныхъ учрежденій существуетъ разница только въ воззрѣніи на генезисъ и характеръ представительнаго мандата, который принадлежалъ сословнымъ собраніямъ относительно этихъ дѣлъ другихъ слоевъ общества: одни ученые выводятъ этотъ мандатъ изъ сложившагося, путемъ обычая, общаго юридическаго принципа [1]), другіе—изъ фактическаго отношенія того преобладанія, котораго высшія сословія добились относительно низшихъ классовъ, не представленныхъ на сеймѣ [2]). Какъ бы то ни было, самъ фактъ представительства сеймомъ и другихъ сословій есть вещь, окончательно признанная. А отсюда вытекаетъ, что, если бы даже мы пожелали объяснять сущность польскаго сеймованія исключительно на почвѣ современныхъ ему сословныхъ учрежденій Европы, то ограниченіе области дѣятельности польскихъ сеймовъ только шляхетскими дѣлами оказалось бы необоснованнымъ и прямо ошибочнымъ.

Интерпретація введенія кон-

То, что это ограниченіе является ошибочнымъ, я доказалъ уже выше, ссылаясь на мотивировку самой радомской конституціи: „quoniam jura communia et constitutiones publicae non unum, sed communem populum afficiunt",

[1]) Below, 244, 247; Rachfahl, II, 193—200.

[2]) Tezner, 70, 73, 74.

ституціи 1905 г. гдѣ ясно указано, что сеймовыя конституціи касаются всего народа, т. е. всѣхъ сословій. Я не настаиваю на томъ, чтобы подъ „unum“ подразумѣвать непремѣнно шляхетское сословіе, хотя, несомнѣнно, ошибочно является и предлагаемая авторомъ—вмѣсто моей—вставка „regem“ (конституція исходитъ отъ имени короля, въ виду чего, вмѣсто „unum“, скорѣе слѣдовало бы ожидать „nos“). Но пусть и здѣсь несогласіе нашихъ воззрѣній рѣшитъ самый старый переводчикъ радомской конституціи, Гербуртъ, который передаетъ это мѣсто такъ: „такъ какъ публичныя права и коронныя конституціи обязательны не для одного, но для всего народа“ [1]); „unum“ обозначаетъ здѣсь вообще отдѣльное лицо, какъ, въ концѣ концовъ, и авторъ удачно догадывался о томъ въ альтернативной формѣ. Но какое бы значеніе мы ни придавали выраженію „unum“, сама главная мысль этого предложенія остается неизмѣненной: оно говоритъ, что „jura communia et constitutiones publicae“, т. е. предметы сеймоваго законодательства, касаются всего народа, слѣдовательно, могутъ издаваться относительно какого-угодно сословія; если бы, согласно съ авторомъ, мы хотѣли принять, что здѣсь дѣло идетъ исключительно о шляхетскомъ законодательствѣ, то словамъ: „communis populus“ („pospolitu lud“) нужно было бы придать значеніе: „шляхетское сословіе“, что невозможно [2]). Въ этомъ смыслѣ объясняютъ дѣло многочисленныя позднѣйшія упоминанія источниковъ, напримѣръ, слова пословъ на сеймѣ 1565 г.: „согласно тому, какъ учитъ право, которому подчиненъ и сановникъ и всякій чиновникъ и каждый коронный обыватель (гражданинъ)—согласно польскому праву“ [3]), или статутъ 1507 г. о лицахъ, препятствующихъ судоговоренію („турбанты“): „hoc statutum ad personas cujuslibet status, conditionis et praeeminentiae extendimus“ [4]) и т. п.

---

[1]) Statuta 1570, стр. 24.

[2]) Иногда говорилось о «communis nobilitas» въ противопоставленіи «domini, barones» и т. п., но здѣсь, какъ признаетъ самъ авторъ,—нѣтъ рѣчи о такомъ противопоставленіи; сверхъ того, нельзя было бы никоимъ образомъ употребить выраженіе «populus».

[3]) Dyar. 1565, стр. 156.

[4]) Corp. jur. Pol., III, nr. 6 art. 8.

Но какъ, въ сущности, показываетъ практика, тогдашнiе сеймы регулировали дѣла какихъ-либо другихъ, не шляхетскихъ, сословiй лишь постольку, поскольку считали это необходимымъ. Прежде всего они производили измѣненiе или нарушенiе ихъ субъективныхъ правъ, несмотря на то, что представителей этихъ сословiй не было на сеймѣ. Почти каждый универсалъ о „поборѣ“ заключаетъ постановленiя о городскомъ „шосѣ“, многiе изъ нихъ говорятъ не только о „поборѣ“ со шляхетскихъ подданныхъ, но даже и съ тѣхъ кметей, которые принадлежали войтамъ, солтысамъ и т. п., которые, слѣдовательно, не имѣли никакой связи со шляхтой. Быдгоскiй сеймъ 1520 г., хотя и совершился при участiи исключительно шляхты, не имѣлъ никакихъ сомнѣнiй въ томъ, что ему принадлежитъ право назначить совершенно необычайную, совсѣмъ новую подать, поголовную—и не только на шляхту, но на всѣ вообще сословiя [1]). Даже евреи, находившiеся подъ непосредственною властью короля, обязанные, при нормальныхъ условiяхъ, уплачивать только обычный „годичный чиншъ“ въ его пользу, могли быть обложены податями, въ случаѣ надобности, на основанiи сеймоваго постановленiя, при томъ по иной нормѣ, что̀ и случилось на торуньскомъ сеймѣ 1519 г. [2]). Тѣ же самые принципы являлись обязательными и въ томъ случаѣ, если дѣло шло о различномъ регулированiи военной повинности, входящей также въ область субъективныхъ правъ соотвѣтствующихъ сословiй: сеймы, сообразно своему усмотрѣнiю, не колебались нормировать эти дѣла, напримѣръ, устанавливая въ 1544 г. военныя повинности не только шляхты, но также и мѣщанъ, русскихъ архимандритовъ и архiереевъ и т. п. [3]), несмотря на то, что эти общественные классы не имѣли представительства на сеймѣ.

Законодательство о „субъективныхъ правахъ“ низшихъ сословiй.

Кромѣ постановленiй, касающихся измѣненiя субъективныхъ правъ, сеймы издавали еще различныя постановленiя, входящiя въ область объективнаго права, относящiяся къ другимъ сословiямъ, а не только къ шляхетскому. Я не настаиваю на конституцiяхъ, касающихся духо-

Законодательство въ сферѣ объективнаго права низ-

---

1) Corp. iur. Pol., III, nr. 241.
2) Ibid., III, nr. 224.
3) Vol. leg., I, 285.

шихъ сословій.

венства, такъ какъ оно имѣло въ сенатѣ свое представительство, хотя не мѣшаетъ припомнить, что даже внутренніе организаціонные вопросы церкви, находящіеся собственно въ области церковнаго самоуправленія, могли, въ силу обстоятельствъ, стать предметомъ сеймоваго постановленія, напримѣръ, въ извѣстномъ статутѣ 1496 г. (позже возобновляемомъ), который устанавливалъ условія полученія капитульныхъ сановъ, или въ статутахъ 1538 и 1539 гг., касающихся условій полученія званія аббата [1]). Если мы захотимъ и эти постановленія освѣтить теоріей „субъективныхъ правъ", на томъ основаніи, что они признали за шляхтой исключительный (либо почти-что исключительный) доступъ къ упомянутымъ духовнымъ должностямъ, съ исключеніемъ „плебеевъ", event. иностранцевъ, то не будемъ все же забывать, что здѣсь дѣло шло не объ измѣненіи субъективныхъ правъ, а самое большое—о созданіи, признаніи, въ духѣ предшествующей практики (капитулы) или даже вопреки этой практикѣ (аббатства), этихъ правъ, т. е. о нормѣ объективнаго права, которая должна была породить субъективныя права. Я не буду упоминать и о многочисленныхъ постановленіяхъ статутовъ, касающихся крестьянскаго сословія (кметей), ибо авторъ, можетъ быть, захочетъ, объяснять ихъ субъективными правами, принадлежащими панамъ (господамъ), т. е. шляхтѣ, хотя я долженъ еще разъ припомнить доводъ, не устраненный авторомъ, заключающійся въ статутѣ 1511 г., который, становясь, собственно, на точку зрѣнія субъективныхъ правъ кметей-крестьянъ (communis libertas) и противъ притязаній шляхты, временно регулируетъ вопросъ объ ихъ „выходѣ" [2]). Особеннаго вниманія заслуживаетъ широкая сфера законодательства, осуществляемаго сеймами въ городскихъ дѣлахъ, при чемъ происходитъ не разъ чувствительное вмѣшательство въ область самоуправленія городовъ либо путемъ его ограниченія, либо путемъ изданія распоряженій въ противовѣсъ городскимъ властямъ, которыя, впрочемъ, неоднократно издавали самостоятельныя распоряженія относительно этихъ же самыхъ дѣлъ. Сюда относятся, напримѣръ, ограниченія город-

---

[1]) Vol. leg., I, 120, 257, 269.

[2]) Vol. leg., I, 379; см. выше, стр. 103.

ской юрисдикціи относительно актовъ насилія шляхты, произведенныхъ въ городѣ (1520, 1527, 1538) [1]), либо относительно насилій, произведенныхъ мѣщанами надъ шляхтой (1538) [2]), распоряженія объ отвѣтственности городскихъ властей передъ коронными властями (1507, 1510, 1538 и др.) [3]), многочисленныя, постоянно повторяющіяся постановленія о правѣ воеводъ устанавливать цѣны на товары (1507, 1510, 1511, 1519, 1523, 1538, 1543, 1562/3, 1565) [4]), распоряженія, касающіяся устраненія цеховъ (1532, 1538, 1543, 1550) [5]), законодательство о городскихъ „складахъ", относительно которыхъ одинъ изъ статутовъ опредѣленно подтверждаетъ, что они „не простираются на другія сословія, а только на купцовъ" (1543, 1565) [6]), законодательство о ярмаркахъ (1538) [7]), указы, воспрещающіе чужимъ купцамъ торговать въ городахъ (1507, 1562/3, 1565) [8]), или же воспрещающіе городскимъ ремесленникамъ вывозить товары заграницу (1538) [9]), распоряженія по вопросу объ однообразіи мѣръ и вѣсовъ (1507, 1511, 1532, 1565, 1569) [10]), даже извѣстныя нормы, входящія строго въ область торговаго права, напримѣръ, конституція 1540 г. о доказательной силѣ купеческихъ реестровъ [11]). Все это вопросы, въ которыхъ, правда, не разъ—хотя и не всегда—игралъ роль интересъ шляхты, какъ побужденіе, склонявшее къ изданію конституціи, однако же ничего общаго не имѣющіе съ измѣненіемъ субъективныхъ правъ шляхты; это все объективныя

---

[1]) Corp. jur. Pol., III, nr. 228 art. 3; Vol. leg., I, 237, 257.

[2]) Vol. leg., I, 258.

[3]) Corp. jur. Pol., III, nr. 6 art. 14, nr. 51 art. 5; Vol. leg., I, 256.

[4]) Corp. jur. Pol., III, nr. 6 art. 14 (въ связи съ этимъ nr. 16, 19), nr. 51 art. 5; nr. 69 art. 11; nr. 210 art. 15; Vol. leg. I, 201, 258, 265, 278; II, 20, 50.

[5]) Vol. leg., I, 249, 263, 278; II, 8.

[6]) Vol. leg., I, 278; II, 48 и др. Относительно послѣдней изъ этихъ конституцій ясно сказано, что она издана «по совѣту нашихъ гг. сенаторовъ и съ соизволенія пословъ», Ibid., II, 56.

[7]) Ibid. I, 258.

[8]) Corp. jur. Pol., III, nr. 6 art. 20; Vol. leg., II, 20, 51.

[9]) Vol. leg., I, 262.

[10]) Corp. jur. Pol., III, nr. 6 art. 15, 24; nr. 69 art. 11; Vol. leg., I, 251 II, 49, 99.

[11]) Vol. leg., I, 274.

юридическія нормы, регулирующія извѣстныя отношенія мѣщанскаго (городского) сословія. То же самое относится еще и къ другимъ, низшимъ, слоямъ тогдашняго общества. Я не буду приводить армянскаго статута 1519 г., такъ какъ авторъ (совершенно согласно съ моимъ воззрѣніемъ, изложеннымъ въ другомъ мѣстѣ) [1]), удачно подмѣтилъ, что онъ не былъ сеймовымъ постановленіемъ. Здѣсь мѣсто армянъ заступятъ евреи, бывшіе въ подобномъ же отношеніи покровительства короля, слѣдовательно, подчиненные, прежде всего, его распоряженіямъ, относительно которыхъ сеймъ все-таки издаетъ соотвѣтственныя постановленія, какъ только признаетъ ихъ необходимыми; напримѣръ, что евреямъ нельзя держать христіанскую прислугу (1565) [2]), что нельзя имъ торговать въ городахъ (1562/3, 1567) [3]); сюда относятся и указы, касающіеся контроля принятыхъ ими залоговъ,—контроля, который долженъ производиться самими еврейскими должностными лицами (1532, 1538) [4]), либо устанавливающіе одежду, какую они обязаны носить (1538) [5]). О какихъ же отношеніяхъ шляхты вообще и о какихъ субъективныхъ шляхетскихъ правахъ въ частности шло здѣсь дѣло?

Сфера власти сейма относительно этихъ дѣлъ.

Съ количественной точки зрѣнія, этихъ нешляхетскихъ дѣлъ рѣшалось въ сеймовыхъ конституціяхъ гораздо менѣе, чѣмъ дѣлъ, касающихся непосредственно шляхты; однако это не имѣетъ значенія для оцѣнки качества компетенціи сейма, которая могла захватить, по мѣрѣ надобности, какое угодно изъ этихъ нешляхетскихъ дѣлъ. „Совершенно наоборотъ",—отвѣчаетъ авторъ („Отвѣтъ", 605)—„не только имѣетъ значеніе, но придаетъ средневѣковому сейму... совершенно иной юридическій характеръ". Такъ какъ это: „совершенно наоборотъ" является единственнымъ реальнымъ аргументомъ, который приводитъ авторъ, то у меня исчезаетъ возможность вести дальнѣйшую полемику на эту тему. Тѣ причины, въ виду которыхъ сеймы совершенно не регулировали многихъ отношеній нешляхетскихъ

---

1) Corp. jur. Pol., III, стр. 419.
2) Vol. leg. II, 51.
3) Ibid., II, 20, 68.
4) Ibid., I, 250, 259.
5) Ibid., I, 259.

сословій, какъ хотѣлъ бы того авторъ, принимая за образецъ теперешнія учрежденія, я объяснилъ выше тѣмъ обстоятельствомъ, что эти сословія либо обладали автономною организаціею (напримѣръ, мѣщанство), въ рамкахъ которой и регулировались соотвѣтственныя дѣла, либо (какъ армяне, евреи) находились подъ опекой—защитой короля, который, въ силу этого, и былъ призванъ нормировать ихъ дѣла. „Всего этого, однако, недостаточно; это можетъ—повидимому—объяснить тотъ или иной вопросъ, но не объяснитъ всѣхъ ихъ“, отвѣчаетъ авторъ („Отвѣтъ“, 605). И опять только всего и доказательствъ! Я не имѣю другого средства, какъ только просить автора о томъ, чтобы онъ еще разъ подробнѣе взвѣсилъ мое мнѣніе; тогда онъ, несомнѣнно, признаетъ, что вышеупомянутый тезисъ объясняетъ все дѣло, не „повидимому“ только и не относительно только того или иного случая. Этотъ тезисъ стоитъ на той позиціи, съ которою авторъ, увлеченный выводами своего поводыря (Тецнера), никоимъ образомъ не можетъ освоиться, именно, что въ тѣ времена было вполнѣ возможно взаимное проникновеніе компетенцій; что, дѣйствительно, нешляхетскія сословія имѣли извѣстные особые факторы (автономныя власти, король), призванные регулировать ихъ отношенія, но что сеймъ могъ въ каждомъ случаѣ, когда находилъ умѣстнымъ, не считаться съ компетенціею этихъ факторовъ и взять дѣло въ свои руки. А объ этомъ-то, прежде всего, и идетъ здѣсь рѣчь; вѣдь, предметомъ спора является необоснованное утвержденіе автора, будто бы сеймъ вообще не имѣлъ права регулировать отношенія нешляхетскихъ сословій. Напротивъ, какъ и оказалось, сеймъ имѣлъ это право, но только не какъ исключительно ему присвоенное, а на ряду и съ указанными выше факторами; различныя компетенціи опять-таки проникаютъ другъ друга. Вопросъ о томъ, сеймъ ли урегулируетъ эти отношенія, разрѣшался, съ матеріальной стороны, воззрѣніемъ, что вопросъ, съ точки зрѣнія общественнаго блага или хотя бы съ точки зрѣнія интересовъ шляхты, требуетъ сеймоваго постановленія; съ формальной стороны—передачей вопроса („деволюція“) на обсужденіе и постановленіе сейма; въ этомъ и коренился, по понятіямъ того времени, „юридическій характеръ сеймовой компетенціи“, о которомъ

и идетъ рѣчь у автора. Если же авторъ, исходя изъ этихъ проблеммъ, бросаетъ (по моему адресу) упрекъ „въ ошибкѣ, которую совершаетъ современная наука... перенося въ ту (старую) эпоху современное понятіе законодательства, перенося въ сословные сеймы понятіе о передачѣ сейму законодательной власти въ извѣстной сферѣ“,—то онъ заставляетъ меня терпѣть за несовершенныя мною преступленія, такъ какъ, собственно, относительно нешляхетскихъ дѣлъ я не принимаю матеріально выдѣленной сферы дѣятельности сеймовъ, что̀, вѣдь, ясно изъ моихъ ранѣе высказанныхъ выводовъ. Но если, въ виду отсутствія этой матеріальной границы, авторъ прямо отрицаетъ законодательную власть сейма въ нешляхетскихъ дѣлахъ, то онъ точно такъ же ошибается, какъ и Тецнеръ, который ведетъ рѣзкую полемику противъ модернизаціи старыхъ учрежденій, а самъ не умѣетъ смотрѣть на нихъ иначе, какъ сквозь очки новаго времени.

Конституція 1505 г.— выраженіе нарушенія общественнаго равновѣсія.

Въ этомъ-то правѣ сейма рѣшать, по собственному усмотрѣнію, дѣла другихъ сословій, ясно подтвержденномъ за нимъ радомской конституціей (jura communia—communis populus), при одновременномъ ограниченіи состава сейма только одними шляхетскими элементами, духовными или свѣтскими, и заключалась величайшая опасность для низшихъ сословій, особенно для мѣщанства, которое въ другихъ мѣстахъ не было лишено представительства въ сословныхъ собраніяхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь таились самое яркое выраженіе и санкція совершившагося именно на порогѣ XV и XVI столѣтій измѣненія общественно-политической организаціи, нарушеніе равновѣсія въ исключительную пользу одного и въ ущербъ другихъ общественныхъ слоевъ. Эпохальное значеніе радомской конституціи уже само собой ясно выступаетъ здѣсь.

Исключеніе городскихъ пословъ изъ сейма. Предполагаемое ихъ участіе въ сеймѣ 1551 г.

То, на чемъ авторъ упорно настаиваетъ (Отвѣтъ, 607), будто бы эта конституція не исключила (tacite) городскихъ пословъ съ сейма, не можетъ устоять, при томъ не только въ виду того мѣста, ясно включеннаго въ текстъ статута, которое говоритъ только о „nuntii terrestres“. Что же доказываетъ въ этомъ отношеніи вся позднѣйшая практика? Она доказываетъ: 1) участіе въ сеймѣ пословъ г. Кракова, 2) согласно общей фразѣ автора въ его „Отвѣтѣ“, „въ видѣ

исключенія, участіе и другихъ городовъ". Касательно 2-го пункта онъ цитируетъ актъ изъ коронной Метрики и особую свою работу о составѣ польскаго сейма. Придется заглянуть въ эту работу. По упомянутому акту изъ Метрики въ 1551 г. на сеймъ былъ приглашенъ цѣлый рядъ городовъ, кромѣ Кракова: Познань, Львовъ, Люблинъ, Калишъ, Сандоміръ, Вислица и Бечъ. Адресъ акта въ метрикѣ гласитъ: „ad civitates emporia habentes". Авторъ по этому поводу замѣчаетъ: „въ виду того, что шляхта поднимала тогда (1551 г.) вопросъ о правѣ склада... они (города) были несомнѣнно допущены къ преніямъ только относительно одного предмета, о которомъ шла рѣчь, т. е. относительно вопроса о правѣ склада" [1]). Слѣдовательно, даже по мнѣнію самого автора, города были допущены на сеймъ только разъ, только для одного дѣла и даже только на пренія, а не для постановленій. Неужели же это городское представительство на сеймѣ? Я добавлю: даже и на пренія города не были допущены. Авторъ, котораго этотъ необычайный, совершенно исключительный случай долженъ былъ бы настроить болѣе критически, не примѣтилъ, что эти города были приглашены только для предъявленія своихъ привиллегій на право складовъ либо вообще для доказательства своихъ правъ, въ качествѣ сторонъ. Случалось не разъ, что, когда сейму приходилось рѣшать дѣло, опредѣленное прежними привиллегіями, заинтересованныхъ въ немъ лицъ приглашали явиться на сеймъ и предъявить свои привиллегіи. То же самое было и въ 1527 г., когда дѣло шло о свободномъ сплавѣ по р. Вислѣ: на сеймъ пригласили г. Торунь, именно для предъявленія своихъ привиллегій на право склада [2]); но даже самъ авторъ не утверждаетъ, чтобы Торунь въ тѣ времена имѣлъ представительство на сеймѣ. Точно также и въ 1522 г., когда былъ затронутъ вопросъ о недопущеніи иностранцевъ къ занятію аббатскихъ должностей, сдѣлано было распоряженіе, чтобы на ближайшій сеймъ явились аббаты монастырей съ привиллегіями, опредѣляющими это дѣло [3]); сохранились даже

---

[1]) Przegl. histor., II, 200

[2]) Piekosiński: «Prawa, przyw. i statuty m. Krakowa», I, nr. 34.

[3]) Corp. jur. Pol., III, nr. 261 art. 8.

королевскія посланія, приглашающія аббатовъ на сеймъ въ 1523 г. [1]), такого же, по существу, содержанія, что̀ и приведенныя авторомъ посланія 1551 г. городамъ, имѣющимъ право склада. Неужели мы, идя по его слѣдамъ, могли бы на этомъ основаніи утверждать, что и аббаты, „хотя и въ исключительныхъ случаяхъ", входили въ составъ сейма. Все это извѣстіе о городскомъ представительствѣ на сеймѣ, опирающееся на посланіяхъ 1551 г., мы легко, безъ ущерба для науки, скорѣе съ пользой для нея, можемъ оставить въ сторонѣ; остается только одна вещь: участіе Кракова въ сеймѣ.

Участіе въ сеймѣ только краковскихъ пословъ.

Оно—уже явленіе, само по себѣ достойное особеннаго вниманія. Еще въ 1503 г. въ сеймѣ принимали участіе послы, по меньшей мѣрѣ, трехъ городовъ: Кракова, Львова и Люблина [2]); еще на самомъ радомскомъ съѣздѣ 1505 г. участвовали „civitatum nuntii" [3]). Съ этихъ поръ, за исключеніемъ Кракова, участіе городскихъ пословъ въ сеймѣ безвозвратно исчезаетъ. Право Кракова съ этого времени опредѣлялось, какъ вещь „contra morem aliarum civitatum" [4]). Единственнымъ моментомъ, къ которому, какъ причинѣ, мы можемъ, навѣрно, пріурочить это измѣненіе, является радомская конституція, которая гарантировала участіе въ сеймѣ исключительно только „nuntiis terrestribus". Что касается самихъ краковскихъ пословъ, то любопытное указаніе даетъ діарій сейма 1565 г. „Вѣдь, все-таки votum'а (въ сеймѣ) они не имѣютъ; развѣ если бы дѣло касалось городскихъ нуждъ, при томъ, если имъ послы прикажутъ, согласившись на это раньше, они подаютъ голоса, а бывало (въ секретныхъ дѣлахъ)... имъ даже приказывали выходить вонъ... Послы... не хотѣли пустить ихъ съ собою на верхъ, in senatum" [5]). Трудно представить себѣ болѣе выразительную характеристику того второстепеннаго

---

[1]) Ср. Corp. iur. Pol., III, стр. 644.

[2]) Bobrzyński: «Sejmy pol. za Olbrachta i Aleksandra», Ateneum, 1876, II, 42.

[3]) Vol. leg., I, 160.

[4]) Piekosiński: «Prawa, przyw. i statuty m. Krak.», I, nr. 63, 77 (декреты 1537 и 1539 гг.). Ср. замѣчанія самого др. Кутшебы: «Skład sejmu pol.», Przegl. hist., II, 200.

[5]) Dyaryusz 1565, стр. 288.

положенія, какое занимало на сеймѣ это единственное городское представительство.

Уравненіе со шляхтой—правовой титулъ этого участія.

Но на чемъ же, собственно, основывался правовой титулъ, въ силу котораго послы Кракова засѣдали на сеймѣ? и былъ ли онъ въ противорѣчіи съ радомскою конституціею, говорящею объ участіи въ сеймѣ однихъ только земскихъ пословъ? Прежде всего я обращаю вниманіе на то обстоятельство, что во всѣхъ актахъ, касающихся этого дѣла, постоянно повторяется основной взглядъ, что послы Кракова принадлежатъ къ собранію земскихъ пословъ. Такъ, прежде всего, въ рядѣ привиллегій Сигизмунда I, гарантирующихъ имъ участіе въ сеймѣ (въ виду противоположныхъ стремленій шляхты), мы встрѣчаемъ такого рода выраженія: „simul cum aliis terrarum nuntiis interesse; inter alios terrarum nuntios locus datur; in consiliis eorum (nuntiorum terrestrium) adsidere in conventibus regni nostri solebant; ad consilia inter nuntios nobilitatis regni nostri admitti... debere; illi per nuntios terrarum regni e medio consilii sui ac coetu illorum excluderentur... et loco suo inter nuntios terrestres... haberi solito privari; quibus inter alios terrarum nuntios locus datur; inter nuntios terrarum suum locum... obtineant; inter alios equestris ordinis nuntios suum locum obtineant“ [1]). Въ спискѣ участниковъ сейма 1562—1563 гг. послы Кракова поименованы среди земскихъ пословъ [2]); точно также на сеймѣ 1565 г. подтверждено, что они „занимаютъ мѣсто среди земскихъ пословъ“ [3]). Такое зачисленіе краковскихъ пословъ въ группу земскихъ пословъ не является только внѣшнимъ дѣломъ, не относится только къ самому мѣсту засѣданія ихъ въ сеймѣ, какъ объ этомъ можно было бы судить на первый взглядъ; оно имѣетъ принципіальное значеніе. Въ 1492 г. Краковъ получилъ отъ короля Яна-Ольбрахта привиллегію, подтвержденную имъ сызнова въ 1493 г., въ силу которой за нимъ признана свобода отъ податей, съ той оговоркой, что если на сеймѣ будетъ

[1]) Декреты 1518, 1537, 1538, 1539, 1544 гг., Corp. jur. Pol., II, nr. 189; Piekosiński: «Prawa, przywil. i stat. m. Krak.», I, nr. 63, 70, 74, 77, 110.
[2]) Działyński: «Źródłopisma», II, 156.
[3]) Dyaryusz 1565 г., стр. 288.

постановленъ „поборъ“ въ вярдунокъ или въ полвярдунка со шляхетскихъ имѣній, то тогда и Краковъ будетъ обязанъ внести налогъ въ извѣстномъ, опредѣленномъ въ привиллегіи, пропорціональномъ размѣрѣ [1]). Съ точки зрѣнія податной повинности Краковъ былъ приравненъ здѣсь къ шляхтѣ, потому что обязанъ былъ платить налогъ только тогда, когда его будутъ платить и шляхетскія имѣнія. Такъ понимала это дѣло и сама шляхта: на корчинскомъ „генералѣ“ 1513 г., по поводу обсуждавшагося тогда вопроса о подати, шляхта ясно подтверждаетъ: „cives Cracovienses... sunt... uniti et incorporati terris Cracoviensibus [2]); соотвѣтственно корчинскому постановленію, Сигизмундъ I въ томъ же году издаетъ привиллегію, подтверждающую положеніе, что „civitas Cracoviensis unita est... militiae terrestri terrarum Cracoviensium..., причемъ употребляетъ и выраженіе „conjunctio“ [3]). Такимъ образомъ, образовалось понятіе инкорпораціи и уніи города Кракова съ краковскою землею и шляхтою. Стоя строго, на точкѣ зрѣнія привиллегій 1492—1493 гг., это была только частичная унія, она касалась только податныхъ дѣлъ, была, по смыслу, только слѣдствіемъ дарованной Кракову свободы отъ „поборовъ“; сама по себѣ она еще не давала ему шляхетскихъ прерогативъ. Однако отношеніе этихъ понятій вскорѣ перевернули; уравненіе Кракова со шляхтою было принято, какъ основной принципъ, и только отсюда были выведены теперь, какъ слѣдствіе, соотвѣтствующія его правомочія. Уже приведенная привиллегія Сигизмунда I 1513 г. говоритъ вообще, что Краковъ остается „in sua (militiae) communitate et commercio“. Въ 1527 г. разрѣшается вопросъ о свободной навигаціи на Вислѣ; пока его рѣшили только относительно духовенства и шляхты, признавъ за обоими этими сословіями право свободнаго сплава; относительно городовъ рѣшеніе было отложено на послѣдующее время. Но за Краковомъ все-таки признали свободу сплава, наравнѣ со шляхтою, обосновывая это постановленіе такимъ образомъ: „incolae civitatis Cracoviensis... cum nobilitate regni per privilegium spe-

---

[1]) Kod. dypl. m. Krak., I, nr. 198, 202.
[2]) Corp. jur. Pol., nr. 134, art. 4.
[3]) Ibid., III, nr. 142.

ciale sunt uniti [1]). Какую бы изъ давнѣйшихъ привиллегій (1492, 1493, 1513 гг.) при этомъ ни имѣли въ виду,—во всякомъ случаѣ ясно, что интерпретація привиллегіи была здѣсь расширена въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы только что представили ее; теперь дѣло шло уже не о податной прерогативѣ, опредѣленной этими привиллегіями, но о совершенно другомъ правѣ; а право это признали за Краковомъ, исходя изъ того общаго положенія, что онъ сравненъ съ шляхтой. Отсюда вытекало и то слѣдствіе, что Краковъ, какъ равный шляхтѣ, имѣетъ право высылать своихъ пословъ на вальный сеймъ. Этотъ моментъ ясно подтверждается цѣлымъ рядомъ декретовъ Сигизмунда I, признающихъ за Краковомъ участіе въ сеймѣ; такъ декретъ 1518 г. говоритъ: „civitatem Cracoviensem... adeo nobilitati et militiae terrestri esse incorporatam et unitam"; буквально (только безъ adeo) то же самое повторяетъ декретъ 1539 г. и, наконецъ, другой декретъ того же года: „nobilitati militiaeque terrestri incorporata sit et unita" [2]).

Это и есть правовой титулъ, въ силу котораго краковскіе послы засѣдаютъ въ сеймѣ; они, собственно, являются здѣсь послами шляхетскими, земскими (nuntii terrestres); только благодаря юридической фикціи, будто они являются таковыми, они и получаютъ отъ короля подтвержденіе этого права. И только благодаря этой самой фикціи (уравненія со шляхтой), удается объяснить, что они могли получать еще и другое право, ясно признанное за ними въ тѣхъ же декретахъ: право участія въ сеймикахъ; вѣдь, даже до 1505 г. не удается доказать то, что̀ въ тѣ времена относилось къ сеймамъ, именно, чтобы мѣщанство принимало хотя какое-либо участіе въ такихъ исключительно шляхетскихъ собраніяхъ, какими были сеймики [3]). Борьба, которую шляхта уже при Сигизмундѣ I подняла противъ Кракова, чтобы исключить его изъ сейма, была (не входя въ политическія или психологическія ея побужденія) борьбою двухъ принциповъ: одного, опирающагося на матеріальной интерпретаціи Радомскаго статута, что только шляхта

---

[1]) Piekosiński: «Prawa, przyw. i stat. m. Krakowa» I, nr. 35, стр. 51.

[2]) Corp. jur. Pol., III, nr. 189; Piekosiński: «Prawa», I, nr. 74, 77.

[3]) Первое надежное извѣстіе о Краковѣ относится къ 1506 г., см. Rymar, 63.

должна имѣть представителей на сеймѣ, и другого, формальнаго, что, на основаніи указанной фикціи, краковскіе послы могутъ считаться земскими послами. Мы знаемъ, что восторжествовалъ послѣдній, формальный принципъ, когда Краковъ остался при своемъ правѣ; но и матеріальный моментъ не остался безъ вліянія: выраженіемъ его является подчиненное, сильно ограниченное относительно правомочій положеніе краковскихъ пословъ уже на сеймахъ XVI вѣка, и затѣмъ почти совершенно исчезающіе слѣды ихъ участія, такъ что только въ самое недавнее время, благодаря утомительнымъ поискамъ, удалось открыть ихъ [1]). Во всякомъ случаѣ это участіе формально ни на іоту не выходило за предѣлы, созданные радомской конституціей (nuntii terrestres); и, собственно, то обстоятельство, что пришлось прибѣгнуть къ фикціи, чтобы это участіе помѣстить въ рамкахъ радомской конституціи, является наилучшимъ доказательствомъ того, что радомская конституція лишила пословъ городовъ, какъ таковыхъ, участія въ сеймѣ, и что ее такъ именно понимали въ самое ближайшее время послѣ изданія, при Сигизмундѣ I. Отсюда вытекаетъ и неосновательность упрека, который авторъ бросилъ противъ моихъ выводовъ въ формѣ вопроса: почему позже, когда хотѣли лишить Краковъ участія въ сеймѣ, не ссылались на радомскую конституцію? Не ссылались потому, что, въ виду принадлежащаго краковскимъ депутатамъ характера земскихъ пословъ, такая ссылка была бы безполезной, а для заинтересованныхъ лицъ (шляхты) прямо вредна. Будемъ же объяснять дѣло такъ, какъ его понимали въ тѣ времена, повторю я еще разъ и предоставлю самому читателю судить, по чьему адресу, моему или автора, слѣдуетъ послать это наставленіе.

---

[1]) Рымаръ, натолкнувшись на вопросъ объ уравненіи Кракова со шляхтою относительно отправленія пословъ на сеймы, не умѣлъ выяснить, какою привиллегіею было утверждено въ первый разъ это уравненіе (стр. 15), несомнѣнно потому, что искалъ акта, который сразу давалъ бы Кракову право отправленія пословъ. На самомъ же дѣлѣ, какъ я уже показалъ, первой ступенью къ уравненію являются привиллегіи 1492—1493 гг., затѣмъ соотвѣтственно расширенныя въ интерпретаціи; ихъ характеръ очень хорошо распозналъ Мехоржиньскій, относя ихъ къ привиллегіямъ 1493 г., хотя самаго факта онъ совершенно не обосновалъ.

Исключенiе городскихъ пословъ отъ участiя въ сеймѣ, начиная съ 1505 г., оказывается не только яркимъ проявленiемъ совершившагося въ то время нарушенiя общественнаго равновѣсiя, послѣднимъ словомъ и какъ бы завершенiемъ процесса перемѣнъ, которыя въ этомъ отношенiи совершились во второй половинѣ и, главнымъ образомъ, подъ конецъ XV вѣка; вмѣстѣ съ тѣмъ оно является однимъ изъ признаковъ, которымъ тогдашнее польское сеймованiе отличается отъ обычнаго типа сословныхъ организацiй на Западѣ, гдѣ городской элементъ, въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, имѣлъ публично гарантированное представительство. Кромѣ того, есть еще много и другихъ отличiй, не менѣе важныхъ.

Отсутствiе городского представительства, какъ отличiе польскаго сейма отъ западныхъ „чиновъ".

Прежде всего, имѣются различiя относительно посольской избы. Съ точки зрѣнiя состава она соотвѣтствуетъ рыцарской (или низшей шляхты) курiи въ западныхъ сословiяхъ—чинахъ. Но тамъ участiе въ этой курiи является личнымъ правомочiемъ или, точнѣе выражаясь, правомочiемъ извѣстныхъ семействъ, за которыми запись въ сословныя метрики и признавала это право; на записи же въ метрики влiяло съ давнихъ поръ осуществлявшееся право участiя упомянутыхъ семействъ, относимое нѣкоторыми теперешними изслѣдователями (Below) къ владѣнiю замками, хотя бы и второстепенными, какъ первому источнику правомочiя. Только въ видѣ большого исключенiя, въ нѣкоторыхъ территорiяхъ въ рыцарскую курiю входили и избранные члены, но и тогда только на ряду съ тѣми, которые принимали участiе въ силу личнаго правомочiя, при томъ избираемые не всей массой рыцарства, а только извѣстнымъ количествомъ лицъ, въ принципѣ имѣющихъ для самихъ себя право личнаго участiя, которымъ, впрочемъ, они не могли пользоваться въ виду тяжелыхъ матерiальныхъ условiй [1]). Въ противоположность этому, организацiя посольской избы въ Польшѣ цѣликомъ опиралась на принципѣ представительства; земскiе послы не засѣдаютъ на сеймѣ въ силу личнаго права, они являются только депутатами и, прежде всего, посредниками въ изъявленiи воли всей шляхты своей земли, земскаго сеймика, вполнѣ зависимыми отъ него. Сравнительно

Различiя относительно „посольской избы": представительный ея характеръ.

---

[1]) Below, 209.

ближе въ этомъ отношеніи подходитъ къ польскому сейму сеймъ венгерскій, съ палатою представителей, составлявшеюся (въ особенности съ габсбургскихъ временъ) путемъ выбора комитатами,—сеймъ, неосторожно втиснутый Тецнеромъ въ общій шаблонъ западной сословной организаціи, главнымъ образомъ, нѣмецкой. Что касается Польши, то этотъ особенный характеръ посольской избы вытекалъ изъ Нѣшавскаго статута, который призналъ за земскими сеймиками законодательное право, осуществляемое потомъ на сеймѣ послами сеймиковъ; изъ того статута, которому авторъ не удѣлилъ почти ни одного слова въ своей „Исторіи", несмотря на то, что онъ, этотъ статутъ, рѣшилъ вопросъ о всемъ характерѣ такой самой важной составной части сейма, какой стала посольская изба. Во всякомъ случаѣ, въ этой организаціи—какъ въ Польшѣ, такъ и въ Венгріи—таился зародышъ и основаніе позднѣйшаго преобладанія сеймиковъ надъ сеймомъ, какъ оно проявилось въ Польшѣ съ конца XVI и особенно съ половины XVII столѣтія, и какъ оно пыталось проявиться и въ Венгріи во всей сферѣ политической жизни, хотя здѣсь, начиная съ XVI в., абсолютизмъ Габсбурговъ и боролся съ нимъ, иногда только съ большимъ усиліемъ, а иногда даже безрезультатно.

Различія относительно сената: чиновничій его характеръ.

Не менѣе важныя различія въ сравненіи съ сословными учрежденіями Запада представляетъ и организація сената въ польскомъ сеймѣ. Съ внѣшней стороны сенатъ соединяетъ въ себѣ два составныхъ элемента, которые на Западѣ обычно образовывали двѣ совершенно отдѣльныхъ куріи, такъ назыв. курію духовенства и курію господъ, т. е. высшаго дворянства. Характерно уже само это соединеніе двухъ элементовъ, нерѣдко съ противоположными сословными интересами; вмѣстѣ съ тѣмъ оно объясняетъ намъ тѣ не разъ далеко заходящія противоположности, споры и распри, какіе возникали въ средѣ самого сената. Но затѣмъ здѣсь имѣется еще болѣе существенное различіе. Отдѣльныя сословныя куріи духовенства и господъ на Западѣ были показателемъ и отраженіемъ дѣйствительно существующихъ сословныхъ различій; каждая изъ нихъ охватывала представителей извѣстнаго сословія, извѣстнаго слоя, соціально отдѣленнаго отъ другихъ и снабженнаго извѣстными, отличающими его отъ другихъ слоевъ пра-

вами, при томъ такъ, что члены одного и того же сословія уже не входили въ другую курію. Въ польскомъ сенатѣ эта характеристика подходитъ только къ его духовной части; зато она не можетъ быть примѣнена къ свѣтскимъ членамъ сената. Свѣтскіе сенаторы, какъ ни часто они происходили изъ „можновладческихъ“ фамилій, какъ ни поднимались они фактически, благодаря своему матеріальному положенію и соединенному съ нимъ политическому вліянію, во главу современнаго общества и его публичной жизни,все-таки не были особымъ сословіемъ—„чиномъ“ (stan), юридически отличнымъ отъ остальной шляхты; они были такой же шляхтой, какъ и земскіе послы, какъ, наконецъ, вся сеймикующая „братія“. Польское право не знало раздѣленія на высшую и низшую шляхту, какъ это было въ западныхъ учрежденіяхъ; все шляхетское сословіе въ принципѣ было равноправно (опускаю поконченный уже на рубежѣ среднихъ и новыхъ вѣковъ вопросъ о „влодыкахъ“). Такимъ образомъ, титуломъ принадлежности къ сенату не былъ сословный моментъ въ точномъ значеніи этого слова. Отсюда могло случаться, что даже самый могущественный магнатскій родъ, не имѣя въ данный моментъ въ своей средѣ никого, кто занималъ бы „сенаторскую должность“, оказывался вовсе безъ представительства въ сенатѣ,—и, наоборотъ, что даже средній шляхетскій родъ могъ получить доступъ въ сенатъ, разъ только кто-нибудь изъ его членовъ занялъ такую должность. Этимъ, далѣе, объясняется и то, почему на сеймикѣ сенаторы, несмотря на принадлежность къ верхней избѣ, своимъ голосомъ вліяли на избраніе представителей нижней избы—точно такъ же, какъ и вся остальная масса рядовой шляхты; наконецъ, этимъ объясняется и то, почему въ ряду избранныхъ пословъ, членовъ нижней избы, не разъ могъ оказаться и сенаторъ [1]). Въ этомъ проявляется единство организаціи шляхетскаго сословія, а вмѣстѣ съ тѣмъ отсюда вытекаетъ и то заключеніе, что представительство въ обѣихъ избахъ находилось въ рукахъ этого сословія, только не различныхъ титулахъ, но во всякомъ случаѣ—не на титулѣ различной въ обоихъ случаяхъ сословной принадлежности (какъ это было на Западѣ).

---

[1]) Нѣкоторыя удачныя наблюденія по этому предмету ср. у Павиньскаго: «Sejmiki ziemskie», 229, 230.

Такимъ титуломъ является моментъ, не имѣющій ничего общаго съ сословностью—именно занятіе извѣстныхъ высшихъ, такъ называемыхъ „сенаторскихъ должностей“ въ государствѣ. Мы знаемъ, что на такую, собственно, конструкцію дѣла повліяло само генетическое развитіе сената. И снова,—если уже искать аналогіи,—здѣсь можно сопоставить съ польскимъ сеймомъ только сеймъ венгерскій, гдѣ въ верхней палатѣ (магнатовъ) точно такъ же засѣдали выдающіеся сановники государства, духовные и свѣтскіе; правда, вслѣдствіе допущенія въ эту палату и титулярныхъ магнатовъ, не занимающихъ высшихъ должностей, первоначальный настоящій ея характеръ отчасти стерся, и перевѣсъ въ значительной мѣрѣ перешелъ на сторону идеи сословности въ точномъ значеніи этого слова. Въ Польшѣ первоначальный организаціонный характеръ сохранился съ полной чистотой, безъ измѣненія. Оцѣнивая дѣло совершенно точно, мы должны признать сенатъ не сословнымъ представительствомъ, а только чиновничьей корпораціей. Въ качествѣ такой корпораціи, онъ—съ организаціонной точки зрѣнія—составляетъ единое замкнутое цѣлое, несмотря на то, что съ соціальной стороны онъ объединяетъ въ себѣ два различныхъ элемента. Моментъ общественныхъ, сословныхъ противоположностей получаетъ здѣсь извѣстное формальное значеніе только въ видѣ исключенія, именно только тогда, когда дѣло шло о вопросахъ, тѣсно связанныхъ съ сословными интересами, объ измѣненіи или нарушеніи личныхъ (субъективныхъ) правъ, принадлежащихъ извѣстнымъ сословіямъ. Поэтому-то иногда, когда сейму приходилось рѣшать вопросъ о податяхъ, свѣтская часть сената вмѣстѣ съ посольской избой давали разрѣшеніе на „поборъ“, между тѣмъ какъ духовная часть сената откладывала дѣло до ближайшаго провинціальнаго синода и только на немъ разрѣшала вопросъ вмѣстѣ съ остальнымъ духовенствомъ [1]). Обращаю вниманіе на характерное явленіе, именно на то, что, поскольку дѣло шло, собственно, объ измѣненіи субъективныхъ правъ, т. е. объ единственномъ предметѣ, входившемъ, по мнѣнію автора, въ кругъ компетенціи сейма, оно, въ качествѣ

---

[1]) Напримѣръ, въ 1507 и 1514 гг. См. Corp. jur. Pol., III, nr. 30, 156.

чисто сословнаго, частично могло быть разрѣшено именно и помимо сейма. Кромѣ этого, единый характеръ организацiи сената постоянно проявлялся вовнѣ, иногда особенно ярко. Характерны дебаты, которые велись на эту тему на сеймѣ 1565 г. Когда по обсуждавшемуся въ то время вопросу объ экзекуцiи приговоровъ духовныхъ судовъ обрисовалось противорѣчiе духовныхъ и свѣтскихъ членовъ сената, изъ которыхъ первые отказали въ своемъ согласiи, тогда послы черезъ посла Сѣницкаго заявили: „Это была бы in Respublica res mali exempli, если бы которая-нибудь pars senatus, по собственному желанiю, оказала сопротивленiе... хотя pars altera поддерживаетъ дѣло," и далѣе: „Но и мы не знаемъ далѣе никакихъ другихъ сословiй in Respublica Polona, которыя требовались бы для постановленiй по всѣмъ дѣламъ, кромѣ какъ Ваше Королевское Величество, своего Государя и Короля... коронныхъ Совѣтниковъ... и коронныхъ пословъ... четвертаго нѣтъ никого" [1]). И король, несмотря на возраженiя духовныхъ, опираясь на „votum" свѣтскихъ сенаторовъ, какъ волю бо̀льшей части единой сенаторской корпорацiи, утвердилъ соотвѣтствующее постановленiе [2]).

Чиновничьему характеру сената вполнѣ соотвѣтствовало и то совѣщательное значенiе, которое онъ имѣлъ относительно короля вплоть до 1505 г. Само отношенiе чиновника къ государю ведетъ къ тому, что онъ можетъ быть исполнительнымъ органомъ государя—самое бо̀льшее—совѣщательнымъ, но не ограничивающимъ его—по крайней мѣрѣ, принципiально—въ рѣшенiи государственныхъ дѣлъ, равноправнымъ въ этомъ отношенiи съ монархомъ. Этотъ естественный складъ взаимныхъ отношенiй принципiально былъ измѣненъ радомской конституцiей, которая признала за сенатомъ одинаковый съ королемъ (и послами) рѣшающiй голосъ въ дѣлахъ законодательства, что̀ касается „nova"; практика, опиравшаяся на эту конституцiю, расширила это право сената на всѣ вообще сеймовыя дѣла, не исключая даже административныхъ распоряженiй, поскольку сеймъ занимался ими [3]). Поэтому съ той поры король ограниченъ государственными сановниками, имъ же самимъ назначенными, не

Зависимость короля отъ сената. Отношенiе конституцiи 1505 г. къ Мельницкой привиллегiи 1501 г.

---

1) Dyaryusz 1565, стр. 246.
2) Dyar. 1565, стр. 271.
3) См. выше, стр. 143—144.

только въ осуществленіи законодательной власти, но даже въ управленіи, въ такихъ дѣлахъ, которыя, въ концѣ концовъ, въ другихъ условіяхъ (безъ сейма) онъ могъ рѣшать самостоятельно или—самое бо́льшее—по совѣту (какъ прежде) съ сенатомъ. Такимъ образомъ, путемъ передачи дѣлъ этого рода на сеймовые дебаты не только уменьшался собственный кругъ дѣятельности короля, но вмѣстѣ съ тѣмъ было ограничено въ пользу какъ представительнаго (послы), такъ и чиновничьяго элемента (сенатъ) его самостоятельное право санкціи (рѣшенія). Съ той поры образовались характерныя отношенія зависимости короля отъ высшихъ чиновниковъ въ области законодательства и управленія, какъ знаменительное проявленіе ослабленія королевской власти. Эти отношенія были созданы Радомской конституціей, въ чемъ снова проявляется великое ея значеніе (хотя бы и въ отрицательномъ смыслѣ) для всего дальнѣйшаго развитія польской государственной организаціи. Для сената она была пріобрѣтеніемъ первостепеннаго значенія, болѣе значительнымъ, чѣмъ для посольской избы, которая, собственно, уже въ силу Нѣшавскаго статута получила признанный за нею рѣшающій голосъ. Поэтому, думается, авторъ идетъ слишкомъ далеко въ своемъ остроуміи, если онъ безъ всякихъ основаній, съ легкимъ сердцемъ, аподиктически изрекаетъ, что Радомская конституція родилась изъ „petita“ шляхты (пословъ, O., 607). Мы не знаемъ, родилась ли она изъ нихъ;если бы даже вопросъ о ней и былъ затронутъ въ „petita“, то мы не можемъ рѣшить, насколько повліялъ на содержаніе конституціи самъ сенатъ. Духъ Мельницкой привиллегій еще виталъ надъ Радомской конституціей въ то время, когда она издавалась; и если онъ не смогъ довести дѣло до столь большихъ ограниченій королевской власти въ пользу сената, какъ въ 1501 г., то все-таки онъ оставилъ свой слѣдъ на самой важной, принципіальной сторонѣ дѣла. Поэтому-то самъ собой напрашивается вопросъ, не была ли Радомская конституція цѣной—и такъ уже пониженной, хотя все еще слишкомъ высокой для королевской власти въ Польшѣ — отказа сената отъ Мельницкой привиллегіи? То, что̀ привелъ авторъ въ своемъ „Отвѣтѣ“ (стр. 598 — 601) противъ замѣчаній проф. Эстрейхера, еще совсѣмъ не объясняетъ судебъ самой привилле-

гіи. Даже если мы станемъ на ту точку зрѣнія, что Мельницкій актъ, изданный королемъ Александромъ передъ коронаціей и только съ литовской печатью, не подтвержденный имъ послѣ коронаціи, актомъ съ коронной печатью, не получилъ значенія формальнаго обязательнаго закона, то все-таки мы не можемъ отрицать, что онъ обязывалъ короля лично, и что самъ отказъ короля подтвердить его не могъ снять вопроса съ очереди, покончить съ нимъ. Эта привиллегія признавала за сенатомъ слишкомъ много перворазрядныхъ, серьезнѣйшихъ прерогативъ, чтобы сенатъ самъ немедленно же и добровольно отказался отъ нея. Конечно, король въ борьбѣ противъ сената могъ найти себѣ союзника въ лицѣ шляхты, враждебной такому расширенію власти сената; сенатъ, въ свою очередь, могъ замѣтить, что нельзя сохранить эту привиллегію въ полномъ размѣрѣ; но нельзя допустить, чтобы сенатъ отказался отъ признанныхъ за нимъ столь важныхъ правъ сразу же, безъ ропота, безъ пожеланія, по крайней мѣрѣ, хотя какой-нибудь рекомпенсаціи за свою крупную уступку. Въ 1505 г., послѣ изданія Радомской конституціи, весь вопросъ, очевидно, уже снятъ съ очереди; въ опубликованномъ немедленно послѣ этого статутѣ Ласкаго (1506 г.) Мельницкой привиллегіи уже нѣтъ, и—что̀ особенно важно—нѣтъ и слѣда, чтобы сенатъ потомъ высказалъ по этому поводу какіе-либо протесты или чтобы вообще напоминалъ если уже не о выполненіи, то, по крайней мѣрѣ, объ обѣщанномъ подтвержденіи недавняго, только за четыре года предъ тѣмъ изданнаго акта. Между тѣмъ въ 1501—1505 гг. вопросъ, очевидно, еще не былъ рѣшенъ. Доказательствомъ этого является откладываніе Александромъ до 1505 г.—вопреки обычаю—„генеральнаго (общаго) подтвержденія правъ“ королевства, равно какъ и тотъ, удачно отмѣченный авторомъ фактъ, что это подтвержденіе („конфирмація“), касаясь только привиллегій, изданныхъ королемъ послѣ коронаціи, косвенно отвергло обязательную силу Мельницкой привиллегіи. Это значитъ, что причиной откладыванія конфирмаціи была борьба изъ-за Мельницкой привиллегіи между королемъ и сенатомъ; и если, съ другой стороны, эта борьба, собственно, закончилась въ 1505 г. на Радомскомъ сеймѣ, то, очевидно, была найдена какая-то почва для соглашенія—почва уступокъ. Поэтому-то мы

должны искать въ Радомскихъ статутахъ извѣстныя уступки въ пользу сената въ духѣ Мельницкой привиллегіи; среди цѣлаго ряда изданныхъ тогда конституцій такая уступка заключается только въ конституціи „Nihil novi“. Она признаетъ за сенатомъ—вопреки установившейся практикѣ, вопреки естественному пониманію отношеній чиновничьей корпораціи къ монарху—рѣшающій голосъ въ законодательствѣ, касающемся „nova“. Если мы примемъ съ авторомъ, что эта конституція не заключала никакихъ новыхъ концессій въ пользу сената, что она подтвердила только то, что̀ уже до тѣхъ поръ имѣло обязательную силу, то какъ же мы объяснимъ отсрочку конфирмаціи правъ до1505 г. вмѣстѣ съ постановленіемъ, остріе котораго ясно направлено противъ Мельницкой привиллегіи—и одновременное полное прекращеніе агитаціи сената въ пользу этой привиллегіи?

Различіе въ положеніи короля. Дуализмъ сословной монархіи.

Самое важное, самое глубокое, идущее до самыхъ принципіальныхъ основъ строя различіе между организаціей польскаго сейма и современными ему сословными учрежденіями на Западѣ проявляется въ положеніи короля, занимаемомъ имъ въ рамкахъ этой организаціи. Въ противоположность конституціонному государству нашего времени, въ которомъ монархъ вмѣстѣ съ представительнымъ учрежденіемъ идейно составляетъ одно органическое цѣлое, зданіе прежняго сословнаго государства опирается на дуалистическій принципъ [1]). Король, съ одной стороны, и сословія — „чины“, съ другой, въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ являются не только представителями часто противорѣчивыхъ интересовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, съ точки зрѣнія организаціи, обособленными элементами современнаго государственнаго строя. Даже тамъ, гдѣ они дѣйствуютъ совмѣстно, гдѣ, слѣдовательно, извѣстныя конституціи или распоряженія являются результатомъ общаго согласія обоихъ этихъ элементовъ, это дѣлается въ формѣ взаимнаго договора обоихъ этихъ въ принципѣ обособленныхъ другъ отъ друга факторовъ,—договора, приводящаго, въ концѣ концовъ, къ извѣстному компромиссу между ними [2]). Этотъ прин-

---

[1]) Ср. Below, 248—258; Rachfahl, I, 355, особенно же весь его арт. II. Даже Tezner, 15, не просмотрѣлъ этой черты, хотя и связываетъ ее не достаточно принципіально со всей своей теоріей «субъективныхъ правъ».

[2]) Below, 222.

ципъ находитъ себѣ выраженіе даже во внѣшней формѣ тогдашняго законодательства: постановленія выходятъ часто въ видѣ двухъ особыхъ, взаимно пополняющихъ другъ друга актовъ: сословныхъ петицій (petita) и отвѣтовъ монарха [1]). Дѣла, общія у государя и „чиновъ“, вмѣстѣ съ группой дѣлъ, относительно которыхъ предѣлы компетенціи обоихъ этихъ факторовъ взаимно скрещивались, все-таки не исчерпываютъ еще всей сферы ихъ дѣятельности; внѣ ихъ существуютъ еще другія группы правовыхъ отношеній, упорядоченіе которыхъ въ принципѣ принадлежитъ каждому изъ нихъ особо. Сословія — сами, не стѣсняемыя согласіемъ государя, имѣютъ право регулировать извѣстныя дѣла, входящія въ рамки автономіи сословныхъ собраній — и здѣсь имъ принадлежитъ даже самостоятельное, независимое отъ воли государя право собираться. Наоборотъ, государь свободенъ въ регулированіи отношеній, стоящихъ въ связи съ его верховными правами, съ организаціей его собственныхъ, монаршихъ, должностей, наконецъ, со всѣми самостоятельными (независимыми отъ согласія сословій) источниками его доходовъ, къ которымъ, прежде всего, принадлежатъ княжескія имѣнія и различныя регаліи, какъ, напримѣръ, монетное дѣло, таможенныя пошлины, судебные сборы и т. п. Правда, въ виду еще не установившихся тогда отношеній, не разъ случались взаимныя нарушенія этихъ принципіально различныхъ сферъ дѣятельности. Не разъ государь вмѣшивается въ сферу автономіи сословныхъ собраній — и, наоборотъ, сословія не разъ ограничиваютъ государя въ его собственномъ кругѣ дѣятельности: два ограниченія этого рода особенно часто встрѣчаются на Западѣ, а именно; князь не можетъ отчуждать коронныхъ имѣній, равно какъ и обязанъ замѣщать должности только туземцами [2]). Однако эти нарушенія всего чаще вытекаютъ изъ временнаго фактическаго перевѣса одного фактора надъ другимъ; въ принципѣ, къ этимъ отношеніямъ примѣняется теорія особыхъ предѣловъ дѣятельности каждаго изъ нихъ, какъ яркое выраженіе дуалистическаго строя сословнаго государства того времени.

---

[1]) Below, 242, 243.

[2]) Cp. Below, 260, 261; Tezner, 15.

Органическая связь польской королевской власти съ сеймомъ.

Въ Польшѣ отношенія короля къ сейму сложились иначе. Его связь съ сеймомъ—органическая, какъ бы въ монархіи новаго времени. На это принципіальное различіе повліяло само генетическое развитіе вопроса въ западномъ сословномъ государствѣ, съ одной стороны, и въ Польшѣ — съ другой. Сословныя учрежденія на Западѣ родились подъ дѣйствіемъ противоположнаго въ своей основѣ интересамъ монарха стремленія сословій добиться для себя участія въ рѣшеніи дѣлъ страны. Поэтому-то они сразу же выступаютъ, какъ обособленный элементъ, стоящій, прежде всего, на стражѣ сословныхъ интересовъ; участіе отдѣльныхъ лицъ въ соотвѣтствующихъ собраніяхъ основывается исключительно на титулѣ сословной принадлежности; даже чиновники монарха, входя въ составъ сословій, засѣдаютъ въ собраніяхъ не въ силу своего чиновничьяго положенія, а только въ виду своей сословной принадлежности. Относительно Польши, какъ бы ни судить о противорѣчивыхъ стремленіяхъ отдѣльныхъ составныхъ элементовъ сейма съ того времени, когда этотъ органъ окончательно сложился (конецъ XV вѣка), мы должны помнить, что передъ настоящей формаціей сейма образовалось другое верховное учрежденіе, призванное для разрѣшенія государственныхъ дѣлъ, составныя части котораго объединились,—по крайней мѣрѣ, въ принципѣ—на почвѣ не противорѣчій, а единства интересовъ. Въ составъ его входили: король и высшіе государственные сановники,—эти послѣдніе не въ качествѣ представителей сословій, а лишь въ качествѣ чиновниковъ монарха, призванныхъ поддерживать его въ дѣятельности своимъ совѣтомъ, блюсти интересы государства, какъ обязанъ былъ блюсти ихъ и самъ государь. На этой уже почвѣ произошло органическое объединеніе короля съ сенатомъ; и въ этомъ самомъ видѣ, въ единеніи съ королемъ, сенатъ вошелъ въ составъ сеймовой организаціи, выработавшейся, благодаря допущенію въ него пословъ, уже въ концѣ среднихъ вѣковъ. Если мы говоримъ, какъ говорили и тогда, о трехъ сословіяхъ—„чинахъ“ Речи Посполитой (сейма), и если это различеніе имѣло настоящую цѣну, поскольку дѣло шло объ указаніи тѣхъ факторовъ, согласная воля которыхъ была нужна для принятія конституціи, то все же, именно въ виду этого органическаго объединенія двухъ первыхъ составныхъ

элементовъ, внѣшній видъ сеймовой организаціи проявлялъ скорѣе, какъ будто бы, двойственный характеръ: на ряду съ посольской избой выступаетъ, собственно, только еще король, окруженный сенатомъ, или сенатъ, окружающій короля. Въ продолженіе сейма оба эти послѣднихъ фактора дѣйствуютъ объединенно: король съ совѣтниками выслушиваетъ привѣтствія и прощальныя пожеланія пословъ, король съ совѣтниками „присматривается" къ предложеніямъ „пословъ" или „беретъ ихъ ad deliberandum", послѣ каждаго внесеннаго дѣла „совѣтники сходятся" или „склоняются" къ королю, послѣ чего слѣдуетъ отвѣтъ, что „совѣтъ пановъ согласенъ"; посылаютъ за послами „къ королю in senatum"; послы идутъ къ королю, который долгое время ожидалъ ихъ съ „панами", и эти послы, „vocati in senatum", держатъ рѣчь къ королю"; делегаты сената, идя въ посольскую избу, объявляютъ здѣсь мнѣніе „Его Величества Короля и совѣтниковъ-сенаторовъ". Чтобы снестись съ однимъ только сенатомъ, безъ короля, послы должны особо извѣстить сенатъ о томъ, что они „хотятъ поговорить съ ними (сенаторами) въ отсутствіе короля", что̀ и отмѣчаетъ, какъ особое обстоятельство, діарій сейма, и, наоборотъ, — когда послы хотятъ снестись съ самимъ королемъ, діарій сейма снова не забываетъ записать: „Senatus exorsus" [1]). Эти обстоятельства, хотя бы и формальнаго характера, вмѣстѣ съ тѣмъ бросаютъ свѣтъ на само содержаніе отношеній: король дѣйствуетъ и выступаетъ не внѣ сейма, какъ особый факторъ, но въ сенатѣ, а черезъ него—и въ сеймѣ, какъ органическая составная часть сейма.

Единство сейма.

Отсюда въ польскомъ сеймованьѣ возникаетъ цѣлый рядъ явленій, которыми оно принципіально отличается отъ современныхъ учрежденій сословнаго государства на Западѣ. Во-первыхъ, польскій сеймъ, поскольку мы будемъ считать его только „сословнымъ" представительствомъ, не имѣетъ права самостоятельно собираться, какъ это бывало въ другихъ мѣстахъ; только король, какъ существенный составной элементъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ, по своему положенію, главнѣйшій факторъ его, имѣетъ право созывать сеймъ. Во-вто-

[1]) Dyaryusz 1565 г., стр. 40, 70, 74, 85, 92—94, 114, 124—126, 137, 146, 149, 152, 155, 160, 172, 242, 264, 292, 296 и др.

рыхъ, когда сеймъ соберется, онъ не имѣетъ право самостоятельно — безъ короля — рѣшать дѣла. Автономическаго направленія сословныхъ собраній, извѣстнаго на Западѣ, здѣсь не существуетъ. Конституціи появляются только при совмѣстной дѣятельности короля съ обѣими сеймовыми избами. По правилу—сеймъ даже не можетъ происходить безъ короля. Случаи, когда бывало иначе, являются исключеніями, всегда оправдываемыми только особо важными причинами, напримѣръ, болѣзнью короля, его пребываніемъ въ Литвѣ, на войнѣ и т. п. Но даже и тогда строго соблюдался принципъ совмѣстной дѣятельности всѣхъ трехъ составныхъ частей сейма, въ троякой комбинаціи: либо такъ, что сенатъ, вмѣстѣ съ посольской избой, пересылаютъ свои постановленія королю, который потомъ утверждаетъ и опубликовываетъ ихъ (1535), либо такъ, что король напередъ уполномочиваетъ весь сенатъ отъ его имени постановлять сеймовыя конституціи вмѣстѣ съ посольской избой (1534), либо, наконецъ, такъ, что король высылаетъ на сеймъ одного изъ своихъ сановниковъ, въ качествѣ уполномоченнаго, съ правомъ утвержденія, отъ его имени, тѣхъ постановленій, которыя будутъ приняты сенатомъ и посольской избой (1514) [1]. Даже въ этомъ случаѣ обособленность короля и обѣихъ избъ касается только мѣста, а не существа дѣла. Но и въ этихъ еще случаяхъ сеймовыя постановленія являются съ внѣшней стороны единымъ актомъ, общимъ проявленіемъ согласной воли всѣхъ трехъ составныхъ частей сейма — точно такъ же, какъ и на обыкновенномъ сеймѣ, происходившемъ въ присутствіи короля. Обмѣнъ двумя отдѣльными актами, которые вмѣстѣ даютъ идею одной общей конституціи, какъ это обычно бывало на Западѣ, оказывается здѣсь,—по крайней мѣрѣ, въ Коронѣ—совершенно исключительнымъ явленіемъ, гдѣ, можетъ быть, время отъ времени сказывалось и внѣшнее подражаніе Западу, какъ, напримѣръ, мы видимъ это въ королевскомъ отвѣтѣ на „petita“ сословій въ 1508 г. [2]) или въ такомъ же отвѣтѣ на пропозицію сената и пословъ въ 1534 г. Однимъ словомъ, даже въ формахъ проявляется органическая

[1]) Corp. jur. Pol., III, nr. 149.
[2]) Corp. jur. Pol., III, nr. 33.

общность (объединеніе) всѣхъ составныхъ элементовъ сейма. „Ибо всѣ мы одно тѣло“, заявляетъ примасъ о сеймѣ 1569 г. [1])—во свидѣтельство о томъ, что уже тогда отдавали себѣ полный отчетъ въ томъ, на чемъ основывается существенный характеръ этого органа.

Вліянія, связывавшія королевскую власть въ Польшѣ.

Эта органическая связь короля съ остальной частью сейма въ сильной степени связывала, даже уничтожала власть монарха. Будемъ помнить, что компетенція сейма тогда охватывала не только законодательныя дѣла въ собственномъ смыслѣ слова, какъ въ современномъ конституціонномъ государствѣ, но, въ мѣру его собственной воли, могла распространяться и на дѣла государственнаго управленія. Слѣдовательно, у сейма было искушеніе сдѣлать короля и въ области администраціи какъ можно болѣе зависимымъ отъ себя; втянуть въ кругъ своего воздѣйствія и тѣ юридическія отношенія, въ которыхъ государь въ другихъ мѣстахъ могъ распоряжаться самостоятельно. Въ дуалистическомъ сословномъ государствѣ Запада трудно было осуществить эту задачу: государь, стоя внѣ сословій, имѣлъ самостоятельную точку опоры, на которой онъ, дѣйствительно, могъ защищать свои права; въ Польшѣ государь, внутренне объединенный съ сеймомъ, подпавшій его вліяніямъ, захваченный его перевѣсомъ, не имѣлъ точки опоры, чтобы оказать сопротивленіе далеко простирающимся притязаніямъ. Очень характерны,—не какъ свидѣтельство о фактахъ (ошибочно переданныхъ), но какъ выраженіе стремленій и политики сейма—слѣдующія слова діарія 1565 г.: „Удивительно было это для поляковъ (принятіе Инфлянтъ подъ власть Польши Сигизмундомъ-Августомъ, безъ согласія сейма), ибо, хотя ранѣе при другихъ короляхъ и были сеймы „absente rege“, но, что̀ бы ни установилъ senatus cum populo (съ послами), hoc princeps semper firmum acceptabat“ [2]). Все безсиліе королевской власти въ рамкахъ сеймовой организаціи сквозитъ въ этихъ словахъ—хотя бы и въ видѣ постулята.

Поглощеніе королев-

Такъ начинается и совершается въ широкихъ размѣрахъ поглощеніе сеймомъ цѣлаго ряда королевскихъ

[1]) Źródłopisma, III, 58.

[2]) Dyaryusz 1565, стр. 19.

скихъ правъ сеймомъ. правъ, правъ, тѣсно связанныхъ съ современнымъ положенiемъ государя (монаршьи имѣнiя, доходы, должности), на стражѣ которыхъ западные государи не только ревностно стояли, но и дѣйствительно могли—въ виду дуалистической организацiи государства—оказывать сопротивленiе претензiямъ сословiй ограничить ихъ. Въ Польшѣ сеймъ во всѣхъ этихъ областяхъ ограничиваетъ самостоятельное право короля дѣлать распоряженiя, перенося его на себя. Послѣ тѣхъ уступокъ, которыя польскiе короли сдѣлали—еще въ средніе вѣка, по примѣру Запада—относительно неотчуждаемости извѣстныхъ королевскихъ имуществъ, послѣ дальнѣйшихъ ограниченiй въ этомъ направленiи въ 1504 г., сеймъ при обоихъ Сигизмундахъ Ягеллонахъ, особенно при послѣднемъ, въ формѣ такъ называемыхъ „экзекуцiонныхъ конституцiй", беретъ въ свои руки право распоряжаться королевскими имѣнiями. Не король, а сеймъ издаетъ таможенныя конституцiи, при томъ не только тѣ, которыя гарантируютъ или подтверждаютъ свободу шляхты отъ таможенныхъ пошлинъ или временно ограничиваютъ ее, но и другiя конституцiи, которыми регулируются частности всего дѣла относительно купцовъ, при чемъ не разъ издаются и подробные таможенные тарифы [1]). Сеймъ получаетъ и право исключительно разрѣшать чеканку монеты [2]); „послѣ совѣта и общаго согласiя нашихъ совѣтниковъ и другихъ сословiй" король издаетъ универсалъ, касающiйся реформы подводъ [3]); сеймъ признаетъ за собой право высказываться даже объ использованiи и назначенiи судебныхъ пеней, принадлежащихъ королю [4]). На сеймѣ появляются общiя постановленiя о томъ, какъ слѣдуетъ управлять всѣмъ королевскимъ скарбомъ, и каковъ долженъ быть контроль надъ нимъ [5]). Наконецъ, сеймъ вмѣшивается въ остальныя регалiи короля, напримѣръ воспрещаетъ ему жаловать

---

[1]) Ср., напримѣръ, распоряженiя 1509, 1512, 1532 гг.; Corp. jur. Pol., III nr. 38—41, 126; Vol. leg., I, 249.

[2]) Стат. 1550 г., Vol. leg., II, 2; ср. еще тамъ же, II, 6.

[3]) R. 1562—1563; ibid., II, 42.

[4]) R. 1508; Corp. jur. Pol., III, nr. 33 art. 15.

[5]) R. 1507, 1562—1563, 1563—1564; ibid., III, nr. 6 art. 10; Vol. leg., II, 17, 26.

„желѣзныя (охранныя) грамоты“ [1]); сеймъ даетъ предписанiе о томъ, какихъ дѣлъ нельзя откладывать на королевскихъ „рокахъ“ [2]), и т. п.

Влiянiе сейма на королевскiй чиновничiй организмъ.

Особенно чувствительно было для значенiя королевской власти въ Польшѣ включенiе въ кругъ воздѣйствiя и влiянiя сеймовъ и законодательства объ организацiи, кругѣ дѣятельности и отвѣтственности должностныхъ лицъ (чиновниковъ). И это касалось не только земскихъ, автономныхъ, должностей, которыми шляхта, уже по существу дѣла, должна была заниматься прежде всего; исключительность ея правъ въ этихъ дѣлахъ рѣзко обнаруживаетъ статутъ 1538 г., постановляющiй отмѣну новыхъ должностей „войскихъ“, которыя король ввелъ безъ согласiя сейма [3]). Но даже строго королевскiя должности, слѣдовательно, коронныя званiя, и прежде всего—настоящiй исполнительный органъ монарха, старосты,—не говоримъ уже о другихъ, второстепенныхъ королевскихъ должностяхъ въ системѣ гродской организацiи, въ устройствѣ финансовыхъ властей и т. п.,—оказываются предметомъ детальнаго и даже мелочного воздѣйствiя сеймовъ, въ полной противоположности западнымъ отношенiямъ, гдѣ эти дѣла рѣшались исключительно или прежде всего самимъ государемъ, не стѣсняемымъ волей сословiй. Установленiе такой новой должности, строго королевской, предназначенной исключительно для помощи королю въ осуществленiи имъ суда, какой стала должность „реферандарей“, совершается на основанiи сеймовой конституцiй; и немедленно же послѣ этого такая же сеймовая конституцiя точно ограничиваетъ кругъ дѣятельности этой должности [4]). Сеймъ опредѣляетъ, какимъ образомъ, какими лицами и въ какое время должны замѣщаться коронныя должности [5]), по примѣру еще до-радомскаго сейма 1504 г., ближе опредѣляетъ способъ ихъ служебной дѣятельности [6]). Особеннаго вниманiя заслуживаетъ широкiй размѣръ сеймоваго

---

[1]) R. 1543; Vol. leg., I, 282.
[2]) R. 1540; ibid., I, 274.
[3]) Ibid.. I, 261.
[4]) R. 1507, 1538; Corp. jur. Pol., III, nr. 6 art. 19; Vol. leg. I, 261.
[5]) R. 1507, 1538, 1543; Corp. jur. Pol., III, nr. 6 art. 13; Vol. leg., I, 259, 261, 280.
[6]) R. 1562—1563; Vol. leg., II, 17.

законодательства о старостахъ и другихъ гродскихъ чиновникахъ. Сеймъ опредѣляетъ условія, при которыхъ они могутъ получить должность, требуя отъ нихъ не только гражданства въ странѣ [1]), но вмѣстѣ съ тѣмъ и осѣдлости [2]), и стѣсняя такимъ образомъ въ значительной степени свободу короля въ выборѣ лицъ при замѣщеніи этой должности, въ принципѣ только королю и подчиненной; такое же значеніе имѣютъ и сеймовыя конституціи, воспрещающія королю давать два староства одному и тому же лицу [3]). Сеймовое законодательство спускается даже до такихъ частностей, какъ формулы присяги гродского писаря [4]). На ряду съ этими распоряженіями, сеймы издаютъ и постановленія объ условіяхъ назначенія на таможенныя, мытныя и жупныя должности [5]), задача которыхъ—сборъ строго королевскихъ доходовъ. Но этого мало: сеймъ даже опредѣляетъ—нерѣдко въ очень мелочныхъ постановленіяхъ—способъ осуществленія и предѣлы власти старостъ [6]), иногда назначаетъ извѣстныхъ лицъ для контроля надъ ихъ дѣятельностью [7]); даже служба краковскихъ бургграфовъ дѣлается предметомъ особыхъ постановленій сейма [8]). Единственнымъ послѣдствіемъ такихъ отношеній является безчисленное количество сеймовыхъ распоряженій объ отвѣтственности старостъ за небрежное отношеніе къ своимъ служебнымъ обязанностямъ, и такія же распоряженія о другихъ королевскихъ чиновникахъ, напримѣръ, о таможенныхъ [9]). Но одними постановленіями не ограничились: послы имѣли право обвинять на сеймѣ небрежныхъ къ своимъ обязанностямъ чиновниковъ и сановниковъ короля, а выдвинутая, на сеймѣ 1565 г., хотя тогда еще и неосуществленная мысль установить земскихъ „инстигаторовъ“ (прокуроровъ),

---

1) R. 1538, 1539, 1550; ibid., I, 260, 269, II, 8.

2) R. 1519, 1543, 1569; Corp. jur. Pol., III, nr. 210 art. 9; Vol. leg., I, 281, II, 99.

3) R. 1538, 1562—1563; Vol. leg., I, 260, II, 18.

4) R. 1565; ibid., II, 53.

5) R. 1538, 1569; ibid., I, 255, II, 95.

6) R. 1507, 1508, 1512, 1532, 1539 и др.; Corp. jur. Pol., III, nr. 6 art. 12, nr. 33 art. 3, nr. 125; Vol. leg., I, 251, 270.

7) R. 1566; Vol. leg., II, 65.

8) R. 1565; ibid., II, 47.

9) R. 1523, 1538 и др.; Vol. leg., I, 201, 255.

по выбору самой шляхты, со служебной обязанностью выступать на сеймѣ обвинителями небрежныхъ чиновниковъ [1]), сама по себѣ является краснорѣчивымъ доказательствомъ того, какъ далеко зашли притязанія въ смыслѣ распространенія вліянія шляхты, а прежде всего—сейма, на всю правительственную машину въ государствѣ (эта мысль безъ обиняковъ характеризовалась противной стороной, какъ стремленіе присвоить себѣ „auctoritatem regiam“).

Вопросъ о сеймовыхъ комитетахъ въ Польшѣ.

Съ этой точки зрѣнія объясняется еще другая особенность, которой польскія учрежденія отличались отъ западныхъ. Западныя „сословія“ не удовольствовались однимъ только правомъ законодательнаго разрѣшенія дѣлъ страны; вмѣстѣ съ тѣмъ они устанавливали извѣстные избираемые, только передъ ними отвѣтственные и, слѣдовательно, только отъ нихъ вполнѣ зависимые, постоянные сословные комитеты (напримѣръ, Ausschuss—у нѣмцевъ, Výbor—у чеховъ), какъ свои собственные исполнительные органы, задача которыхъ—вести управленіе по тѣмъ дѣламъ, которыя регулированы постановленіями сословій. Въ рукахъ комитетовъ сосредочивались прежде всего сборъ и завѣдываніе тѣми установленными сословіями податями, которыя, по крайней мѣрѣ, не передавались въ руки государя и его чиновниковъ, въ связи съ этимъ и завѣдываніе земскимъ войскомъ, содержимымъ на счетъ этихъ податей. Наконецъ, сословные комитеты нерѣдко распространяли свою компетенцію и на другія отрасли мѣстной администраціи, напримѣръ, не разъ брали въ свои руки попеченіе объ охраненіи общественнаго спокойствія, осуществляли полицейскую власть и т. п. Въ Польшѣ въ тѣ времена не создалось такихъ сеймовыхъ комитетовъ, въ качествѣ постоянной и исполнительной власти. Это произошло только въ послѣднее полустолѣтіе существованія Речи Посполитой, путемъ образованія „Большихъ Коммиссій“ и „Постояннаго Совѣта“ (1764, 1773), которые вообще—хотя и не безъ извѣстныхъ исключеній—соотвѣтствуютъ западному типу сословныхъ комитетовъ. Передъ этимъ, въ теченіе XVII вѣка, возникли особыя исполнительныя власти сеймиковъ, однако не нашедшія себѣ подражанія въ самой сеймовой организаціи. Се-

---

[1]) Dyaryusz 1565, стр. 119, 124, 138, 139, 145.

натъ, остающійся при королѣ въ междусеймовое время, хотя бы даже въ постоянной формѣ сенаторовъ-резидентовъ, введенныхъ въ жизнь въ послѣдней четверти XVI вѣка—первыя попытки ввести ихъ относятся уже къ началу этого столѣтія, къ 1504 г. [1])—не идетъ здѣсь въ счетъ, ибо относительно короля онъ былъ только совѣщательной, самое бо́льшее—контролирующей коллегіей, а не исполнительнымъ органомъ сейма. Сеймы только спорадически, время отъ времени, устанавливали, кромѣ сборщиковъ податей, еще особыхъ своихъ „шафарей", напримѣръ—въ 1539 г. [2]). Однако эти мѣропріятія не имѣли общаго значенія; предпочитали ограничиваться однимъ только контролемъ надъ королевскимъ финансовымъ управленіемъ либо при помощи призваннаго для такой дѣятельности сената—напримѣръ, въ 1507 г. [3]),—либо прямо при помощи самого сейма—напримѣръ, въ 1566 г. [4]). Такимъ образомъ, польскій король, по видимости, менѣе стѣсненъ въ дѣлахъ управленія, чѣмъ западные государи, ибо, на ряду съ нимъ и его чиновниками, не существуетъ такой отдѣльной, постоянно организованной исполнительной власти сословій, которая создавала бы конкурренцію королевскимъ властямъ. Въ дѣйствительности же здѣсь только рѣзко и ярко проявляется, въ какой степени весь административный королевскій организмъ попалъ въ зависимость и подчиненіе относительно сейма; сеймъ уже не чувствовалъ потребности въ установленіи, по образцу Запада, своихъ особыхъ исполнительныхъ органовъ, ибо сами королевскія должности попали въ кругъ его воздѣйствія, стали дѣйствительно его исполнительными органами.

Слабость королевской власти въ Польшѣ, какъ результатъ сеймовой организаціи.

Конституція „Nihil novi" сама не создала ни этого ограническаго объединенія короля съ сеймомъ, ни всѣхъ тѣхъ послѣдствій, которыя вытекали отсюда для формированія отношеній правительственной власти въ Польшѣ;—все это зародилось въ самомъ началѣ формаціи сейма, было вызвано болѣе старымъ, генетическимъ развитіемъ вопроса. Она только ясно признала эти отношенія, опредѣляя сеймъ, во

[1]) Pawiński: «Sejmiki ziemskie», 211.
[2]) Vol. leg., I, 272.
[3]) Corp. jur. Pol., III, nr. 6 art. 10.
[4]) Vol. leg., II, 65.

всѣхъ трехъ составныхъ частяхъ его, какъ единое тѣло, дѣйствующее сообща,—можетъ быть, такой ясной санкціей, такой кристаллизаціей принципа, она собственно затруднила эмансипаціонныя попытки послѣдующихъ королей, поскольку онѣ еще были возможны. Что попытки эти были дѣломъ чрезмѣрно труднымъ, легко понять въ свѣтѣ всего только-что изложеннаго. Дуалистическій характеръ западнаго сословнаго государства давалъ тамошнимъ государямъ самостоятельную точку опоры въ борьбѣ съ сословной идеей; онъ давалъ имъ матеріальную основу въ тѣхъ доходахъ, которыми они самостоятельно распоряжались, соотвѣтствующія орудія—въ организмѣ чиновниковъ, который имъ исключительно и подчинялся, съ помощью котораго они могли вести борьбу. Благодаря умѣлому пользованію всѣми этими средствами, западные государи прежде всего добиваются устраненія претензій сословій, а потомъ ограниченія правъ и значенія этихъ сословій. Въ концѣ концовъ изъ этой борьбы родился абсолютизмъ. Можно сказать такъ: дуализмъ средневѣковой сословной монархіи со временемъ сдѣлалъ возможнымъ рожденіе абсолютизма. Въ Польшѣ, въ виду отсутствія дуалистическаго строя, королевская власть не нашла для себя самостоятельной точки опоры, чтобы начать борьбу съ грозной для нея силой. Этому помѣшало исконное органическое объединеніе ея съ сеймомъ. Это объединеніе произошло преждевременно, не такъ, какъ въ представительствахъ нашего времени, гдѣ оно касается только законодательной функціи и ни въ чемъ не вліяетъ на ослабленіе силы и упругости правительства, подчиненнаго контролю парламента только въ случаѣ нарушенія законовъ—произошло въ тотъ моментъ, когда сеймъ распространилъ предѣлы своей власти не только на дѣла законодательства, но вмѣстѣ съ тѣмъ—въ границахъ, зависящихъ отъ его воли—и на дѣла управленія. Королевская власть была слишкомъ слабой для того, чтобы, находясь въ такой органической связи, защищаться отъ силъ, болѣе ея могущественныхъ; мощная сеймовая машина захватила ее въ свои обороты, заплела ее въ настоящій кругъ Иксіона и пустила ее въ движеніе, которому сама же дала направленіе, независимое отъ воли государя. Это и была Архимедова точка опоры для сейма въ его стремленіи поста-

вить королевскую власть въ возможно бо́льшую зависимость отъ себя. Такимъ образомъ и вышло, что король, уже въ самомъ сеймѣ стѣсняемый волей своихъ высшихъ сановниковъ, былъ лишенъ и внѣ сейма, въ дѣлахъ повседневнаго государственнаго управленія, всякой свободы распоряженія своимъ чиновничьимъ аппаратомъ, попавшимъ въ двойную зависимость—и отъ главы правительства и отъ сейма, съ громаднымъ ущербомъ для достоинства самой верховной правительственной власти, съ постоянной возможностью парализованья сеймомъ дѣятельности правительства. **Вся тайна слабости польскаго правительства** за три послѣднія столѣтія существованія Речи Посполитой **объясняется этими данными, заключающимися въ самой организаціи сейма того времени.** Здѣсь же заключается и объясненіе вопроса, почему позднѣе всѣ польскіе короли, даже самые выдающіеся, исполненные сознанія сильной королевской власти, безрезультатно боролись со сжимавшимъ ихъ кольцомъ, почему всѣ они, не исключая Баторія, въ концѣ концовъ оказались побѣжденными [1]).

Ошибочное мнѣніе др. Кутшебы о сословномъ харак-

Для др. Кутшебы польскій сеймъ того времени, во всей своей организаціи и во всемъ своемъ характерѣ — за исключеніемъ нѣкоторыхъ, будто бы, свойствъ „парламентаризма новаго времени", относительно котораго доводы его представляются ошибочными [2])—оказывается не чѣмъ инымъ,

[1]) Аналогичный процессъ въ концѣ среднихъ вѣковъ намѣчался и въ Венгріи, въ виду отчасти похожаго развитія и характера венгерской сеймовой организаціи. Поэтому нельзя признавать доказательствомъ глубокаго пониманія дѣла объясненіе слабаго правительства Владислава Ягеллончика въ Венгріи исключительно формулой: «rex bene». Только Габсбурги, опираясь на территоріальную мощь другихъ своихъ владѣній и примѣнивши здѣсь систему абсолютизма, введенную въ другихъ мѣстахъ, могли взяться за борьбу съ венгерскимъ сеймомъ; но и они не провели ее съ полной удачей, несмотря на многочисленныя, иногда очень острыя столкновенія.

[2]) То, что̀ авторъ привелъ въ пользу этого утвержденія въ полемикѣ противъ проф. Эстрейхера (О., 611, 612), разыскивая извѣстныя особенности польскаго сеймованья сравнительно съ сословными учрежденіями Запада, либо совершенно не касается самой сеймовой организаціи, а относится къ извѣстнымъ планамъ реформы, высказаннымъ отдѣльными людьми (воззрѣнія Осѣцкаго), или касается вещей совершенно второстепенныхъ («генеральные ораторы»), или, наконецъ, из-

какъ только **сословнымъ сеймомъ**, точно такимъ же, какъ и западныя сословныя собранія (О. 605 нѣсколько разъ и 612; 2 изд. „Исторіи“, стр. 117); для ближайшаго опредѣленія его характера авторъ присоединяетъ еще только Тецнеровскую теорію „субъективныхъ правъ“, и въ рамки выводовъ изъ нея вколачиваетъ все устройство польскаго сейма того времени. Онъ очень сурово осуждаетъ тѣхъ, кто не замѣтилъ указанныхъ особенностей польскаго сеймованья. Они „не вскрываютъ ихъ основы, а только налѣпляютъ на эти сеймы современную (новаго времени) этикетку“. Принявъ во вниманіе изложенные выше моменты, легко замѣтить, что авторъ судилъ слишкомъ поспѣшно и съ излишнимъ довѣріемъ отнесся къ непогрѣшимости торопливо выработаннаго воззрѣнія. Насколько ошибочнымъ было бы сопоставленіе польскаго сейма съ парламентомъ новаго времени, настолько же ошибочно и отожествленіе его съ современными ему „сословіями“ на Западѣ. Польскому сейму слишкомъ тѣсно и коротко въ этой чужой курткѣ, прежде всего нѣмецкаго покроя. Онъ обладаетъ нѣкоторыми свойствами, общими съ прежними сословными учрежденіями, въ нѣкоторыхъ частностяхъ (собственно, не замѣченныхъ авторомъ) болѣе приближается къ образцу новаго времени, въ другихъ, наконецъ, при томъ преимущественно, опирается на началахъ, чуждыхъ тому и другому типу; изъ соединенія этихъ разнородныхъ элементовъ возникло зданіе, во многихъ отношеніяхъ самородное, оригинальное, отличающееся—сравнительно съ современными ему сословными учрежденіями Западной Европы — многими

терпъ польскаго сейма.

вѣстныхъ измѣненій, которыя относятся къ позднѣйшему времени (бюджетъ). Вообще, авторъ не отмѣтилъ ни одного существеннаго различія между польскимъ сеймомъ XVI в. и западными сословными учрежденіями того времени, и потому онъ, со своей точки зрѣнія, послѣдователенъ, утверждая: «но польскій сеймъ все-таки остался сословнымъ». Непослѣдовательность заключается только въ томъ, что онъ упрекаетъ меня, будто бы я «унижалъ значеніе этихъ (въ духѣ новаго времени) учрежденій» (польскаго парламентаризма), равно какъ не менѣе и въ томъ, что онъ полемизируетъ съ проф. Эстрейхеромъ, который удачно замѣтилъ, что утвержденіе автора, будто бы «польскій сеймъ при Сигизмундѣ-Августѣ неразъ начиналъ пріобрѣтать черты почти парламентаризма новаго времени», не легко доказать. Подтвержденіемъ сомнѣній проф. Эстрейхера является, собственно, ошибочное доказательство автора въ его «О.».

довольно индивидуальными чертами. Все сплетенiе отношенiй, цѣлый комплексъ государственныхъ и общественныхъ учрежденiй Польши того времени должны быть приняты во вниманiе сразу же, въ ихъ органической связи, если только хотятъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что̀ же такое былъ, въ сущности, польскiй сеймъ. Мы должны понимать его только, какъ созданiе sui generis; ни формула парламентаризма новаго времени, ни средневѣковой сословности не объяснятъ намъ загадки того, въ чемъ же заключалась сущность этого сейма. Поэтому, если авторъ, даже здѣсь идя за Тецнеромъ [1]), счелъ подходящимъ обратиться въ научной полемикѣ и къ аргументу „этикетокъ", то да проститъ онъ и меня, если я скажу, что этикетка сословности, которую онъ самъ прилѣпилъ къ польскому сейму, оказывается всесторонне поверхностной и многосторонне ошибочной, при томъ еще чужой — въ той части, которая касается теорiи „субъективныхъ правъ", выписанной съ послѣдней фабрики. Хорошо иногда помнить, что не всякая только-что прилѣпленная этикетка—въ то же время и самая лучшая, потому только, что она нова.

Значенiе конституцiи „Nihil novi", ея эпохальный характеръ.

Съ устраненiемъ этикетки, передъ нами снова поднимается вопросъ: что такое конституцiя „Nihil novi", и каково ея значенiе для развитiя польскаго сеймованья? Скажемъ слѣдующее: эта конституцiя не родила самого сейма и нѣкоторыхъ принципiальныхъ основъ его организацiи, ибо они родились генетически, въ силу прежняго развитiя дѣла; чиновничье-сословный составъ сейма, его органическое объединенiе съ королемъ выработались уже ранѣе. Но эти принципiальныя основы, на которыхъ оперлось зданiе польскаго сейма, впервые были опредѣленно изложены и утверждены въ этой именно конституцiи. Еслибы мы не пожелали дѣлать ударенiя только на этомъ формальномъ моментѣ подтвержденiя того, что̀ существовало уже ранѣе, то все-таки мы должны помнить, что дата конституцiи почти совпадаетъ съ датой образованiя самого сейма. Первый „вальный" польскiй сеймъ, который можно твердо установить (1493 г.), предшествуетъ этой конституцiи только на

---

[1]) ...«eine Art Marke, die jeder Darstellung des Ständerechts... umgehängt wird».

12 лѣтъ. Она, эта конституція,— даже въ томъ, чтò она приняла уже въ готовомъ видѣ — является дѣйствительной, стоящей у порога жизни сейма, органической его конституціей (закономъ); она какъ бы вводитъ сеймъ на арену его политической дѣятельности. Въ виду того всесторонняго, простирающагося до самыхъ глубочайшихъ основъ строя Польши значенія сейма, какое ему суждено было имѣть во всемъ будущемъ, вплоть до паденія Польши, слѣдуетъ и за разсматриваемой конституціей признать — хотя бы только съ этой точки зрѣнія — громадное значеніе. Но это значеніе больше еще съ другихъ точекъ зрѣнія. Утверждая нѣкоторые болѣе старые принципы, конституція 1505 года въ то же время, въ самомъ же началѣ развитія польскаго сеймованья, ввела нѣсколько реформъ первостепенной важности, устранила нѣкоторыя основныя организаціонныя особенности, на которыхъ сначала, въ виду предшествующаго развитія, оперлись польскія сеймовыя учрежденія, и на ихъ мѣсто подставила новыя, отличныя отъ прежнихъ. Она устранила городскихъ пословъ и въ силу этого отдала полноту власти въ руки шляхетскаго органа; во всемъ почти объемѣ законодательства ограничила возможность самостоятельныхъ королевскихъ распоряженій; наконецъ, признавъ за сенатомъ рѣшающій голосъ, она уменьшила власть короля въ пользу его сановниковъ. Съ помощью распространительной интерпретаціи примѣненная и къ другимъ дѣламъ, разбиравшимся на сеймахъ, она косвенно стѣснила правительственныя права короля. Въ этой конституціи уже отразились и ею же были установлены существенныя особенности всего позднѣйшаго государственно-общественнаго развитія Польши: перевѣсъ шляхетскаго элемента надъ остальнымъ обществомъ, перевѣсъ его въ государственной организаціи и соединенная съ этимъ слабость королевской власти. Все, чтò бы ни дѣлалось потомъ въ этихъ направленіяхъ, вплоть до реформъ Станислава, прежде же всего — до великой реформы четырехлѣтняго сейма, чтò бы даже ни измѣнялось на поверхности въ исторіи польскаго строя,— все это своими корнями заложено въ Радомской конституціи; первымъ дѣломъ — все, чтò касается самой организаціи сейма, за однимъ только развѣ (изъ важнѣйшихъ явленій) исключеніемъ: принципа единогласія (единомыслія) и liberi veto—хотя из-

вѣстно, что позднѣе даже и эти принципы выводились—вслѣдствіе ошибочной интерпретаціи—прямо все изъ той же конституціи 1505 г. Итакъ, конституція „Nihil novi“ является своего рода рефлекторомъ всего строя Польши въ три послѣдующія столѣтія, своего рода синтезомъ исторіи этого строя вплоть до послѣднихъ реформъ передъ паденіемъ Речи Посполитой. Поэтому мы поступимъ всего лучше и согласно съ интересами науки и истины, если въ оцѣнкѣ этой конституціи не будемъ искать новыхъ боговъ, и, стоя на существующей въ наукѣ точкѣ зрѣнія, признаемъ за нею значеніе великой реформы (Бобжиньскій), а вмѣстѣ съ тѣмъ—эпохальнаго факта въ исторіи строя Польши.

Выводы о раздѣленіи на періоды у др. Куташебы.

Въ свѣтѣ этихъ замѣчаній тѣмъ яснѣе выступаетъ допущенная авторомъ ошибка, принятіе имъ въ исторіи устройства Польши особаго періода, ограниченнаго датами 1370—1374 и 1569—1572 гг. Это — противоестественное соединеніе двухъ различныхъ стадій развитія, на границѣ которыхъ стоитъ начальная дата XVI в., и которыя, сверхъ того, не составляютъ особыхъ, самостоятельныхъ цѣлыхъ, будучи только частями сосѣднихъ съ ними періодовъ: болѣе ранняго, который слѣдуетъ продолжить вплоть до Радомской конституціи, и болѣе поздняго, который слѣдуетъ съ нея начинать. Послѣ соотвѣтствующаго исправленія принятаго авторомъ дѣленія, мы получимъ, такимъ образомъ, слѣдующую схему развитія: I) періодъ вступительный, „доисторическій“, II) періодъ княжескаго права, до начала XIII в., III) періодъ самоуправленія сословныхъ обществъ (сословный), до 1505 г., IV) періодъ шляхетской Речи Посполитой, до 1764 г. (event. 1788) и V) періодъ реформъ устройства Речи Посполитой — вплоть до паденія государства — ту самую схему, которую я, на основаніи своихъ W/96, начертилъ въ первомъ отдѣлѣ настоящей книги, какъ настоящую и обоснованную.

ПЯТЫЙ ОТДѢЛЪ.

Частныя замѣчанія.

Предѣлы замѣчаній

Переходя къ обсужденію частностей книги др. Кутшебы, отмѣчу прежде всего то, что я намѣренъ точно держаться матеріала, принятаго во вниманіе самимъ авторомъ. Его трудъ, по моему мнѣнію, проходитъ мимо многихъ, часто очень важныхъ вопросовъ; но я не буду здѣсь указывать преимущественно на эти недочеты, прежде всего, для того, чтобы излишне не расширить рамокъ этой и безъ того уже разросшейся книги, равно какъ и потому, что въ вопросѣ о томъ, на чтò слѣдуетъ обращать вниманіе въ руководствѣ и чтò опустить, часто можно ссылаться на личныя воззрѣнія относительно объема и задачъ такого руководства. Поэтому въ дальнѣйшемъ изложеніи я ограничусь указаніемъ только на самые досадные, бросающіеся въ глаза пропуски; прежде всего разсмотрю тѣ частности и воззрѣнія, о которыхъ говорится въ самой книгѣ.

Ошибочная характеристика древнѣйшаго строя.

Уже вступленіе возбуждаетъ во мнѣ самыя серьезныя сомнѣнія относительно данной авторомъ характеристики перваго, доисторическаго періода (до половины X вѣка), гдѣ исключительно настаивается на одной формѣ организаціи, т. е на родовомъ союзѣ.

Я считаю правильнымъ признаніе родового строя элементомъ первоначальной общественной формаціи Польши, и самъ я въ нѣсколькихъ прежнихъ своихъ работахъ ратовалъ за него; но авторъ идетъ слишкомъ далеко, полагая, будто этотъ строй былъ единственной организаціей цѣлаго доисторическаго періода, и не вводя другой, высшей,

организаціи, способной создать государственную власть. Періодъ, о которомъ идетъ рѣчь, обнимаетъ цѣлый рядъ столѣтій, въ теченіе которыхъ необходимо слѣдуетъ принять извѣстную эволюцію учрежденій; даже тѣ, кто считаетъ родовой строй первоначально единственной формой общественнаго соединенія, какъ, напримѣръ, Липпертъ примѣнительно къ Чехіи [1]), а вслѣдъ за нимъ ранѣе и я относительно Польши, все же признаютъ, что съ теченіемъ времени, еще въ доисторическія времена, создались такія высшія, сравнительно съ родомъ, организаціи, какъ братство или ополье, наконецъ, племенные союзы. Прибавляю здѣсь, вопреки своей прежней гипотезѣ, еще и то, что нѣтъ безусловной необходимости утверждать, будто бы въ созданіи этихъ все болѣе расширяющихся союзовъ осуществлялась строго хронологическая послѣдовательность; теперь я склоняюсь скорѣе къ предположенію, что опольные и племенные союзы существовали уже въ первые моменты поселенія польскаго народа на занимаемой имъ теперь территоріи; что, такимъ образомъ, начало ихъ такъ же старо, какъ и начало родовъ. Какую бы изъ этихъ обѣихъ теорій мы ни принимали, все же остается несомнѣннымъ, что уже въ доисторическомъ періодѣ, сразу же или нѣсколько позднѣе, слѣдуетъ считаться съ племенной организаціей: а это—уже государственная организація, хотя и въ меньшей степени, сравнительно съ организаціей большой народной монархіи, встрѣчаемой нами при первыхъ историческихъ Пястахъ. Это значитъ: уже и въ этомъ періодѣ, вопреки мнѣнію автора, мы должны принять, кромѣ родовой власти, еще существованіе извѣстной государственной власти. Правда, авторъ упоминаетъ о племенахъ, но отрицаетъ всякое ихъ значеніе съ организаціонной точки зрѣнія. „Еще не было болѣе близкихъ и постоянныхъ связей даже между родами, принадлежащими къ одному и тому же племени. Роды объединялись только на время, чаще всего для отраженія общаго врага... (и тогда) выбирали одного предводителя, но только на время опасности, event. одного похода“ (стр. 5). Авторъ утверждаетъ здѣсь больше деталей, чѣмъ позволяютъ источники; въ концѣ

---

[1]) I. Lippert: «Socialgeschichte Böhmens».

концовъ онъ однако признаетъ: „Такіе временные предводители старались... удержать эту свою власть... пожизненно..., измѣнять ее въ наслѣдственную. Время отъ времени это могло удаватся“ (напримѣръ, у Вислянъ въ IX в., стр. 5). Если удавалось, то, слѣдовательно, возникала организація маленькаго племенного государства, а потому и соотвѣтственная власть въ такомъ государствѣ—княжествѣ. Что „ни одинъ изъ этихъ князей (племенныхъ) не добился большаго значенія, не создалъ государства, которое сохранилось бы на болѣе продолжительное время“ (стр. 5), это не измѣняетъ дѣла, ибо прочность государственной организаціи вовсе не признакъ самого ея существованія; не говорю уже о томъ, что мы касаемся здѣсь отношеній, столь мало разъясненныхъ извѣстіями источниковъ, что утвержденіе о неустановленности государственной организаціи (въ племени) представляется дѣломъ рискованнымъ. Единственную болѣе прочную основу для разъясненія этихъ вопросовъ, по крайней мѣрѣ, путемъ „регрессивныхъ“ заключеній, даетъ тотъ фактъ, что на зарѣ исторіи другихъ большихъ славянскихъ народовъ, еще до образованія большихъ монархій, мы встрѣчаемся съ фактомъ существованія отдѣльныхъ племенныхъ княжествъ, при томъ какъ постоянныхъ организацій, поглощенныхъ только монархіями: такъ въ Чехіи и на Руси; такъ и у полабскихъ славянъ, ближайшихъ родичей, отчасти же и единоплеменниковъ польскаго народа, существуютъ такія княжества въ видѣ постоянныхъ организацій въ XI—XIII вѣкахъ, до подчиненія ихъ Германіи. Естественно предположить, что не иначе было и на территоріи Польши, прежде чѣмъ она объединилась въ одинъ болѣе крупный государственный организмъ, что и здѣсь, слѣдовательно, ранѣе существовали отдѣльныя племенныя княжества съ постоянной организаціей, при томъ не въ видѣ исключенія, какъ предполагаетъ авторъ.

Племенная организація.

Я обратилъ вниманіе автора на то, что между низшей ступенью признаваемой авторомъ первобытной организаціи и образованіемъ великой Пястовской монархіи, существующей уже при Мѣшкѣ I, слѣдуетъ принять существованіе въ доисторическую эпоху извѣстныхъ посредствующихъ звеньевъ организаціи, высшихъ сравнительно съ родовыми союзами, т. е. племенныхъ маленькихъ государствъ, путемъ

объединенія которыхъ, наконецъ, и возникло Польское государство. Авторъ утверждаетъ, что это—только гипотеза. Конечно, это такъ; но можно ли безъ гипотезы сказать что-нибудь о польскихъ юридическихъ учрежденіяхъ во вступительный, до-мѣшковскій періодъ? Все дѣло въ томъ, чтобы такая гипотеза имѣла научную легитимацію. То, что̀ авторъ приводитъ противъ нея, основывается главнымъ образомъ на недоразумѣніи; дѣло не въ „более сильныхъ государственныхъ образованіяхъ“, ибо такими вовсе не должны оказываться маленькія племенныя государства; вопросъ же объ „ополяхъ“, который, „кажется мнѣ (неосновательно!), отпадаетъ, даже какъ гипотеза“, не стоитъ въ связи съ вопросомъ о племенныхъ княжествахъ и самъ по себѣ не доказываетъ невозможности ихъ существованія. Авторъ утверждаетъ, что „мы знаемъ только (въ IX в.) объ одномъ князѣ Вислянъ“! Авторъ очень требователенъ, ибо и это уже очень много для того времени, лишеннаго почти всякихъ источниковъ; въ этомъ извѣстіи заключается несомнѣнное доказательство того, что организація маленькихъ племенныхъ государствъ, съ княжеской властью во главѣ, все же была извѣстна въ то время на территоріи позднѣйшей Польши. Новѣйшія изслѣдованія [1]), которыя авторъ здѣсь, повидимому, оставилъ безъ вниманія, обнаружили—хотя бы и въ формѣ гипотезы, но зато обоснованной научно,—что въ старой малопольской традиціи можно найти слѣды существованія двухъ отдѣльныхъ княжествъ на территоріи Вислянъ... „Баварскій географъ“ [2]), во второй половинѣ IX вѣка, строго различаетъ Слезанъ, Вислянъ и Лэнчичанъ; мы не можемъ допустить, чтобы основой этого различенія были замѣченныя имъ различія или въ діалектѣ или въ обычаяхъ и т. п.; онъ могъ имѣть здѣсь въ виду то, что̀ бросалось въ глаза съ внѣшней стороны, т. е. отдѣльную ихъ организацію, какъ племенныхъ государствъ. Для меня не подлежитъ сомнѣнію и то, что нѣкогда должно было существовать особое княжество Полянъ, разъ оттуда вышла и проведена идея объединенія польскихъ племенъ въ одно государство. Я могу тѣмъ смѣлѣе сослаться на

---

[1]) Potkański: «Kraków przed Piastami».
[2]) Mon. Pol., I, 11.

этотъ моментъ, что, повидимому, и самъ авторъ признаетъ его; ибо и онъ—вопреки собственной характеристикѣ вводнаго періода—принимаетъ, что родъ Пястовъ „установилъ свою княжескую власть надъ племенемъ Полянъ и такимъ образомъ положилъ основаніе для возникновенія Польскаго государства (стр. 5)“. Въ виду же аналогіи исторіи всего славянства, принятіе гипотезы объ отсутствіи племенныхъ княжествъ ставило бы Польшу въ исключительное положеніе, для чего нѣтъ никакихъ основаній.

Эволюція въ образованіи Польскаго государства.

Прибавлю еще одно. Если во всемъ вводномъ періодѣ не было никакихъ, болѣе высокихъ, сравнительно съ низшей ступенью (родъ), организацій, если въ слѣдующемъ, первомъ историческомъ, періодѣ мы сразу же встрѣчаемъ готовую формацію, все-таки, большой пястовской монархіи, то какъ же можно эволюціоннымъ путемъ объяснить такую перемѣну? Необходимость допущенія какой-нибудь посредствующей организаціи, т. е. маленькихъ племенныхъ государствъ, какъ элемента посредствующаго, выработаннаго уже въ доисторическій періодъ, сама собой напрашивается здѣсь. Только теоріи „наѣзда“ и завоеванія могутъ обойтись безъ такого элемента, принимая, что какой-то внѣшній элементъ сразу создалъ мощный государственный организмъ изъ общества, неорганизованнаго дотолѣ въ какіе-либо высшіе союзы. Я отлично понимаю, что Пѣкосиньскій, въ духѣ своей теоріи, могъ даже попытаться указывать на то, будто бы до появленія монархіи Мѣшковъ и Болеславовъ на территоріи Польши не было никакихъ племенныхъ княжествъ. Но авторъ, повидимому, не принимаетъ теоріи „наѣзда“; поэтому для меня неясно, какъ онъ объясняетъ себѣ, въ духѣ данной имъ характеристики, генезисъ Польскаго государства. Вообще вопросъ объ этомъ генезисѣ совершенно не затронутъ имъ: монархія Пястовъ сразу выступаетъ передъ нами, какъ готовое созданіе, какъ Минерва изъ головы Юпитера; откуда она взялась, какимъ образомъ возникла, всего этого авторъ совершенно не пытается выяснить [1]). Извѣстно, что этотъ вопросъ можно

[1]) Нельзя считать такимъ выясненіемъ краткое замѣчаніе на стр. 5: «Созданіе государства удалось только Пястамъ, которые... установили свою княжескую власть надъ племенемъ Полянъ и такимъ образомъ положили основаніе для возникновенія Польскаго государства».

разрѣшать только съ помощью гипотезы; если гдѣ-нибудь, то именно здѣсь мы имѣли бы право ожидать у автора какую-нибудь гипотезу—свою ли или принятую отъ другого изслѣдователя.

Возвращаясь къ характеристикѣ доисторическаго періода, я могу такимъ образомъ подтвердить, что если бы авторъ сильнѣе подчеркнулъ существованіе племенной организаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ во вниманіе отношенія въ ней князя и племенного вѣча, именно далеко идущее ограниченіе княжеской власти и подчиненіе ея вѣчу, то, я думаю, онъ нашелъ бы въ этомъ настоящій признакъ, характеризующій тогдашній строй, признакъ, равноцѣнный съ другими, использованными имъ для характеристики позднѣйшихъ, историческихъ, періодовъ (взаимное отношеніе государственнаго и общественнаго элементовъ). Правда, о вѣчахъ въ доисторической Польшѣ мы вовсе не имѣемъ непосредственныхъ извѣстій; но мы можемъ составить себѣ прочное представленіе о нихъ, сопоставляя аналогичныя учрежденія, ближе разъясненныя источниками у другихъ родственныхъ племенныхъ княжествъ, напримѣръ, у славянъ полабскихъ.

Аналогія была бы здѣсь, по крайней мѣрѣ, столь же вѣрной, какъ, напримѣръ, относительно даннаго авторомъ очерка родовой организаціи (стр. 3 и 4), основанной такъ же только на аналогіи учрежденій другихъ славянскихъ народовъ, которые медленнѣе развивались и долѣе сохраняли эти учрежденія.

Причины паденія родовой организаціи.

Въ первомъ, историческомъ, періодѣ (до 1180 г.) авторъ различаетъ только два отдѣльно организованные общественные слоя, или сословія, т. е. свободныхъ и несвободныхъ (тоже W/96), прибавляя, что родовая организація свободныхъ начинаетъ распадаться именно въ теченіе этого періода (стр. 8); по моему мнѣнію, ничто не препятствуетъ относить это разложеніе отчасти уже къ временамъ доисторическимъ. Авторъ приводитъ въ качествѣ факторовъ, разлагающихъ прежнюю родовую оргинизацію, отчасти индивидуализацію земельной собственности, отчасти—дѣятельность князей, которые стремились къ устраненію власти родовыхъ союзовъ. Очевидно, оба утвержденія могутъ быть высказаны только въ видѣ гипотезъ, изъ которыхъ только

ю я считаю удачной; вторая гипотеза (непріязненная ѣ политика князей), на которой авторъ не разъ очень иваетъ, не только не находитъ поддержки въ источхъ, но, будучи результатомъ мнѣнія (слабыя стороны і указалъ выше) объ отсутствіи въ древности всякой і власти, кромѣ родовой, не можетъ, по моему мнѣнію, держаться, подобно самой основѣ, на которой она рается.

Высшіе общественные слои въ древней Польшѣ.

Авторъ относитъ къ этому періоду извѣстное дифференованье среди свободнаго населенія, а вслѣдъ за этимъ оявленіе опредѣленныхъ группъ, правда, съ внѣшней роны, еще не отдѣленныхъ другъ отъ друга, незамкнуъ, доступныхъ для каждаго въ мѣру сложившихся ошеній, не обладающихъ еще особыми привиллегіями, чимъ словомъ, еще не отдѣльныхъ сословій (ср. W/96). ну изъ такихъ группъ составляютъ, по выраженію автора отя только предположительно), „можные“ (выраженіе, немнѣнно, не современное; вѣроятнѣе—„паны“). Принадлежость къ этой группѣ опредѣляется либо скопленіемъ крупой земельной собственности, либо военной заслугой, либо анятіемъ должностей (стр. 8, ср. W/96). Вторую группу оставляетъ „дружина“, т. е. рыцарство, содержимое княемъ во дворцѣ или въ „гродахъ“ (стр. 9—10). Авторъ впервые вводитъ здѣсь само это названіе въ качествѣ техническаго (теперь этотъ терминъ начинаютъ принимать и другіе); можетъ быть, слѣдовало бы сдѣлать извѣстныя оговорки, чтобы не смѣшать этой дружины съ дружиной, напримѣръ, франкской или съ принятой изъ норманнскихъ учрежденій дружиной русской, обладающей болѣе законченной, а отчасти и иной структурой сравнительно съ этой „польской“ дружиной, какъ это можно предполагать на основаніи данныхъ источниковъ.

Пожалованіе земельныхъ имуществъ и „ius militare“.

Въ качествѣ третьяго фактора, вызвавшаго дифференціацію общественныхъ отношеній въ группѣ свободнаго населенія, авторъ приводитъ княжескую раздачу земельныхъ имуществъ и связанную съ нею обязанность военной службы (стр. 10—11). Не входя здѣсь въ разборъ до сихъ поръ спорнаго въ наукѣ вопроса о генезисѣ земельной собственности въ Польшѣ, обращаю только вниманіе на ошибочное воззрѣніе автора о правовой природѣ такимъ

путемъ жалуемыхъ княземъ земельныхъ имуществъ. Эти имущества, по его мнѣнію, раздавались не только въ качествѣ полной собственности, но и „iure militari“, на рыцарскомъ правѣ; а это „ius militare“ возлагало на получившихъ пожалованіе не только обязанность военной службы, но, сверхъ того, возлагало и на его имущество всѣ тяжести княжескаго права („сторожа“, „подводы“, „пшеводъ“, „повозъ“ и т. д.). Поэтому я отмѣчаю, что о рыцарскомъ правѣ и о владѣніи имуществами на этомъ правѣ вспоминаютъ только источники послѣдующаго періода (начиная съ XIII в.), указывая существеннѣйшій его признакъ, собственно, въ свободѣ имуществъ отъ тяжестей княжескаго права [1]). Перенесеніе этого понятія въ болѣе ранній періодъ (до конца XII в.), особенно же усвоеніе ему совершенно отличной, противоположной характеристики, конечно—ошибочно; нельзя даже допустить, чтобы то самое рыцарское право, которое въ послѣдующій періодъ сразу же появляется съ полной податной свободой земельныхъ имуществъ, непосредственно передъ тѣмъ обнаруживало, въ качествѣ одного изъ существенныхъ своихъ признаковъ, подчиненіе всѣмъ тяжестямъ княжескаго права. То, что авторъ говоритъ далѣе, въ связи съ этимъ вопросомъ, о развитіи права собственности на жалуемыхъ княземъ имуществахъ, есть не что иное, какъ сплетеніе цѣлаго ряда необоснованныхъ гипотезъ. „Первоначально „вой“ (рыцарь), получалъ землю, навѣрно, на такой срокъ, какой допускался княземъ“, „позднѣе же—пожизненно, какъ это можно подтвердить съ полной опредѣленностью“ (стр. 10); „послѣ чего и среди нихъ (рыцарства) проявляется стремленіе превратить эти земли, пожалованныя имъ на рыцарскомъ правѣ, въ наслѣдственныя“ (стр. 11). Всѣ эти три стадіи эволюціи: отчуждаемость, пожизненность, наслѣдственность,—можетъ быть, слѣдовали одна послѣ другой; однако источники не даютъ намъ основанія для различенія такой послѣдовательности во всѣхъ трехъ фазахъ. Даже извѣстный принципъ права того времени, что отчужденіе недвижимости требуетъ княжескаго подтвержденія, не

---

[1]) Ср. исчерпывающія сопоставленія о рыцарскомъ правѣ у Пѣкосиньскаго: «Rycerstwo polskie», I, 78—84.

уполномочиваетъ насъ на такого рода гипотезы; вообще связь этого принципа съ указаннымъ пониманіемъ развитія рыцарской собственности представляется слабой, особенно если мы сообразимъ, что принципъ этотъ примѣнялся и къ церковнымъ имуществамъ, свободнымъ отъ тягла службы, не говоря уже о томъ, что самъ генезисъ этого принципа (разрѣшеніе князя) можетъ быть объясненъ и на почвѣ иныхъ отношеній и правовыхъ воззрѣній [1]).

Предполагаемыя военныя поселенія.

Совсѣмъ некстати привлеченъ авторомъ въ кругъ разобранныхъ нами здѣсь наблюденій генезисъ поселеній съ родовыми названіями, какъ, напримѣръ, Шамотулы, Зебры и т. п., которые тоже, будто бы, возникли путемъ княжескихъ пожалованій на рыцарскомъ правѣ, ограниченныхъ въ такомъ случаѣ до размѣра мелкихъ участковъ земли для каждаго индивидуума (стр. 11). Мнѣ думается, уже слѣдовало бы отказаться отъ старой теоріи, будто это— военныя поселенія, устраиваемыя прежде всего для защиты границъ; уже восемь лѣтъ тому назадъ я привелъ аргументы, въ виду которыхъ нельзя сохранить ее [2]), а новѣйшій изслѣдователь, который занялся детальнымъ разсмотрѣніемъ первоначальной польской колонизаціи, хотя и относится полемически ко многимъ деталямъ моей теоріи, все же полностью и безъ оговорокъ принялъ настоящій пунктъ моихъ заключеній [3]).

Сельское — свободное и несвободное—населеніе.

Разсматривая положеніе крестьянскаго населенія (стр. 11—13), авторъ справедливо подчеркиваетъ постепенно происходящее сліяніе группы свободныхъ съ несвободными; утвержденіе, будто свободные теряютъ свою землю, добровольно поселяясь на чужой землѣ, слѣдовало бы, по моему мнѣнію, дополнить указаніемъ на то, что эта потеря происходитъ и отъ самовольнаго захвата господъ, слѣды котораго замѣтны еще въ источникахъ XIII вѣка.

---

[1]) Ср., напримѣръ, то, чтò говоритъ о значеніи разрѣшенія государя на отчужденіе земельныхъ имуществъ (аллодіальныхъ), примѣнительно къ нѣмецкимъ отношеніямъ, Heusler: «Instit. d. deutsch. rivatrechts», II, 91 и слѣд.

[2]) Balzer: «Rewizya teoryi o pierwotnem osadnictwie w Polsce», Kwart. hist., 1898, стр. 41 и слѣд.

[3]) Bujak: «Studya nad osadnictwem Małopolski», Rozpr. Akad. Wydz. hist., Ser. II, t. 22, str. 180.

Отношеніе Польши къ Германской имперіи. Картину политической организаціи государства въ этомъ періодѣ авторъ начинаетъ изображеніемъ отношенія Польши къ имперіи и папству (стр. 13—14). Въ самомъ началѣ имѣется ошибка. Авторъ утверждаетъ, будто завязавшіяся въ 963 г. отношенія зависимости Польши отъ Германской имперіи „представляются ленными отношеніями, равно какъ и danническими" (стр. 13). Вопреки этому я утверждаю, что въ 963 г. между имперіей и Польшей завязались только данническія отношенія, ибо только они подтверждаются источниками (Титмаръ). То, что Мѣшко I и Болеславъ Храбрый передъ 1000 г. не разъ исполняли относительно нѣмецкихъ королей придворную и военную службу, т. е. ленныя службы, могло быть проявленіемъ осторожной, оппортюнистической политики этихъ князей; но источники не оставили намъ правового обоснованія этихъ обязанностей; а утвержденіе, будто бы правители Польши были обязаны доставлять императору военную помощь, являться ко двору императора въ случаѣ вызова, остается недоказаннымъ [1]).

Отношеніе Польши къ папству. Динарій св. Петра. Въ такъ называемой „Донаціи Гнѣзна" въ 985—992 гг. авторъ справедливо усматриваетъ начало покровительственныхъ отношеній между Польшей и апостольскимъ Престоломъ (ср. W/96). Но не вполнѣ доказано, дѣйствительно ли „въ знакъ этого отношенія" властители Польши платили опредѣленную дань въ пользу папъ; по крайней мѣрѣ, иначе думаетъ одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей этого вопроса, который относитъ возникновеніе самой дани къ другому факту [2]). Уже несомнѣнно ошибочно утвержденіе, будто дань эта только въ XII или XIII вв. была замѣнена динаріемъ св. Петра (świętopietrze—платежъ всего населенія Польши); по традиціи, сохранившейся въ древнѣйшихъ источникахъ, это случилось при призывѣ Казиміра Обновителя на польскій престолъ, по мнѣнію проф. Абрагама—при коронаціи Болеслава Щедраго, однимъ словомъ, въ томъ или другомъ случаѣ, уже въ XI в.

---

[1]) Ср. Drzewicki: «Stosunek Polski do Niemiec do roku 1000».

[2]) Abraham: «Organizacya kościoła w Polsce do połowy wieku XII».

Гнѣзненская „коронація“ Болеслава Хробраго.

Говоря о положеніи князей, авторъ указываетъ на то, что актъ возложенія короны на голову Болеслава Храбраго Оттономъ III въ Гнѣзнѣ въ 1000 г. не можетъ считаться коронаціей въ настоящемъ значеніи этого слова, удачно подчеркивая, что право пожалованія короны не принадлежало нѣмецкому королю (ср. W/96).

Вопросъ о примогенитурѣ.

Вопросъ о наслѣдованіи престола представленъ согласно съ результатами новѣйшихъ изслѣдованій (стр. 14 — 16); только совершенно ошибочно подтвержденіе автора, будто бы Лэнчицкій съѣздъ 1180 г. и подтверждающая его постановленія папская привиллегія 1181 г. ввели въ Польшу принципъ примогенитуры (стр. 16).

„Comites“ и придворныя должности.

Говоря объ административномъ устройствѣ государства (стр. 16 — 18), авторъ, между прочимъ, даетъ характеристику „comites“ и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ ихъ отношеніе къ чиновникамъ „Тѣ, кого князь зачислилъ въ „comites“, были обязаны исполнять повелѣнія князя, хотя могли и не имѣть строго опредѣленнаго круга дѣятельности: князь могъ и лишь время отъ времени поручать имъ какія-нибудь дѣла. Изъ среды этихъ „comites“ князь обычно избиралъ и своихъ чиновниковъ, особенно важнѣйшихъ“ (стр. 17). Это опредѣленіе столь широко, что неизвѣстно, что̀ съ нимъ дѣлать съ правовой точки зрѣнія; не говорю уже о томъ, что оно частью не можетъ быть подтверждено и источниками. Мнѣніе, будто понятія дворцовыхъ и государственныхъ должностей—тожественны, неудачно въ примѣненіи къ этому старому періоду. Собственно придворные чиновники въ дѣйствительности несутъ только дворцовую службу, нѣкоторые — исключительно, напримѣръ, стольникъ, чашникъ, другіе — въ принципѣ, напримѣръ, палатинъ (управленіе дворцомъ). То обстоятельство, что палатинъ иногда замѣщаетъ князя въ судѣ или въ предводительствѣ войскомъ — лишь результатъ случайнаго княжескаго мандата, который не вліяетъ на дѣйствительное содержаніе его чиновничьихъ функцій. Даже канцлеръ, являющійся лишь со времени Болеслава Кривоустаго или—самое раннее—Владислава Германа, оказывается, собственно, только замѣстителемъ князя приредактированіи и приготовленіи документовъ, но не получаетъ сразу же публично правового положенія въ томъ смыслѣ, чтобы его участіе въ

дѣлахъ было необходимымъ условіемъ правового проявленія воли князя. Извѣстно, что среди древнѣйшихъ польскихъ документовъ,—подобно тому, какъ это прежде случалось и въ западной дипломатикѣ, — сохранились и такіе, которые были приготовлены самими получателями документовъ. И снова авторъ не оцѣнилъ, какъ слѣдовало бы, принципа личнаго княжескаго управленія, который не допускалъ существованія настоящихъ чиновниковъ верховной администраціи, съ точно опредѣленнымъ кругомъ дѣятельности.

„Гродская“ и „опольная“ организаціи.

Въ отдѣлѣ о первоначальной „гродской“ организаціи авторъ предлагаетъ цѣлый рядъ новыхъ положеній, изъ которыхъ не каждое можетъ удержаться въ наукѣ. Ограничиваюсь здѣсь простой ихъ регистраціей; ибо иное мнѣніе потребовало бы широкаго обсужденія, затрудненнаго тѣмъ, что авторъ не обнаруживаетъ основаній своихъ утвержденій. Къ числу такихъ утвержденій я причисляю, напримѣръ, сопоставленіе ополей съ десятковой организаціей, какъ двухъ типовъ организаціи одного и того же порядка, хотя и опирающихся на различныхъ основаніяхъ—типовъ, прочно группирующихъ либо территоріально сомкнутыя, либо разсѣянныя поселенія, при чемъ ополье является организаціей болѣе поздней сравнительно съ десятковой; далѣе, я причисляю сюда и утвержденіе, будто (уже въ 1 періодѣ) деревни, жалуемыя княземъ церкви или рыцарству, выходятъ изъ-подъ непосредственной (публичной) власти „гродовъ“, и—еще больше того—будто старыя родовыя поселенія совершенно не подлежали власти „гродовъ“.

Генезисъ шляхты и вопросъ о гербахъ.

Во второмъ періодѣ—по дѣленію автора, отъ 1180 до 1374 г.—къ числу важнѣйшихъ вопросовъ принадлежитъ, несомнѣнно, вопросъ о генезисѣ и организаціи отдѣльныхъ сословій. Авторъ посвящаетъ этому вопросу спеціальное разсужденіе, справедливо выдвигая на первое мѣсто вопросъ о происхожденіи шляхты (стр. 25—28). Извѣстно, что наука уже давно занимается этимъ вопросомъ, особенно успѣшно—за послѣднія десятилѣтія; какъ бы ни различались высказанныя гипотезы о происхожденіи польской шляхты, выводили ли онѣ ее изъ иностранныхъ завоевательныхъ элементовъ, или отъ медіатизированныхъ племен-

ныхъ князей, или даже, наконецъ, отъ боковыхъ линій правящей династіи—однако всѣ изслѣдователи были согласны въ одномъ: происхожденіе польской шляхты очень древнее, падаетъ на первоначальную эпоху образованія государства; въ настоящемъ періодѣ приходится имѣть дѣло съ такимъ общественнымъ слоемъ, который уже ранѣе сложился въ особое сословіе и давно уже организовался, который теперь, самое бо̀льшее—подвергается извѣстнымъ внѣшнимъ преобразованіямъ. Даже Бобжиньскій относитъ самое формацію шляхты къ первоначальному времени, а въ 2-мъ періодѣ (съ половины XIII в.) говоритъ только о преобразованіи этого сословія въ отдѣльную самоуправляющуюся группу, о послѣдовательномъ пріобрѣтеніи ею разнообразныхъ политическихъ правъ. Въ своихъ W/96 я, вопреки всѣмъ этимъ представленнымъ въ современной литературѣ гипотезамъ, высказалъ иную гипотезу: въ первоначальное время нѣтъ еще рѣчи о существованіи шляхты въ настоящемъ смыслѣ этого слова, нѣтъ шляхты, какъ уже организованнаго, соціально выдѣлившагося сословія; формація его относится только ко второму періоду, именно къ XIII вѣку; она—подражаніе образцамъ и учрежденіямъ (порядкамъ), только-что сложившимся на Западѣ; шляхетскіе гербы не только появились въ Польшѣ при помощи такого внѣшняго подражанія (т. е. не идутъ—что̀ касается ихъ темъ—изъ эпохи первоначальной формаціи польскаго общества и государства), но и произвольно выбирались отдѣльными шляхтскими родами.

Ту же самую теорію развиваетъ и авторъ; не нужно прибавлять, что я раздѣляю его точку зрѣнія, хотя считаю теперь нужнымъ въ извѣстномъ направленіи дополнить свои прежнія воззрѣнія. Напомню еще также (см. выше), что періодъ образованія шляхетскаго сословія—слишкомъ расширенъ авторомъ съ точки зрѣнія его продолжительности (до 1374 г.). Утвержденіе, будто „гербы содѣйствовали выработкѣ шляхты“, и будто съ той поры „родовые узы вторично пріобрѣтаютъ силу“—есть не что иное, какъ перестановка дѣйствительной причинной связи явленій; усвоеніе гербовъ было результатомъ и внѣшнимъ выраженіемъ формаціи шляхетскаго сословія, а сила и значеніе родовыхъ узъ среди шляхты—были пережиткомъ первоначальной родовой организаціи, существовавшей искони, еще до появленія самой шляхты.

Здѣсь замѣчается не перерывъ, а непрерывность существованія обоихъ явленій; не можетъ быть рѣчи о новомъ рожденіи уже погибшей ранѣе организаціи. Теорія автора вызвана ошибочной, по моему мнѣнію, гипотезой его, будто весь процессъ усиленія первоначальной княжеской власти совершился на почвѣ борьбы съ первобытнымъ родовымъ строемъ и паденія этого строя. Я долженъ еще прибавить, что такъ называемыя „нѣмыя эмблемы" гербовъ польской шляхты (черточки въ разныхъ комбинаціяхъ), признаваемыя нѣкоторыми изслѣдователями за руническія темы (Пѣкосиньскій), вовсе не представляютъ столь исключительно „особыхъ чертъ, отличающихъ польскую геральдику отъ западноевропейской", какъ это можно было бы судить, по словамъ автора. Отчасти мы находимъ эти черты и въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ чешской геральдикѣ находимъ польскую тему „Одровонжъ" (Odrowąż), не говоря уже, напримѣръ, о „Слоньцѣ" (Słońce), „Бараньихъ Рогахъ" и другихъ подобныхъ темахъ, выводимыхъ у насъ изъ руническихъ черточекъ и знаковъ [1]). Авторъ совсѣмъ не коснулся генезиса „прокламацій" и класса „влодыкъ"; онъ не точно выражается, будто „влодыки" остались шляхтой, только „шляхтой второразрядной", „полушляхтой" (стр. 28). Вмѣсто этого вездѣ слѣдуетъ поставить выраженіе: „рыцарство", на что указываетъ и приведенное самимъ авторомъ техническое опредѣленіе: „media militia".

Колонизація на „нѣмецкомъ правѣ".

Вопросъ о колонизаціи на нѣмецкомъ правѣ представленъ отчетливо и ясно, согласно новѣйшимъ изслѣдованіямъ (стр. 28—37). Вопреки утвердившемуся въ наукѣ мнѣнію, будто бы солтысы и войты были автономными должностными лицами въ точномъ смыслѣ этого слова, мы встрѣчаемъ здѣсь утвержденіе, которое и я защищаю въ W/96, что должность эта, благодаря соединенію ея съ наслѣдственными частно-правовыми притязаніями, рѣшавшими вопросъ о наслѣдованіи послѣдующихъ солтысовъ и войтовъ, собственно не зависѣла (юридически) ни отъ колонистовъ, ни отъ господъ; что, не будучи господской, она все-таки не можетъ быть признана и автономной. Тѣмъ

---

1) Kolář: «Česko—moravská heraldika».

менѣе обоснованнымъ представляется мнѣ мнѣніе, будто деревни на нѣмецкомъ правѣ получили полную внутреннюю автономію; даже въ томъ случаѣ, если бы солтысъ былъ строго автономнымъ лицомъ, автономія все же не была бы „полной", ограничиваясь только судебной областью. Генезисъ выраженія „кметь" для обозначенія „хлопа" авторъ объясняетъ такъ: „этихъ колонистовъ (на нѣмецкомъ правѣ) начинаютъ звать „кметями"; это названіе должно было указывать на ихъ болѣе сильное, сравнительно съ прошлымъ, положеніе". Хотя въ W/96 я и высказался тоже въ пользу такого объясненія этого названія, однако теперь я уже не сталъ бы обязательно настаивать на немъ, ибо вижу возможность и иного объясненія этого названія.

Наслѣдованіе престола.

Отдѣлъ, посвященный праву наслѣдованія престола въ этомъ періодѣ (стр. 38—41), даетъ вообще удачную сводку результатовъ новѣйшихъ изслѣдованій по этому вопросу; слѣдуетъ дополнить, event. исправить, его лишь въ томъ смыслѣ, что появляющіяся тогда „элекціи" нельзя считать доказательствомъ „элекціонности" престола потому, что онѣ не могутъ выходить за предѣлы рода, имѣющаго права на престолъ. Титулятура удѣльныхъ князей: „dux Poloniae" иногда употреблялась для обозначенія или всѣхъ, или большей части правящихъ государей, или даже одного изъ нихъ, поскольку дѣло шло о томъ, чтобы показать, что данное лицо—одинъ изъ польскихъ князей; но это не было оффиціальной титулятурой всѣхъ ихъ вплоть до конца первой половины XIII в., какъ можно было бы думать на основаніи словъ автора (стр. 40). Въ этомъ пониманіи указанная титулятура обозначала только: 1) либо великопольскихъ князей („Polonia" въ болѣе точномъ смыслѣ слова), 2) либо, пока существовалъ принципатъ,—и князей краковскихъ, какъ верховныхъ („Великихъ") для остальныхъ удѣльныхъ князей, т. е. князей Польши („Polonia"—въ болѣе широкомъ смыслѣ слова). Помимо всего этого, давно уже, еще до конца первой половины XIII вѣка, вырабатывается оффиціальная титулятура князей, примѣнительно къ тѣмъ удѣламъ, въ которыхъ они правили (dux Masoviae, Cuiaviae, Sandomiriae и т. д.). Относительно ошибочнаго утвержденія, высказаннаго въ этомъ отдѣлѣ, будто первыя коронаціи польскихъ королей этого періода, до 1370 (1333) г.,

были только коронаціями великопольскихъ королей, я подробно говорилъ уже выше.

Организація должностей. Что касается организаціи должностей (стр. 41—47), то авторъ прежде всего развиваетъ удачный взглядъ на превращаніе придворныхъ должностей въ земскія, на тѣ перемѣны, которыя, вслѣдствіе этого, произошли въ кругѣ дѣятельности отдѣльныхъ чиновниковъ (ср. и W/96), а въ связи съ этимъ—и на образованіе отдѣльныхъ земель. Что эти земли еще до 1370 г. были только административными единицами въ предѣлахъ единаго Польскаго государства, а не особыми государственными организмами, т. е. отдѣльными княжествами подъ властью общаго государя, какъ это принимаетъ авторъ, въ связи со своей теоріей о первыхъ коронаціяхъ послѣ реставраціи королевскаго достоинства, это я подробно уже выяснилъ въ предыдущихъ замѣчаніяхъ. Генезисъ и организація старостъ и старостинскихъ должностей, равно какъ и придворныхъ чиновъ представлены авторомъ согласно съ результатами, къ которымъ авторъ пришелъ въ своихъ отдѣльныхъ цѣнныхъ монографіяхъ, посвященныхъ обоимъ этимъ вопросамъ и ранѣе уже опубликованныхъ; говоря вообще, я считаю ихъ удачными и въ цѣломъ рядѣ частностей очень важными; только относительно генезиса старостъ, ихъ отношенія къ такъ называемымъ „оправцамъ“ и бургграфамъ, равно какъ и относительно территоріальныхъ различій въ старостинской организаціи я высказываю извѣстныя возраженія, которыхъ ближе коснусь въ отдѣльной рецензіи, посвященной монографіи автора о старостахъ.

Вѣча. Генезисъ вѣчей чиновниковъ (стр. 47—49), ихъ отношеніе къ князю, ихъ правовое (совѣщательный голосъ) и фактическое (вліяніе на рѣшеніе важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ) положеніе, представлены у автора удачно (ср. W/96); однако утвержденіе, высказанное въ концѣ этого отдѣла, будто до прекращенія династіи Пястовъ нельзя говорить о какихъ бы то ни было общегосударственныхъ съѣздахъ, хотя бы даже случайныхъ, не можетъ удержаться, какъ я показалъ это во второмъ отдѣлѣ настоящей книги.

Военный, финансовый и судебный строй. Отдѣлы о войскѣ (стр. 49—50), финансахъ (стр. 50—51) и судѣ (стр. 51—54) даютъ важнѣйшія свѣдѣнія объ этихъ отрасляхъ государственнаго управленія. Въ послѣднемъ изъ нихъ встрѣчаются нѣкоторыя новыя утвержденія автора,

которыя потребуютъ болѣе обстоятельнаго обоснованія; я не берусь рѣшать, вездѣ ли это удастся, напримѣръ, относительно утвержденія, будто каштелянъ не имѣлъ судебной власти надъ „milites“ и осуществлялъ ее только надъ крестьянскимъ населеніемъ, свободнымъ или несвободнымъ; точно также я долженъ поставить подъ знакомъ вопроса утвержденіе, будто земскіе суды (рочки) въ Великой Польшѣ возникли путемъ делегированья замѣстителей старосты въ лицѣ земскаго судьи и подсудка: еще въ концѣ XIV в. староста, несмотря на эту предполагаемую делегацію, очень часто участвуетъ въ познанскомъ земскомъ судѣ—на ряду съ судьей и подсудкомъ (или ихъ замѣстителями) [1]. Вообще самъ генезисъ земскаго судебнаго строя въ Малой Польшѣ и въ Великой Польшѣ, позднѣйшая организація котораго такъ детально выяснена отдѣльными цѣнными монографіями автора, представляется въ „Исторіи“ не совсѣмъ яснымъ. Точно также и взглядъ на возникновеніе вѣчей (вѣчевыхъ судовъ), согласный съ теоріей Пѣкосиньскаго (первое малопольское вѣче этого рода въ 1362 г.), можетъ быть, потребуетъ извѣстныхъ исправленій, нужда въ которыхъ выяснена особой монографіей одного изъ младшихъ изслѣдователей.

Общественныя отношенія въ XV и XVI вв. Положеніе духовенства.

Конструкція развитія общественныхъ и государственныхъ учрежденій въ третьемъ періодѣ, въ тѣхъ хронологическихъ рамкахъ, которыя намѣтилъ авторъ (1374—1572), во многомъ не оправдывается въ виду тѣхъ обстоятельствъ, которыя я подробно указалъ уже ранѣе (Третій отдѣлъ), т. е. въ виду объединенія въ одно цѣлое двухъ отдѣльныхъ фазъ развитія, по существу входящихъ въ составъ двухъ другихъ сосѣднихъ періодовъ, болѣе ранняго (II) и болѣе поздняго (IV). Послѣ обширнаго вступленія (стр. 55—57), къ которому я позднѣе, при подходящемъ случаѣ, еще возвращусь, авторъ приступаетъ къ изображенію общественныхъ учрежденій этого времени. Прежде всего авторъ разсматриваетъ организацію шляхетскаго сословія (стр. 58—63). Въ этомъ отдѣлѣ авторъ правильно возбуждаетъ вопросъ о томъ, почему въ Польшѣ не выработалось дифференціаціи высшей и низшей шляхты, какъ на Западѣ, и

[1]) Ср. Balzer: «Grodzkie czy ziemskie?» Kwart. hist., 1888, стр. 576 и слѣд.

почему количество шляхты въ Польшѣ было такъ велико; только выясненіе этихъ вопросовъ основано на разсмотрѣнной уже теоріи о новомъ усиленіи и скрѣпленіи родовыхъ связей, туманно и недостаточно; удачный характеръ его я не буду разбирать; оно можетъ быть построено и на другихъ, болѣе глубокихъ основахъ. Отдѣлъ о духовенствѣ (стр. 63—66) даетъ важнѣйшія свѣдѣнія о замѣщеніи церковныхъ должностей, о податяхъ духовенства и десятинахъ, наконецъ, о церковной юрисдикціи. О замѣщеніи епископій авторъ утверждаетъ, что оно уже во 2-й половинѣ XV вѣка зависѣло отъ короля, представляющаго капитулу своего кандидата,—онъ здѣсь имѣетъ въ виду, конечно, результатъ извѣстнаго спора Казиміра Ягеллончика изъ-за замѣщенія Краковскаго епископства (1460—1463); о вліяніи прежнихъ королевскихъ „litterae instantiales" на капитульные выборы не упоминается. Слѣдовало бы особо упомянуть и объ избраніиварминьскихъ епископовъ въ духѣ привиллегій 1479 и 1512 гг. Результаты уничтоженія (1563 г.) вспомогательной экзекуціи старостъ, признанной за духовными судами декретомъ 1433 г., неудачно сформулированы въ утвержденіи, будто съ тѣхъ поръ духовные суды „утратили свое прежнее высокое положеніе" и будто „они лишились всѣхъ тѣхъ дѣлъ, которыхъ нельзя было рѣшить безъ государственной экзекуціи" (стр. 66). Во всякомъ случаѣ, прежняя вспомогательная экзекуція старостъ относилась къ рѣшеніямъ духовныхъ судовъ, выносимыхъ по какимъ бы то ни было дѣламъ, въ томъ числѣ и чисто церковнымъ; такимъ образомъ нѣтъ причинной связи между отмѣной экзекуціи и стѣсненіемъ круга церковной юрисдикціи.

Сословіе „кметей" (крестьянъ) и перемѣны въ нач. XVI вѣка.

Обширный отдѣлъ посвящаетъ авторъ обсужденію перемѣнъ въ организаціи крестьянскаго сословія (стр. 69—76), отчасти основываясь на предшествующихъ собственныхъ научныхъ изысканіяхъ. Онъ очень удачно вспоминаетъ о выясненной въ наукѣ перемѣнѣ общихъ условій экономической жизни, именно о пріобрѣтеніи Польшей устьевъ Вислы въ 1466 г. и объ открытіи, такимъ образомъ, заграничнаго рынка сбыта для польскаго хлѣба, что̀ повлекло за собой расширеніе фольварочныхъ хозяйствъ и увеличеніе „хлопской" барщины. Однако въ особыхъ поле-

мическихъ замѣчаніяхъ, направленныхъ противъ высказывавшихся съ разныхъ сторонъ взглядовъ, авторъ утверждаетъ, будто экспортъ польскаго хлѣба въ XV и въ началѣ XVI в. былъ еще очень незначителенъ и началъ увеличиваться только къ концу правленія Сигизмунда I и при Сигизмундѣ-Августѣ, да и тогда еще далеко не достигалъ тѣхъ размѣровъ, которыхъ достигъ позднѣе и которые не совсѣмъ удачно, по его мнѣнію, относятъ уже къ настоящей эпохѣ. Этотъ моментъ заслуживаетъ вниманія и изслѣдованія на основаніи упоминаемыхъ авторомъ гданскихъ реестровъ и таможенныхъ польскихъ книгъ; однако можно утверждать на основаніи иныхъ источниковъ (см. выше, стр. 91), что вопросъ о гданской торговлѣ уже въ самомъ началѣ XVI в. все-таки долженъ былъ сразу же представлять большое практическое значеніе; онъ выдвинулся почти на первое мѣсто въ современной торговой политикѣ: доказательство этого—многократно возобновлявшійся споръ о свободномъ судоходствѣ по Вислѣ и относящіеся къ нему радомскій декретъ 1505 года, статутъ 1520 года и краковскіе декреты 1526 и 1527 годовъ.

„Поручительство за кметей“.

Ошибочно или, по меньшей мѣрѣ, неточно понято и—въ важнѣйшей детали—истолковано и такъ называемое „поручительство за кметей“ въ Мазовіи, „т. е. ручательство за разсчетъ кметя съ прежнимъ господиномъ, которое давалъ за кметя тотъ, къ кому кметь переселился, что̀, очевидно, облегчало уходъ изъ деревни“ (стр. 72). Это ручательство не предполагало предшествующаго ему „ухода изъ деревни“; панъ, предлагая прежнему владѣльцу поручительство въ выполненіи кметемъ обязательствъ, тѣмъ самымъ юридически вынуждалъ его отпустить крѣпостного изъ своей деревни въ новое владѣніе; моментъ юридическаго принужденія, не подчеркнутый авторомъ, является, слѣдовательно, прежде всего характернымъ для этого учрежденія.

Организація городовъ.

Весь отдѣлъ о городахъ (стр. 76—83), теперь основательно переработанный авторомъ, выгодно отличается отъ соотвѣтствующаго отдѣла въ I изданіи (польскомъ), давая, въ духѣ моихъ прежнихъ замѣчаній, болѣе точныя свѣдѣнія объ организаціи городовъ; соединеніе XVI в. съ предыдущими вѣками и здѣсь не совсѣмъ обосновано.

Общія замѣчанія о государственномъ строѣ XV и XVI вв.

Общія замѣчанія о формаціи государственнаго строя въ этомъ періодѣ (стр. 84—85) теряютъ въ цѣнѣ отъ ошибочнаго воззрѣнія, которое мы подвергли разбору уже выше, будто бы до смерти Казиміра Великаго еще не выработалось понятія о Польскомъ государствѣ; поэтому-то авторъ допускаетъ образованіе единаго государственнаго тѣла только въ этомъ періодѣ, да и то еще не вполнѣ. Напримѣръ, онъ утверждаетъ, что въ области судебнаго строя партикуляризмъ сохраняется еще въ XVI в. Это ошибочно: ибо если въ это время для отдѣльныхъ повѣтовъ и существовали низшіе суды, а для отдѣльныхъ земель (воеводствъ) суды высшіе (вѣча), какъ они въ концѣ концовъ (за исключеніемъ вѣчей) существовали и должны были существовать вплоть до конца существованія Польскаго государства, все же мы должны помнить, что еще до учрежденія Трибунала существовала одна общая высшая судебная власть, т. е. королевскій судъ. Характеристика, конфедераціи, столь неясная въ I изданіи, какъ я ранѣе указалъ автору, теперь стала значительно точнѣе.

Инкорпораціи и уніи.

Два слѣдующіе отдѣла, одинъ—объ инкорпораціяхъ и уніяхъ (стр. 85 — 94), другой — о ленныхъ княжествахъ Польши (стр. 94—96), заключаютъ цѣнное и очень сжатое соединеніе данныхъ, относящихся къ различнымъ землямъ, съ теченіемъ времени пріобрѣтеннымъ Польшей, остававшимся въ болѣе тѣсномъ или слабомъ соединеніи съ Польшей; относительно Затора слѣдовало бы дополнить свѣдѣнія, приведя столь важные инкорпораціонные акты 1507 г. [1]). Теорія объ инкорпораціяхъ и уніяхъ, теперь представляемая авторомъ, конструирована имъ много яснѣе, чѣмъ въ I изд. Авторъ во многомъ использовалъ здѣсь какъ мои прежнія замѣчанія, такъ и замѣчанія проф. Эстрейхера [2]).

Отношеніе Польши къ Литвѣ.

Правовая сущность отношеній Польши къ Литвѣ въ средніе вѣка и въ XVI в., вплоть до Люблинской уніи, дѣйствительно, въ нашей литературѣ не была разсмотрѣна ex professo; послѣдній изслѣдователь этого предмета, Левицкій, обративъ болѣе пристальное вниманіе на этотъ вопросъ, пришелъ къ убѣжденію въ томъ, что Литва сразу

---

[1]) Corpus jur. Pol., III, nr. 25—28.

[2]) Estreicher St. въ «Czasop. praw. i ekon.», 1906, стр. 133 и слѣд.

же была соединена съ Польшей въ формѣ уніи, которую можно назвать реальной [1]). Вопреки этому воззрѣнію, я защищаю въ своихъ W/96 то мнѣніе, что унія обоихъ государствъ въ средніе вѣка была только личной, но что все же общественныя и политическія учрежденія Польши оказывали большое преобразовывающее и ассимилирующее воздѣйствіе на литовскія учрежденія, такъ что, несмотря на слабую политическую связь, произошло сильное сближеніе обоихъ государствъ при помощи уже однихъ только внутреннихъ ихъ учрежденій. Только Люблинская унія въ важномъ пунктѣ скрѣпила эту связь, создавая общій для Короны и Литвы „вальный сеймъ"; она измѣнила прежнюю личную унію въ унію реальную, хотя на первое время только частичную (парламентарную). Точно такимъ же образомъ формулируетъ свой взглядъ на отношеніе Польши къ Литвѣ и авторъ.

Наслѣдованіе престола при Ягеллонахъ.

Слѣдующій отдѣлъ (стр. 96—99) посвященъ разсмотрѣнію правового положенія короля и особенно вопросу о наслѣдованіи трона. Теперь всѣмъ извѣстно [2]), что въ этотъ періодъ произошло принципіальное измѣненіе права наслѣдованія престола въ Польшѣ: престолъ изъ наслѣдственнаго сталъ избирательнымъ. Но по вопросу о томъ, съ какого времени начинать „элекціонность" въ Польшѣ, въ литературѣ до сихъ поръ господствовала большая неясность и путаница. Одни совершенно не касались спеціально этого вопроса; другіе, коснувшись его, отвѣчали на него различнымъ образомъ: первымъ „элекціоннымъ" королемъ оказывался то Людовикъ, то Ядвига, то Ягелло; для обоснованія того или другого утвержденія находили очень дешевый аргументъ: если тотъ или другой изъ этихъ королей былъ избранъ, то, очевидно, онъ былъ „элекціоннымъ" королемъ! Предвосхищая результаты, которые я намѣренъ детально обосновать во второй части своего труда, посвященнаго вопросу о наслѣдованіи престола [3]), я изложилъ въ W/96

[1]) Lewicki: «Powstanie Świdrygiełły», введеніе; онъ же: «Das staatsrechtliche Verhältniss Polens zu Littauen», отт. изъ «Altpreuss. Monatsschr».

[2]) Въ этомъ заключается главная заслуга работы Stadnickiego: «O tronie elekcyjnym w Polsce za Jagiełłonów».

[3]) Первая часть, посвященная вопросу о наслѣдованіи престола при Пястахъ, появилась въ «Rozpr. Akad. Umiej.», ser. II, t. 11.

принципіальный взглядъ на этотъ вопросъ, правда, въ возможно сжатомъ очеркѣ. Я исхожу изъ предположенія, что самъ фактъ „элекціи“ короля еще не служитъ доказательствомъ того, что принципъ „элекціонности“ престола имѣетъ обязательный характеръ, ибо „элекція“ можетъ оказаться неизбѣжной, если не будетъ имѣющихъ право на престолъ членовъ правившей до сихъ поръ династіи: въ этомъ случаѣ „элекція“ можетъ призвать на престолъ извѣстное лицо, но не какъ „элекціоннаго“ короля, а только какъ представителя новой династіи, которая на время своего существованія получаетъ снова наслѣдственное право на престолъ; только въ томъ случаѣ, когда „элекція“ происходитъ, несмотря на наличность обладающихъ правами наслѣдниковъ представителя династіи, можно говорить объ „элекціонномъ“ престолѣ въ настоящемъ значеніи этого слова. Другими словами: только принципъ избранія, примѣняемый при **каждой** перемѣнѣ на престолѣ, несмотря на существованіе династіи, является выраженіемъ „элекціонности“ престола; ей слѣдуетъ противопоставить „элекціонность“ **династіи**, какъ являющуюся въ извѣстныхъ случаяхъ необходимость государственной жизни (отсутствіе наслѣдниковъ у предшественника), которая не уничтожаетъ принципа **наслѣдственности**, напротивъ, ведетъ къ ней. Въ духѣ этой теоріи я установилъ въ своихъ W/96, что выборы трехъ ближайшихъ преемниковъ Казиміра Великаго, т. е. Людовика, Ядвиги и Ягеллы въ 1399 г. (по смерти Ядвиги) были только выборами **династіи**, не устраняющими принципа наслѣдственности престола, такъ какъ каждое изъ этихъ избранныхъ лицъ могло передать своимъ потомкамъ право наслѣдственнаго занятія престола; случайностью было то, что всѣ эти лица соотвѣтствуютъ тремъ непосредственно слѣдующимъ другъ за другомъ перемѣнамъ на престолѣ, впрочемъ, только потому, что каждый предшественникъ не основалъ династіи, имѣющей право на наслѣдованіе. Лишь „pacta“ Ягеллы въ 1425—1433 гг., которыя онъ заключилъ съ польскими панами, несмотря на принципіально принадлежавшее его сыновьямъ (отъ четвертаго брака) наслѣдственное право занять престолъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ несмотря и на обязательство пановъ избрать въ короли по смерти Ягеллы одного изъ этихъ его сыновей,—

извратили старую идею наслѣдственности престола, создавая принципъ „элекціонности“ лицъ, или избирательность престола въ точномъ значеніи этого слова. Въ виду этого я призналъ первымъ „элекціоннымъ“ королемъ Владислава Варненчика [1]).

Согласіе воззрѣній автора съ моими взглядами. Неправильный взглядъ на „элекцію“ 1399 г.

Такіе же большей частью взгляды я встрѣчаю и въ трудѣ др. Кутшебы. И онъ, вспоминая „элекцію“ Людовика и Ядвиги, говоритъ объ избраніи династіи, а не лица; и онъ утверждаетъ, что настоящихъ „элекціонныхъ“ королей слѣдуетъ начинать съ Варненчика. Но другія детали и воззрѣнія, касающіяся тогдашняго права наслѣдованія, переданы уже ошибочно, а иногда прямо противорѣчатъ даже и только-что отмѣченнымъ взглядамъ автора. Такъ, напримѣръ, онъ совершенно не касается вопроса объ „элекціи“ въ 1399 г. Ягеллы, какъ представителя династіи, и потому утверждаетъ, что когда дѣло шло о наслѣдованіи трона его дѣтьми отъ четвертаго брака, то права этихъ дѣтей были неясны, и что потому послѣ смерти Ягеллы снова была произведена „элекція“. Принципіально въ „элекціи“ не было нужды; если Ягелло (съ 1399 г.) удержался на польскомъ престолѣ въ качествѣ представителя династіи, то право наслѣдованія престола принадлежало его дѣтямъ отъ любой жены; соглашенія 1425—1433 гг. были вызваны только излишней предусмотрительностью Ягеллы, а не правовой необходимостью. Авторъ не замѣчаетъ, что, ставя вопросъ такимъ образомъ, онъ противорѣчитъ самъ себѣ: если бы Ягелло въ принципѣ не имѣлъ права передачи престола, по праву наслѣдованія, своимъ сыновьямъ отъ Софіи, то нельзя было бы считать первымъ „элекціоннымъ“ королемъ лишь Варненчика, какъ удачно принимаетъ самъ же авторъ; слѣдовало бы признать такимъ королемъ уже самого Ягеллу.

Ошибочное обоснованіе др. Кутшебой своихъ воззрѣній

Авторъ, желая устранить это невыгодное противорѣчіе, вредное для оцѣнки основательнаго пониманія всей конструкціи, но не желая и отказаться отъ утвержденія, что въ 1399 г. не было никакой „элекціи“, даетъ извѣстныя разъясненія, которыя, впрочемъ, основываются на произвольномъ использованіи и интерпретаціи источниковъ и, кромѣ того, не отличаясь строгостью выводовъ, ведутъ къ новымъ

---

[1]) Извѣстную деталь этой теоріи обработалъ потомъ Wł. Semkowicz въ своемъ трудѣ: «Stanowisko publiczno-prawne Wł. Jagiełły w Polsce» (Przegl. prawa i admin, 1899).

противорѣчіямъ въ собственныхъ воззрѣніяхъ автора. Воззрѣніе автора можетъ быть формулировано въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) право Ягеллы на престолъ по смерти Ядвиги (1399) было „сомнительнымъ", „не вполнѣ яснымъ", но сенатъ своими совѣтами устранилъ сомнѣнія Ягеллы; 2) права дѣтей Ягеллы (отъ четвертаго брака) на наслѣдованіе послѣ отца тоже были „не вполнѣ ясны"; 3) въ виду этого Ягелло уступилъ противоположному мнѣнію, такъ что осуществилась „элекція" Варненчика, „элекція" уже лица, а не династіи.

Юристу нелегко разобраться во всѣхъ этихъ „неясностяхъ", „сомнительностяхъ" и „спорныхъ правахъ". Онѣ говорятъ и все и ничего; говорятъ, что право, какъ будто бы, и было и что, какъ будто бы, его и не было,—для кого какъ удобнѣе. А между тѣмъ дѣло, собственно, идетъ о томъ, чтобы твердо рѣшить, было ли право или его не было; въ качествѣ ли представителя династіи, съ правомъ передачи наслѣдства своимъ дѣтямъ, занималъ Ягелло польскій престолъ послѣ смерти Ядвиги, или онъ былъ государемъ только лично самъ. Конструкція, данная авторомъ, стираетъ строгія границы вопроса, не годится для науки по своей спутанности; поэтому, мы должны разсмотрѣть вопросъ съ другой точки зрѣнія, чѣмъ авторъ, чтобы найти такимъ образомъ ясный отвѣтъ на поставленный вопросъ.

Наслѣдственныя права династіи Ягеллоновъ.

Оставляя пока въ сторонѣ спорный вопросъ объ „элекціи", я формулирую вопросъ въ такой формѣ: каково было право Ягеллы на польскій престолъ съ того момента, когда онъ утвердилъ свое положеніе по смерти Ядвиги (детали ниже), вплоть до начала соглашенія въ Брестѣ, т. е. въ періодъ 1399—1425 гг.? Кажется, авторъ совсѣмъ не разсмотрѣлъ этого вопроса съ источниками въ рукахъ, иначе онъ не утверждалъ бы (пунктъ 2), что право его дѣтей было „вопросомъ спорнымъ и неяснымъ". Въ дѣйствительности, оно было вполнѣ ясно и безспорно. Не имѣя въ виду исчерпать весь матеріалъ доказательствъ, я прежде всего привожу здѣсь, въ видѣ примѣра, нѣсколько актовъ, косвенно подтверждающихъ этотъ взглядъ. Въ 1402 г. Александръ, воевода Валашскій, обѣщаетъ вѣрность Ягеллѣ „и его дѣтемъ и коруни польской" [1]); въ 1404 г. тотъ же Александръ „Wadislao regi, reginae et filiis eorum ac regno

---

[1]) Уляницкій: «Матеріалы», № 15.

Poloniae homagium praestat“ [1]). Въ 1412 г. Сигизмундъ Люксембургскій, обѣщая Ягеллѣ соблюденіе любомельскаго трактата, присягаетъ: „iuro, quod exnunc fidem servabo Vladislao... et ipsum semper prosequar sinceris favoribus et liberos suos legitimos ac haeredes... eumque ac liberos legitimos suos et haeredes nunquam deseram“ [2]). Дословно ту же самую клятву Сигизмундъ снова принесъ въ Констанцѣ въ 1415 г. [3]). Такимъ образомъ, для иностранныхъ государей не подлежало сомнѣнію наслѣдственное право потомства Ягеллы. И вполнѣ справедливо, ибо объ этомъ правѣ, какъ существующемъ, упоминаютъ и важные польскіе государственные акты того времени. Такъ, прежде всего, въ актахъ Виленско-радомской уніи 1401 г. мы читаемъ: „quod si dominus Wladislaus rex... sine prole decesserit, extunc sine scitu (Lithuanorum Poloni)... sibi regem et dominum non debent eligere seu locare“ [4]). Актъ Городельской уніи 1413 г. снова ясно подтверждаетъ то же самое, опредѣляя отношеніе Польши къ Литвѣ въ вопросѣ о выборѣ королей: „(Poloni) rege Poloniae sine liberis et successoribus legitimis decedente regem et dominum non debent ipsis eligere sine scitu et consilio (Lithuanorum)“ [5]). Въ обоихъ актахъ возможность „элекціи“ предвидится только на тотъ случай, еслибы Ягелло умеръ, не оставивъ потомства; слѣдовательно, это потомство имѣетъ уже напередъ гарантированное право наслѣдованія престола, право несомнѣнное; Ягелло въ то время занимаетъ польскій престолъ въ качествѣ представителя династіи. Если бы — въ виду того, что всѣ приведенные акты относятся къ тому періоду, когда Ягелло былъ женатъ на Аннѣ Цилейской (1400—1416) — еще были какія-нибудь сомнѣнія въ томъ, не подчеркнуто ли въ этомъ признаніи наслѣдственныхъ правъ его потомства скорѣе всего происхожденіе дѣтей отъ Анны (какъ извѣстно, по женской линіи — Пястовны), а не про-

---

[1]) Dogiel: «Cod. dipl. Poloniae», I, 600.

[2]) Ibid., I, 49.

[3]) Ibid., I, 49.

[4]) Документъ литовскихъ пановъ (виленскій) въ «Cod. epist. Vitol.» nr. 234; то же самое дословно, очевидно, только съ перемѣной субъекта, въ документѣ польскихъ пановъ (радомскомъ) въ «Cod. dipl. Pol.», I, nr. 151.

[5]) Volum. leg., I, 66.

исхожденіе ихъ отъ самого Ягеллы, то эти сомнѣнія цѣликомъ разсѣиваетъ актъ 1421 г., изданный уже по смерти Анны. Это — договоръ о супружествѣ Ядвиги, единственной дочери Ягеллы отъ Анны Цилейской, съ Фридрихомъ Бранденбургскимъ, въ которомъ, въ виду отсутствія тогда у короля другого потомства, оговаривались права супруговъ на наслѣдованіе престола въ Польшѣ, но въ то же время предусматривался и иной еще оборотъ въ этомъ вопросѣ: „Si praefatum dominum regem (Wladislaum) uxorem contingat recipere, et filios ex ipsa non habere, extunc corona et regnum Poloniae... Hedwigi... cedent... Et si... rex... filios procreaverit, ad illos tanquam haeredes corona et regnum Poloniae iure haereditario pertinebunt“ [1]). Здѣсь право единственнаго потомка (женщины) Анны Цилейской исключается въ пользу возможнаго будущаго мужского потомка Ягеллы, родившагося отъ какой бы то ни было его жены, т. е. и отъ такой, которая не имѣла бы никакихъ, даже самыхъ отдаленныхъ собственныхъ правъ на польскую корону; извѣстно также, что, по существу дѣла, мать родившихся позднѣе Варненчика и Казиміра не имѣла никакихъ правъ этого рода. Такимъ образомъ, наслѣдственное право этихъ потомковъ идетъ отъ самого Ягеллы, какъ представителя династіи, а не отъ кого-либо иного.

„Элекція“ 1399 г., — основаніе этихъ правъ.

Такъ какъ всѣ приведенные акты говорятъ объ этомъ правѣ, какъ о чемъ-то данномъ, уже существующемъ, и вводятъ его въ кругъ своихъ постановленій единственно съ той цѣлью, чтобы или приспособить къ нему извѣстные семейные договоры или опредѣлить взаимное отношеніе Польши къ Литвѣ, въ случаѣ отсутствія представителей этого права и возникающей отсюда неизбѣжности „элекціи“, то мы должны искать какой-нибудь предшествующій фактъ, который родилъ это право, который такимъ образомъ далъ право на власть не только лично Ягеллѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣлой его династіи. „Элекція“ Ягеллы въ 1385—1386 г. не можетъ быть принята здѣсь въ разсчетъ, такъ какъ тогда былъ на лицо, какъ признаетъ и самъ авторъ, другой представитель наслѣдственныхъ правъ на польскій престолъ, королева Ядвига; и во время ея жизни въ этомъ

[1]) Caro: «Lib. canc.», I, nr. 3.

отношеніи не произошло никакой перемѣны, да и не могло произойти. Если бы отъ ея супружества съ Ягеллой осталось потомство, то оно вступило бы на престолъ по наслѣдственному праву, какъ потомство ея, Ядвиги, а не Ягеллы. Такимъ образомъ, фактъ, родившій позднѣйшія династическія права Ягеллы, могъ имѣть мѣсто только послѣ смерти Ядвиги; а такъ какъ объ этомъ правѣ говорится уже въ началѣ 1401 г., то приходится помѣстить его въ хронологическихъ границахъ 1399—1400 гг. Отсюда само собой напрашивается предположеніе, что въ ближайшее время по смерти Ядвиги за Ягеллой, а черезъ него и за его будущимъ потомствомъ было признано, въ формѣ особаго акта, самостоятельное право наслѣдованія престола. Какова бы ни была та форма, въ которой произошло это признаніе, мы, въ виду существеннаго содержанія акта, должны будемъ назвать его „элекціей“. Слова автора о томъ, что права Ягеллы въ моментъ смерти Ядвиги были „сомнительны“, конечно, не объяснятъ дѣла; по существу дѣла и съ научной точки зрѣнія, здѣсь можно говорить лишь либо о существующихъ, либо о не существующихъ правахъ; а такъ какъ въ моментъ смерти Ядвиги еще не существовало династическаго права Ягеллы, а между тѣмъ немедленно же послѣ этого такое право уже существуетъ, то приходится признать фактъ особой „элекціи“, родившей это право.

Мнимыя доказательства источниковъ у др. Кутшебы.

Вопросъ о предполагаемой „элекціи“ Ягеллы въ 1399 г. разсматривается авторомъ, повидимому, детально. Источникомъ, единственнымъ—какъ утверждаетъ авторъ—является здѣсь только Длугошъ; но и этотъ источникъ истолкованъ ошибочно. „Не вкладывая въ нихъ (т. е. въ слова Длугоша) тѣхъ мыслей, которыя чужды имъ, мы можемъ сказать только слѣдующее: „...Сомнѣнія (которыя у Ягеллы были относительно дальнѣйшаго пребыванія на престолѣ) были устранены тѣми совѣтами, съ которыми поспѣшили cansiliarii“. Вотъ настоящая правовая и политическая идиллія: въ вопросѣ самаго первостепеннаго значенія—управленія государствомъ—король колеблется, сенаторы убѣждаютъ, король даетъ убѣдить себя—и все кончено. Послѣ этого Ягелло уже обладаетъ правомъ на престолъ не только для себя, но и для своихъ потомковъ,—правомъ, котораго до тѣхъ поръ у него не было! Авторъ приписываетъ такое

чародѣйское дѣйствіе совѣтамъ сената лишь потому, что Длугошъ упоминаетъ здѣсь только о вмѣшательствѣ сенаторовъ, а не о шляхетскомъ обществѣ, которое имѣло право участія въ „элекціи“ и осуществило это право въ 1385—1386 гг.; если бы—дальнѣйшій аргументъ автора—такой элекціонный съѣздъ произошелъ, то мы должны были бы имѣть у Длугоша извѣстіе о немъ; между тѣмъ нѣтъ никакого упоминанія о немъ. Отвѣчу на это прежде всего то, что Длугошъ, поскольку дѣло идетъ о концѣ XIV вѣка, вовсе не столь исчерпывающимъ образомъ точенъ и обстоятеленъ, какъ въ описаніи позднѣйшаго времени; вѣдь, ему ничего неизвѣстно и о съѣздѣ Ягеллы съ польскими панами въ Люблинѣ въ 1386 г., когда Ягелло подтвердилъ волковыскій документъ по дѣлу о своей первой „элекціи“ [1]). Что̀ касается съѣзда всей шляхты для довершенія выбора въ 1399 г., то даже если бы можно было опредѣленно доказать, что онъ не состоялся, все-таки это не было бы поддержкой для утвержденій автора. Вѣдь, дѣло идетъ о такихъ временахъ, когда въ Польшѣ еще не выработался принципъ элекціонности престола, когда къ избранію короля приступали лишь въ случаѣ неизбѣжности, въ виду отсутствія имѣющихъ права наслѣдниковъ: поэтому не могло еще выработаться и строгихъ формъ избирательной процедуры. Мы знаемъ, что даже позднѣйшія „элекціи“,—конца первой и второй половины XV вѣка, когда уже установился принципъ избирательности престола—тоже не выработали вполнѣ опредѣленныхъ формъ „элекціи“, особенно что̀ касается способа участія шляхты и ея положенія при самомъ актѣ избранія. Форма „элекціи“ за все это время пребываетъ еще въ текучемъ состояніи; и если въ развитіи всего этого вопроса нельзя не замѣтить постепеннаго роста значенія шляхты, все же даже тогда обнаруживается одно обстоятельство, именно руководящая, выдающаяся по значенію роль сената. Во вторыхъ, конецъ XIV вѣка—это періодъ сравнительно еще слабаго значенія шляхты въ политической жизни государства, это—еще не отношенія хотя бы уже второй половины XV вѣка; руководство политическими дѣлами находится, главнымъ образомъ, еще въ рукахъ чиновничьяго

---

[1]) Ср. «Cod. epist.», II, стр. 7, примѣч. 2 и стр. 184, примѣч. 1.

„можновладства“, безъ значительной даже оппозиціи со стороны рядовой шляхты. Въ этихъ условіяхъ, несмотря на проявлявшееся уже спорадическое участіе шляхты въ актѣ „элекціи“, рѣшеніе вопроса о наслѣдованіи престола въ 1399 г. легко могло оказаться прежде всего въ рукахъ сената,—тѣмъ болѣе, что случай былъ совершенно необыкновенный, въ виду котораго можно было оставить принятыя формы, поскольку въ то время вообще можно говорить о нихъ. Вѣдь, въ короли избирали тогда не новичка; приходилось перенести прежнія права Ядвиги на того, кто самъ уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, наряду съ ней, осуществлялъ власть въ Польшѣ. Дѣло шло какъ бы объ утвержденіи Ягеллы на престолѣ; авторъ въ этомъ случаѣ, несомнѣнно, является юристомъ въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ слѣдуетъ, разъ онъ требуетъ, во что бы то ни стало, формальнаго отбыванія элекціоннаго съѣзда. Здѣсь было достаточно заявленія сената, соединеннаго съ присягой вѣрности (hold) остальныхъ сословій, подтверждающей, что они согласны съ этимъ заявленіемъ; хотя въ этомъ случаѣ актъ подтвержденія распадался какъ бы на двѣ части, всетаки онѣ составляли одно цѣлое и, несмотря на нѣсколько отличныя формы, по своему существу были „элекціей“, „элекціей“ очень серьезнаго значенія по своимъ послѣдствіямъ, ибо она переносила наслѣдственное право на занятіе престола на представителя новой династіи.

Значеніе „элекціи“ 1399 г.

Источники подтверждаютъ, что ходъ дѣла, дѣйствительно, былъ таковъ. Даже Длугошъ—ограничиваемся только тѣмъ мѣстомъ, которое приведено авторомъ, но не использовано имъ въ важнѣйшей детали — опредѣленно говоритъ это. По Длугошу, сенаторы не только совѣтовали Ягеллѣ не оставлять правленія; онъ прибавляетъ, что король „consiliariorum sano consilio... est... confirmatus in regno“. Заглавіе этого мѣста гласитъ: „Wladislaus rex... in regno confirmatur“; одно изъ послѣдующихъ мѣстъ носитъ снова заглавіе: „Wladislaus rex in regno Poloniae post mortem Hedvigis reginae confirmatus“ [1]). Актъ утвержденія на тронѣ, актъ формальный, правового характера, заключающій въ себѣ существенные элементы новаго избранія, под-

[1]) Dlugosz: «Hist. Pol.», III, 537, 538.

тверждается здѣсь совершенно ясно. Авторъ не замѣтилъ также, что Длугошъ, въ дальнѣйшемъ еще разъ возвращаясь къ вопросу объ убѣжденіи Ягеллы сенаторами, сводитъ его къ слѣдующему: „consiliarii... illum se pro rege et domino habituros, sinceraeque fidei illi subiectionem praestituros repromittunt“ [1]). Здѣсь ясно отмѣченъ другой формальный актъ, принесеніе клятвы вѣрности, который слѣдуетъ отнести, несомнѣнно, къ особому акту „элекціи“ [2]).

Реляція Великаго магистра Тевтонскаго ордена въ 1399 г. и ея значеніе.

При томъ Длугошъ—вовсе не единственный источникъ по этому вопросу. Правда, авторъ утверждаетъ это въ текстѣ; но въ примѣчаніи, послѣ цитаты Длугоша, все-таки онъ приводитъ и другой источникъ, только вверху, въ нѣсколькихъ словахъ, безъ ближайшаго обоснованія, отрицаетъ за нимъ всякое значеніе: „...малую цѣну для этого вопроса имѣетъ посланіе Великаго магистра, отмѣчающее только слухи“. Посмотримъ же на эти слухи. Въ посланіи отъ первой половины октября 1399 г., т. е. спустя менѣе трехъ мѣсяцевъ по смерти Ядвиги, Великій магистръ пишетъ одному изъ комтуровъ: „So wissedt, das uns czu wissen worden ist, das von stadenan nach dem tode der seligen Frawen konigynne Polan, die Polan uffs nuwe Jageln swuren und holdten, do woren kegenwertig czwene der fursten us der Massow“ [3]). Значитъ, не слухи, а точное извѣстіе было получено Великимъ магистромъ и сообщено имъ комтуру; что извѣстіе это—точно, соотвѣтствуетъ дѣйствительности, въ этомъ нельзя и сомнѣваться, зная, какъ хорошо была устроена Орденомъ развѣдочная служба въ Польшѣ; вѣдь, въ дальнѣйшей части того же посланія есть извѣстіе о готовящемся уже бракѣ Ягеллы съ Анной Цилейской! Какъ же могъ бы получить Великій магистръ такого рода извѣстіе, если бы оно не соотвѣтствовало дѣйствительнымъ событіямъ? Но если это извѣстіе вѣрно, то оно имѣетъ уже не „малую цѣну для этого вопроса“, наоборотъ—оно особенно важно и серьезно. Оно

---

[1]) Długosz, III, стр. 539.

[2]) Извѣстная хронологическая неточность заключается, конечно, въ томъ, что Длугошъ говоритъ объ этомъ подъ 1400 г., въ отдѣлѣ о приготовленіяхъ къ браку съ Анной Цилейской. Присяга вѣрности (ср. ниже) происходила ранѣе, еще въ 1399 г.; здѣсь важно само подтвержденіе основного факта.

[3]) Cod. dipl. Pruss., VI, nr. 87.

внѣ всякихъ сомнѣній подтверждаетъ, что въ ближайшее время по смерти Ядвиги въ Польшѣ произошелъ новый актъ присяги вѣрности Ягеллѣ, актъ, очевидно, спеціально подготовленный, торжественно исполненный, если въ немъ участвуютъ даже два мазовецкихъ князя. Несомнѣнно, онъ не имѣлъ значенія лишь просто церемоніальнаго торжества, развѣ что мы предположимъ еще предшествующій формальный „элекціонный" съѣздъ, который передалъ Ягеллѣ новыя права; если же такого съѣзда не было, то актъ этотъ имѣлъ существенное, правовое значеніе, восполнялъ „утвержденіе" сенаторовъ, выражалъ согласіе на новое избраніе со стороны тѣхъ факторовъ, которые еще не могли до сихъ поръ проявить этого согласія, однимъ словомъ, заключалъ въ себѣ моменты дѣйствительной „элекціи". Кромѣ Мазовецкихъ князей, въ немъ, несомнѣнно, принималъ участіе и Краковскій городской Совѣтъ, можетъ быть, и делегаты другихъ городовъ, и, конечно, рядовая шляхта, явившаяся либо лично, либо черезъ делегатовъ: навѣрно, присягу приносили не одни только сановники государства и городскіе „райцы" (совѣтники): посланіе Великаго магистра говоритъ вообще о присягѣ поляковъ (die Polan... holdten). Даже, пожалуй, можно было бы попытаться установить и дату этой присяги, если не вполнѣ точную, то, по крайней мѣрѣ, приблизительную. Сохранился документъ Ягеллы отъ 18 августа 1399 года, заключающій въ себѣ общее подтвержденіе правъ города Кракова [1]). Извѣстно, что короли издавали этого рода подтвержденія обычно при началѣ правленія,— здѣсь можно допустить, что оно стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ происходившимъ тогда актомъ присяги. Въ текстѣ документа бросаются въ глаза слѣдующія слова о краковскихъ мѣщанахъ: „et nunc (nos) tanquam solem sidera fideliter sic circumstant"; рядъ свидѣтелей, приведенныхъ въ концѣ документа, указываетъ на значительный съѣздъ должностныхъ лицъ, даже изъ Великой Польши [2]).

---

[1]) Kod. dypl. m. Krak, I, nr. 90.

[2]) Можетъ быть, что въ связи съ актомъ присяги стоитъ и выдача Краковомъ въ пользу короля значительной суммы въ 300 гр., записанной въ городскихъ расходахъ за 1399 г. (Самая старая книга г. Кракова, стр. 322). Такіе почетные дары города вручали королямъ въ случаѣ важнѣйшихъ событій, касающихся королей или ихъ семьи: брака,

Переходъ отъ наслѣдственности къ „элекціонности“.

Таковъ, въ свѣтѣ приведенныхъ и разобранныхъ источниковъ, настоящій ходъ дѣла: при жизни Ядвиги представительницей правъ на польскій престолъ, и за себя и за свою династію, является только она, королева Ядвига. Когда, въ силу ея смерти безъ потомства, указанныя ея права угасли, тогда должна была произойти и произошла въ 1399 г. особая, новая „элекція“, которая принесла Ягеллѣ самостоятельное право на престолъ, принесла въ тѣхъ же размѣрахъ, что̀ и обоимъ непосредственно передъ нимъ избраннымъ представителямъ династіи, Людовику и Ядвигѣ: не только ему лично, но и его потомству. Такимъ образомъ, это—третья по порядку, уже послѣдняя въ Польшѣ, „элекція“ династіи. Это династическое право Ягеллы существуетъ и позднѣе, въ теченіе значительной части его правленія, въ многочисленныхъ государственныхъ актахъ, какъ право несомнѣнное, прочное. Переговоры Ягеллы въ 1425—1433 г. о закрѣпленіи наслѣдованія за однимъ изъ его сыновей были начаты не потому, чтобы эти сыновья не имѣли права наслѣдованія, а лишь въ виду сложившихся политическихъ отношеній, о которыхъ излишне подробно говорить здѣсь, которыя я намѣренъ выяснить во второй части своей работы о наслѣдованіи престола въ Польшѣ. Собственно, потому, что все-таки произошла особая „элекція“, не смотря на принадлежавшее уже въ принципѣ потомству Ягеллы право наслѣдованія, и слѣдуетъ считать избраніе Варненчика первой въ Польшѣ „элекціей“ лица. Въ этой несогласованности обязательнаго права и того, что̀ принесла жизнь, проявляется впервые переломъ стараго принципа наслѣдственности престола, который до сихъ поръ, собственно, имѣлъ обязательную силу, первый прецедентъ, который, на основѣ тогдашняго обычая, рѣшилъ вопросъ о будущемъ въ томъ смыслѣ, что даже ближайшій наслѣдникъ (сынъ) долженъ быть особо избранъ, чтобы занять послѣ отца королевскій престолъ. Если мы, не признавая

рожденія, коронаціи; даръ по поводу происшедшей присяги вполнѣ соотвѣтствовалъ бы этому обычаю. Нельзя даже допустить, чтобы поводомъ для уплаты этой суммы послужило другое семейное событіе, происшедшее въ этомъ году, т.-е. рожденіе дочери отъ Ядвиги; особый даръ по этому поводу, въ 200 гр., записанъ въ другомъ мѣстѣ городскихъ счетныхъ книгъ. Ibid., стр. 261.

„элекціи“ 1399 г., примемъ объясненіе автора, что права Ягеллы со смертью Ядвиги были сомнительны, а права его дѣтей неясны, т.-е., говоря точнѣе,—не существовали, то мы придемъ къ тѣмъ же самымъ противорѣчіямъ, которыя обнаруживаетъ „Исторія“ г. Кутшебы, т.-е. что уже Ягелло, а не Варненчикъ, былъ первымъ лично избраннымъ королемъ Польши. Даже если бы мы не обратили вниманія на это противорѣчіе, то мы снова не объяснили бы, въ чемъ же заключается существенная причина, чтобы при избраніи Варненчика говорить о первой „элекціи“ лица, а не только династіи, какъ это признается относительно нѣсколькихъ предшественниковъ Варненчика.

Должности въ XV и XVI вв.

Послѣдующій отдѣлъ о должностяхъ въ государствѣ (стр. 99—108) авторъ основалъ отчасти на собственныхъ солидныхъ монографическихъ работахъ о старостахъ и коронныхъ чиновникахъ въ средніе вѣка, присоединивъ сюда еще необходимыя дополненія объ организмѣ земскихъ должностей; я нахожу здѣсь удачныя наблюденія надъ различіемъ развитія каштелянской должности въ тѣхъ земляхъ, гдѣ она возникла генетически, и въ тѣхъ, гдѣ она была введена искусственно. Утвержденіе, будто въ Пруссіи старостинская должность за весь этотъ періодъ была соединена съ достоинствомъ воеводы, не можетъ быть принято. Авторъ слишкомъ односторонне разрѣшаетъ вопросъ о компетенціи канцлера, отводя ему роль министра иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ и считая подканцлера только его замѣстителемъ. Хотя границы компетенціи обоихъ этихъ сановниковъ колебались и не были точно опредѣлены, все же очевидно,—отчасти уже въ XV в. и еще болѣе при обоихъ Сигизмундахъ,—что веденіе внѣшней политики все болѣе объединяется въ рукахъ подканцлера, такъ что именно его слѣдовало бы прежде всего назвать министромъ иностранныхъ дѣлъ; сохранившіяся до сихъ поръ „libri legationum“ времени Сигизмунда I (въ Москвѣ)—большей частью подканцлерскія книги. Утвержденіе, будто должность „польныхъ гетмановъ“ появилась лишь въ 1539 г., требуетъ дополненія въ томъ смыслѣ, что извѣстные слѣды существованія этой должности, хотя бы еще не организованной окончательно, обнаруживаются уже въ 1506 г. [1]); а въ

[1]) Ср. «Kwart. hist.», 1889, 780.

1520 г. уже выступаетъ даже сановникъ, называемый „vicecampiductor regni“ (Мартинъ Каменецкій).

Сеймы и сеймики. Въ отдѣлѣ о сеймахъ и сеймикахъ (стр. 108—117) авторъ удачно трактуетъ особо развитіе „генеральнаго“ съѣзда сановниковъ, этого предшественника позднѣйшаго сената, равно какъ и генезисъ и организацію сеймиковъ, изъ которыхъ съ теченіемъ времени возникала „посольская изба, обѣ главныя (на ряду съ королемъ) составныя части позднѣйшаго „вальнаго сейма“. Исходный пунктъ автора, будто бы до Казиміра Великаго нельзя найти никакихъ общихъ съѣздовъ, ошибоченъ, какъ я уже выяснилъ выше (II-й отд.); зато авторъ удачно указываетъ на то, что съѣздъ сановниковъ имѣлъ при королѣ только совѣщательный голосъ, а прежде всего, что онъ выработался по образцу прежнихъ вѣчей удѣльныхъ князей, принявъ только, очевидно, общегосударственный характеръ (ср. тоже W/96). Взглядъ на генезисъ сеймиковъ, какъ разновидность первоначальныхъ судебныхъ вѣчей, слѣдуетъ пока еще поставить подъ знакомъ вопроса. Неточно опредѣлена и дата формаціи сеймиковъ: въ Малой Польшѣ „въ концѣ концовъ, во второй половинѣ XV в.“ появляются сеймики; въ Великой Польшѣ: „въ полов. XV в.“ (стр. 112); напротивъ, здѣсь они появляются ранѣе (конецъ XIV и начало XV вѣковъ).

Дата возникновенія сеймиковъ. Въ отвѣтъ на мое замѣчаніе о слишкомъ позднемъ датированіи появленія сеймиковъ въ Великой Польшѣ, авторъ ссылается (О., 614[2]) на свою прежнюю монографію о земскихъ и гродскихъ судахъ, которая, будто бы, обосновала высказанное имъ мнѣніе; онъ отсылаетъ меня спеціально къ 156 стр. „Rozpaw Akad.“, t. 42. Авторъ забылъ, что соотвѣтствующее мѣсто относится у него только къ одной великопольской землѣ, Лэнчицкой. Если бы мы даже безъ всякихъ оговорокъ приняли его наблюденіе, что первый лэнчицкій сеймикъ можетъ быть указанъ только въ 1444 г., то еще останется цѣлый рядъ другихъ великопольскихъ земель, относительно которыхъ имѣются извѣстія, что здѣсь сеймики происходили уже въ самомъ началѣ XV в. Вѣдь, самъ авторъ въ дальнѣйшей части своей работы подтверждаетъ, что въ Сѣрадзской землѣ сеймики существуютъ, по крайней мѣрѣ, съ 1430 г., а въ

Куявской землѣ—„почти съ начала XV в.“ [1]). Значитъ, авторъ забылъ свои собственные выводы. Въ настоящей Великой Польшѣ (матеріалъ которой еще не обработанъ) сеймиковыя постановленія появляются также уже съ начала XV вѣка [2]). Даже въ Лэнчицкой землѣ дату появленія сеймиковъ придется отодвинуть къ болѣе старому времени, такъ какъ и г. Кутшеба, подвергнувъ въ указанной своей работѣ удачной критикѣ нѣкоторые памятники, изданные Павиньскимъ, въ качествѣ, будто бы, слѣдовъ дѣятельности сеймиковъ, все-таки зашелъ слишкомъ далеко, не признавъ никакого значенія за всѣми приведенными тамъ болѣе ранними извѣстіями. Не говоря уже о запискѣ 1442 г. [3]), содержащей въ себѣ постановленіе сеймика, несмотря на то, что тутъ говорится о „conventio generalis“ (уже и тогда это названіе обозначаетъ, какъ и во 2-й половинѣ XV в., не только общегосударственный съѣздъ, но и земскій сеймикъ, такъ какъ рѣчь идетъ здѣсь не о территоріальныхъ предѣлахъ, а о фактѣ собранія всей шляхты), я отмѣчаю, что отверженіе свидѣтельства четырехъ записокъ 1412 года [4]), говорящихъ о сборщикѣ податей „ex parte terrigenerum“, т. е. косвенно—о сеймикѣ, занимавшемся извѣстными финансовыми дѣлами,—отверженіе только потому, что нѣтъ другихъ современныхъ свидѣтельствъ о существованіи сеймиковъ въ этой землѣ,—само по себѣ неправильно методически и совершенно необосновано, въ виду современнаго появленія сеймиковъ въ сосѣднихъ великопольскихъ земляхъ.

Дальнѣйшія замѣчанія о сеймахъ и сеймикахъ.

Полное умолчаніе въ цѣломъ этомъ отдѣлѣ, какъ и во всей книжкѣ, о Нѣшавской конституціи 1454 г., поскольку она касалась власти сеймиковъ, о конституціи, ставшей основой для всего дальнѣйшаго положенія этого института,—очень характерное явленіе, указывающее вмѣстѣ съ тѣмъ на извѣстную поспѣшность, съ какой писался трудъ автора. Начало „вальныхъ сеймовъ“ авторъ относитъ къ 1493 г., вѣрно слѣдуя за Павиньскимъ: однако напомню, что Павиньскій принимаетъ эту дату, какъ первую достовѣрную, не

[1]) Rozpr. Akad., XLII, 172, 186.
[2]) Pawiński: «Sejmiki ziemskie», dod., str. 44 и слѣд.
[3]) Ibid, dod., str. V, nr. 13, ust. 2.
[4]) Ibid, dod., str. IV, nr. 3—6.

исключая возможности, что уже въ концѣ правленія Казиміра Ягеллончика происходили „вальные сеймы“. Необоснованной и даже прямо ошибочной является мысль, будто бы въ XV в. „вальные сеймы“ происходили только въ теченіе нѣсколькихъ дней; относя возникновеніе сеймовъ къ 1493 г., авторъ можетъ имѣть въ виду главнымъ образомъ сеймы 1493 и 1496 гг.; а все же петроковскій сеймъ 1496 г. начался, можетъ быть, уже въ мартѣ и продолжался, по крайней мѣрѣ, въ теченіе части апрѣля и цѣлаго мая этого года. Анахронизмомъ для первыхъ временъ существованія сеймовой организаціи („съ тѣхъ поръ какъ образовалась посольская изба“) является и утвержденіе, будто бы эта изба избирала своего маршалка. Интерпретація и оцѣнка Радомской конституціи „Nihil novi“, которыми заканчивается этотъ отдѣлъ, уже были предметомъ ближайшаго разбора въ IV отдѣлѣ настоящей книги и одинаково ошибочны какъ въ первомъ, такъ и во второмъ изданіи труда др. Кутшебы.

Судебный строй.

Въ отдѣлѣ о судѣ (стр. 117—124) авторъ использовалъ отчасти результаты своихъ работъ, посвященныхъ этому предмету, отчасти и другія изслѣдованія; но, при всемъ томъ, и здѣсь мы встрѣчаемъ нѣкоторые пробѣлы и неточности. Такъ, напримѣръ, утвержденіе, будто „каждое воеводство, event. земля“ имѣетъ свой земскій судъ, который объѣзжаетъ повѣты, отличается неточностью, такъ какъ были возможны и другія комбинаціи, именно такая, что извѣстное количество повѣтовъ воеводства имѣло общій судъ, который объѣзжалъ ихъ, а извѣстныя земли того же самаго воеводства, въ свою очередь, снова имѣли свой особый судъ; не буду уже напоминать особо детальныхъ отличій Галицкой Руси, гдѣ каждая земля одного и того же воеводства имѣла свой особый судъ. Опредѣленіе компетенціи вѣчей не совсѣмъ точно: „судъ по важнѣйшимъ дѣламъ, въ зависимости или отъ цѣнности предмета спора, или отъ недостаточной ясности правовыхъ нормъ, или отъ высшаго званія лица, особенно подсудимаго“ (стр. 120). Упоминаніе о „causae haereditariae“, какъ объ одномъ изъ предметовъ вѣчевыхъ судовъ (до 1523 г.), многое разъяснило бы здѣсь; кстати было бы здѣсь и замѣчаніе о томъ, что всѣ перечисленныя здѣсь авторомъ категоріи дѣлъ ка-

саются прежде всего гражданскаго, а не уголовнаго судопроизводства. Утвержденіе, будто вѣча исчезли съ момента появленія Короннаго Трибунала (1578 г.), не вполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительности; имѣются признаки ихъ существованія даже послѣ появленія Трибинала; можно утверждать только, что названный вновь устроенный высшій судебный органъ (Трибуналъ) сталъ причиной послѣдовавшаго въ ближайшее время исчезновенія вѣчей. Неудачно формулирована исторія старостинской юрисдикціи: „когда, вслѣдствіе развитія земскихъ судовъ и вѣчей, значительная часть дѣлъ перешла въ эти суды, то староста сохранилъ за собой только извѣстныя дѣла, главнымъ образомъ, уголовныя"; отсюда вытекало бы, что первоначально кругъ старостинской юрисдикціи былъ шире, и что только позднѣе онъ подвергся стѣсненію. Въ дѣйствительности, эволюція старостинской юрисдикціи шла обратнымъ путемъ, что̀ я отмѣчаю здѣсь только въ самомъ общемъ видѣ, откладывая ближайшее выясненіе вопроса на будущее время, къ разбору монографіи автора о старостахъ. Разумѣется, не было бы лишнимъ дѣломъ для книжки, если бы авторъ, говоря о правахъ старостъ въ дѣлахъ уголовныхъ, вспомнилъ о столь элементарномъ въ исторіи нашего права понятіи, какъ „четыре старостинскихъ артикула",—точно также слѣдовало бы упомянуть объ извѣстныхъ отличіяхъ организаціи „гродской" юрисдикціи на Руси, о которыхъ въ книжкѣ не говорится ни слова.

Замѣчанія о періодѣ 1572—1764 годовъ.

Четвертый періодъ, обнимающій, по дѣленію автора, 1572—1764 гг. (стр. 131—176), основывается главнымъ образомъ на добросовѣстномъ изученіи важнѣйшаго матеріала конституцій въ „Volumina legum", при одновременномъ использованіи свѣдѣній, заключенныхъ въ современныхъ сочиненіяхъ о польскомъ публичномъ правѣ (Ленгнихъ, Скшетускій и др.), равно какъ и небольшой новой монографической научной литературы, касающейся этого времени. Иногда изложеніе книжки представляетъ какъ бы сухой предметный указатель соотвѣтствующихъ конституцій, не всегда переработанныхъ въ связное идейное и эволюціонное цѣлое; я долженъ прибавить, что въ этомъ виноватъ не столько нашъ авторъ, сколько наша научная литература, которая лишь въ очень слабой степени занялась

15*

исторіей политическихъ учрежденій Польши въ два послѣдніе вѣка ея существованія, обративъ свое главное вниманіе на средніе вѣка. Я не намѣренъ провѣрять—съ источниками въ рукахъ—всѣ по порядку частности, относящіяся къ этому періоду: я ограничусь, въ видѣ примѣра, нѣкоторыми замѣчаніями, которыя являлись у меня при чтеніи этихъ страницъ.

Характеристика сословія „хлоповъ“ (крестьянъ).

На стр. 144 авторъ занимается опредѣленіемъ правового положенія „хлопа“ въ это время и дѣлаетъ удачное заключеніе, что нельзя назвать „хлопа“ невольникомъ; дальнѣйшія его наблюденія надъ отношеніемъ „хлопа“ къ землѣ не схватываютъ существа дѣла: хорошимъ руководствомъ для углубленія характеристики могъ бы стать недавно появившійся общій трудъ др. Розвадовскаго [1]). Др. Кутшеба удачно обращаетъ вниманіе на то, что печальное положеніе „хлоповъ“ въ Польшѣ не было чѣмъ-либо исключительнымъ, что такія же отношенія существовали и на Западѣ; но авторъ оказываетъ извѣстную несправедливость прошлому Польши, высказывая упрекъ, что „такое положеніе дѣлъ въ Польшѣ тянулось черезчуръ долго, продолжалось почти до конца существованія государства, когда за границей уже ранѣе начались реформы“ (стр. 145). А, вѣдь, въ Габсбургскихъ земляхъ еще Марія - Терезія признала трехдневную барщину въ недѣлю нормой крѣпостныхъ обязанностей „хлопа“ относительно господина, и лишь Іосифъ II рѣшился на отмѣну личнаго крѣпостного права. Не лучше, отчасти даже хуже, какъ показываетъ приведенный обзоръ Розвадовскаго, представляется положеніе дѣла въ разныхъ нѣмецкихъ государствахъ до самаго конца XVIII в. Такимъ образомъ экономическое угнетеніе и правовыя ограниченія хлоповъ оказываются общимъ явленіемъ въ Европѣ вплоть до конца XVIII в. (не считая позднѣйшихъ правовыхъ ограниченій); нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что они въ это время удержались и въ Польшѣ; а такъ какъ въ концѣ XVIII в. наступило паденіе Польши, то понятно, почему Польша уже не могла сама провести

[1]) Die Bauern des XVIII Jhrts u. ihre Herren im Lichte der neuesten deutschen Forschungen «въ Jahrb. f. Nationalökon. u. Statist.», N. F. XX, 347 слѣд.

болѣе широкія реформы, которыя въ другихъ мѣстахъ либо только-что начинались, либо лишь позднѣе осуществлялись.

„Королевскіе артикулы" и „pacta conventa".

Въ отдѣлѣ о перемѣнѣ на престолѣ и безкоролевьяхъ удачно выполнены различеніе и характеристика такъ называемыхъ „артикуловъ" новаго „электа", съ одной стороны, и „pacta conventa," съ другой стороны (стр. 151—152; ср. W/96).

„Liberum veto".

Въ отдѣлѣ о сеймахъ я остановлюсь на томъ, что̀ авторъ говоритъ о „liberum veto" и объ единогласіи сеймовыхъ постановленій. Онъ выводитъ „liberum veto", въ согласіи съ новыми научными воззрѣніями, изъ принципа представительства сеймиковъ послами въ сеймѣ, откуда вытекало бы, что право пользованія „liberum veto" онъ признаётъ только за „послами". Такъ опредѣленно и высказывается онъ въ слѣдующемъ мѣстѣ: „Liberum veto, т. е. право „сорвать" сеймъ сопротивленіемъ одного посла" (стр. 155). Но нѣсколькими строками выше авторъ говоритъ буквально слѣдующее: „Только единогласное постановленіе пословъ и сената, на которое согласится и король, дѣлается конституціей. Сопротивленіе одного (ранѣе рѣчь была о послахъ и сенаторахъ) можетъ помѣшать принятію извѣстнаго постановленія...—но... можетъ сорвать и весь сеймъ". Конечно, это только неосторожное выраженіе; но если бы кто-нибудь захотѣлъ понимать это мѣсто буквально, то долженъ былъ бы прійти къ убѣжденію, что право „liberum veto" принадлежало и сенаторамъ! Авторъ говоритъ не только объ единогласіи пословъ и сенаторовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ прибавляетъ, что сопротивленіе одного (слѣдовательно, и сенатора) могло „сорвать" сеймъ. Цитаты, приведенные потомъ (О. 614[2]) авторомъ изъ сеймовыхъ діаріевъ, въ лучшемъ случаѣ касаются вопроса объ единомысліи (единогласіи) сенаторовъ, а не права „liberum veto". Упреки, дѣлаемые при этомъ авторомъ по моему адресу, будто бы я (и въ „Обозрѣніи лекцій") „не вполнѣ точно" отличалъ единогласіе отъ „liberum veto", возникли отъ невнимательнаго чтенія соотвѣтствующихъ моихъ замѣчаній: напримѣръ, въ „Обозрѣніи лекцій" („Przegląd wykładów", стр. 18—19) у меня находятся слѣдующія слова: „сопротивленіе одного изъ нихъ (пословъ) дѣлало невозможнымъ принятіе сеймомъ законопроекта (принципъ позднѣйшаго liberum veto)". Вполнѣ ясно,

что принципъ извѣстнаго позднѣе выработавшагося учрежденія не тожественъ съ самимъ учрежденіемъ; извѣстно и то, что „liberum veto“ образовалось (получило начало) изъ принципа единогласія (единомыслія). Гдѣ же основаніе укорять меня въ томъ, что я не различаю этихъ двухъ вещей? Чтò касается „liberum veto“, которое авторъ, какъ думалъ я, лишь вслѣдствіе не вполнѣ точной стилизаціи призналъ за сенатомъ, въ дѣйствительности не признавая этого, то авторъ потомъ, въ „Отвѣтѣ“, уже опредѣленно высказался по этому вопросу: „вопросъ о томъ, имѣлъ ли или не имѣлъ сенаторъ въ принципѣ право „сорвать“ сеймъ (хотя на практикѣ этого не случалось), тоже еще не рѣшенъ, какъ это думаетъ проф. Бальцеръ“. Это утвержденіе еще болѣе изумляетъ меня, чѣмъ прежнее только неосторожное выраженіе автора о „liberum veto“ сената. Я допускаю, что автору не легко будетъ „рѣшить вопросъ“ въ указанномъ имъ направленіи. Я согласенъ, что не всегда безопасно заключать о несуществованіи отношеній или фактовъ на основаніи отсутствія извѣстій о нихъ; но, думается, здѣсь такой опасности не существуетъ. „Liberum veto“ было предметомъ такого живого и всесторонняго интереса, такого обстоятельнаго разбора въ польской литературѣ послѣднихъ вѣковъ существованія Речи Посполитой—въ юридическихъ сочиненіяхъ, въ громадной массѣ брошюръ и политическихъ памфлетовъ, что должны были бы сохраниться хотя какія-нибудь извѣстія о правѣ его примѣненія въ сенатѣ, если бы оно существовало въ принципѣ. Такихъ извѣстій, сколько мнѣ извѣстно, наука не открыла. Между тѣмъ историки хорошо знаютъ, что въ XVII или въ XVIII вв. сенаторъ, желая „сорвать“ сеймъ, всегда старался найти такого посла, который воспользовался бы „liberum veto“. Само правовое основаніе положенія сенаторовъ въ первоначальномъ польскомъ сеймованьи, отличное отъ правовой основы положенія пословъ (см. выше, стр. 168 слѣд.), говоритъ противъ гипотезы автора.

Парламентаризмъ новаго времени.

Въ этомъ отдѣлѣ авторъ нѣсколько разъ выражаетъ сожалѣніе о томъ, что организація сейма не подверглась основательному преобразованію, въ духѣ новаго времени, высказываетъ даже такой упрекъ: „польскій парламентаризмъ не смогъ развиться, превратиться въ парламентаризмъ новаго

времени“ (стр. 155). Легко высказать этотъ упрекъ, но труднѣе обосновать его: гдѣ же въ Европѣ, по крайней мѣрѣ, на континентѣ, новый парламентарный строй былъ введенъ до конца XVIII в., т. е. до момента паденія Польши? Хорошо и то, что въ законодательствѣ четырехлѣтняго сейма мы сдѣлали серьезный шагъ впередъ въ направленіи преобразованія нашего парламентаризма, и не будемъ забывать, что это произошло почти одновременно съ осуществленіемъ новыхъ девизовъ французской революціей.

„Правленіе сеймиковъ“ (Rząd y sejmikowe).

Въ отдѣлѣ о сеймикахъ авторъ подчеркиваетъ, какъ ранѣе и авторъ настоящихъ строкъ—оба вслѣдъ за Павиньскимъ,— отрицательное значеніе такъ называемыхъ „rządy sejmikowe“, которые неблагопріятно вліяли на гибкость государственной администраціи, въ виду тѣхъ широкихъ прерогативъ, какія добыли себѣ сеймики въ области военныхъ и финансовыхъ (мѣстныхъ) дѣлъ (стр. 158—159). Конечно, съ точки зрѣнія общегосударственныхъ интересовъ нельзя назвать это явленіе благопріятнымъ; но слишкомъ отрицательная критика его не считается съ тѣмъ, что существовало тогда и въ другихъ мѣстахъ Европы; даже въ абсолютныхъ государствахъ государи долгое время не могли устранить широкаго финансоваго и военнаго самоуправленія земскихъ сеймовъ; напримѣръ, въ австрійскихъ земляхъ только Марія-Терезія отняла у нихъ распоряженіе податными деньгами и управленіе содержимымъ на нихъ земскимъ войскомъ; будемъ помнить, что въ Польшѣ это произошло ранѣе, уже въ 1717 г.

Административныя власти.

Менѣе богатъ точными, позитивными данными, сравнительно съ предыдущимъ періодомъ, отдѣлъ объ административныхъ властяхъ (стр. 162—165), который либо сообщаетъ въ общей формѣ извѣстныя утвержденія, еще недостаточно разъясненныя наукой, напримѣръ: „прерогативы министровъ были тѣ же, что и прежде“, либо представляетъ только перечисленія, безъ ближайшаго объясненія, напримѣръ, когда авторъ голословно перечисляетъ: польнаго писаря, великаго стражника, великаго обозначго, не опредѣляя, чѣмъ отличались они по своимъ функціямъ другъ отъ друга и отъ другихъ военныхъ должностныхъ лицъ.

Финансы, судъ и войско.

Три послѣдніе отдѣла—о финансахъ (166—169), судѣ (стр. 169—173) и военномъ устройствѣ (стр. 173—176)—даютъ рядъ цѣнныхъ свѣдѣній, впрочемъ, не всегда вполнѣ ясно

сгруппированныхъ (напримѣръ, въ отдѣлѣ о финансахъ). Что̀ касается Короннаго Трибунала, учрежденнаго въ 1578 г., то приходится пожалѣть, что авторъ не посвятилъ ни одного слова выясненію политической стороны реформы, совершившейся, благодаря введенію этого учрежденія, въ области польскаго судоустройства: здѣсь впервые было гарантировано простой шляхтѣ участіе въ высшемъ судѣ, при томъ сразу же—исключительное участіе.

Нѣсколько замѣчаній о періодѣ 1764—1795 годовъ.

Глубоко проникающія реформы послѣдняго, пятаго періода (1764—1795 гг.), особенно же реформы четырехлѣтняго сейма, детально и точно представлены авторомъ на стр. 177—245, правда, въ размѣрахъ, слишкомъ широкихъ сравнительно съ рамками, отведенными для другихъ частей книги. При этомъ авторъ основывался либо на изученіи соотвѣтствующаго матеріала въ „Volumina legum“, либо на новой монографической литературѣ, посвященной этимъ реформамъ; иногда и здѣсь матеріалъ представленъ въ слишкомъ сыромъ видѣ, въ видѣ предметнаго указателя соотвѣтствующихъ постановленій конституцій. И въ этой части я встрѣтилъ нѣкоторые пробѣлы и ошибки, напримѣръ, когда авторъ утверждаетъ, что „эдукаціонная коммиссія“ имѣетъ характеръ юридическаго лица („фундаціи“), а не правительственной власти, однако, въ виду зависимости ея состава особенно отъ правительства, является какъ бы органомъ государственной власти“ (стр. 202).

Бросается въ глаза отсутствіе хотя какого-нибудь упоминанія объ одной изъ важнѣйшихъ прерогативъ, признанныхъ за полнымъ собраніемъ „Постояннаго Совѣта, т. е. о правѣ автентическаго толкованія законовъ.

Вопросъ о зависимости Польши въ формѣ гарантіи.

Наконецъ, я нахожу особенно нужнымъ возражать противъ утвержденія автора, будто бы „въ теченіе этого періода Польское государство попадаетъ въ извѣстнаго рода зависимость отъ другихъ государствъ въ формѣ такъ называемой „гарантіи“ (стр. 188). Конечно, я не касаюсь здѣсь вопроса о фактической, чисто политической, зависимости, которая возникла отъ внутренней слабости государства и преобладанія сосѣднихъ державъ, особенно Россіи; наконецъ, извѣстно, что эта зависимость началась уже задолго до перваго трактата о гарантіи 1768 г. Дѣло идетъ здѣсь исключительно—несомнѣнно, и у самого автора—о

формальной, чисто правовой, зависимости. Напередъ оговариваюсь, что нѣкоторыя выраженія польскихъ конституцій послѣднихъ лѣтъ существованія Речи Посполитой—напримѣръ, „кардинальныхъ правъ“ 1791 г.,—которыя, повидимому, считаются съ идеей такой зависимости [1]), нисколько еще не рѣшаютъ вопроса; не только наше право, но и наша обязанность—поставить вопросъ на чисто принципіальную и научную почву и рѣшить его съ этой точки зрѣнія. Несомнѣнно, мы не разрѣшимъ его такого рода общей фразой: „Польша попала въ извѣстнаго рода зависимость“; здѣсь слѣдовало бы выяснить, какого же рода была эта зависимость, и какъ слѣдуетъ характеризовать ее съ правовой точки зрѣнія. Для выясненія дѣла я, прежде всего, обращу вниманіе на то, что гарантія конституціи или же другого извѣстнаго отношенія или сословія въ данномъ государствѣ можетъ быть принята на себя сразу нѣсколькими другими государствами; если бы гарантія была выраженіемъ государственной зависимости, то мы пришли бы къ опасному съ государственно-правовой точки зрѣнія заключенію, что одно государство одновременно можетъ быть въ зависимости отъ нѣсколькихъ государствъ. Въ такомъ положеніи, собственно, и находилась бы Польша, конституція которой и неприкосновенность территоріи были гарантированы въ 1773 г. всѣми тремя державами, участвовавшими въ первомъ раздѣлѣ. Вѣдь, и въ настоящее время извѣстныя отношенія (напримѣръ, нейтралитетъ) нѣкоторыхъ небольшихъ государствъ гарантированы европейскими державами; однако же никто не утверждаетъ, что они зависятъ отъ этихъ державъ. Гарантія не только обязываетъ державы охранять цѣлость ихъ территоріи, но, напротивъ, ведетъ къ извѣстнымъ ограниченіямъ суверенитета названныхъ небольшихъ государствъ, влечетъ за собой, прежде всего, ограниченіе ихъ военнаго суверенитета. Мало того, даже болѣе крупныя государства могутъ принять на себя, въ формѣ такъ называемыхъ „государственныхъ сервитутовъ“, извѣстныя ограниченія своего суверенитета въ отношеніяхъ къ другимъ государствамъ, напримѣръ, обязательство не строить крѣпостей въ извѣст-

[1]) 6 и 7 арт. «кардинальныхъ правъ», Vol. leg., IX, 204.

номъ пограничномъ округѣ; не буду уже особо говорить о такъ называемыхъ „прибавочныхъ сервитутахъ", уполномочивающихъ сосѣднее государство на осущественіе извѣстныхъ верховныхъ обязанностей на территоріи обязаннаго государства. И тѣмъ не менѣе ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ мы не говоримъ о зависимости государства, несущаго обязанность, отъ государства, обладающаго правами. Гарантія конституціи 1768 года и слѣд. не обязывала Польши ни къ какимъ услугамъ или дѣйствіямъ „прибавочнаго" характера относительно гарантирующихъ державъ и не уполномочивала эти державы на осуществленіе какихъ-либо верховныхъ актовъ относительно Польши или въ Польшѣ. Все правовое содержаніе такой гарантіи исчерпывалось однимъ и единственнымъ моментомъ чисто отрицательнаго характера, т. е. что Польша не можетъ, безъ согласія гарантирующихъ государствъ, совершить измѣненія своей конституціи; въ случаѣ же нарушенія этой обязанности гарантирующія державы не имѣли никакихъ другихъ надежныхъ средствъ и правъ, кромѣ тѣхъ, къ которымъ можно прибѣгать въ обычныхъ международныхъ отношеніяхъ, между двумя вполнѣ независимыми государствами: къ дипломатическимъ сношеніямъ или, въ крайнемъ случаѣ—какъ это немедленно и подтвердили событія,—къ войнѣ. Такимъ образомъ, въ трактатахъ о гарантіи Польша приняла на себя—притомъ путемъ формально добровольнаго (хотя бы фактически и вынужденнаго) договора—только частичное ограниченіе своего государственнаго верховенства, именно законодательнаго права; и хотя съ матеріальной стороны это ограниченіе, несомнѣнно, было очень серьезно, тѣмъ не менѣе качественно, а вмѣстѣ съ тѣмъ формально и юридически, оно одинаково съ подобными ограниченіями современныхъ намъ государствъ какъ относительно военнаго верховенства (невозможность вести войну), такъ и относительно административно-военнаго (невозможность постройки крѣпостей) и т. п. И такимъ образомъ, какъ относительно этихъ государствъ, такъ и относительно Польши, съ ихъ гарантированными конституціями, можно говорить лишь объ извѣстномъ договорномъ, формально добровольномъ стѣсненіи верховной власти, но ни въ какомъ слу-

чаѣ—о государственно-правовой зависимости отъ гарантирующихъ государствъ [1]).

Слѣдовало бы ближе выяснить этотъ вопросъ, чтобы убѣдиться въ слѣдующемъ: даже если ходъ событій и привелъ, наконецъ, Польшу къ утратѣ независимости, а военное превосходство сосѣдей еще передъ тѣмъ поставило Польшу въ фактическую зависимость отъ нихъ, то все-таки Польша до послѣдней минуты существованія своего государственнаго организма не признала, даже въ самые тяжкіе моменты, дѣйствительной, правовой зависимости своей отъ кого бы то ни было и пала, какъ дѣйствительно независимое государство.

---

[1]) Осторожнѣе автора высказывается по этому вопросу Гожицкій (Gorzycki) въ своемъ „Zarys hist. spol. Polski, стр. 353“: польско-литовское государство попало (благодаря гарантіи) въ ясное зависимое отношеніе къ Россіи по всѣмъ дѣламъ внутренней и внѣшней политики (такимъ образомъ правовой моментъ не подчеркивается).

ШЕСТОЙ ОТДѢЛЪ.

Нѣсколько общихъ замѣчаній.

Значеніе частныхъ замѣчаній.

Я исчерпалъ свои частныя замѣчанія. Но это еще не все, къ чему можно было бы отнестись полемически: я ограничился преимущественно обсужденіемъ важнѣйшихъ вопросовъ, а изъ второстепенныхъ отмѣтилъ тѣ, которые бросаютъ значительный свѣтъ на характеристику труда. Точно также я почти не касался—за нѣкоторыми исключеніями—тѣхъ мѣстъ книги, гдѣ утвержденія автора не отличаются достаточной точностью и ясностью для возможнаго—безъ предшествующихъ добавочныхъ разъясненій—анализа; точно также я намѣренно устранилъ изъ настоящаго разбора и нѣкоторыя общія воззрѣнія автора, иногда исторіософическаго характера, которыя требуютъ слишкомъ обширнаго обсужденія.

Главная причина недостатковъ книги. Отношеніе къ монографической литературѣ.

Но уже и то, что̀ я отмѣтилъ, въ общемъ сводится къ обширному количеству упрековъ, иногда очень серьезныхъ. Разыскивая общую причину отмѣченныхъ недостатковъ, я вижу ее, прежде всего, въ огромныхъ размѣрахъ того матеріала, который слѣдовало бы принять во вниманіе, и въ проистекающей отсюда поспѣшности въ попыткѣ охватить всю совокупность этого матеріала. Благодаря особенно многочисленнымъ работамъ послѣднихъ десятилѣтій, многіе вопросы исторіи строя Польши имѣютъ вообще почтенную и богатую литературу; но—обратно—имѣются цѣлые отдѣлы, которые либо только слегка затронуты, либо почти со-

всѣмъ не затронуты монографическими изслѣдованіями. Трудъ автора выгодно отличается знакомствомъ съ существующей нынѣ научной литературой; но онъ все же пропустилъ нѣкоторыя работы и вслѣдствіе этого представилъ результаты или въ худшемъ или прямо въ ошибочномъ видѣ сравнительно съ тѣмъ, что̀ уже выяснено наличными изслѣдованіями. Коегдѣ приходится отмѣтить и слѣдующее: несомнѣнно, соотвѣтствующій трудъ не остался неизвѣстнымъ автору, но онъ не обратилъ вниманія на извѣстные результаты этого труда. Наконецъ, авторъ не понялъ нѣкоторыхъ воззрѣній предыдущихъ изслѣдователей, не всмотрѣлся, какъ слѣдуетъ, въ основанія этихъ воззрѣній и вслѣдствіе этого вступаетъ съ ними въ полемику, излишнюю по существу дѣла, основывающуюся только на недоразумѣніи. Въ тѣхъ отдѣлахъ, которые не разъяснены предшествующей литературой, авторъ съ похвальной рачительностью прямо и непосредственно изучилъ самъ матеріалъ источниковъ, по крайней мѣрѣ, важнѣйшій, но не всегда сумѣлъ переработать его въ извѣстное органическое цѣлое, какъ это, напримѣръ, замѣтно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, касающихся отношеній XVI—XVIII столѣтій.

Опущеніе важныхъ вещей.

Конечно, этой общей причиной слѣдуетъ объяснить и опущеніе цѣлаго ряда частностей очень важнаго значенія, на которыя я указалъ въ предшествующемъ разборѣ, и которыхъ нельзя пропускать даже въ самомъ сжатомъ руководствѣ. Этотъ пропускъ тѣмъ сильнѣе бросается въ глаза, что авторъ кое-гдѣ детально останавливается на вопросахъ второстепеннаго значенія. Такимъ образомъ и могло случиться, что книжка, гдѣ нѣтъ хотя бы гипотетическаго воззрѣнія на генезисъ Польскаго государства, гдѣ не упомянуто о Лэнчицкомъ установленіи относительно наслѣдованія престола (I изд.) и о нѣшавскихъ постановленіяхъ относительно сеймиковъ, въ то же время заключаетъ въ себѣ неоднократный цифровой подсчетъ количества сенаторовъ и пословъ, засѣдающихъ въ сеймѣ Речи Посполитой.

Непропорціональность въ расположе-

Эта частность указываетъ на извѣстную непропорціональность въ обработкѣ цѣлаго, которую я склонялся бы объяснять той же самой, указанной выше, общей причиной. Прибавлю, что эта неравномѣрность проявляется и въ дру-

ніи фактическаго матеріала. гихъ направленіяхъ и прежде всего — въ расположеніи фактическаго матеріала въ рамкахъ отдѣльныхъ періодовъ развитія. Чѣмъ позднѣе періодъ, тѣмъ подробнѣе онъ излагается; это замѣчаніе относится главнымъ образомъ къ III—V періодамъ, сравнительно съ которыми два первые періода представлены гораздо болѣе бѣглымъ образомъ, иногда лишь слегка набросаны. Извѣстно, что матеріалъ источниковъ, относящійся къ болѣе позднему времени, и богаче и детальнѣе (подробнѣе); но это не объясняетъ самой неравномѣрности обработки, такъ какъ именно дѣло изслѣдователя и заключается въ томъ, чтобы концентрировать матеріалъ соотвѣтствующимъ образомъ, чтобы добыть и намѣтить относительно всѣхъ фазисовъ развитія такія явленія, которыя принципіально обладаютъ одинаковымъ значеніемъ. Точно также нельзя объяснять эту непропорціональность большей, яко бы, актуальностью позднѣйшихъ явленій сравнительно съ болѣе ранними: въ книжкѣ, поставившей цѣлью дать исторію строя Польши, организація этого строя въ любой періодъ должна представлять одинаковую цѣнность и значеніе. И если бы уже кто-либо захотѣлъ утверждать, что существуютъ извѣстныя степени въ значеніи отдѣльныхъ фазисовъ развитія, то лично я скорѣе склонился бы къ тому мнѣнію, что въ этомъ случаѣ особое значеніе слѣдуетъ признать за болѣе старыми періодами: строй первоначальной Польши былъ фундаментомъ и своего рода основнымъ капиталомъ всего позднѣйшаго общественно-государственнаго ея развитія, и всѣ наступившія потомъ измѣненія и преобразованія могутъ быть надлежащимъ образомъ объяснены и оцѣнены только сравнительно съ первоначальными отношеніями. Правда, чѣмъ далѣе идемъ мы назадъ, тѣмъ меньше историческихъ источниковъ; большіе періоды времени въ первобытномъ развитіи можно даже объяснить лишь съ помощью „обратныхъ“ заключеній, болѣе или менѣе обоснованныхъ гипотезъ или аналогическихъ сопоставленій. А наша наука за послѣднія десятилѣтія открыла такимъ путемъ очень много тайнъ сѣдой старины, доходя иногда до точныхъ и надежныхъ заключеній, иногда—до очень правдоподобныхъ комбинацій и гипотезъ. Равномѣрное вниманіе къ этимъ результатамъ сравнительно съ фактами, ясно подтверждаемыми позднѣй-

шими источниками, несомнѣнно, придало бы всему труду характеръ болѣе цѣлостной обработки. Сравнимъ только то, чтò сообщилъ авторъ о древнѣйшихъ временахъ (пер. I) или хотя бы даже о первоначальной Польшѣ Болеславовъ (пер. II), съ тѣмъ детальнымъ очеркомъ, который даетъ книжка о реформахъ при Станиславѣ-Августѣ (пер. V)—и непропорціональность расположенія (плана) сама собой бросится въ глаза.

Непропорціональность въ обработкѣ частностей.

Такая же неравномѣрность, какъ въ планировкѣ большихъ отдѣловъ, не разъ видна и въ предѣлахъ каждаго изъ нихъ въ частности. Есть извѣстныя категоріи вопросовъ, къ которымъ авторъ возвращается съ особой любовью, излагая ихъ обширно и детально, въ то время какъ отъ другихъ, неразъ болѣе важныхъ вопросовъ онъ временами отдѣлывается только краткимъ упоминаніемъ. Къ числу этихъ въ широкихъ размѣрахъ изложенныхъ вопросовъ принадлежатъ особенно (впрочемъ, не они одни только) явленія изъ области исторіи торговли въ Польшѣ; часто здѣсь можно встрѣтить цѣнныя замѣчанія и интересныя свѣдѣнія. Тѣмъ не менѣе, благодаря этому, колеблется равномѣрность обработки, особенно потому, что эти явленія изъ исторіи польскаго общественнаго хозяйства приняты здѣсь во вниманіе не исключительно въ качествѣ моментовъ, выясняющихъ характеръ и измѣненія явленій общественнаго и государственнаго строя, но иногда независимо отъ нихъ, сами по себѣ (ср., напримѣръ, стр. 36—37, 81, 137—138, 139). Кое-гдѣ можно замѣтить несоразмѣрность другого рода. Такъ, на стр. 185—187 авторъ излагаетъ не только то, въ чемъ законодательство второй половины XVIII вѣка измѣнило положеніе „хлоповъ“, но представляетъ особо, какихъ реформъ въ этомъ отношеніи требовала политическая литература того времени, и какія реформы въ этомъ направленіи былъ намѣренъ провести проектъ Замойскаго (во 2-мъ изданіи сокращено). Свѣдѣнія эти сами по себѣ цѣнны; но почему же авторъ не упоминаетъ о богатыхъ, часто очень удачныхъ проектахъ реформы другихъ общественныхъ и государственныхъ учрежденій, при томъ не только у болѣе старыхъ „статистовъ“ (политическихъ писателей), начиная съ Остророга и Моджевскаго, но даже въ той же самой политической литературѣ второй половины XVIII вѣка? Этому помѣшали и небольшіе размѣры

книжки и принципіальное воззрѣніе о томъ, что исторія строя должна считаться прежде всего съ дѣйствительно совершившимися, а не проектированными лишь реформами общественно-государственныхъ учрежденій; но я не могу видѣть послѣдовательности въ томъ, если принятый принципъ нарушается, безъ существенной, дѣйствительной причины, примѣнительно лишь къ одному изъ обслѣдуемыхъ явленій. И снова неравномѣрность другого рода. Авторъ большей частью ограничивается передачей матеріала, освѣдомляющаго объ отдѣльныхъ явленіяхъ строя, какъ они выяснены наукой, или какъ онъ самъ понимаетъ ихъ, не входя при этомъ ни въ обоснованіе своихъ утвержденій, ни въ опроверженіе воззрѣній своихъ предшественниковъ. И справедливо: небольшіе размѣры книжки не даютъ возможности для такихъ обосновывающихъ разсужденій. Однако кое-гдѣ авторъ ведетъ полемику съ чужими воззрѣніями, иногда даже въ широкихъ размѣрахъ (напримѣръ, стр. 71, 75 и др.). Почему только въ этихъ, а и не въ другихъ случаяхъ? Вѣдь, авторъ часто даже въ самыхъ важныхъ вопросахъ, по которымъ доселѣ идутъ между учеными принципіальные споры (напримѣръ, въ вопросѣ о первоначальныхъ общественныхъ и государственныхъ учрежденіяхъ Польши), ни однимъ словомъ не поясняетъ, почему онъ принимаетъ то, а не другое воззрѣніе; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ отвергаетъ мнѣніе всѣхъ предшественниковъ и самъ выставляетъ новую, часто кореннымъ образомъ отличную отъ прежнихъ гипотезу, не выясняетъ причинъ, по которымъ онъ считаетъ ошибочными прежнія воззрѣнія. Слѣдовательно, и здѣсь равномѣрность и послѣдовательность требовали: либо увеличенія объема книжки и обоснованія всѣхъ, по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ новыхъ воззрѣній, либо исключенія изъ нея всякой вообще полемики, что̀, можетъ быть, всего больше подходитъ для краткаго руководства.

Неравномѣрное трактованіе земель, соединенныхъ съ Польшей

Къ числу неравномѣрностей книжки я причисляю, наконецъ, почти исключительное вниманіе къ учрежденіямъ коренной Польши въ противоположность учрежденіямъ другихъ земель, болѣе или менѣе слабо соединенныхъ съ ней. Строго говоря, это — скорѣе исторія строя Короны, чѣмъ всей прежней Польской Речи Посполитой. Изъ вопросовъ, касающихся другихъ земель, только одинъ,

самъ собой выступающій на первое мѣсто, разсмотрѣнъ авторомъ подробнѣе и, вообще говоря, по размѣрамъ книжки, достаточно—это вопросъ о правовомъ и политическомъ отношеніи ихъ къ Коронѣ (инкорпораціи, уніи, соединеніе сейма съ 1569 г., соединеніе верховной администраціи съ 1773 г., т. п.); остальные вопросы, касающіеся внутреннихъ учрежденій этихъ земель, Литвы, Руси, Пруссіи, правда, затрогиваются время отъ времени, но часто слишкомъ обще, такъ что иногда упоминается о менѣе важныхъ вещахъ, при полномъ забвеніи болѣе важнаго. Я хорошо понимаю, что сжатое руководство не можетъ детально разсматривать всѣхъ партикулярныхъ учрежденій, равно какъ и то, что главное вниманіе слѣдовало обратить на коренныя польскія учрежденія, какъ зародышевыя въ цѣлой организаціи Речи Посполитой и дѣйствующія преобразовательно на учрежденія названныхъ земель. Правда, тѣ нѣсколько словъ о литовскихъ боярахъ и великокняжескомъ совѣтѣ, которыя были у автора въ первомъ изданіи книжки, теперь значительно расширены; но снова нѣтъ у него ни одного слова ни объ особенностяхъ организаціи сословія „хлоповъ"—крестьянъ, ни о фундаментальной привиллегіи Владислава Варненчика для лицъ восточнаго вѣроисповѣданія, несмотря на то, что авторъ въ трехъ послѣднихъ періодахъ посвящаетъ особые отдѣлы разсмотрѣнію правового положенія иновѣрцевъ и излагаетъ различныя позднѣйшія конституціи, касающіяся православныхъ [1]). Наконецъ, иногда авторъ, обративъ вниманіе на эти отношенія, ограничивается общей фразой, изъ которой средній читатель ничего не узнаетъ, напримѣръ, на стр. 147:

[1]) Отсюда и въ Библіографіи (обозрѣніи литературы), въ концѣ книжки, не приняты во вниманіе русскіе труды, касающіеся исключительно Литвы, даже капитальные, напримѣръ, Любавскаго и Максимейки о литовскихъ сеймахъ и т. п. Можно кое-гдѣ указать пропуски даже относительно польской литературы. Авторъ дѣлаетъ оговорку, что онъ приводитъ здѣсь только важнѣйшіе, главнымъ образомъ, новые труды—и это справедливо; но если, напримѣръ, онъ упоминаетъ работу Шуйскаго: «Jeszcze o elekcyi w epoce Jagiełłonów», то не слѣдовало опускать опубликованной непосредственно передъ ней работы Стадницкаго объ «элекціонности» престола при Ягеллонахъ, гдѣ этотъ вопросъ впервые былъ поставленъ на настоящую, научную точку зрѣнія, при чемъ трудъ Шуйскаго является только дополненіемъ ея.

„Государство состоитъ изъ двухъ равноправныхъ... частей: Польши... и Литвы... но нѣкоторыя составныя части Польши имѣютъ извѣстныя правовыя особенности, главнымъ образомъ—Пруссія, несмотря на принятіе ею въ 1598 г. польскаго права (судебнаго), по крайней мѣрѣ, отчасти (такъ называемая „прусская корректура“).

Неточныя или ошибочныя (невѣрныя) характеристики.

Однимъ изъ серьезныхъ и замѣтныхъ недостатковъ книжки оказывается или отсутствіе или недостаточная точность правовой характеристики отдѣльныхъ учрежденій старой польской государственной и общественной жизни. Я уже разсмотрѣлъ, въ видѣ примѣра, цѣлый рядъ относящихся сюда случаевъ. Здѣсь я въ общихъ чертахъ укажу: прежде всего, полное отсутствіе характеристики въ такихъ случаяхъ, гдѣ нужда въ ней сказывалась сама собой. Во-вторыхъ, такія характеристики, гдѣ онѣ и имѣются, все же не вездѣ отличаются исчерпывающимъ характеромъ и точностью, неразъ опускаютъ существенные, важные признаки даннаго правового отношенія. Въ-третьихъ: неоднократно эти характеристики прямо ошибочны либо въ деталяхъ, либо въ цѣломъ. Какъ особенность труда, отмѣчу еще многочисленныя характеристики и конструкціи съ присоединенными къ нимъ оговорками и ограниченіями, которыя либо затемняютъ подлинное содержаніе опредѣленія, либо даже уничтожаютъ его, ведя такимъ образомъ къ туманности и неясности воззрѣній. Это послѣднее всего чаще случается именно тогда, когда авторъ, отвергая принятое въ наукѣ и хорошо обоснованное воззрѣніе, старается противопоставить ему свое собственное, отличное или противоположное воззрѣніе: отсюда возникаетъ новая конструкція, которая, однако, должна считаться съ извѣстными фактами, говорящими противъ нея, но сформулированными авторомъ въ формѣ побочныхъ оговорокъ. Если всмотрѣться въ дѣло внимательно, то обычно окажется, что такія оговорки не соединимы съ главной конструкціей и, собственно, уничтожаютъ ее. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ, какъ и въ упомянутыхъ уже выше, неточность правовыхъ конструкцій иногда мститъ за себя автору: его выводы, въ разныхъ мѣстахъ книжки, касающіеся тѣхъ же самыхъ или родственныхъ вопросовъ, оказываются въ противорѣчіи другъ другу.

Поспѣшное рѣшеніе неясныхъ вопросовъ.

Я коснулся того, что̀ тѣсно соединено съ другой характерной особенностью работы, съ далеко идущимъ стремленіемъ автора къ разрѣшенію всѣхъ сомнѣній, которыя еще имѣются въ наукѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ отличному во многихъ случаяхъ объясненію отношеній сравнительно съ результатами уже существующихъ изслѣдованій. Научное „non liquet" почти не существуетъ для автора; почти на всѣ безъ исключенія затронутые вопросы, даже на самые запутанные, мы находимъ у него готовый отвѣтъ, если не въ формѣ рѣшительнаго утвержденія, то, по крайней мѣрѣ, высказанной съ большой (само) увѣренностью гипотезы: напомню, особенно, о затронутыхъ выше многочисленныхъ вопросахъ изъ области первобытныхъ отношеній, неразъясненныхъ ни источниками, ни даже аналогіей, которые авторъ не только схватываетъ въ строгую, яко бы, конструкцію, но даже еще и въ ея границахъ отличаетъ различныя точно ограниченныя стадіи эволюціи. При всемъ томъ я нашелъ въ книгѣ большое богатство новыхъ воззрѣній не только по второстепеннымъ—правда, доселѣ не разрѣшеннымъ, однако, въ виду данныхъ источниковъ, разъяснимымъ—вопросамъ, но часто и по основнымъ, самымъ важнымъ вопросамъ, многократно уже разсматривавшимся предшественниками, по которымъ авторъ часто выступаетъ, какъ я уже упоминалъ, съ совершенно отличными, прямо противоположными воззрѣніями. Конечно, мнѣ не нужно оговариваться, что я за каждымъ изслѣдователемъ признаю полное право высказывать новые научные взгляды и искренне радуюсь, если такіе взгляды появляются, лишь бы только они были обоснованы. Но предшествующій разборъ и обнаружилъ, собственно, цѣлый рядъ случаевъ, гдѣ эти взгляды не могутъ удержаться. Отрицательный результатъ былъ слѣдствіемъ цѣлаго ряда различныхъ причинъ: это—отчасти уже ранѣе отмѣченная неточность и общность конструкцій автора, иногда—анахронистическіе критеріи или неудачно примѣненныя аналогіи, кое-гдѣ—неточное пользованіе самими текстами источниковъ и возникающая на этой почвѣ ошибочная ихъ интерпретація, увлеченіе „послѣдними словами" западно-европейской науки, наконецъ,—самое обычное явленіе—недостаточно всестороннее вниманіе ко всѣмъ явленіямъ и фактамъ, подлежавшимъ разсмотрѣнію для осно-

вательнаго опредѣленія и характеристики даннаго отношенія. Моментъ, о которомъ я уже упомянулъ въ началѣ этихъ общихъ замѣчаній,—извѣстная поспѣшность работы, вмѣстѣ со склонностью къ новаторству, не могли пройти безъ того, чтобы не оставить извѣстнаго слѣда на обсуждаемой книгѣ.

Исторіософическіе взгляды автора.

Отмѣченныя здѣсь отрицательныя стороны нигдѣ, можетъ быть, не выступаютъ столь рѣзко, какъ въ тѣхъ отдѣлахъ работы, гдѣ авторъ развиваетъ общія исторіософическія воззрѣнія либо на совокупность польскихъ общественно-государственныхъ учрежденій, либо на извѣстные, болѣе значительные комплексы отношеній строя Польши. Я уже высказался въ особомъ отдѣлѣ о недостаткахъ нѣкоторыхъ критеріевъ, которые самъ авторъ выставилъ для періодизаціи исторіи строя Польши. Чтò касается другихъ мѣстъ съ такимъ содержаніемъ (напримѣръ, стр. 55—57, 66—69, 131—132 и т. п.), то я, прежде всего, отмѣчу, что въ нихъ слишкомъ много реторическаго матеріала. При томъ и аргументація во многихъ случаяхъ неубѣдительна; иногда мы даже должны задать себѣ вопросъ, съ какой, собственно, цѣлью была она развита. Напримѣръ: авторъ утверждаетъ, что различныя западныя учрежденія, въ теченіе среднихъ вѣковъ „привитыя Польшѣ, обнаруживаютъ значительную жизненность, превосходно прививаются“ (стр. 56). Тотчасъ же послѣ этого авторъ задаетъ вопросъ: „Ужели этотъ прогрессъ не былъ черезчуръ быстрымъ?“ и приходитъ къ заключенію, что эти учрежденія, „хотя въ первое время... дѣйствуютъ отлично“, однако „потомъ не развиваются, какъ слѣдовало бы“ (стр. 57). Отсюда новый вопросъ: „были ли дѣйствительно желательны эти прыжки впередъ, эти рецепціи чужихъ порядковъ, сразу столь благотворныя, дающія даже блестящіе результаты? Не лучше ли было постепенное, но непрерывное развитіе собственныхъ туземныхъ элементовъ, хотя полякамъ при этомъ и пришлось бы, можетъ быть, остаться далеко позади Европы?“ Позволю себѣ замѣтить, что этотъ послѣдній вопросъ не стоитъ въ послѣдовательной связи съ предшествующей аргументаціей, ибо само нарушеніе и искривленіе позднѣйшаго развитія данныхъ учрежденій вовсе необязательно должно было оказаться послѣдствіемъ того, что они были приняты въ готовомъ видѣ, по западнымъ

образцамъ; причины этого могли лежать и дѣйствительно лежали въ другомъ: принципіально эти причины одинаково могли воздѣйствовать и на такія учрежденія, которыя возникли „путемъ непрерывнаго развитія собственныхъ, туземныхъ элементовъ“. Однако, относясь къ дѣлу такъ, какъ схватилъ его авторъ, мы ожидаемъ, по крайней мѣрѣ, отвѣта на поставленные имъ вопросы. Между тѣмъ насъ ждетъ разочарованіе. „Трудно отвѣтить на эти вопросы, ибо мы не знаемъ, какъ развивались бы эти туземные польскіе элементы“. Но если трудно отвѣтить, то зачѣмъ же было ставить вопросъ? Онъ былъ тѣмъ менѣе обоснованъ—по крайней мѣрѣ, въ свѣтѣ выводовъ автора,—что эта рецепція чужихъ учрежденій отчасти была исторической необходимостью. „Поляки сразу вступили въ кругъ цивилизаціи Западной Европы. Въ этомъ сказалась сила факта,—это превыше всякихъ теорій... Польша не имѣла китайской стѣны или глубокихъ морей, которыя отрѣзали бы ее отъ міра, охранили бы отъ него, сдѣлали бы возможной совершенно изолированную жизнь, выработку всего извнутри себя и постепенное образованіе формъ жизни... А если поляки принуждены были жить жизнью этой Европы, то должны были и стараться догнать ее, сравняться съ ней. Можетъ быть, это было дурно, можетъ быть, поляки догоняли Европу слишкомъ быстро; но таковы были условія“. Но если таковы были условія, то зачѣмъ ставить вопросъ о томъ, не могло ли быть иначе? Такимъ образомъ, читатель, который могъ сильно заинтересоваться цѣлымъ рядомъ поставленныхъ авторомъ вопросовъ, надѣясь найти у него исторіософическое разрѣшеніе ихъ, закончитъ чтеніе длиннаго мѣста (стр. 55—57) съ полнымъ разочарованіемъ, не узнавъ ничего сверхъ того, что̀ было уже извѣстно до постановки вопросовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаемъ и другого рода неточности въ формулировкѣ вопросовъ и такія же недоговоренности въ ихъ исторіософическомъ разрѣшаніи. „Періодъ абсолютизма (съ XVI в.) не былъ необходимъ для развитія Польши, ибо не одинъ только онъ могъ подвинуть ее впередъ. Польша могла и инымъ путемъ, именно развивая далѣе права общества, получить тѣ же результаты, которыхъ другія государства добились въ періодъ абсолютизма“ (стр. 68). Почему Польша могла получить ихъ инымъ путемъ и какимъ именно (въ какомъ

направленіи) развитіемъ правъ общества,—все это не разъяснено ни однимъ словомъ. Конечно, мало убѣдительной для читателя силы заключается и въ такомъ общемъ мѣстѣ: „Это развитіе было одностороннимъ, шло въ пользу одного сословія, шляхетскаго—вмѣсто абсолютизма у поляковъ нарождается всевластіе шляхты. Особенно вреднымъ оказалось не столько направленіе этого развитія, бывшее результатомъ самихъ условій развитія, сколько чрезмѣрная длительность этого періода" (стр. 131—132). Я замѣчу: если это направленіе было результатомъ условій развитія, то нельзя удивляться и чрезмѣрной длительности этого періода; при этомъ конечный результатъ, всевластіе шляхты и соединенное съ нимъ паденіе Польши, вытекаютъ, какъ историческая необходимость, изъ этихъ данныхъ (a priori) условій и направленій развитія. Между тѣмъ этотъ фаталистическій взглядъ не отмѣченъ ясно въ книжкѣ; я даже допускаю, что авторъ не имѣлъ въ виду самого результата, къ которому ведутъ выставленныя имъ предпосылки; однако фатализмъ неразъ проявляется въ его исторіософическихъ выводахъ, напримѣръ: „Можетъ быть, это было дурно (рецепція западно-европейскихъ учрежденій)... но таковы были условія; не могло быть иначе" (буквально, стр. 57). Въ 1 изд. было гораздо больше такихъ мѣстъ; теперь (въ 2 изд.) авторъ большей частью выбросилъ ихъ. Такія аподиктическія выраженія, часто обосновываемыя только общими фразами, въ родѣ „условій", „отношеній", „направленій развитія", не считающіяся съ тѣмъ, что подобныя условія и отношенія бывали и въ другихъ мѣстахъ, но вызвали здѣсь иныя явленія развитія,—ничего не объясняютъ и никого не убѣждаютъ; можно очень легко устранить ихъ изъ книжки, безъ всякаго вреда для нея.

Заключеніе.

Этимъ я заканчиваю обзоръ важнѣйшихъ общихъ замѣчаній, вызываемыхъ чтеніемъ книжки др. Кутшебы. Не желая быть понятымъ въ дурномъ смыслѣ, я здѣсь же оговариваюсь, что, несмотря на слишкомъ длинный списокъ критическихъ замѣчаній, высказанныхъ здѣсь мною, я все-таки признаю достоинства—часто очень большія—обсуждаемой мной работы. Я, по существу дѣла, долженъ былъ обратить главное вниманіе на то, что̀ казалось мнѣ ошибочнымъ въ книгѣ; да будетъ мнѣ позволено здѣсь еще разъ повторить, что многіе изъ отмѣченныхъ недостатковъ оправдываются тѣми

трудностями, съ которыми долженъ былъ бороться трудъ такого рода. Вмѣстѣ съ тѣмъ я хотѣлъ бы, хотя коротко, указать и на хорошія стороны книжки. Прежде всего—о размѣщеніи матеріала; опуская то, что̀ я уже призналъ неравномѣрностью, я вообще считаю это размѣщеніе яснымъ и правильнымъ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ я утверждаю, переходя къ самому содержанію книжки, что мы дошли съ авторомъ до тѣхъ же самыхъ результатовъ, въ цѣломъ или въ бо̀льшей части (ср. W/96), въ оцѣнкѣ и воззрѣніяхъ по цѣлому ряду вопросовъ, до сихъ поръ либо не разъясненныхъ въ наукѣ, либо оцѣниваемыхъ различно, иногда самой большой важности; для примѣра укажу: принципіальные критеріи періодизаціи исторіи строя Польши, самоё (съ указанными уже различіями) характеристику, хронологическія границы, номенклатуру періодовъ, взглядъ на формированье общественныхъ отношеній въ старую эпоху польской исторіи, воззрѣніе на генезисъ польской шляхты, опредѣленіе правового отношенія Польши къ Литвѣ (отчасти), выясненіе генезиса „элекціонности“ престола въ Польшѣ и т. п., не касаясь уже другихъ, второстепенныхъ пунктовъ. Здѣсь не мѣсто судить о томъ, насколько удачны эти воззрѣнія; съ моей точки зрѣнія, появленіе ихъ въ обсуждаемой книжкѣ слѣдуетъ признать ея достоинствомъ. Помимо этихъ взглядовъ, имѣется еще цѣлый рядъ,—настоящее богатство, какъ я уже сказалъ—другихъ, новыхъ наблюденій и утвержденій, съ которыми авторъ выступаетъ здѣсь впервые. Относительно этой группы авторъ совершенно справедливо замѣчаетъ въ предисловіи (къ 1-му изд.), что это—исключительная его литературная собственность. Нѣкоторые изъ этихъ взглядовъ, какъ обнаружилъ предшествующій разборъ, или не могутъ быть оправданы источниками или ошибочны; но даже исключивъ то, что̀ необосновано, все-таки придется зарегистрировать извѣстный запасъ новыхъ наблюденій, о которыхъ либо уже теперь можно сказать, что они удачны, либо можно допустить, что они могутъ быть доказаны детальными доводами и потому

---

[1]) О томъ, насколько я въ своихъ W/96 согласенъ съ авторомъ иногда въ планѣ, иногда въ идейномъ и реальномъ соединеніи фактовъ и явленій строя, можно убѣдиться на основаніи литографированныхъ W/96, а теперь—и печатнаго ихъ сокращенія въ «Biuletyn» Академіи за 1905 г. (и отдѣльно).

двинуть далѣе нашу науку. Вотъ первая дѣйствительная заслуга настоящей книжки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и характерная черта работы автора: творчество, которое, правда, часто увлекало его слишкомъ далеко, но все-таки въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ принесло пользу наукѣ. Другое достоинство— это сказывающееся во всей работѣ многостороннее знаніе источниковъ, широкая начитанность въ памятникахъ стараго польскаго права. Авторъ еще иногда не замѣтитъ того или другого извѣстія, иногда не приметъ во вниманіе всего, что̀ можетъ помочь разъясненію вопроса; случается также, что онъ либо не разсмотритъ всесторонне источника, либо ошибочно объяснитъ его содержаніе; несмотря на все это, книжка почти на каждомъ шагу свидѣтельствуетъ о томъ, что ее писалъ авторъ, свободно обращающійся съ богатымъ матеріаломъ источниковъ, неразъ счастливо распоряжающійся имъ. Широкій фундаментъ изученія источниковъ, проявленная въ разныхъ направленіяхъ самостоятельность воззрѣній—поскольку они удачны—выгодно отличаютъ эту книжку отъ нѣкоторыхъ другихъ опытовъ, которые преимущественно ограничились—не только въ цѣломъ рядѣ частностей, хотя бы и важнѣйшихъ, но и вообще— легкимъ, къ несчастью не всегда удачнымъ и невсегда хорошо дополненнымъ сокращеніемъ чужого готоваго (къ тому же не названнаго) труда. Все отмѣченное здѣсь мною, какъ достоинство книжки, соотвѣтствуетъ, наконецъ, тому сужденію, которое вызвали уже и прежнія работы автора. Онъ обогатилъ нашу литературу цѣлымъ рядомъ серьезныхъ монографическихъ работъ, свидѣтельствующихъ о добросовѣстной подготовкѣ и основательномъ изученіи источниковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ богатыхъ и новыми результатами. Число этихъ работъ столь велико, что, въ виду сравнительно короткой еще научной дѣятельности автора, можно почти изумляться тому, что у него нашлось еще время взяться за эту послѣднюю, по размѣрамъ, правда, не очень большую, но по содержанію широко задуманную работу. Обстоятельность настоящаго разбора пусть свидѣтельствуетъ о томъ, въ какой степени я цѣню и всю прежнюю дѣятельность автора и не менѣе—то, что̀ заслуживаетъ признанія въ этой послѣдней его книжкѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

двинуть далѣе нашу науку. Вотъ первая дѣйствительная заслуга настоящей книжки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и характерная черта работы автора: творчество, которое, правда, часто увлекало его слишкомъ далеко, но все-таки въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ принесло пользу наукѣ. Другое достоинство—это сказывающееся во всей работѣ многостороннее знаніе источниковъ, широкая начитанность въ памятникахъ стараго польскаго права. Авторъ еще иногда не замѣтитъ того или другого извѣстія, иногда не приметъ во вниманіе всего, что̀ можетъ помочь разъясненію вопроса; случается также, что онъ либо не разсмотритъ всесторонне источника, либо ошибочно объяснитъ его содержаніе; несмотря на все это, книжка почти на каждомъ шагу свидѣтельствуетъ о томъ, что ее писалъ авторъ, свободно обращающійся съ богатымъ матеріаломъ источниковъ, неразъ счастливо распоряжающійся имъ. Широкій фундаментъ изученія источниковъ, проявленная въ разныхъ направленіяхъ самостоятельность воззрѣній - поскольку они удачны—выгодно отличаютъ эту книжку отъ нѣкоторыхъ другихъ опытовъ, которые преимущественно ограничились—не только въ цѣломъ рядѣ частностей, хотя бы и важнѣйшихъ, но и вообще—легкимъ, къ несчастью не всегда удачнымъ и невсегда хорошо дополненнымъ сокращеніемъ чужого готоваго (къ тому же не указаннаго) труда. Все отмѣченное здѣсь мною, какъ достоинство книжки, соотвѣтствуетъ, наконецъ, тому сужденію, которое вызвали уже и прежнія работы автора. Онъ обогатилъ нашу литературу цѣлымъ рядомъ серьезныхъ монографическихъ работъ, свидѣтельствующихъ о добросовѣстной подготовкѣ и основательномъ изученіи источниковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ богатыхъ и новыми результатами. Число этихъ работъ столь велико, что, въ виду сравнительно короткой еще научной дѣятельности автора, можно почти изумляться тому, что у него нашлось еще время взяться за эту послѣднюю, по размѣрамъ, правда, не очень большую, но по содержанію широко задуманную работу. Обстоятельность настоящаго разбора пусть свидѣтельствуетъ о томъ, въ какой степени я цѣню и р[illegible] дѣятельность автора и не менѣе—то, что [illegible] признаю въ этой послѣдней его книжк[illegible]

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТІЙ ОТДѢЛЪ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ОТДѢЛЪ.

ПЯТЫЙ ОТДѢЛЪ.

ШЕСТОЙ ОТДѢЛЪ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

	Напечатано:	*Слѣдуетъ читать:*
стр.	5 строка 25: привиллегій	привилегій
»	8 » 29: вѣротно	вѣроятно
»	12 » 6: теперь	тогда
»	35 » 8: позднѣе	ранѣе
»	199 » 4 (примѣч. 1): rivatrechts	Privatrechts
»	201 » 9: подтверждeніе	утвержденіе
»	231 (на полѣ): Rzady	Rządy

